

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout, streets, and the Neva River. The map is in a light beige color with blue lines for water and buildings. The text is overlaid on the map.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

12

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 12

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 12

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022

Рецензенты:

А.В. Поляков (директор ИИМК РАН)
И.Л. Тихонов (Институт истории СПбГУ)

Ответственный редактор: Н.Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель: С.Л. Соловьев
Корректор: А.О. Поликарпова

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук:
(охранная археология). [№] 12 / науч. ред. Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2022. – 233 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 12 / ed. by N.F. Solovyova, S.L. Solovyev;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House LLC «Nevsky Printing House», 2022. – 233 pp. : ill.

ISBN 978-5-907298-38-5

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Двенадцатый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Центром спасательной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2017–2022 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The twelfth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2017–2022 by the Center for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-907298-38-5

**УДК 902/904
ББК 63.4**

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

**Первые картографические свидетельства о священных рощах Ингерманландии
по шведским картам XVII в.9**
В.Г. Мизин

**Новые материалы к археологической карте Ленинградской области
(по результатам полевых работ 2021 г.)15**
С.А. Семенов, Ст.А. Васильев, Н.В. Григорьева, М.С. Павлова

Полевые работы Национального музея РК в Карелии в 2017 и 2019 гг.129
М.М. Шахнович

Археологические исследования в регионах России

Археологические разведки античного городища Акра в 2022 г.135
П.А. Горбунов, В.В. Вахонеев, С.Л. Соловьев, А.В. Кузнецов

Археологические разведки акватории Генуэзской гавани в Керчи в 2022 г.140
С.Л. Соловьев, В.В. Вахонеев, П.А. Горбунов

**Разведки в Севастополе в зоне организации движения
пригородного поезда в 2022 г.154**
С.Л. Соловьев, П.А. Украинский

**Краткие результаты археологических раскопок в Южном пригороде
Херсонеса Таврического в 2022 г.161**
Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев, В.Л. Мыц

Памятник раннего неолита Зехново II170
В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова

Междисциплинарные исследования

Кожаные материалы из шурфов 2020 г. у Дома Советов в Калининграде179
Н.А. Боковенко, А.В. Курбатов

Кожаные предметы из раскопок 2020 г. в Ивангородской крепости190
Н.А. Боковенко, А.В. Курбатов

**Обзор коллекции монет из раскопок в Санкт-Петербурге
на ул. Яблочкова в 2021 г.211**
К.В. Горлов, К.С. Роплекар

**Склад древностей в структуре РАИМК/ГАИМК.
Перспективы исследований228**
К.В. Конончук, Д.С. Филимонов

Список сокращений	232
Список авторов	233

CONTENTS

Archaeological Investigations in St. Petersburg and in Northwestern Russia

The first cartographic evidence of the sacred groves of Ingermanland according to Swedish maps of the XVII century	9
<i>V.G. Mizin</i>	

New materials for the archaeological map of the Leningrad region (based on the results of field work in 2021)	15
<i>S.A. Semenov, St.A. Vasil'yev, N.V. Grigorieva, M.S. Pavlova</i>	

Field work of the National Museum of the Republic of Karelia in Karelia in 2017 and 2019	129
<i>M.M. Shakhnovich</i>	

Archaeological Investigations in Russian Regions

Archaeological exploration of the ancient city of Acre in 2022	135
<i>P. A. Gorbunov, V. V. Vakhoneev, S. L. Solovyev, A. V. Kusnetsov</i>	

Archaeological exploration of the water area of the Genoese harbor in Kerch in 2022	140
<i>S.L. Solovyev, V.V. Vakhoneev, P.A. Gorbunov</i>	

Research in Sevastopol in the area of commuter train traffic organization in 2022	154
<i>S.L. Solovyev, P.A. Ukrainskiy</i>	

Brief results of archaeological excavations in the Southern Suburbs of Tauric Chersonese in 2022	161
<i>N.F. Solovyova, S.L. Solovyev, V.L. Myts</i>	

Monument of the Early Neolithic Zechново II	170
<i>V.Y. Shumkin, T.B. Krylova</i>	

Interdisciplinary Studies

Leather materials from pits 2020 at the House of Soviets in Kaliningrad	179
<i>N.A. Bokovenko, A. V. Kurbatov</i>	

Leather objects from the 2020 excavations in the Ivangorod Fortress	190
<i>N.A. Bokovenko, A. V. Kurbatov</i>	

Overview of the coin collection from the excavations in St. Petersburg on Yablochkova St. in 2021	211
<i>K. V. Gorlov, K. S. Roplekar</i>	

The warehouse of antiquities in the structure of RAHMC/GAHMC. Research prospects	228
<i>K. V. Kononchuk, D. S. Filimonov</i>	

List of Abbreviations232
List of Authors233

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России

Первые картографические свидетельства о священных рощах Ингерманландии по шведским картам XVII в.

В.Г. Мизин¹

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-9-14

Проблема исторических источников и шведские карты Ингерманландии

Серьезной проблемой в исследовании древних почитаемых мест на территории Ленинградской области является небольшое количество исторических письменных свидетельств и упоминаний. Большая часть сведений о священных рощах известна из письменных источников XVIII в. и более поздних этнографических опросов (Мизин, 2020а. С. 209–213; Хаавио, 2013. С. 89–95). Наиболее ранним письменным свидетельством о почитаемом природном объекте можно назвать житие Арсения Коневского (XIV в.), в котором упоминаются Конь-камень на о. Коневец и связанная с ним легенда об изгнании этим святым чертей из камня. Грамоты новгородских архиепископов Макария 1534 г. и Феодосия 1548 г., направленные на искоренение язычества в Водской пятине, упоминают почитаемые рощи, камни, реки, горы и т.д., но при этом не несут никакой уточняющей информации о расположении самих данных объектов. На настоящий момент этим исчерпывается список средневековых письменных исторических свидетельств о природных почитаемых местах на территории современной Ленинградской области.

На этом фоне интерес представляют подробные шведские карты Ингерманландии. После того как по условиям Столбовского договора 1617 г. западная и центральная части современной Ленинградской области перешли Швеции, шведские картографы составили первые подробные карты этой местности. Шведские карты Ингерманландии давно стали информативным историческим источником в плане изучения ландшафта, топонимики, политической и экономической ситуации в XVII в. На данных картах достаточно детально фиксировались объекты на местности и их характеристики. Например,

помимо дорог и деревень, отмечались леса (с породами деревьев), болота, часовни, кабаки, места ярмарок, заброшенные хутора и деревни, характеризовались земли сельскохозяйственного назначения (пахотные, общинные, непригодные и т.д.), межевые камни и приметные природные объекты (рощи, камни, возвышенности).

В работах современных исследователей, помимо всего вышперечисленного, кратко упоминалось, что шведские картографы также фиксировали и природные почитаемые места. Например, в работе С.Б. Горбатенко можно встретить следующее упоминание: «Исключительно подробно изображены населенные пункты, приходские центры с кирхами и пасторатами... в ряде случаев даже места языческих религиозных обрядов» (Горбатенко, 2005. С. 212). Шведская исследовательница У. Эренсверд также упоминает любопытное свидетельство: «.. на карте погоста Дудергоф можно прочесть, что на таком-то месте строить нельзя, поскольку там живет “старый бог”...» (Эренсверд, 1998. С. 18–25). Последнее сообщение можно трактовать по-разному: возможно, речь идет о каком-то древнем языческом почитаемом месте, табуированном для хозяйственной деятельности, не менее вероятно, что здесь упоминается место разрушенной православной церкви, поскольку существовала традиция не строить дома на месте, где стояла церковь. Но в любом случае можно констатировать, что речь идет об участке потенциально, пригодном для строительства.

Несмотря на то что данные краткие упоминания показывают перспективность поиска древних почитаемых мест на шведских картах XVII в., до последнего времени работа по их идентификации не проводилась. При этом подобное исследование представляет интерес сразу по нескольким причинам: 1) картографические свидетельства XVII в. являются самыми ранними локализованными историческими

¹ Независимый исследователь. E-mail: vyacheslavmizinspb@gmail.com.

упоминаниями о природных почитаемых местах в Ингерманландии; 2) возможность установления и обследования современного состояния выявленных объектов; 3) картографические данные могут быть соотнесены с историческими и этнографическими источниками последующих столетий, их история может быть восстановлена вплоть до настоящего времени, т.е. на протяжении более 300 лет.

Священные рощи вдоль глинта Ижорского плато на шведских дорожных картах 1688 г.

Объектом изучения стали карты из фондов исторического отдела Королевского военного архива (Стокгольм), относящиеся к собранию «Большая Северная война 1699–1721» (Stora Nordiska kriget 1699–1721). Автором, совместно с краеведом Л. Базаровой, была проведена работа по изучению данных карт, в результате чего на двух из них были выявлены упоминания о священных рощах. Архивные данные этих карт: No 3 Charta öfwer Landswägen igenom Kaporie Lähn till Woisaka Hoff, med dess rätta Milstolpar, afmätt Anno 1688. (SE/KrA/0425/09/032 b3), No 5 Charta öfwer landswägen igenom Nötheborgs Lähn till Nyen, med dess rätta Milstolpar, afmätt Anno 1688. (SE/KrA/0425/09/032 b5b). На указанных картах священные рощи отмечены возле современных населенных пунктов Флоревицы, Копорье, Климотино, Войносолово, Воронино.

Флоревицы

На карте No 5 (SE/KrA/0425/09/032 b5b) деревня обозначена как Larevitsa by. Священная роща отмечена значком из трех деревьев, практически примыкающих к ближайшему лесу (skog) и расположенных возле дороги (рис. 1). Роща подписана как helge buskar (дословно: «священный кустарник/заросли»). Обращает на себя внимание то, что слово helge в шведском языке является устаревшим и сейчас в значении «священный» используется helig. Роща находится на противоположной от деревни стороне дороги Ниен–

Рис. 1. Отметка священной рощи у д. Флоревицы на шведской карте 1688 г.

Нарва (которая на данном участке соответствует современной дороге Лопухинка–Копорье), между Флоревицким кабаком (Larevitskrog) и деревней. На более поздней российской карте 1860 г. кабак отмечен на том же месте, недалеко от истока Флоревицкого ручья. Проводя сопоставление с картами XIX–XX вв., можно сделать вывод, что священной рощей у д. Флоревицы является выступ леса, примыкающий к дороге с юга, причем, что интересно, лес в этом месте отмечен на всех просмотренных в ходе исследования картах, т.е. существует как минимум с XVII в. (рис. 2).

Особенностью этого места является то, что отсюда берет начало Флоревицкий ручей. Сведения о каких-либо археологических объектах в этом месте отсутствуют, также не выявлены фольклорные или топонимические свидетельства, которые могли бы указывать на какое-либо значение места для жителей окрестных деревень. Место было обследовано автором в апреле 2021 и в 2022 гг., помимо истока ручья в роще располагается довольно крупная карстовая воронка, внешних признаков соотносимого с древностью человеческого участия на момент посещения выявлено не было, однако есть следы земляных работ неясного назначения. Деревья в роще каких-либо отличий от окружающего леса не имеют и в основном представлены лиственными породами (рис. 3).

Копорье

Поселок Копорье отмечен на карте No 3 (SE/KrA/0425/09/032 b3) как Kaporie. Священная роща указана значком группы из девяти деревьев и подписана как Ryske helge buskar – «Русский священный кустарник» (рис. 4). Располагается роща на поле,

Рис. 2. Место священной рощи у д. Флоревицы на русской карте 1863 г.

Рис. 3. Современный вид рощи у д. Флоревицы, фото 2022 г.

Рис. 4. Отметка священной рощи у п. Копорье / д. Ивановское на шведской карте 1688 г.

южнее Копорья. Расстояние от рощи до крепости примерно в два раза больше, чем от дороги Ниен–Нарва. Соотнесение масштаба и расстояний между объектами на шведской карте с современными картами позволило определить, что отмеченная священная роща соответствует кладбищу у д. Ивановское. Наличие на кладбище каменных крестов позволяет отнести его, как минимум, к Новгородскому времени (XIV–XV вв.).

Место было обследовано автором в апреле 2022 г. Растущие на кладбище деревья представлены лиственными породами, среди которых выделяются несколько старых дубов (рис. 5). Из особенностей места можно отметить провал или карстовую воронку на территории кладбища.

Рис. 5. Современный вид рощи на кладбище у д. Ивановское, фото 2022 г.

Климотино

Деревня Климотино отмечена на карте No 3 (SE/KrA/0425/09/032 b3) как Klementina by. Священная роща отмечена восточнее деревни и подписана как helge <значок рощи> buskar (рис. 6). Значок рощи отличается от соседних обозначений деревьев и может читаться либо как группа из пяти деревьев, либо как группа деревьев на холме (?). Соотнесение с современными картами позволило установить, что место священной рощи соответствует кладбищу у д. Климотино. Наличие на кладбище каменных крестов также позволяет отнести его к Новгородскому времени. Растущие на территории кладбища деревья представлены лиственными породами различного возраста (рис. 7).

Войносолово

Деревня Войносолово отмечена на карте No 3 (SE/KrA/0425/09/032 b3) как Woinasala by. Священная роща указана левее дороги Войносолово–Руддилово, севернее д. Войносолово, и подписана как helge bus <значок рощи> kar (рис. 8). Обозначение рощи представляет собой группу из нескольких,

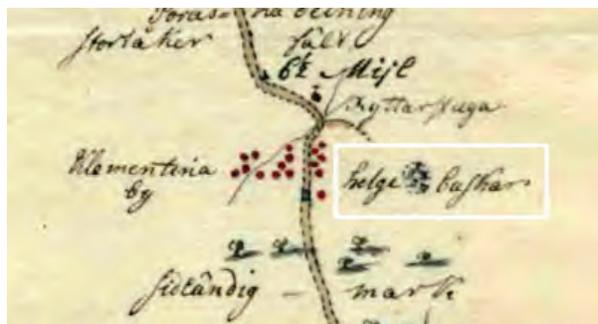

Рис. 6. Отметка священной рощи у д. Климотино на шведской карте 1688 г.

Рис. 7. Современный вид рощи на кладбище у д. Климотино, фото 2020 г.

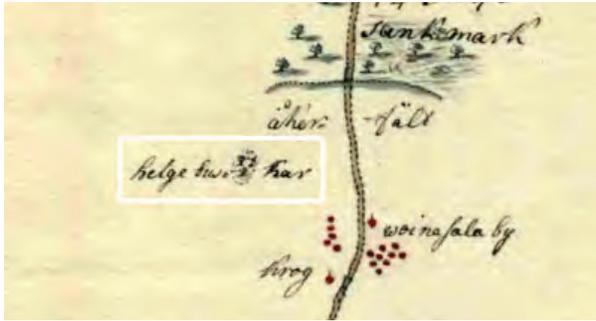

Рис. 8. Отметка священной рощи у д. Войносолово на шведской карте 1688 г.

возможно пяти, деревьев. Представляет интерес, что рисунок помещен в слово buskar. Расположение этой священной рощи совпадает с положением кладбища у д. Войносолово, известным также как могильник Войносолово-2, датируемый XV–XVI вв. (Лапшин, 1990. С. 102). В работе В.Б. Панченко и И.А. Федорова (Панченко, Федоров, 2017. С. 80–88) данное место указывается как «Скопление каменных крестов-3».

Место неоднократно обследовалось автором в 2021 и 2022 гг. Деревья на могильнике представлены лиственными породами, в основном молодого возраста (рис. 9). Из особенностей можно упомянуть вал со рвом, обрамляющий старинную часть кладбища.

Воронино

На карте No 5 (SE/KrA/0425/09/032 b5b) священная роща отмечена западнее шведского имения Cronberg Hof, которое располагалось севернее современной деревни Воронино (Ломоносовский район). Значок рощи изображает несколько кустов, возможно в ограде, и подписан как Ruske Helge buskar (рис. 10). Слово Helge написано с заглавной буквы, а перенос обусловлен желанием автора сократить длину надписи. С учетом выявленного соответствия священных рощ со средневековыми могильниками,

Рис. 9. Современный вид рощи на кладбище у д. Войносолово, фото 2022 г.

Рис. 10. Отметка священной рощи у д. Воронино на шведской карте 1688 г.

данная роща также может быть соотнесена с курганной группой Воронино-2 (Лапшин, 1990. С. 81). Курганы обследовались в 1927 г., до настоящего времени не сохранились.

Соотнесение с историческими свидетельствами

Соответствие четырех из пяти отмеченных священных рощ конца XVII в. известным средневековым могильникам позволяет признать эти рощи поминальными и по-новому оценить ряд исторических свидетельств. За четыре года до составления рассматриваемой карты, в 1684 г. Йоханнес Гезелиус (Младший), суперинтендент Нарвы, призывает лютеранских священников Ингерманландии тщательно следить за тем, чтобы недавно перешедшие из православия в лютеранство (в соответствии с попыткой лютеранизации) ижора и водь не участвовали в православных религиозных обычаях, таких как паломничества к церквям, рощам и каменным кучам (kyrkor, lundar och steen gässior). В приходе Новая Буря местные жители просили шведские власти разрешить им хоронить умерших в прежних местах в «рощах и могильниках» (lunder och Calm) (Öhlander, 1900. С. 134).

Упоминание рощ в одном ряду с церквями может указывать на православный характер этих паломничеств, а с учетом соотнесения рощ с кладбищами, вероятнее всего, речь может идти о традициях поминовения усопших. Церковные правила рекомендуют посещать кладбище в день смерти, день захоронения, на 3-й, 9-й, 40-й дни после смерти, на Радоницу – вторник второй седмицы, следующий за Пасхальным Воскресеньем. Также к перечню разрешенных церковью дней для посещения могил предков относят мясопустную неделю, первую ноябрьскую субботу (Дмитриевскую), канун Троицы (Троицкую субботу), родительские субботы (2-я, 3-я, 4-я субботы Великого поста). Православный контекст подчеркивается наличием

в этих поминальных рощах каменных крестов более раннего, дошведского, времени. Очевидно, что шведские проповедники не могли пройти мимо столь многочисленных паломничеств в священные рощи на могильниках и не упомянуть их.

Обращаясь к более ранним источникам, грамотам новгородских архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.), можно также встретить ряд упоминаний о лесах и коломищах как местах захоронения. Подобные упоминания известны и в соседней Эстонии: «Почти столетие спустя, в 1645 г., во время посещения региона Нигула, в Ляэнемаа, в западной Эстонии, шведское лютеранское духовенство с гневом отмечало, что языческие обряды и языческая магия являются частью повседневной жизни. Другой путешественник Давид Дубберх констатировал, что сельские погребают своих покойников совсем как в языческие времена – в лесах или на окраине полей, а не на освященной земле» (Зубинский, 2016. С. 26). Основной религиозной проблемой во всех этих свидетельствах является то, что традиция захоронения в рощах противоречила христианским установкам хоронить покойных на погостах при церквях, на «освященной» земле. Н. К. Рерих в своих записях 1898 г. также отмечал особое значение деревьев на курганах у д. Черная, современного Волосовского района Ленинградской области: «Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Черная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившегося рубить одну из них, напала “трясучка”» (Рерих, 1904. С. 6).

В ходе полевых исследований в 2008–2018 гг. автором неоднократно фиксировались упоминания о священных рощах на средневековых могильниках, например в пос. Беседа, д. Чирковицы, д. Керстово и т.д. При этом данные упоминания не имели никакого подтверждения в виде актуальных ритуальных практик или топонимов, связанных с этими местами, ввиду чего относились автором к современным представлениям. Однако в свете вышеизложенных сопоставлений вполне допустимо, что рощи на многих могильниках действительно могли быть священными местами для жителей окрестных деревень на протяжении сотен лет и современные упоминания их в таком качестве могут являться последними отголосками их древнего культового значения.

Отдельно заслуживает внимания привязка двух из пяти священных рощ к карстовым провалам.

На данный момент сложно судить о неслучайности такого соседства, однако здесь следует отметить, что ранее автором на Ижорской возвышенности также фиксировалось упоминание об использовании карстового провала в практике прощания с умершими у д. Мануйлово Кингисеппского района (Мизин, 2020б. С. 94–97).

Заключение

Результаты проведенного исследования впервые позволили узнать, как именно воспринимали в конце XVII в. жители Воронино, Флоревиц, Ивановского, Копорья, Климотино и Войносолово располагающиеся вблизи этих населенных пунктов средневековые могильники. Полученные данные можно назвать первыми и самыми ранними географическими указаниями на конкретные почитаемые места в пределах Водской земли. Исходя из рассмотренных исторических свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что культовое значение этих могильников возникло не в XVII в., а, скорее всего, существовало с самого их возникновения, с XIV–XV вв. Ряд вышеприведенных средневековых письменных свидетельств указывает, что традиции хоронить умерших в лесах и рощах, а также паломничеств в эти места, вероятнее всего, уходят корнями в языческое прошлое, т.е. ранее XIII в. на рассматриваемой территории.

Итог данной краткой работы показывает перспективность дальнейшего изучения шведских карт XVII в. на предмет выявления природных почитаемых мест. Это направление позволяет заполнить лакуну исторических свидетельств о подобных местах в период Позднего Средневековья, открыть новые локации для полевых изысканий и дополнить имеющиеся фольклорные и исторические сведения о подобных объектах в западной части современной Ленинградской области. С учетом соотнесения четырех из пяти священных рощ со средневековыми могильниками подобные изыскания представляют интерес в плане возможного выявления новых археологических объектов.

Отдельно стоит упомянуть значки священных рощ на шведских картах. Судя по тому, что во всех пяти случаях значки выглядят по-разному, какого-либо отдельного специального общего знака для таких объектов не существовало. Возможно, картограф мог стараться выразить какие-либо локальные визуальные особенности каждого отдельного объекта. В пользу этого предположения можно привести аналогичные зарисовки межевых камней на о. Котлин, где каждый камень изображался с учетом его особенностей, включая форму и выбитые знаки (Лааксо и др., 2019. С. 31–47). Также

можно подчеркнуть, что шведский период в картографии края был не только самым ранним, но и единственным, когда на географических картах отмечались почитаемые природные места именно в качестве сакральных объектов.

Источники и литература

- Горбатенко С. Б., 2005. Ландшафты Ингерманландии. Местность Санкт-Петербурга и окрестностей на шведских картах XVII в. // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга: материалы российско-шведского семинара. 25–26 октября 2004 г. СПб.
- Зубинский Т., 2016. Мифология эстов. СПб.
- Лааксо В., Мизин В. Г., Мухонен Т., Окладникова Е. А., Руохонен Ю., 2019. Особенности рубежных камней острова Котлин (Ретусаари) в XVII в. По шведским картам Выборгского и Нотебургского ленов // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Восьмые Шегреновские чтения. Воронеж.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1.
- Мизин В. Г., 2020а. Почитаемые деревья и священные рощи Гатчинского района // Альманах Оредеж. СПб. № 17.
- Мизин В. Г., 2020б. Карстовые воронки в фольклоре и суевериях населения Ижорского плато // Альманах Дельфис. М. № 1(101).
- Панченко В. Б., Федоров И. А., 2017. Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода (25–27 января 2017 г.). Великий Новгород. Вып. 31.
- Рерих Н. К., 1914. На кургане. В Водской пятине (СПб. губерния) (1898) // Собрание сочинений. М. Кн. I.
- Хаавио М., 2013. Священные рощи Ингерманландии. СПб.
- Эренсверд У., 1998. Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы. Стокгольм.
- Öhlander C., 1900. Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland. Ett bidrag till svenska kyrkans historia åren 1617–1704. Uppsala.

Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2021 г.)¹

С. А. Семенов², Ст. А. Васильев³, Н. В. Григорьева⁴, М. С. Павлова⁵

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-15-128

В 2021 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН в рамках выполнения государственного контракта проводились работы по инвентаризации 60 объектов археологического наследия в Волосовском и Волховском районах Ленинградской области (рис. 1–7). Задачами исследования являлись поиск и локализация ОАН на местности, актуализация сведений и технического состояния объектов, съемка топографических планов, установление границ памятников с указанием координат поворотных (характерных) точек. Цели работ – подготовка или актуализация учетной документации, подготовка карт обследования и учетных карточек объектов археологии. В ходе основных работ дополнительно были обследованы еще четыре археологических памятника, выявлен ряд углежогных куч и их скопелений.

ВОЛОСОВСКИЙ Р-Н

Гомонтово. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 230 насыпей»)

Первое название ОАН дано в соответствии с «Археологической картой Ленинградской области»,

в скобках название памятников дано в соответствии с Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» (Лапшин, 1990; Решение, 1978). Курганно-жальничный могильник расположен с восточной стороны от административной границы д. Гомонтово, к юго-востоку от перекрестка автодорог А-18 (Е-20) Санкт-Петербург–Кингисепп–Нарва и 41К-014 Гомонтово–Волосово, в смешанном елово-лиственном лесу (рис. 8).

В 1973 г. могильник выявлен Ижорским отрядом Северо-западной археологической экспедицией ЛГУ и ЛОО ВООПИК под руководством Е. А. Рябина. Экспедицией произведено описание памятника, снят глазомерный план, насчитывающий 373 насыпи. В могильнике выделено центральное ядро, состоящее из крупных насыпей диаметром 10–15 м, высотой 1,5–3,0 м, а также небольшие курганы диаметром 3–6 м и высотой 0,5–0,7 м, сосредоточенные на окраинах кладбища. У небольшого числа насыпей прослежена каменная обкладка (Рябинин, 1974. Л. 5–6. Табл. 21; Рябинин, Рябинина, 1974. С. 30). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 230 насыпей» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 34). В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Гомонтово. Курганый могильник», состоящий из 373 насыпей высотой 0,5–3,0 м, диаметром 3–15 м (Лапшин, 1990. С. 89–90, № 664).

В настоящее время часть могильника вдоль западной границы частично утрачена вследствие хозяйственных работ. По северной окраине некрополя проложен газопровод, который отмечен на плане 1973 г, а в более позднее время – новая ЛЭП и кабель, разрушившие часть курганов. По итогам полевых работ 2021 г. в составе памятника зафиксировано 219 визуально выделяемых погребальных комплексов: 217 курганов полу-сферической формы и два жальника.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: s.s.a.g@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: stasilein@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии, м. н. с. E-mail: mak-kon4@yandex.ru.

⁵ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии, м. н. с. E-mail: marler@inbox.ru.

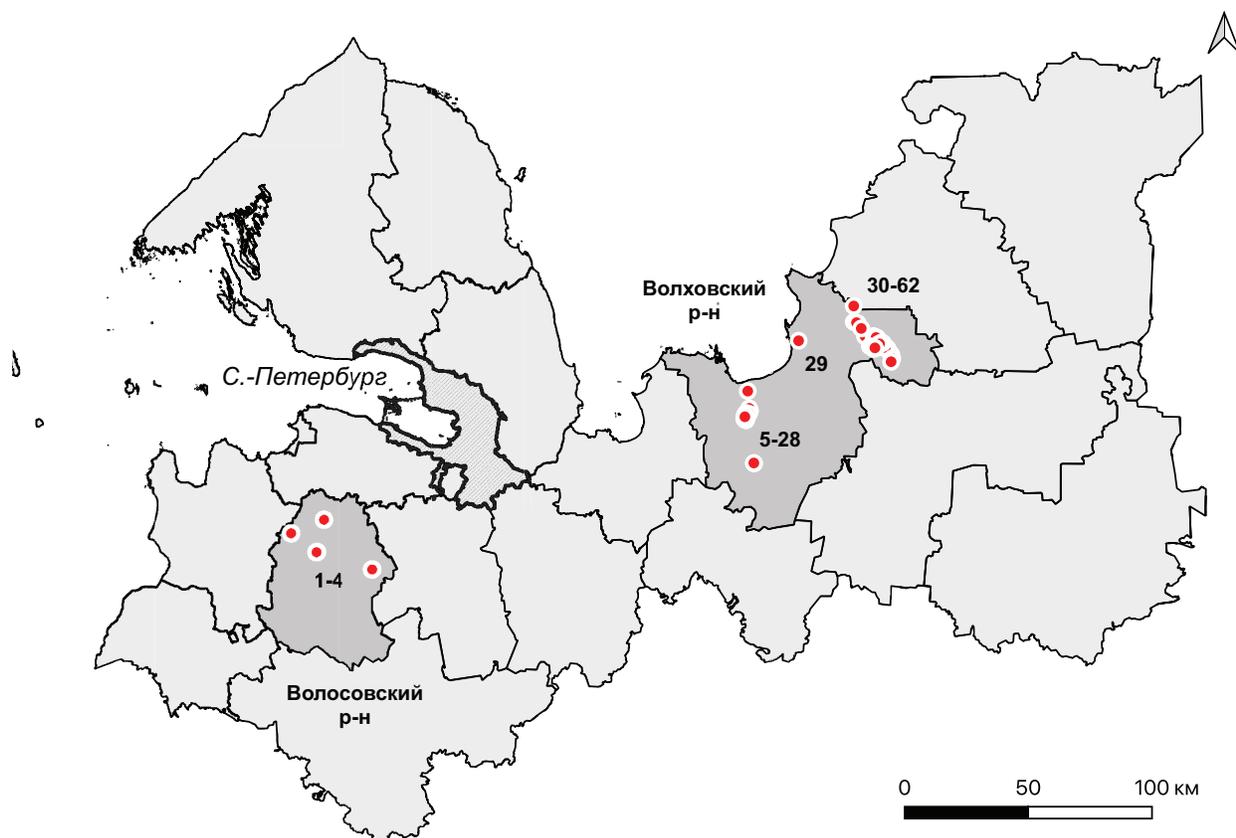

Рис. 1. Карта обследования археологических памятников в 2021 г.: 1 – Гомонтово; 2 – Пружницы; 3 – Русские Плецевичи; 4 – Калитино; 5 – Иссад 1/3; 6 – Подол; 7 – Горчаковщина 2; 8 – Чернавино 5; 9 – Чернавино 7; 10 – Велеша 2; 11 – Старая Ладога 22; 12 – Старая Ладога 23; 13 – Старая Ладога 17; 14 – Старая Ладога 16; 15 – Старая Ладога 7; 16 – Старая Ладога 15; 17 – Старая Ладога 12; 18 – Старая Ладога 11; 19 – Старая Ладога 1; 20 – Старая Ладога 3-4; 21 – Старая Ладога 6; 22 – Старая Ладога 9; 23 – Победище 2; 24 – Старая Ладога 8; 25 – Плакун 2-3; 26 – Победище 3; 27 – Вельца; 28 – Гостинополье; 29 – Шахново 1; 30 – Исаево-Кашино; 31 – Новозотовское; 32 – Рыбежно 1; 33 – Усть-Рыбежно 1; 34 – Усть-Рыбежно 4; 35 – Нововесь; 36 – Балдино 1; 37 – Новая 1; 38 – Новая 2; 39 – Новая 3; 40 – Новая 4; 41 – Новая 7; 42 – Вихмес 2 (курган); 43 – Вихмес 2 (селище); 44 – Щепняг 2; 45 – Щепняг 1; 46 – Щепняг 3; 47 – Часовенское; 48 – Подъелье; 49 – Царевщина; 50 – Урицкое 1; 51 – Сязнига 11; 52 – Сязнига 14; 53 – Сязнига 15; 54 – Сязнига 13; 55 – Сязнига 12; 56 – Сязнига 10; 57 – Сязнига 8; 58 – Сязнига 9; 59 – Сязнига 7; 60 – Сязнига 3; 61 – Сязнига 5; 62 – Сязнига 6

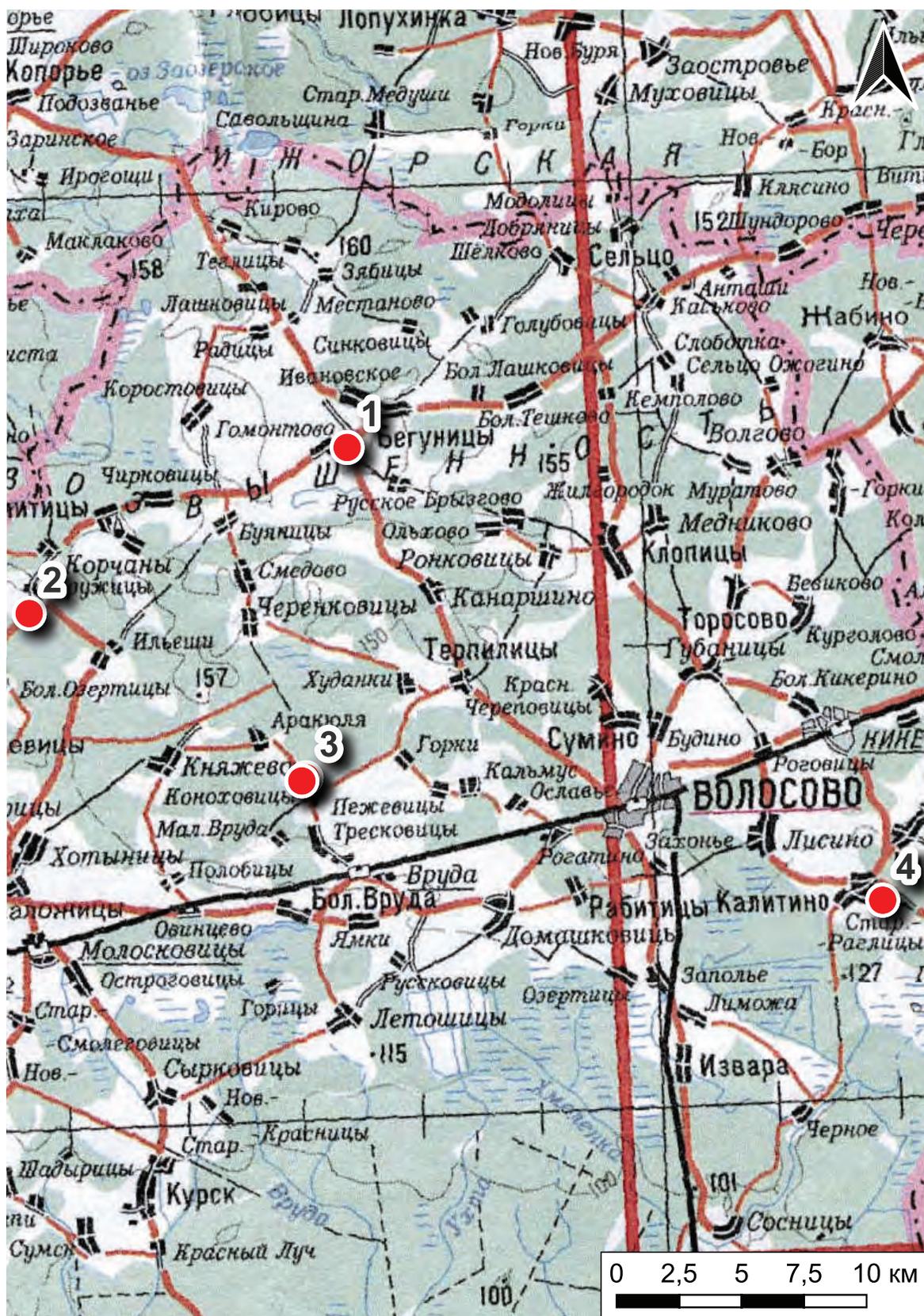

Рис. 2. Карта обследования археологических памятников в Волосовском районе:

- 1 – Гомонтово. Курганно-жальничный могильник;
- 2 – Пружицы. Курганно-жальничный могильник;
- 3 – Русские Плещевцы. Курганно-жальничный могильник;
- 4 – Калитино. Курганно-жальничный могильник

Рис. 3. Волховский район. Памятники по р. Волхов: 5 – Иссад 1/3. Многослойное поселение; 6 – Подол. Сопка; 7 – Горчаковицина 2. Группа сопок; 8 – Чернавино 5. Городище; 9 – Чернавино 7. Селище; 10 – Велеша 2. Стоянка; 11 – Старая Ладога 22. Группа сопок; 12 – Старая Ладога 23. Группа сопок; 13 – Старая Ладога 17. Успенская сопка; 14 – Старая Ладога 16. Основание северного притвора Успенской церкви; 15 – Старая Ладога 7. Посад; 16 – Старая Ладога 15. Успенский могильник; 17 – Старая Ладога 12. Церковь Спаса; 18 – Старая Ладога 11. Церковь на реке Ладожке; 19 – Старая Ладога 1. Крепость; 20 – Старая Ладога 3–4. Земляное городище; 21 – Старая Ладога 6. Грунтовый могильник; 22 – Старая Ладога 9. Селище; 23 – Победище 2. Группа сопок; 24 – Старая Ладога 8. Курган на р. Заклюка; 25 – Плакун 2–3. Группа сопок; 26 – Победище 3. Грунтовый могильник; 27 – Вельца. Селище; 28 – Гостинополье. Руины Никольской церкви

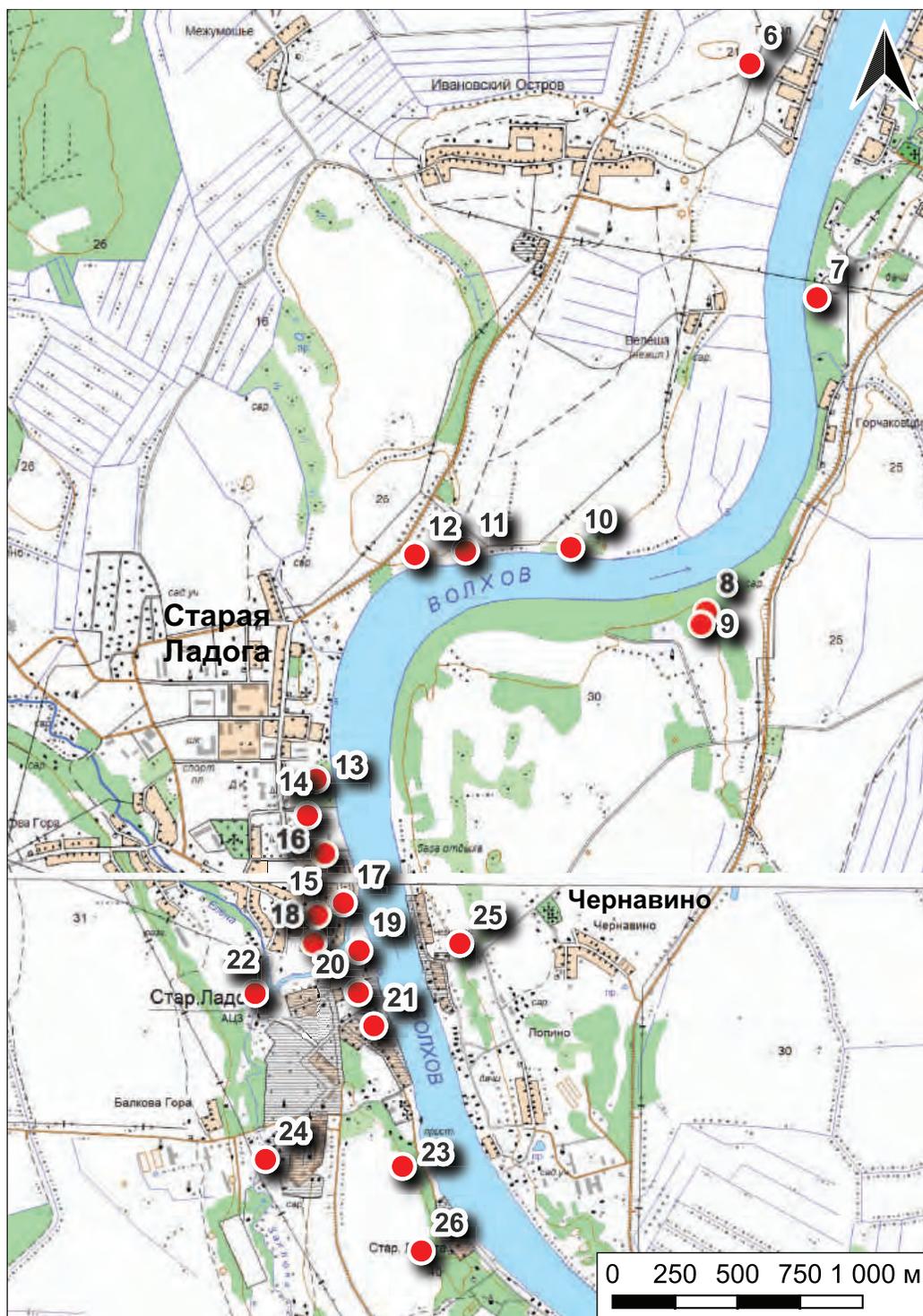

Рис. 4. Волховский район. Памятники Старой Ладого и ее окрестностей: 6 – Подол. Сопка; 7 – Горчаковщина 2. Группа сопок; 8 – Чернавино 5. Городище; 9 – Чернавино 7. Селище; 10 – Велеша 2. Стоянка; 11 – Старая Ладога 22. Группа сопок; 12 – Старая Ладога 23. Группа сопок; 13 – Старая Ладога 17. Успенская сопка; 14 – Старая Ладога 16. Основание северного притвора Успенской церкви; 15 – Старая Ладога 7. Посад; 16 – Старая Ладога 15. Успенский могильник; 17 – Старая Ладога 12. Церковь Спаса; 18 – Старая Ладога 11. Церковь на реке Ладожке; 19 – Старая Ладога 1. Крепость; 20 – Старая Ладога 3–4. Земляное городище; 21 – Старая Ладога 6. Грунтовый могильник; 22 – Старая Ладога 9. Селище; 23 – Победище 2. Группа сопок; 24 – Старая Ладога 8. Курган на р. Заклюка; 25 – Плакун 2–3. Группа сопок; 26 – Победище 3. Грунтовый могильник

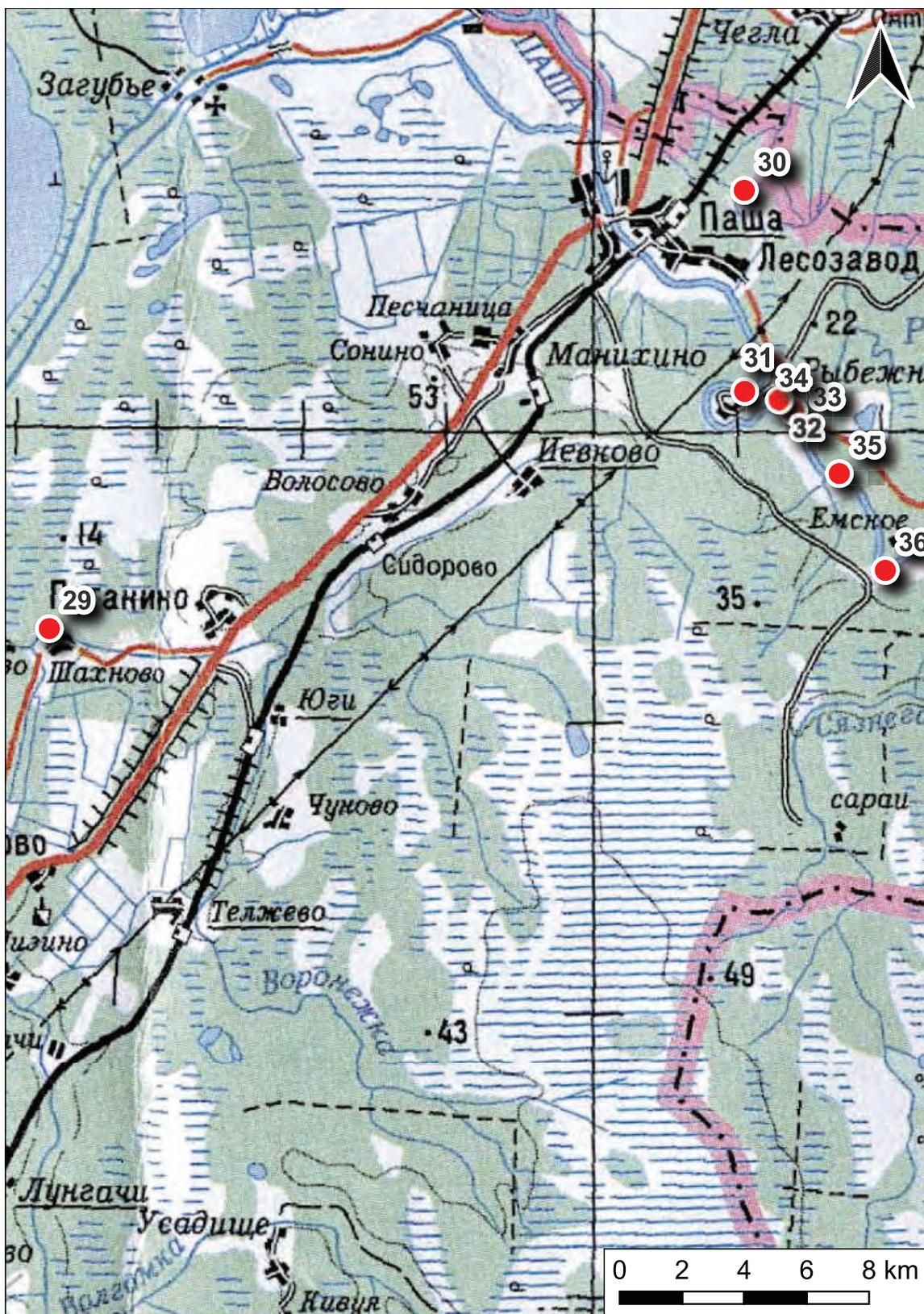

Рис. 5. Волховский район. Памятники по р. Паша: 29 – Шахново 1. Курганный могильник; 30 – Исаево-Кашино. Курганы; 31 – Новозотовское. Курганный могильник; 32 – Рыбежно 1. Курганный могильник; 33 – Усть-Рыбежно 1. Стоянка; 34 – Усть-Рыбежно 4. Курганный могильник; 35 – Нововесь. Курганный могильник; 36 – Балдино 1. Курганный могильник

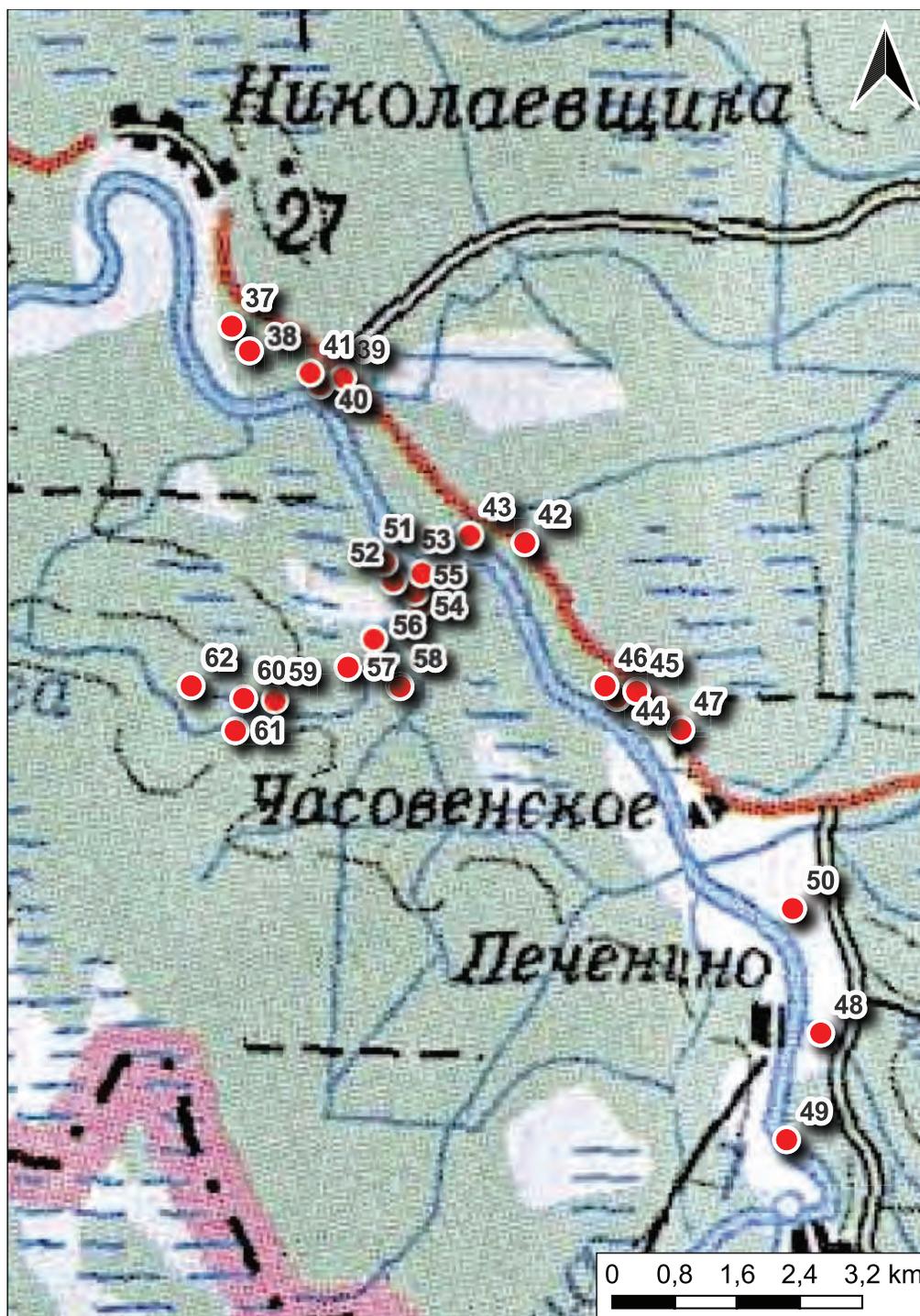

Рис. 6. Волховский район. Памятники по р. Паша и р. Сязнега: 37 – Новая 1. Курганный могильник; 38 – Новая 2. Курганный могильник; 39 – Новая 3. Курганный могильник; 40 – Новая 4. Курганный могильник; 41 – Новая 7. Селище; 42 – Вихмес 2. Курган; 43 – Вихмес 2. Селище; 44 – Щепняг 2. Курганный могильник; 45 – Щепняг 1. Курганный могильник; 46 – Щепняг 3. Курганный могильник; 47 – Часовенское. Курганный могильник; 48 – Подъелье. Курганный могильник; 49 – Царевщина. Курганный могильник; 50 – Урицкое 1. Курганный могильник; 51 – Сязнига 11. Углежогные кучи; 52 – Сязнига 14. Курганный могильник; 53 – Сязнига 15. Курганный могильник; 54 – Сязнига 13. Селище; 55 – Сязнига 12. Селище; 56 – Сязнига 10. Курганный могильник; 57 – Сязнига 8. Курганный могильник; 58 – Сязнига 9. Курган; 59 – Сязнига 7. Курганный могильник; 60 – Сязнига 3. Курганный могильник; 61 – Сязнига 5. Курганный могильник; 62 – Сязнига 6. Курганный могильник

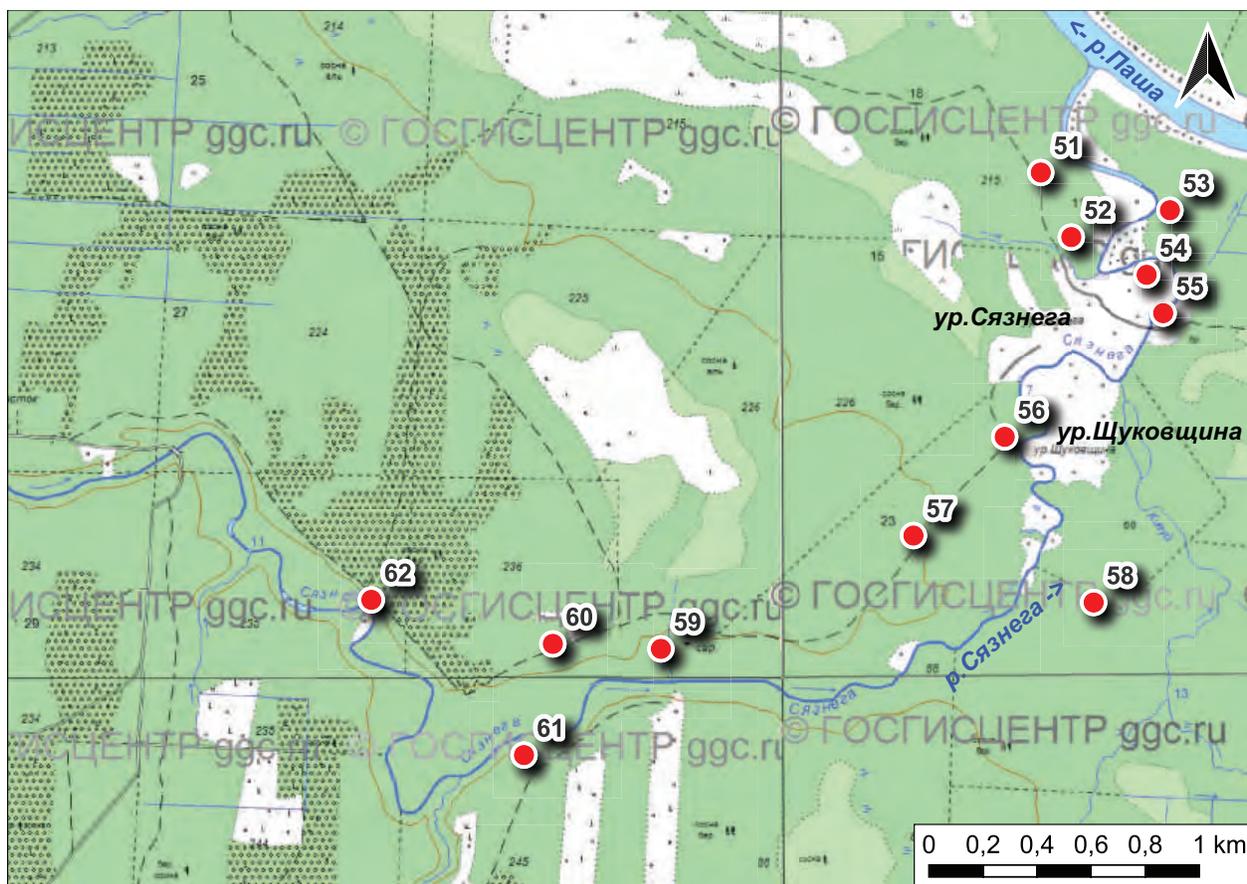

Рис. 7. Волховский район. Памятники по р. Сязнега: 51 – Сязнига 11. Углежогные кучи; 52 – Сязнига 14. Курганный могильник; 53 – Сязнига 15. Курганный могильник; 54 – Сязнига 13. Селище; 55 – Сязнига 12. Селище; 56 – Сязнига 10. Курганный могильник; 57 – Сязнига 8. Курганный могильник; 58 – Сязнига 9. Курган; 59 – Сязнига 7. Курганный могильник; 60 – Сязнига 3. Курганный могильник; 61 – Сязнига 5. Курганный могильник; 62 – Сязнига 6. Курганный могильник

В центре могильника сосредоточены наиболее крупные насыпи диаметром 9–13 м и высотой до 1,7 м. Всего насыпей от 1 м и выше насчитано 36. Ближе к окраинам могильника расположены более мелкие курганы, переходящие в совсем слабо выраженные насыпи высотой от 0,1 м и выше. В целом диаметр курганов варьирует от 4,5 до 13 м, высота – от 0,1 до 1,7 м. Вокруг некоторых курганов заметны отдельные камни от обкладки по основанию насыпей и ровики. На СВ окраине зафиксированы два жальника (№ 124 и 125) с еле заметной насыпью высотой около 0,2 м и диаметром около 5 м с остатками оградки круглой формы. Большинство курганов повреждены грабительскими ямами.

Пружицы. Курганно-жальничный могильник («Курганный группа, 333 насыпи»)

Курганный могильник расположен на южной окраине д. Пружицы, в 60 м к юго-востоку от шоссе А-180 (Е-20) Санкт-Петербург–Кингисепп–

Нарва, в лиственной роще (рис. 9). Могильник выявлен Ижорским отрядом СЗАЭ ЛГУ и ЛОО ВООПИК под руководством Е.А. Рябина в 1973 г. Экспедицией произведено описание памятника, снят глазомерный план, насчитывающий 333 насыпи. В могильнике было выделено центральное ядро, состоящее из крупных насыпей высотой 1,5–3 м и занимающее западную и среднюю части «могильного поля». В северо-восточной части отмечены небольшие насыпи высотой 0,5–0,7 м. У большинства курганов прослежена каменная обкладка по основанию. В юго-западной части кладбища зафиксированы курганы со следами ям и шурфов (Рябинин, 1974. Л. 6. Табл. 21; Рябинин, Рябина, 1974. С. 30).

В 1978 г. памятник под названием «Курганный группа, 333 насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 71). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен

как «Пружицы. Курганный могильник» в составе 333 насыпей высотой 0,5–3 м, диаметром 4–14 м, с каменными обкладками в основании (Лапшин, 1990. С. 91. № 676).

По итогам работ 2021 г. в составе памятника зафиксировано 277 визуально выделяемых погребальных комплексов: 249 курганов полусферической формы, 26 жальников (кургано-жальников) и два жальничных ряда. Курганы представлены полусферическими насыпями диаметром 3–12 м, высотой 0,2–1,8 м. Наиболее крупные насыпи сосредоточены в юго-западной и юго-восточной частях некрополя. Ближе к окраинам могильника расположены более мелкие курганы, переходящие в совсем слабо выраженные насыпи высотой 0,2–0,3 м. У многих насыпей видны отдельные камни обкладки по основанию. Жальники, представленные погребениями с оградками округлой формы и еле заметной насыпью, сосредоточены у южного и восточного краев. У некоторых жальников заметны наиболее крупные камни в «головах» и «ногах» погребенного. В юго-восточной части выявлены два жальничных ряда (№ 227, 228) размерами 11,6–12,7 × 4 м и высотой около 0,4–0,5 м.

Часть погребальных комплексов несет следы грабительских раскопок, при этом достаточно большой процент и нетронутых. На юго-восточном краю ряд курганов значительно поврежден постройками деревни. На северо-западном краю часть курганов повреждена при хозяйственных работах на частном участке 47:22:0150003:105. По всей территории памятника находятся многочисленные ямы, окраины засыпаны мусором, вдоль юго-западной и южной границ с полем – вал из крупных валунов, частично заваливший отдельные насыпи.

Русские Плещевицы. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 674 насыпи»)

Курганно-жальничный могильник расположен к юго-западу от современной границы д. Плещевицы, с юго-восточной стороны от грунтовой дороги в д. Плещевицы, на северо-западном краю оврага, в смешанном лесу (рис. 10). Впервые памятник исследован в 1877 г. Л.К. Ивановским и описан как «лесная группа, состоящая более чем из 450 курганов (всех трех типов)». Л.К. Ивановским было раскопано 83 кургана, из которых в 34-х «кости истлели, вещей нет», в остальных обнаружен погребальный инвентарь и погребения с костяками (Ивановский, 1877. Л. 20; Спицын, 1896. С. 92–93).

В 1927 г. могильник осмотрен Б.А. Коишевым и Л.С. Генераловой, проводившими разведку в составе палеоэтнологического отряда ГАИМК Северо-

Западной экспедиции КИПС АН. По их описанию, памятник расположен по берегу речки несколько западнее Русских Плещевиц, на участке, густо заросшем почти непроходимым кустарником, что сделало невозможным точный подсчет курганов, и ограниченном с юга склоном оврага, с севера – проселочной дорогой и с запада – шоссе Изоткино–Коноховицы. В могильнике зафиксировано «не менее 400» курганов, имеющих коническую, с заглаженными вершинами или полусферическую форму, с валунами, обложенными по основанию. Подавляющее большинство насыпей уже было раскопано ямами сверху. По данным исследователей, часть могильника за дорогой в д. Коноховицы распахана (Коишевский, Генералова, 1927. Д. 105. Л. 15об–6 (28–29); 1931б. Д. 74. Л. 13).

В 1971 г. Ижорским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ и ВООПИК под руководством Е.А. Рябинина снят план памятника в составе 704 погребальных комплексов (по данным полевого дневника) или 674 комплексов (согласно геодезической съемке плана), произведено вскрытие двух погребальных сооружений на северо-восточной окраине могильника перед бараками. По сведениям Е.А. Рябинина, 121 курган имел следы старых раскопок шурфами (Л.К. Ивановского?), ряд насыпей был поврежден в последнее время в связи со строительством барачков для сельскохозяйственных рабочих. В свою очередь, из-за легенды, распространенной среди всего сельского населения Ижорского плато, о золотой карете шведского короля, якобы спрятанной в одном из курганов, многие из них (несколько десятков) несли на себе следы варварских раскопок современных кладоискателей, приведшие в ряде случаев к уничтожению погребений. В большинстве своем курганы могильника, по описанию исследователя, имеют по основанию каменную обкладку; размеры насыпей: высота 0,6–2,7 м, диаметр 4–12 м. Отмечено, что крупные курганы концентрируются в ЮЗ части могильника, а более мелкие – по окраинам. Также зафиксированы жальничные погребения с круглыми, овальными и четырехугольными оградками (Рябинин, 1971а. Л. 11–21; 1971б. Л. 8–15; 2001. С. 198–199, 220; Рябинин и др., 1972. С. 24–25).

В 1978–1981 гг. раскопки могильника продолжены Северо-Западным отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В.А. Кольчатова. За эти сезоны было исследовано 27 курганов, 28 жальничных и 18 грунтовых могил XII–XVI вв. (Кольчатов, 1979. Л. 12–16; 1980а; 1980б; 1980в; 1981а; 1981б; 1981в; 1983; Кольчатов, Розов, 1979; Рябинин, 2001. С. 198–199). За все годы раскопок на памятнике также обнаружено не менее 15 каменных

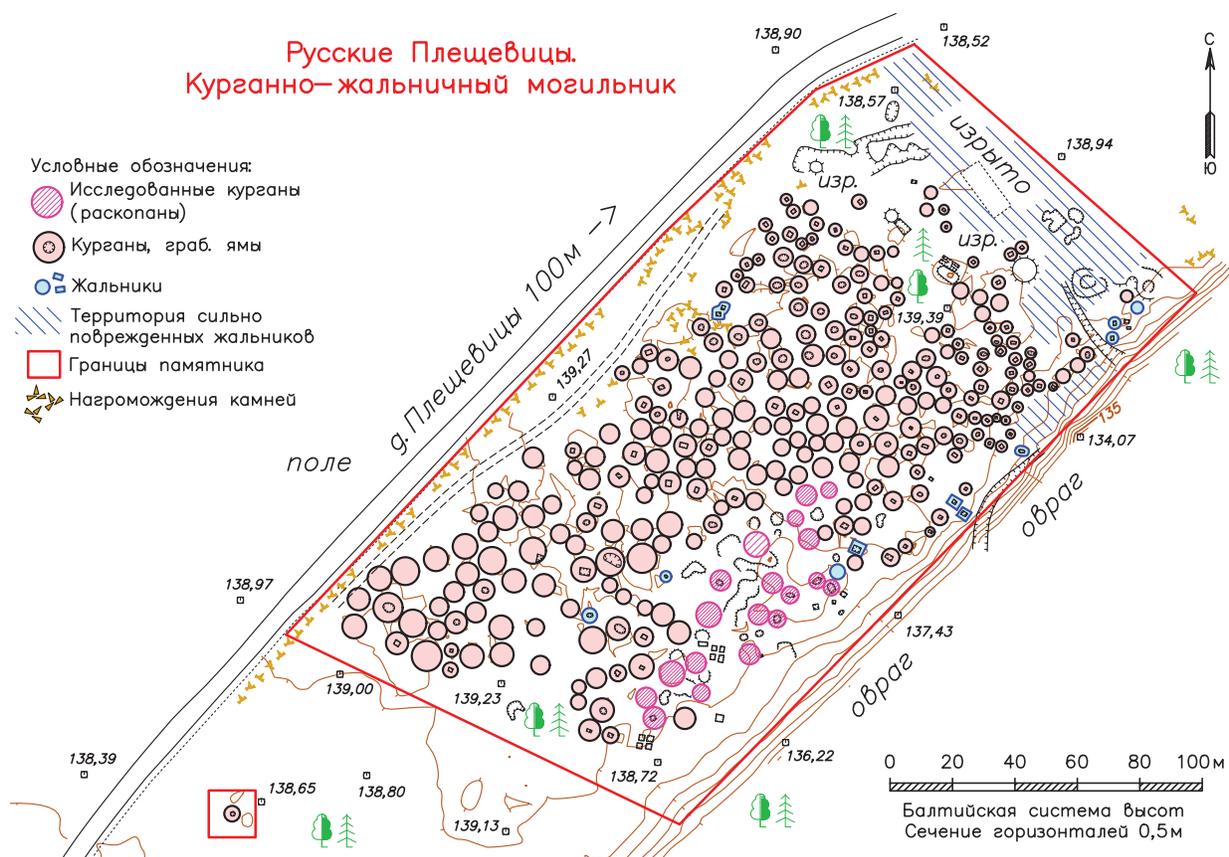

Рис. 10. Русские Плещевцы. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

крестов (Панченко, 2009). В 1978 г. памятник поставлен на государственную охрану решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 под названием «Курганная группа, 674 насыпи» (Решение, 1978. Пункт 44). В Археологической карте Ленинградской области 1990 г. памятник учтен как «Русские Плещевцы. Курганно-жальничный могильник» в составе 674 погребальных комплексов XII–XVI вв. (Лапшин, 1990. С. 94. № 691).

По итогам работ 2021 г. в составе ОАН зафиксировано 284 визуально выделяемых погребальных комплекса. Могильник представляет собой компактно расположенную группу из 271 кургана и 12 жальников и одного отдельного кургана (№ 284), отстоящего от основного массива в 70 м к юго-западу. Исходя из историографических данных (в частности, сведений Б. А. Коишевского и Л. С. Генераловой 1927 г.), следует полагать, что юго-западная часть первоначального могильника не сохранилась, а отдельный курган № 284 и два кургана, зафиксированные нами на самом юго-западном краю рощи у шоссе Б. Вруда–Аракуля в 2020 г. как курганный могильник «Русские Плещевцы 2», являются его остатками.

В настоящее время курганы могильника представляют собой насыпи полусферической формы диаметром 2,7–9,6 м, высотой 0,2–1,5 м. Наиболее крупные насыпи раннего ядра некрополя, диаметром около 8,0–9,6 м и высотой около 1 м и выше, занимают центр и юго-западную половину могильника. В северо-западной части и по окраинам находятся более мелкие курганы и курганы-жальники. Здесь же зафиксированы жальники с оградками округлой (№ 29, 64, 68, 271–273, диаметром 3,6–4,8 м, высотой 0,3–0,4 м), овальной (№ 198, размерами 4,4 × 3,1 × 0,3 м) и прямоугольной (№ 72, 120, 121, 162, 163, размерами 3,4–4,1 × 3–4 × 0,3–0,4 м) форм. В северо-восточном углу кладбища расположено жальничное поле с неопределяемыми формами оградок из-за сильных повреждений от грабительских ям с отвалами из грунта и камней. У многих курганов видны отдельные валуны обкладки по основанию, а у жальников среди каменных оградок заметны наиболее крупные камни в «головах» и «ногах» погребенного. Почти все комплексы повреждены ямами различного происхождения, часть из которых являются следами раскопок Л. К. Ивановского в XIX в, часть – следами грабительской деятельности. В северном

и юго-восточном углах памятника выявлены места раскопок Е. А. Рябинина и В. А. Кольчатова. На северо-восточном краю памятника расположены руины построенных в советское время барачков для сельскохозяйственных рабочих, здесь же свалки мусора и строительных отходов и несколько траншей или канав, вероятно устроенных для водостока в овраг. Вдоль северо-западной границы рощи, со стороны дороги вытянулся вал из камней, свезенных с поля. Могильник сильно зарос кустарником, завален сухостоем и буреломом.

Калитино. Курганно-жальничный могильник («Курганная группа, 540 насыпей»)

Курганно-жальничный могильник располагается на южном краю лесного массива (заросший парк бывшей усадьбы барона Толля) между пос. Калитино и д. Старые Раглицы (рис. 11). Впервые могильник у мызы Калитино был исследован в 1875 и 1876 гг. Л. К. Ивановским. За два сезона в «Калитинском саду» им было раскопано 147 курганов, из которых в 21-м «кости истлели, вещей нет», в остальных обнаружены погребальный инвентарь и погребения с костяками (Ивановский, 1876. Л. 4–5; Спицын, 1896. С. 72). В 1895 г. памятник «в парке имени

Калитино» барона Толля обследовал Н. К. Рерих. По его мнению, «Калитинский могильник», раскинувшийся на пространстве 20 десятин, являлся самым значительным по числу и размерам курганов из могильников Царскосельского уезда. В описании Н. К. Рериха могильник состоял из более 300 курганов, высота которых «самая разнообразная, от почти не заметной доходит до 2 сажень» (около 4,3 м. – *Авт.*), они насыпаны из песка или суглинка, в основании обложены большими валунами, иногда более значительными «в головах и в ногах трупов». По его данным, почти все насыпи на момент обследования были раскопаны бывшими владельцами имени, поэтому Н. К. Рериху для раскопок удалось найти только «десяток два» целых курганов. Всего Н. К. Рерихом были вскрыты 23 кургана, в которых «кости, в общем, весьма худо сохранились, местами и совсем исчезли». В могильнике Н. К. Рерихом были выделены три части. В центральной, «в середине» сгруппированы наиболее высокие курганы, «давшие, по словам очевидцев крестьян, массу разнообразных вещей и особенно оружия». В «боковых» частях отмечены два типа курганов. Курганы первого типа устроены «тщательнее», обложены более высокими камнями,

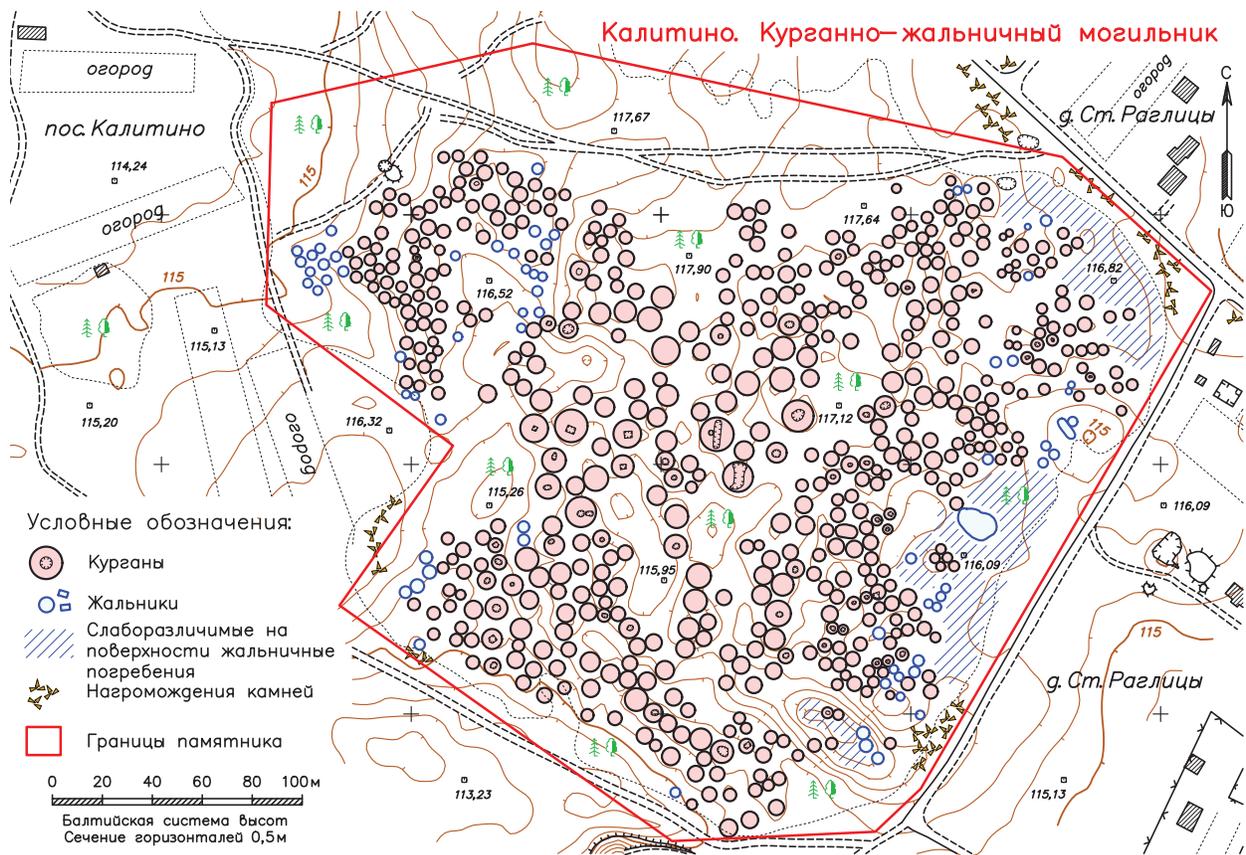

Рис. 11. Калитино. Курганно-жальничный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

и в них чаще находили вещи. Курганы второго типа, расположенные в южной части, «менее аккуратно устроены», они меньших размеров, и «вещей почти совсем не попадает». В западной части находится холм, на котором («может быть случайно») находились «женские курганы» (Рерих, 1894. Л. 13–14).

В 1927 г. могильник осмотрен Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой, проводившими разведку в составе палеоэтнологического отряда ГАИМК Северо-Западной экспедиции КИПС АН. По их описанию, памятник расположен к востоку от совхоза Калитино в парке на берегу небольшого озера, из которого вытекает ручей, и простирается от этого озера до шоссе. Состоит он из 569 конической формы курганов, круглых в плане, высотой 0,5–2,0 м, с обкладкой валунами по основанию. Большинство насыпей были раскопаны ямами сверху или разворочены вывернутыми деревьями. Целых насыпей было насчитано «не более 20», но и они «совершенно оплетены корнями выросших на них деревьев» (Коишевский, Генералова, 1927. Д. 105. Л. 8об–9 (14–15); 1931а. Д. 61. Л. 20).

В 1972 г. (1973?) Волосовским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ под руководством З. В. Прусаковой и Ю. М. Лесмана в могильнике зафиксировано «до 600 насыпей», многие из которых с ямами и поросли деревьями. Исследователи подтвердили наблюдения Н. К. Рериха, отметив, что в центре могильника расположены высокие крутобокие насыпи с уплощенной вершиной диаметром 8–10 м, высотой 2,1–2,3 м с огромными валунами в основании. Насыпи поменьше полусферической формы диаметром 5–7 м и высотой 0,5–1,3 м с валунной обкладкой группируются в южной и юго-западной частях могильника. Невысокие насыпи диаметром 3–5 м и высотой 0,35–0,50 м, обложенные в основании камнями, находятся по краям памятника. В северо-восточной части отмечены жальничные оградки подчетыреугольной формы, выложенные из мелкого булыжника (Прусакова, Лесман, 1973. Л. 10, пункт 26).

В 1978 г. памятник поставлен на государственную охрану решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 под названием «Курганная группа, 540 насыпей» (Решение, 1978. Пункт 57). Сотрудником Инспекции по охране памятников Леноблисполкома С. М. Черновым на могильник под названием «Курганная группа Калитино» подготовлен черновик Охранного обязательства за № 79-206 (Охранное, 79-206). Вероятно, могильник в 1985 г. осматривался Лужским отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР под

руководством Н. И. Платоновой. Памятник был ошибочно принят за уже несохранившийся к тому времени курганный могильник «Старые Раглицы», располагавшийся на северо-северо-восточной окраине д. Старые Раглицы. Однако описание могильника как «обширного курганно-жальничного могильника, насчитывавшего не менее 100 курганов и жальников на территории одичавшего парка» указывает на то, что Н. И. Платоновой был обнаружен Калитинский курганно-жальничный могильник на территории бывшего усадебного парка барона Толля, расположенный к юго-западу от д. Старые Раглицы. На северо-северо-восточной окраине д. Старые Раглицы никакого парка нет (Платонова, 1985. № 65, л. 8). В «Археологической карте Ленинградской области» 1990 г. памятник учтен как «Калитино. Курганно-жальничный могильник в парке бывш. имения барона Толля в д. Калитино» в составе 569 насыпей высотой 0,5–2,3 м, диаметром 5–10 м и жальничных погребений с оградками круглой и четырехугольной формы (Лапшин, 1990. С. 95. № 702).

По итогам полевых работ 2021 г. в составе памятника зафиксировано 625 визуально выделяемых погребальных комплексов: 554 кургана и 71 жальник. Курганы представляют собой насыпи полусферической формы диаметром 3,0–13,1 м, высотой 0,2–2,3 м. В центре, в южной и юго-западной частях могильника сосредоточены крупные и крутобокие насыпи высотой от 1 до 2,3 м, ближе к окраинам могильника расположены более мелкие курганы, высотой до 1 м, переходящие в совсем слабо выраженные насыпи (кургано-жальники) высотой 0,2–0,4 м и диаметром от 3 до 5–6 м. Вокруг большинства курганов заметны камни от обкладки по основанию насыпей. Жальники с еле выделяемой насыпью или без нее сосредоточены по краям могильника, охватывая его почти кольцом. Оградки жальничных погребений имеют округлую, овальную и подпрямоугольную форму. Диаметр жальников колеблется в пределах 2,4–5,2 м, высота – 0,2–0,5 м. У восточного края зафиксированы жальничные ряды (клетки) длиной около 9,6 м и шириной 3,5 м, вытянутые по оси СЗ–ЮВ. На южном краю расположена небольшая гряда, полностью занятая жальничными захоронениями без насыпей с оградками овальной, округлой и неопределимой формы (жальничное поле 1). На юго-восточной и северо-восточной окраинах еще два жальничных поля с трудно определимыми формами оградок. Также, вероятно, жальничные погребения представлены отдельными камнями или парными камнями, расположенными по линии З–В, фиксируемые на разных окраинных участках могильника. У многих жальников выде-

ляются наиболее крупные валуны в ногах и головах погребенных. Большая часть комплексов повреждена ямами различного происхождения.

ВОЛХОВСКИЙ Р-Н

Иссад 1/3. Многослойное поселение («Многослойное поселение»)

Вероятно, памятник выявлен в 1880 г. Н.Н. Венюковым и Н.А. Соколовым. По сведениям А.А. Иностранцева, на правом берегу р. Волхов против д. Вельсы на «наклонной плоскости котловины» «первоначально гг. Венюковым и Соколовым, а затем и им самим в сообществе с несколькими специалистами, было собрано около 230 кусков кремня и 250 обломков горшечной посуды» (Иностранцев, 1882. С. 16, 232–233). Позднее, в различное время, местонахождение посещали Ю. Айлио и ряд других исследователей (Ailio, 1915; Гурина, 1961. С. 485).

В 1947 и 1948 г. сборы на местонахождении проводились Староладожской экспедицией под руководством Г.П. Гроздилова. В результате была собрана небольшая коллекция находок «поздне-неолитического облика», локализован и охарактеризован культурный слой, памятник обозначен как «стоянка» (Гроздилов, 1950. С. 168–169; Гурина, 1961. С. 485). По сведениям Г.П. Гроздилова, стоянка располагалась на дюнных всхолмлениях в 1 км к северу от д. Иссады, на высоком правом берегу р. Волхов, против старой пристани, на спуске к ней.

В 1950 и 1952 гг. на памятнике проводились раскопки Н.Н. Гуриной (1950; 1952а; 1961. С. 117, 484–499). В разных материалах Н.Н. Гуриной указывается, что стоянка находится на расстоянии 900 м от церкви д. Иссады, напротив д. Юшково, между деревьями Иссады и Березье, по обе стороны от вымощенного камнем спуска к пристани (Гурина, 1950. С. 73; 1961. С. 485). В результате двухлетних работ установлено, что поселение примыкало к юго-восточному краю котлована и тянулось вдоль берега р. Волхов. Площадь, занятая находками, составляла более 2000 кв. м. Однако памятник к моменту обследования уже был сильно поврежден различными постройками, существовавшим некогда здесь поселком, хозяйственной деятельностью, в том числе прокладкой дороги через дюны к паровой пристани и строительством дамбы, а также оборонительными сооружениями времен Великой Отечественной войны. Было констатировано, что нетронутая часть поселения сохранилась лишь небольшими участками. Раскопки Н.Н. Гуриной выявили памятник, представляющий собой многослойное поселение эпохи раннего металла и «славянского» селища XI–XII вв. Поселение раннего

металла было исследовано на площади в 360 кв. м, селище – на площади 200 кв. м. Культурный слой залегал на границе слоистых и дюнных песков, не отличаясь от них по структуре, но имея отчетливо выраженный темный цвет и значительные вкрапления мелких угольков и золы. Мощность его в среднем равнялась 0,25–0,30 м. Верхний слой, перекрывающий культурный, представлял собой несортированный песок светло-желтого цвета, мощность которого колебалась от 0,40 до 0,80 м, на отдельных участках до 1,20 м. В юго-восточной части поселения, где зафиксировано средневековое селище, мощность культурного слоя достигала 0,45–0,50 м. Территория распространения этих двух одновременных памятников совпадала только в средней части. Поселение эпохи раннего металла располагалось ближе к западной части площадки, селище – к восточной. В процессе раскопок там, где селище перекрывало стоянку, были зафиксированы два горизонта культурного слоя. Первый (верхний) горизонт, темный, плотный, залегающий на глубине от 0,45 до 1,00 м, содержал преимущественно гладкостенную средневековую керамику, а второй (нижний), более светлый, находящийся между темным слоем и материковым песком на глубине от 0,80 и более 1,00 м, содержал сетчатую и гребенчатую керамику. На поселении эпохи раннего металла были обнаружены два очага, многочисленный материал, состоящий в основном из каменных орудий, отщепов кремня, фрагментов сосудов и нескольких железных шлаков. Остатки жилых комплексов не найдены. На «славянском» селище культурный слой был насыщен большим количеством фрагментов керамики, зафиксированы остатки жилых сооружений (основание деревянного сооружения и развал камней от печи).

В 1949 г. Э.Е. Фрадким подготовлен «Паспорт памятника археологии», обозначенный как «Неолитическая стоянка», расположенная на правом берегу р. Волхов «в дюнных холмах близ д. Велеша». В документе перепутано название деревни и вместо д. Вельсы указана д. Велеша, в действительности расположенная в 7 км южнее, у села Старая Ладога. Дата составления паспорта 14.IX.49 г. (Паспорт «Неолитическая стоянка», 1949). В отчете С.Н. Орлова за 1968 г. есть упоминание, что Волховскому отряду ЛОИА АН СССР не удалось провести запланированный осмотр «очень важного в научном отношении поселения каменного и бронзового веков на правом берегу р. Волхова, севернее дер. Иссады, на территории военведа». Из отчета следует, что памятник расположен на территории, принадлежащей военному ведомству (Орлов, 1968а. С. 23, п. 42). В 1978 г. для Государственной инспекции по охране памят-

ников истории и культуры старшим научным сотрудником НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбан составлен паспорт памятника на поселение эпохи раннего металла под названием «Поселение Иссады I». Памятник датирован первой половиной I тыс. до н.э. Местоположение поселения описано следующим образом: «Памятник расположен на правом берегу р. Волхова, в черте современного пос. Иссады, по обе стороны спуска к причалу, в приблизительно 3 км от устья р. Волхова». К паспорту приложены фотография, произведенная с противоположного берега р. Волхов, и глазомерный план памятника, на котором проведены условные границы поселения, на его территории отмечены пять крупных построек, причал и спуск к нему. Дата составления Паспорта 12 сентября 1978 г. (Паспорт «Поселение Иссады I», 1978).

Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Многослойное поселение эпохи камня, эпохи бронзы и Средневековья», расположенное по адресу «Волховский район, Иссадский с/с, севернее д. Иссады у песчаного карьера на правом берегу р. Волхов», поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 82). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» поселение эпохи раннего металла учтено как «Иссады-1. Стоянка» (Лапшин, 1995. С. 142, № 1495), а средневековое селище – как «Иссады-3. Селище» (Лапшин, 1995. С. 143, № 1497).

По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН «Многослойное поселение» (Иссад 1/3. Многослойное поселение) не обнаружен (не локализован). По данным Решения Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978, памятник располагался по адресу: «Волховский район, Иссадский с/с, севернее д. Иссады у песчаного карьера на правом берегу р. Волхов» (Решение, 1978. Пункт 82). Историографические источники в описании местоположения памятника не точные, зачастую противоречивые и не позволяют однозначно локализовать ОАН на местности. Поиск памятника осуществлялся на основании имеющихся сведений севернее д. Иссады по правому берегу р. Волхов по маршруту длиной около 3 км до д. Березье. В соответствии с различными привязками обследованы следующие пункты: 1) по описанию Н.Н. Гуриной из отчета 1950 г., памятник находится на расстоянии 900 м от церкви д. Иссады (Гурина, 1950. С. 73). Несомненно, это ошибочные сведения, так как место совершенно не соответствует описанию памятника – здесь нет дюнных холмов и по историческим картам не фиксируется паромный причал, берег довольно низкий. При визуальном обследовании местности следов раскопок 1950–1952 гг. не обнаружено;

2) территория бывшего военного городка. Здесь, в соответствии с указанием расстояния до памятника в «1 км к северу» от д. Иссады (1 км от современной административной границы поселения или 2,3 км от церкви Св. Троицы) и описаниями памятника в других материалах Н.Н. Гуриной и Г.П. Гроздилова, обнаружена вымощенная камнем дорога, проложенная между дюнами к реке. При осмотре местности следов раскопок 1950 и 1952 гг. не обнаружено, в осыпях, обнажениях почвы и зондажах культурный слой не зафиксирован. Вся территория засыпана шлаком – отходами кочегарки военного городка, завалена мусором. Вымощенная камнем дорога спускается к берегу под углом в 45 градусов, что не соответствует плану памятника Н.Н. Гуриной, где спуск изображен под прямым углом; 3) территория заброшенной военной части. Здесь, на расстоянии 1,7 км от современных административных границ д. Иссады, в 2,9 км от ц. Св. Троицы обнаружен бетонный причал на берегу р. Волхов и вымощенный камнем спуск к нему, проложенный через дюны под прямым углом. Топография участка почти соответствует плану ОАН, приложенному к паспорту памятника 1978 г. Следует полагать, что составитель паспорта Ю.Н. Урбан локализовал ОАН «Многослойное поселение» именно на этом участке (Паспорт «Поселение Иссады I», 1978). С.Н. Орлов в 1968 г. также упоминал, что поселение находится на территории «военведа» (военного ведомства) (Орлов, 1968а. С. 23, п. 42). Вымощенная камнем дорога к причалу начинается с площадки коренного берега реки между гаражами военной части. По всей длине до причала спуск в настоящее время перекрыт уже разрушающимися бетонными плитами, под которыми видны камни мощения. Между постройками военной части и краем коренного берега проложены две линии ограждений (бетонных столбов с колючей проволокой), весь берег изрыт ямами, карьерами, связанными в том числе с хозяйственной деятельностью в/ч. Достоверно определить возможные места раскопок 1950 и 1952 гг. на местности не представляется возможным. Для попытки локализации памятника, выявления культурного слоя и границ его распространения по обе стороны спуска к пирсу, между крайней линией колючей проволоки и краем коренного берега реки заложены четыре шурфа размерами 1 × 1 м. Материалы, позволяющие локализовать «Многослойное поселение» (Иссад 1/3. Многослойное поселение) эпохи камня, бронзы и Средневековья, в шурфах не обнаружены.

Основным ориентиром в локализации вероятного места расположения памятника по ряду признаков, и в первую очередь на основании плана поселения

из паспорта памятника 1978 г., является территория бывшей военной части. Здесь возможные площадки оставшегося культурного слоя после раскопок 1950 и 1952 гг. могли быть уничтожены различными хозяйственными и строительными работами во время функционирования военной части. По сведениям Н.Н. Гуриной, еще до начала археологических исследований нетронутая часть поселения сохранилась лишь небольшими участками. Вполне вероятно, что раскопками Н.Н. Гуриной был затронут почти весь культурный слой памятника (Гурина, 1961. С. 485). При этом нет полной уверенности, что стоянка и селище, исследованные в 1950–1952 гг., располагались именно в этом месте на территории военной части.

«Сопка»

Памятник, обозначенный как «Сопка», поставлен на государственный учет Решением Лен-облисполкома № 271 от 10.07.1978 по адресу: Волховский район, Староладожский с/с, близ д. Подол, на землях совхоза «Волховский» (Решение, 1978. Пункт 110). Историографический источник объекта не известен. В первом своде курганов Южного Приладожья Н.Е. Бранденбурга 1895 г. сопка у д. Подол не упоминается (Бранденбург, 1895. С. 135–141, карта). В Археологической карте Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей, опубликованной Г.С. Лебедевым и В.Н. Седых в 1985 г., памятник не учтен (Лебедев, Седых, 1985). В списке памятников, включенных в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985, объект не фигурирует (Решение, 1985). Нет такого объекта и в каталоге сопкок Северного Поволжья В.П. Петренко (Петренко, 1994. С. 119–120). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник отсутствует (Лапшин, 1995). По результатам полевого обследования 2021 г. объект «Сопка» не обнаружен. По всей видимости, объект «Сопка» близ д. Подол был поставлен на учет ошибочно.

Горчаковщина-2. Группа сопкок

Группа расположена между деревнями Бабино и Горчаковщина на краю правого высокого коренного берега р. Волхов (рис. 12). В разное время исследователи насчитывали от двух до четырех сопкок в группе. Впервые две насыпи у д. Горчаковщина отметил Н.Е. Бранденбург в 1895 г. (Бранденбург, 1895. Карта). В 1903 г. Н.И. Репников также упомянул в своем отчете о поездке в Старую Ладogu две сопки (Репников, 1904. С. 57). В 1929 г. Н.Н. Чернягин зафиксировал три насыпи. Первая – на северо-восток от деревни более чем в 200 м, на самом краю берега р. Волхов.

Остатки второй сопки исследователь отметил на северо-востоке от деревни Горчаковщина в 100 м от дороги на пашне. Третья насыпь располагалась в 100 м к югу от деревни в поле (Чернягин, 1941. С. 122). В 1968 г. С.Н. Орлов локализовал и составил паспорта на две сопки. Насыпь, отмеченная Н.Н. Чернягиным в поле к югу от д. Горчаковщина, С.Н. Орловым не обнаружена (Орлов, 1968а. Л. 13–14; 1968б. Л. 80–86). В 1970 г. Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ под руководством В.А. Назаренко в 250 м к северо-западу от деревни было зафиксировано три сопки (Назаренко, 1970. Л. 13–14). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, ссылаясь на данные Н.И. Репникова и Н.Н. Черягина, описывает под № 336 группу сопкок у деревни Горчаковщина следующим образом: «Три сопки высотой от 2,4 до 10 м на берегу Волхова, в 0,1 км северо-восточнее деревни» (Седов, 1970. С. 45).

В 1983 г. Северо-Западная археологическая экспедиция ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева на расстоянии 250 м к северо-западу от деревни Горчаковщина зафиксировала группу сопкок из четырех насыпей. Самая крупная – высотой 9 м, диаметром 22 м, с каменным венцом по основанию. Остальные со следами повреждения (Лебедев, Седых, 1985. С. 15). В своде сопкок Северного Поволжья В.П. Петренко, изданном в 1994 г., значится всего две насыпи к северу от деревни Горчаковщина под номерами I-I и I-II. К востоку от деревни в поле отмечена как несохранившаяся насыпь под номером 2-I, зафиксированная в 1929 г. Н.Н. Чернягиным (Петренко, 1994. С. 121). В «Археологической карте Ленинградской области» 1995 г. В.А. Лапшин под № 1491 – группа сопкок Горчаковщина-2 – дает информацию о четырех насыпях как сохранившихся (Лапшин, 1995. С. 142).

По результатам полевого обследования 2021 г. в группе удалось локализовать две сопки. Северная сопка (№ 1) находится на южной окраине д. Бабино, в 0,17 км к западу от а/д Волхов-Иссады, в 0,24 км к северу от Большого Горчаковщинского водопада. Диаметр насыпи примерно 28 м, высота 2,8 м. Вершина сильно скрыта. Большая часть сопки находится в пределах частного садового участка. На поверхности сопки, включенной в пределы приусадебного участка, ведется хозяйственная деятельность. В юго-западной части насыпи под дерном видны остатки какой-то деревянной конструкции, находящейся в яме размерами примерно 0,7 × 0,8 м и глубиной как минимум 0,15–0,20 м, сильно оплывшей и задернованной. С южной стороны находится каркас старого пар-

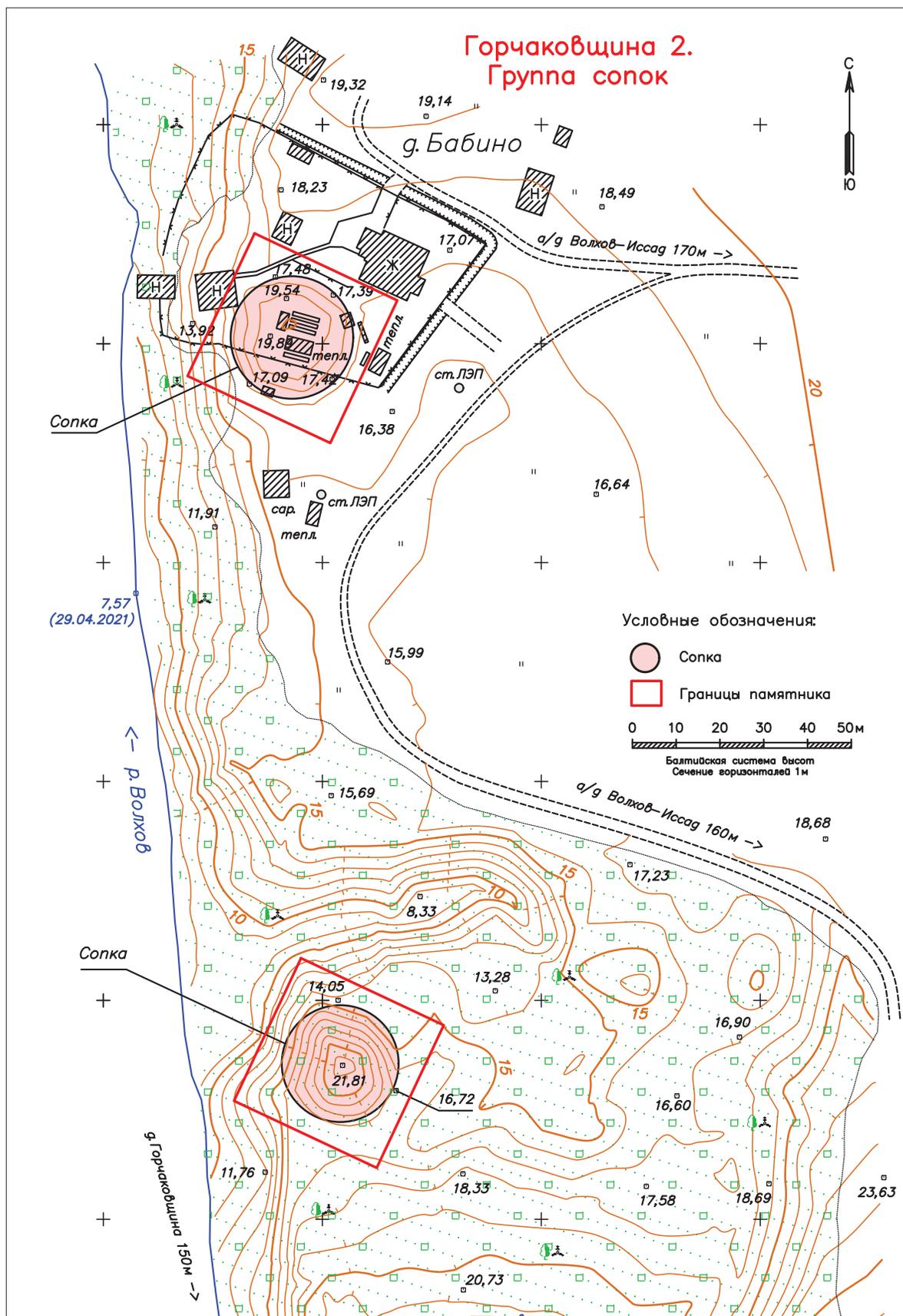

Рис. 12. Горчаковщина 2. Группа сопок. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

ника, который частично затрагивает полу сопки. Южная сопка (№ 2) расположена в 0,15 км к северо-западу от д. Горчаковщина, в 0,16 км к западу от а/д Волхов–Исады, 0,21 км к юго-западу от д. Бабино. Высота насыпи около 8 м, диаметр около 27 м. Сопка имеет конусовидную форму, довольно крутые склоны и уплощенную вершину. Западная и северо-западные полы повреждены оползанием берега. В северной поле яма размерами примерно 1 × 1 м. Вся сопка поросла деревьями и кустарником. На южном склоне прослеживается тропинка и сооружены веревочные перила. В новейшее время насыпь стала объектом своеобразного поминального обряда. На вершине и по склону вдоль тропинки размещены таблички с именами, закрепленные на стволах деревьев или воткнутые в землю.

Чернавино 5. Городище («Городище»)

Городище располагается в д. Сельцо-Горка, в 1,8 км к северо-востоку от Староладожской крепости, на территории базы отдыха «Староладожская дача» (рис. 13). Памятник был сильно поврежден строительно-хозяйственной деятельностью XVIII – начала XIX в., когда занимаемая им территория входила в состав имения князей Шаховских. В Великую Отечественную войну Любшанское городище и прилегающая территория были заняты госпиталем Волховского фронта. На площади памятника размещались санитарные строения, фундаменты которых частично разрушили культурный слой. Ввиду близости фронта для охраны госпиталя здесь располагался военный гарнизон. Следы окопов и траншей сохранились на городище до наших дней (Рябинин, 2002. С. 196). В 1945 г. бывшее имение Шаховских было передано Ленинградскому областному союзу советских художников (ЛОССХ) для организации летней базы отдыха и творчества. С начала 1990-х гг. база перестала получать финансирование, однако в 2003 г. она вновь начала функционировать (Миляев, 2018. С. 207).

Впервые городище упоминается в работе известного исследователя славянских древностей Зориана Доленга-Ходаковского, который побывал на месте в 1820-х гг. В публикации автор написал: «осматривал я <...> сам; <...> еще уцелели, – только вал с западной стороны <...> обрушился в Волхов»⁶ (Ходаковский, 1838. С. 139). В 1871

или 1872 г. памятник посетил Д. Я. Самоквасов в рамках двух своих путешествий по России с целью изучения древних домонгольских городищ. Исследователь локализует городище, известное сейчас как городище на р. Любша, «в двух верстах от Старой Ладogi, вниз по течению Волхова, при впадении в него Короповского ручья, между деревнями Короповкою и Любшей» и именует «Короповским городищем». Д. Я. Самоквасов разделил по внешним признакам все обследованные городища на два разряда и Любшанское городище отнес ко второму – с кругообразными очертаниями, к периоду до изобретения пороха и пушек. Форма «Короповского городка» описана как треугольная, вал со стороны поля, въезд с западной стороны со стороны поля (Самоквасов, 1873. С. 109, 110, 112, 113).

После работ З. Доленга-Ходаковского и Д. Я. Самоквасова памятник находился вне поля зрения научного сообщества вплоть до 1960-х гг. В 1968 г. Волховский отряд Ленинградского отделения института Археологии АН СССР под руководством С. Н. Орлова проводил обследование археологических памятников, числящихся по спискам Ленинградского областного управления культуры. Городище локализовано на правом берегу р. Волхов, в 1,5 км севернее Старой Ладogi в местечке Сельцо-Горка, на территории базы Дома творчества «Художник», на мысу, образованном высоким правым берегом р. Волхов и левым берегом р. Любша, впадающей в р. Волхов. В отчете памятник учтен под номером 40. С. Н. Орлов отмечает, что первоначальный вид городища со стороны рек Волхов и Любша значительно искажен: склоны подрезаны в результате устройства дорог, но с напольной стороны хорошо сохранились земляной вал и место въезда. Площадь городища, ограниченная валом, имеет размеры 100 × 30 м и уклон в сторону мыса, густо заросла лесом и кустарником. В период Великой Отечественной войны площадь городища была сильно изрыта блиндажами и траншеями. Земляной вал и привальная зона частично испорчены и застроены помещениями Дома творчества «Художник». Экспедицией был снят глазомерный план городища и сделаны зачистки в обрезах склонов, ям и траншей с целью определения характера и датировки культурных напластований. Основываясь на результатах своих работ, С. Н. Орлов определил дату первого освоения площадки городища рубежом эр. Следующий этап жизни на городище был датирован ранним Средневековьем, а третий этап –

площадки; восточная часть полого опускается к р. Любша. Возможно, описание относится исключительно к городищу в д. Дубовики, которое описывается вместе с городищем на р. Любша.

⁶ Не совсем ясно, что имеет в виду З. Д. Ходаковский, когда пишет про обрушение вала в р. Волхов с западной стороны, так как подковообразный вал охватывает площадку городища с западной и южной сторон, а в сторону р. Волхов как раз круто обрывается северная часть

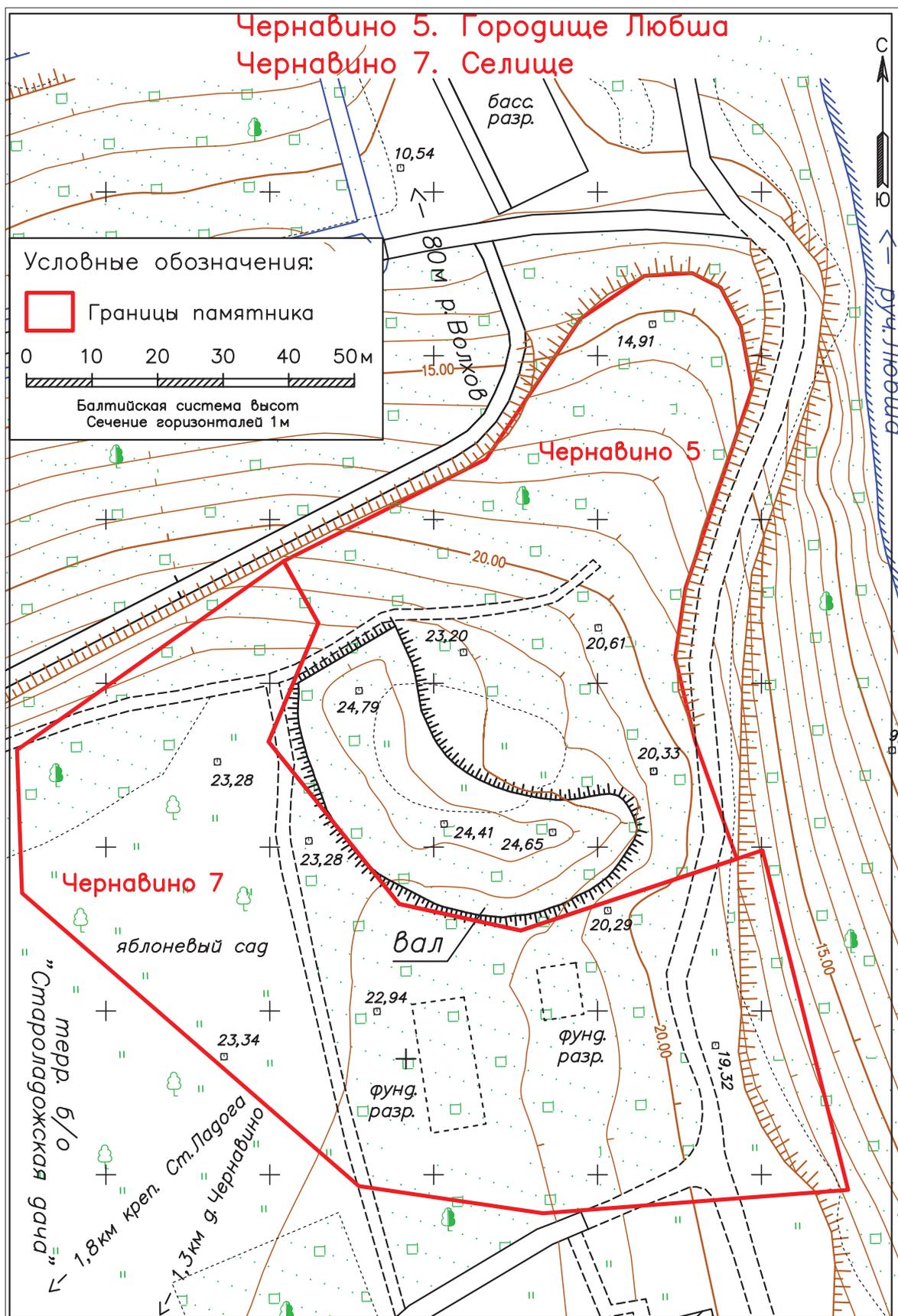

Рис. 13. Чернавино 5. Городище Любша; Чернавино 7. Селище. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

с XIII в. по Новое время (Орлов, 1968а. Л. 20–23; 1968б. Л. 74–79; Миляев, 2015. С. 111).

В 1970–1972 гг. исследование памятника продолжили экспедиция Староладожского музея, а затем Княщинский отряд Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР. В задачи археологических работ входило выяснение степени сохранности культурного слоя в центре площадки городища и его характеристика, определение целесообразности широкомасштабного исследования. Необходимость проведения подобных исследований была обусловлена в том числе активной хозяйственной деятельностью, осуществляемой администрацией Дома творчества «Художник», на территории которого находилось в то время городище. На момент обследования площадка городища имела размеры 60 × 70 м, с юга, юго-запада и запада окружена сильно оплывшим подковообразным валом шириной 15–16 м и высотой от 1,7–1,8 до 2 м и более. Общая площадь, вскрытая на памятнике, составила около 120 кв. м. В южной части траншеей был прорезан вал и исследован участок площадки городища. Установлено, что вал сооружен в два этапа. Ранний насыпан из суглинка с обильными вкраплениями гумуса, в основании укреплен камнями; более поздний – из суглинка, смешанного с камнями, внешний склон уложен плитами, перекрытыми слоем глины. По гребню вала прослежен ряд неглубоких ям, на внешнем склоне насыпи слой угля, интерпретированный как остатки деревянной преграды, уничтоженной пожаром. Мощность культурных напластований в раскопе на площадке городища составила 0,6–0,8 м. Прослежено два слоя, в которых расчищены несколько скоплений камней и прямоугольная, углубленная в материк постройка. На основе анализа керамического материала и индивидуальных находок выделено несколько этапов жизни на городище. Первоначальное заселение мыса датируется эпохой раннего металла. Основной этап жизни поселения – второй половиной I тыс. Гибель укреплений в огне происходит не позднее X в. Затем в течение нескольких столетий мыс пустовал – отсутствует керамика XI–XII вв. Новое население появляется в XIII–XIV вв.; городище заново укрепляют (Петренко, 1970. Л. 18; Кирпичников, Петренко, 1973. Л. 4–9; Петренко, Шитова, 1985. С. 181–183).

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Городище» в д. Сельцо-Горка, на территории дома творчества ЛОСХ «Художник», на берегу р. Любша поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 111). В 1983 г. городище обследовано СЗАЭ ЛГУ под

руководством Г.С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника, вычерчены ситуационный и генеральный планы. Земляных работ на городище не проводилось (Лебедев, Седых, 1985. С. 17, 18. Рис. 2: 16; Паспорт «Чернавино, городище в устье р. Любша», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Городище в устье реки Любша VIII–XII вв.» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 40). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Чернавино 5. Любшанское городище» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1485).

С 1997 по 2001 г. работы на городище осуществляла Волховская археологическая экспедиция ИИМК РАН под руководством Е.А. Рябинина. Раскопки проводились на трех участках: раскоп I на восточном фланге укреплений; раскоп II в юго-западной части жилой площадки городища, у оконечности вала, который был прорезан до материка; раскоп III в центре насыпи вала между первыми двумя (Миляев, 2018. С. 207). В результате исследований впервые были обнаружены остатки оборонительных сооружений с каменными конструкциями, относящиеся к последней четверти I тыс. На основе выполненных чертежей и наблюдений архитектором НИИ «Спецпроектреставрация» И.Л. Воиновой выполнена научная реконструкция крепости. Культурный слой прослежен во всех квадратах, но в некоторых из них значительная часть уничтожена поздними перекопами; в нем выделены две стратиграфические прослойки. На материковой поверхности отмечен стерильный слой желтой супеси мощностью до 0,15 м, перекрытой тонкой прослойкой погребенной почвы, при зачистке поверхности которой встречены отдельные фрагменты керамики эпохи раннего металла. Нижний уровень связан с функционированием первоначальных земляных укреплений (сооружены тем же населением, которое обитало на Любше и в ее окрестностях в эпоху раннего железного века); верхний уровень – с периодом существования каменно-земляной крепости (VIII – середина IX в.). Собранный при раскопках массовый материал и представительная коллекция индивидуальных находок позволили составить представление о материальной культуре населения и его хозяйственно-производственной деятельности (Рябинин, Дубашинский, 2002. С. 198–200).

В связи с затяжной болезнью и последующей кончиной Е.А. Рябинина многие материалы, полученные в ходе археологических работ, остались

необработанными и неопубликованными, отчет за последний год исследований не был написан. Результаты раскопок опубликованы в двух статьях, изданных в 2002 г. (Рябинин, 2002; Рябинин, Дубашинский, 2002). Только в 2018 г. П. А. Миляевым обработаны и сведены чертежи из раскопа II 1997–2001 гг., хранящиеся в архивах ИИМК РАН и ИА РАН и личном архиве Е. А. Рябинына, переданном родственниками исследователя в Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН (Миляев, 2018).

В ходе полевого обследования 2021 г. на памятнике был произведен визуальный осмотр, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и технического состояния городища, произведена фотографическая фиксация, уточнен план 2017 г. (Акт, 2017а. С. 88), определены границы с координатами поворотных точек. Городище располагается на правом берегу р. Волхов, в месте впадения в него р. Любша, на треугольном мысу коренного берега р. Волхов высотой около 20 м над уровнем воды, который имеет понижение в сторону северного склона, размерами 82 м по линии юго-запад–северо-восток, на 36 м по линии северо-запад–юго-восток⁷; с севера берег имеет крутой обрыв, с востока наблюдается более пологое понижение в сторону р. Любша. С юга, юго-запада и запада площадку мыса окружает оплывший подковообразный вал длиной около 55 м, шириной от 14 до 19 м, высотой от 1,4 до 4 м на разных участках. С запада наблюдается промежуток между валом и краем берега, который интерпретируется исследователями памятника как въезд. Через северную часть городища проложена мощеная дорожка. На северном участке мыса фиксируются остатки фундаментов госпиталя и окопов времен Великой Отечественной войны. В южной части вала прослеживается место его прорезки в ходе археологических раскопок; с юго-юго-восточной стороны доступен для визуального осмотра фрагмент кладки VIII–IX в., открытый раскопками Е. А. Рябинына. В западной

⁷ Важные наблюдения были сделаны в ходе работы Волховской археологической экспедиции 1997–2001 гг. под руководством Е. А. Рябинына. Прорезка всей площадки городища, включая закладку траншеи по линии 3–В между скатами к р. Волхов и р. Любша, показало полное отсутствие на основной части памятника культурных отложений и связанных с ними находок. Это свидетельствует о том, что его заселение было ограничено лишь зоной, непосредственно примыкающей к напольной стороне укреплений. Размеры заселенной площадки городища исследователь ограничил размерами 30 × 35 м (Рябинин, 2002. С. 199–200).

части вала фиксируется небольшой фрагмент каменной кладки. Территория городища сильно заросла деревьями и кустарниками, замусорена поваленными деревьями.

Чернавино 7. Селище («Селище»)

Селище расположено в д. Сельцо-Горка, в 165 м к югу от устья р. Любша, на площадке мыса, образованного р. Волхов и Любша, на территории базы отдыха «Староладожская дача» (рис. 13). Площадь селища полукольцом охватывает вал Любшанского городища с юга и запада. Высота площадки террасы составляет 20–23 м. Восточная часть памятника расположена в верхней части склона террасы к р. Любша, перепад склона в этом месте от 20 до 15 м.

Памятник выявлен в 1971 г. Разведочные отряды Северо-Западной экспедиции ЛГУ и Областного отделения Общества охраны памятников совместно со Староладожским музеем проводили работы в районе городища на р. Любша в 60 м к югу от вала городища, вдоль коренного берега р. Любша, на участке длиной около 100 м и шириной 3–4 м; на самом краю обрывистого берега выявлены выходы культурного слоя мощностью 0,2–0,5 м. Выходы слоя прослежены также за пределами вала вдоль края коренного берега р. Любша. Здесь собрана лепная и гончарная керамика, аналогичная материалам городища на Любше⁸ (Петренко, 1970. Л. 4; Кольчатов и др., 1972. С. 21; Петренко, Шитова, 1985. С. 181, 183, 185). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Селище» в д. Сельцо-Горка, на территории дома творчества ЛОСХ «Художник», на берегу реки Любша поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 112).

В 1983 г. селище обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г. С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника, вычерчены ситуационный и генеральный планы. При осмотре строительной траншеи, прорезавшей площадку селища, были сделаны наблюдения о характере культурного слоя. Перекрытый дер-

⁸ В отчете 1970 г., публикациях 1972 г. и 1985 г. В. П. Петренко и соавторы отмечают, что селище почти полностью уничтожено котлованом, однако результаты наблюдений Г. С. Лебедева 1983 г. (сборы подъемного материала, осмотр хозяйственных траншей и ям) фиксируют наличие памятника на площади, занятой парком и хозяйственными постройками пионерлагеря «Художник» (Петренко, 1970. Л. 4; Кольчатов и др., 1972. С. 21; Паспорт «Чернавино, селище II в устье р. Любша», 1983; Петренко, Шитова, 1985. С. 183, 185).

ном и прослойкой суглинка толщиной 0,2 м, он достигает мощности 0,4–0,5 м, гумусирован, насыщен углем, колотым камнем. На различных участках селища выходы слоя содержали черепки лепной неорнаментированной и гончарной древнерусской керамики, аналогичной керамике городища (Лебедев, Седых, 1985. С. 17, 18. Рис. 2: 18; Паспорт «Чернавино, селище II в устье р. Любша», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Селище 2 в устье р. Любша XI–XII вв.» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 42). В изданной в 1995 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Чернавино 7. Селище» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1487).

В 2017 г. Ленинградская областная экспедиция ИИМК РАН проводила научно-исследовательские археологические работы по обследованию памятников археологии в Волховском районе Ленинградской области. Работы осуществлялись в рамках выполнения государственного контракта № 16 от 28 июня 2017 г. по проведению историко-культурной экспертизы объектов археологического наследия Ленинградской области. На памятнике выполнена инструментальная топографическая съемка современного состояния рельефа. С целью уточнения границ и характеристики культурного слоя вдоль края первой террасы было заложено три зачистки, которые подтвердили результаты работ 1971–1972 гг. и 1983 г. Культурный слой, мощность которого составляет 0,2–1,0 м, распространяется на 140 м в направлении СЗ–ЮВ и 65 м в направлении СВ–ЮЗ (Акт, 2017а. С. 66–73, 88. Рис. 10). На основании подъемного материала, находок в шурфах и зачистках 1983 и 2017 гг. селище датировано IX–XII вв. (Акт, 2017а. С. 67, 68, 70).

Задачей полевого обследования 2021 г. являлась актуализация результатов работ Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН 2017 г. На памятнике было выполнено уточнение инструментального топографического плана, снятого в 2017 г., и границ с координатами поворотных точек. Западная и юго-юго-западная части селища находятся в яблоневом саду, северо-западная и восточная заросли смешанным лесом с густым подлеском и кустарником. По территории памятника в направлении север–юг проходят мощная плиткой дорога и ЛЭП; еще одна мощная дорожка пересекает территорию селища в западной части с запада на восток, в центральной части на современной дневной поверхности видны хорошо задернованные фундаменты XVIII–XX вв.

и заплывшие траншеи от прокладки современных инженерных коммуникаций, в этой части селища проложены мощные дорожки и построена легкая деревянная беседка. Большая часть площади селища регулярно скашивается, хозяйственная деятельность, связанная с земляными работами, не производится.

Велеша 2. Стоянка («Стоянка»)

Памятник расположен в 0,9 км к югу от д. Велеша, в 1,1 м к северо-востоку от с. Старая Ладога, на левом берегу р. Волхов, на мысу, образованном берегом реки и оврагом, в 33 м к западу от останца сопки 3-I по В.П. Петренко⁹ и № 1 по В.А. Лапшину в составе группы сопки Велеша 1 (Лапшин, 1995. С. 139. № 1471; Петренко, 1994. С. 119). Памятник открыт С.Н. Орловым в 1939 г. Культурный слой зачищен на крутом высоком левом берегу р. Волхов, на мысе, собран подъемный материал: шлифованные кремниевые и сланцевые орудия, керамика ямочно-гребенчатая и сетчатая. В древности овраг был значительно уже. Интенсивное расширение оврага связано с прорытием штолен по выборке песка, проводившейся в конце XVIII – начале XIX в., вход в которые находился на дне оврага. В раннем Средневековье на территории стоянки сооружена сопка (Гурина, 1961. С. 450; Паспорт «Неолитическая стоянка», 1949. С. 1–2).

Ввиду продолжающегося разрушения и осыпания береговой линии и оврага, затрагивающих и археологические объекты – стоянку и сопку, в 1950 г. принято решение о спасательных раскопках. Работы проводила Н.Н. Гурина при участии С.Н. Орлова. Стоянка исследована на площади 150 кв. м. Культурный слой мощностью 0,45–0,50 м имел отчетливо выраженную темную окраску из-за содержания значительного количества мелких углей; состоял из плотного песка, отличавшегося от рыхлого песчаного слоя, образующего насыпь сопки. Между основанием последней и верхней границей культурного слоя фиксировалась тонкая прослойка погребенной почвы. Материк – желтый песок, лежащий на моренной глине. По наблюдениям Н.Н. Гуриной, раскопками полностью исследована сохранившаяся часть стоянки. К северу и востоку отмечалось уменьшение количества находок и интенсивности окрашенности слоя; максимальная концентрация находок прослежена со стороны реки и оврага. Большая часть стоянки признана утраченной в результате естественного разрушения берега реки и оврага. По типам керамики, крем-

⁹ Далее в тексте нумерация объекта будет даваться по классификации В.П. Петренко.

невых орудий и наличием кусочка бронзы стоянка отнесена к эпохе раннего металла (Гурина, 1961. С. 451; Орлов, 1958. С. 236–239).

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Стоянка» рядом с д. Велеша Староладожского с/с поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 107). В 1983 г. место стоянки было обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева. Разведочные раскопки не проводились (Лебедев, Седых, 1985. С. 16, 18, рис. 2: 7; Паспорт «Велеша, стоянка», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Стоянка середины и второй половины II тыс. до. н.э. на 0,5 км к югу от деревни» в составе группы памятников у д. Велеша включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 48). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Велеша 2. Стоянка “Под сопкой”» (Лапшин, 1995. С. 139. № 1472).

В ходе полевого обследования 2021 г. заложено два разведочных шурфа и сделана зачистка на краю оврага с целью определения наличия культурного слоя эпохи раннего металла и границ его распространения. По результатам раскопок прослежена следующая стратиграфия: дерновый слой мощностью 0,05 м, светло-коричневая супесь мощностью 0,30–0,60 м; материк – желтый песок или желто-коричневая моренная глина. Среди находок железный костыль и мелкие маломформативные фрагменты гончарной керамики, характерные для огородного или пахотного слоя. Полученные в ходе земляных работ и визуального осмотра местности данные согласуются с наблюдениями Н.Н. Гуриной о сборах разновременной керамики со стороны оврага и в обресе сопки, а также к востоку от сопки на поле (Гурина, 1950. Л. 67). Ввиду отсутствия культурного слоя и находок, относящихся к эпохе раннего металла, следует также согласиться с мнением исследовательницы, что большая часть стоянки была разрушена оврагом, а оставшаяся полностью изучена раскопками 1950 г. (Гурина, 1961. С. 451)

«Стоянка»

Памятник, обозначенный как «Стоянка» по адресу: «Волховский район, Староладожский с/с, с. Старая Ладога, на мысу, образованном р. Волхов и глубоким оврагом на левом берегу р. Волхов», поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 124). На территории с. Старая

Ладога известна только одна стоянка эпохи неолита, открытая Н.К. Стеценко в 1979–1980 гг. в северной части Староладожской крепости на мысу при впадении р. Ладожка в р. Волхов. Следовательно, она не могла быть поставлена на учет в 1978 г. (Лапшин, 1995. С. 135. № 1445). Анализ историографического и архивного материала позволяет предположить, что под объектом «Стоянка» в с. Старая Ладога «на мысу, образованном р. Волхов и глубоким оврагом на левом берегу р. Волхов» подразумевается неолитическая стоянка у д. Велеша (в 1,1 км к востоко-северо-востоку от с. Старая Ладога и в 1,7 км к северо-востоку от Староладожской крепости), открытая С.Н. Орловым в 1939 г., на которую в 1949 г. Э.Е. Фрадковым был составлен паспорт памятника под названием «Неолитическая стоянка» по адресу «Волховский район, на левом бер. р. Волхов, на мысу, образованном левым бер. р. Волхов и глубоким оврагом, в 1300 м на север от пос. Ст. Ладога» (Паспорт «Неолитическая стоянка», 1949). В 1950 г. этот памятник был поставлен на учет и охрану Решением исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 08 августа 1950 г. № 59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников», где вместо расстояния в 1300 м к северу от пос. Старая Ладога ошибочно указано «у глубокого оврага, на мысу р. Волхов, 130 м к северу от села» (Решение, 1950. Пункт 11). Следует полагать, что по причине этой ошибки в Решение Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978, помимо существующей неолитической стоянки у д. Велеша (п. 107), под названием «Стоянка» был включен также и данный несуществующий памятник (п. 124) (Решение 1978. Пункты 107, 124).

По результатам полевого обследования 2021 г. объект «Стоянка» по адресу: «Волховский район, Староладожский с/с, с. Старая Ладога, на мысу, образованном р. Волхов и глубоким оврагом на левом берегу р. Волхов», указанному в Решении Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области (пункт 124), не обнаружен. По всей видимости, объект «Стоянка» в с. Старая Ладога был поставлен на учет как археологический памятник ошибочно.

Старая Ладога 22. Группа сопки («Сопка VIII–IX вв.»)

Сопки расположены в 0,7 км к северо-востоку от с. Старая Ладога, в 1,1 км к юго-западу от д. Велеша, на левом коренном берегу р. Волхов, вдоль края обрыва на излучине реки (рис. 14). В архивно-библиографической литературе памятник

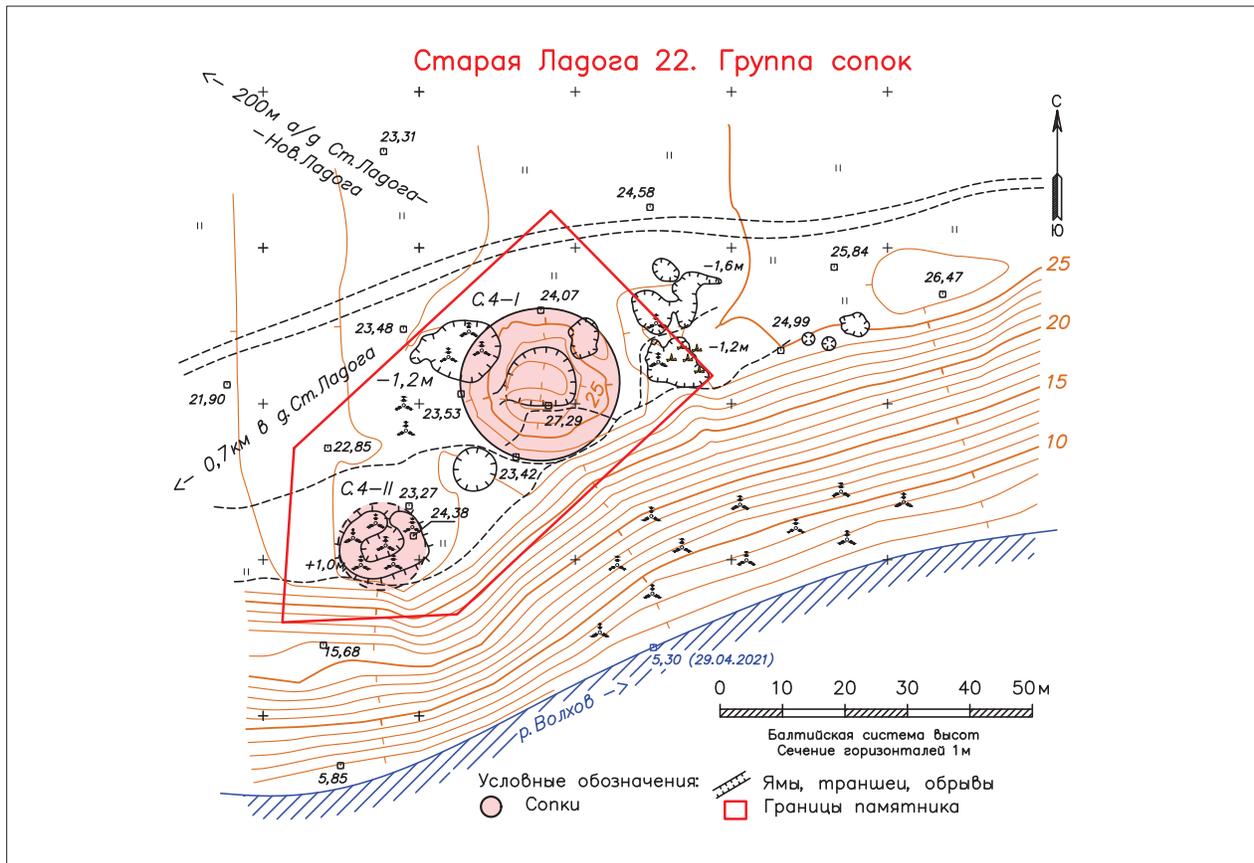

Рис. 14. Старая Ладога 22. Группа сопки. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

известен под названием группа сопки № 1 в урочище «Сопки» (северная группа) (Лапшин, 1995. С. 138; Лебедев, Седых, 1985. С. 16; Мильчик, 2021. С. 133). В 1878–1886 гг. сопки отмечены на карте Н.Е. Бранденбургом в составе группы из 11 насыпей, расположенных между с. Старая Ладога и д. Велеша. Тогда же исследователь раскопал траншеей восточную насыпь (№ 132 по Н.Е. Бранденбургу, 4-I по В.П. Петренко)¹⁰ (Бранденбург, 1895. С. 135, карта). В 1903 г. Н.И. Репников в отчете о поездке в Старую Ладогу также написал об 11 насыпях, расположенных между д. Велеша и Подмонастырской слободой, севернее с. Старая Ладога. Каждую сопку отдельно не описывал (Репников, 1904. С. 57).

В 1929 г. насыпи описаны и обмерены Н.Н. Чернягиным. Локализованы севернее с. Старая

¹⁰ Далее по тексту при описании насыпей в составе группы будет использоваться нумерация, принятая в каталоге В.П. Петренко – 4-I и 4-II (Петренко, 1994. С. 8, рис. 4).

Ладога рядом с постройками несохранившегося хутора, на левом берегу р. Волхов. В восточной насыпи отмечена продолговатая яма в центре; западная земляными работами не потревожена и располагалась в 4–5 м от края обрыва. Обе сопки поросли густой растительностью (Чернягин, 1929. Л. 2–3; 1941. С. 122. № 357).

В 1940 г. насыпи обследованы С.Н. Орловым. Описаны в составе группы из 12 сопки, расположенных цепочкой вдоль левого берега р. Волхов между Успенским монастырем и д. Велеша. Отмечены на планах, опубликованных в 1949 и 1955 г. (Орлов, 1949. С. 8, рис. 1; 1955. С. 191, рис. 1; С. 192, рис. 2). Локализованы на излучине левого берега р. Волхов, в 1 км ниже с. Старая Ладога, на бровке коренного берега. Между насыпями отмечены постройки несохранившегося хутора. Также в 1940 г. С.Н. Орловым были проведены спасательные раскопки западной насыпи в группе, которая после осмотра Н.Н. Чернягиным в 1929 г. получила сильные повреждения: южная половина уничтожена осыпающимся береговым склоном,

юго-восточная часть прорезана карьером, из которого брали балласт для дороги, в северной поле был устроен погреб (сопка № 1 по С.Н. Орлову и 4-II по В.П. Петренко) (Орлов, 1968а. Л. 15). Установлено, что сопка имела диаметр 17 м и высоту около 5 м. Высота сохранившейся части насыпи 3,8 м. Общая площадь насыпи, исследованной раскопками, 85 кв. м. Результаты археологических изысканий опубликованы в статье 1955 г. (Орлов, 1955. С. 190–211). В 1968 г. в рамках обследования археологических памятников, числящихся по спискам Ленинградского областного управления культуры, С.Н. Орловым проведено повторное обследование памятника. В отчете группа сопкок учтена под номером 28, сделано словесное описание, составлен паспорт (Орлов, 1968а. С. 1, 15; Орлов, 1968б. Л. 50–52).

В 1965 г. Г.Ф. Корзухина, проводя работу по систематизации погребальных памятников Старой Ладogi и ее окрестностей, включила сопки в список под номерами № 3 и 4 (нумерация с севера на юг) и локализовала на карте согласно описаниям Н.Н. Черныгина и С.Н. Орлова на излучине р. Волхов между краем берега и шоссе (Корзухина, 1965. Л. 2).

В 1970 г. группа сопкок в урочище «Сопки» была осмотрена Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ под руководством В.А. Назаренко: сделано словесное описание, вычерчены профили, номера по отчету 4 и 5 (Назаренко, 1970. Л. 6). Исследователь фиксирует наличие отвалов на месте сопки, исследованной С.Н. Орловым в 1940 г. (№ 5 по нумерации В.А. Назаренко), и предполагает, что под ними могли сохраниться неисследованные полы сопки. В центре второй насыпи в группе (№ 4 по отчету В.А. Назаренко) отмечена яма размерами 8 × 10 м и глубиной 2,5 м, доходящая до основания сопки. По-видимому, в описании данной сопки присутствует ошибка, так как автор, говоря о правильной форме ямы, отрицает возможность дореволюционных раскопок сопки, ссылаясь на Н.Н. Черныгина и С.Н. Орлова, которые фиксируют ее как целую, без повреждений. Однако у названных исследователей рассматриваемая яма, наоборот, отмечена, о чем было написано выше (Назаренко, 1970. Л. 6). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, включил насыпи в группу сопкок № 335 – Велеша. Описание насыпей приведено по публикациям исследователей Н.Е. Бранденбурга и С.Н. Орлова, указанным выше по тексту (Седов, 1970. С. 45). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Сопка VIII–IX вв.» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 108).

В 1979 г. В.П. Петренко осуществил контрольные прорезки ополин насыпи, исследованной Н.Е. Бранденбургом. Два небольших раскопа размерами 3,5 × 2,0 м и 3,0 × 1,5 м заложены с северной и восточной сторон сопки. В результате работ выявлены части каменной обкладки, сложенной в 2–4 яруса из валунов на высоту 0,6–0,7 м, при ширине 1,4–1,6 м, прослежена стратиграфия в пределах раскопанных участков. На основе полученных данных В.П. Петренко сделал реконструкцию устройства насыпи (Петренко, 1994. С. 14, 26, рис. 5).

В 1983 г. группа была обследована СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева. Сделано описание, составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. Остатки сопки, раскопанной С.Н. Орловым, сохраняются в виде оплывших отвалов. Вторая сопка диаметром 18 м, высотой около 4 м, в центре повреждена глубокой ямой, в юго-западной поле следы землянки военного времени. Западная часть насыпи заросла кустами (Лебедев, Седых, 1985. С. 16, 18, рис. 2: 9; Паспорт «Старая Ладога, группа сопкок I в урочище «Сопки»», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Группа сопкок I VIII–IX вв. на 0,5 км севернее Малышевой Горы, коренной левый берег реки Волхов» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 1). В своде сопкок Северного Поволжья В.П. Петренко, изданном в 1994 г., группа сопкок значится под номером 4, каждой сопке присвоены номера римскими цифрами 4-I и 4-II (Петренко, 1994. С. 121).

В ходе полевого обследования 2021 г. установлено, что памятник находится в аварийном состоянии. Сопка 4-I сохранилась в виде массивного останца диаметром 25 м, максимальная высота в южной части 3,87 м. В центре большая оплывшая яма подпрямоугольной формы размерами 9,4 × 11 м, глубиной до 3 м, достигающая основания насыпи. В западной поле насыпи еще одна яма размерами 9,5 × 4,5 м, сильно заросшая мелкими деревцами и кустарником. С северо-западной стороны фиксируется огромный провал, образовавшийся в результате оседания грунта в полости, возникшей после добычи песка в конце XIX – начале XX в. Еще несколько подобных провалов грунта фиксируются к юго-западу и востоку от насыпи. Место расположения сопки 4-II прослеживается по наличию отвалов в форме незамкнутого овала в 18 м к юго-западу от сопки 4-I. Диаметр участка, занятого отвалом, около 17,5 м. Место густо заросло сорной травой и кустарником.

Старая Ладога 23. Группа сопок («Группа из четырех сопок. Одна из них “Полая”» (сопка Ходаковского)»)

Группа из четырех сопок расположена в 0,5 км к северо-востоку от с. Старая Ладога, в 1 км к юго-западу от д. Ивановский Остров, на левом коренном берегу р. Волхов, цепочкой вдоль края обрыва на излучине реки (рис. 15). В архивно-библиографической литературе памятник известен под названием группа сопок № 2 в урочище «Сопки» (южная группа). Примечательна наличием самой большой насыпи из сохранившихся на текущий момент в Нижнем Поволжье, которую именуют «Олегова могила»¹¹ (Орлов, 1955. С. 191–192, рис. 2; Лапшин, 1995. С. 138; Лебедев, Седых, 1985. С. 16–17; Кирпичников, Сарабьянов, 2003. С. 43; Мильчик, 2021. С. 132–133;).

В 1824 г. самая крупная сопка в группе была исследована З.Д. Ходаковским вместе со староладожским помещиком А.Р. Томиловым. Насыпь раскопана колодцем, спущенным с вершины. Среди находок отмечены железная стрела, кальцинированные кости и угли (Ходаковский, 1838. С. 147–149). В 1878–1886 гг. насыпи отмечены на карте Н.Е. Бранденбургом в составе группы из 11 насыпей (Бранденбург, 1895. Карта). В 1903 г. Н.И. Репников в отчете о поездке в Старую Ладогу также написал об 11 насыпях, расположенных между д. Велеша и Подмонастырской слободой, севернее

¹¹ Следует отметить, что наименование «Олегова могила» применительно к указанной насыпи впервые использовал С.Н. Орлов со ссылкой на местных жителей (Орлов, 1955. С. 192. Прим. 1). Ранее в 1929 г. Н.Н. Чернягин отметил, что «Олеговой могилой» называется сопка, которая располагается у северной границы с. Старая Ладога, между Малышевой горой и урочищем «Сопки». Никто из опрошенных крестьян не знал о производившихся раскопках наибольшей насыпи в урочище «Сопки». Сам Н.Н. Чернягин предположил в своем отчете, что это был З.Д. Ходаковский в 1824 г. (Чернягин, 1929. Л. 5, 7). Г.С. Лебедев пишет, что первоначально, до исследований З.Д. Ходаковского, «Олеговой могилой» считали самую крупную насыпь, а после раскопок название перешло на расположенную южнее не раскопанную сопку, что и зафиксировал Н.Н. Чернягин в 1929 г. (Паспорт, 1983. «Старая Ладога, группа сопок II в урочище “Сопки”». С. 2; Лебедев, Седых, 1985. С. 16–17. № 10, 11). Н.Е. Бранденбург рассматривал в качестве возможного места погребения князя Олега исследованную им в 1886 г. сопку у с. Михаила Архангела в 10 км южнее с. Старая Ладога (Бранденбург, 1892. С. 165). Сопку, ныне носящую название «Олегова могила», Н.И. Репников и Н.Н. Чернягин именовали «Полой» (Репников, 1911. С. 2; Чернягин, 1941. С. 122. № 357).

с. Старая Ладога. Отдельно исследователь упомянул только одну самую выдающуюся сопку, раскопанную З.Д. Ходаковским (Репников, 1904. С. 57).

Насыпи впервые описаны и обмеряны в 1929 г. Н.Н. Чернягиным. Отмечена хорошая сохранность всех сопок, кроме раскопанной З.Д. Ходаковским (Чернягин, 1929. Л. 5–7; 1941. С. 122, № 357). В 1940-х и 1968 гг. она осмотрена С.Н. Орловым и отмечена на картах исторических объектов Старой Ладоги и ее окружи в изданиях 1949 и 1955 гг. (Орлов, 1949. С. 8, рис. 1; 1955. С. 191; 1968а: Л. 14–15; 1968б: Л. 46–49). Во время одного из обследований около «Полой сопки» исследователь отметил два каменных луча, радиально расходящихся от ее основания, состоявших из крупных валунов (Назаренко, 1970. Л. 7; Паспорт «Старая Ладога, группа сопок II в урочище “Сопки”», 1983. Л. 2; Петренко, 1994. С. 122).

В 1965 г. Г.Ф. Корзухина, проводя работу по систематизации погребальных памятников Старой Ладоги и ее окрестностей, включила сопки в список под номерами 5, 6, 7, 8 (нумерация с севера на юг) и локализовала на карте согласно описаниям Н.Н. Чернягина и С.Н. Орлова на излучине р. Волхов между краем берега и шоссе (Корзухина, 1965. Л. 2).

В 1970 г. группа сопок в урочище «Сопки» была осмотрена Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ под руководством В.А. Назаренко: сделано словесное описание, вычерчены профили, номера по отчету 6, 7, 8, 9. Отмечены повреждения самой северной сопки в группе (№ 6) – северная полая срезана бульдозером (Назаренко, 1970. Л. 6–8). В 1970 и 1979 гг. эти разрушения были устранены сотрудниками Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Петренко, 1994. С. 122)¹². Радиальные выкладки, зафиксированные С.Н. Орловым около «Полой сопки», проследить не удалось (Назаренко, 1970. Л. 7). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, включил насыпи в группу сопок № 335 – Велеша. Отдельно описана только одна из сопок – «Полая», раскопанная З.Д. Ходаковским (Седов, 1970. С. 45). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Группа из четырех сопок. Одна из них “Полая” (сопка Ходаковского)» в 1 км к северу от с. Старая Ладога поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 119).

¹² Неоднократные реставрационные работы по ликвидации нарушений целостности насыпей проводились и в течение 1980-х гг. (Бессарабова, 1995. С. 26–27).

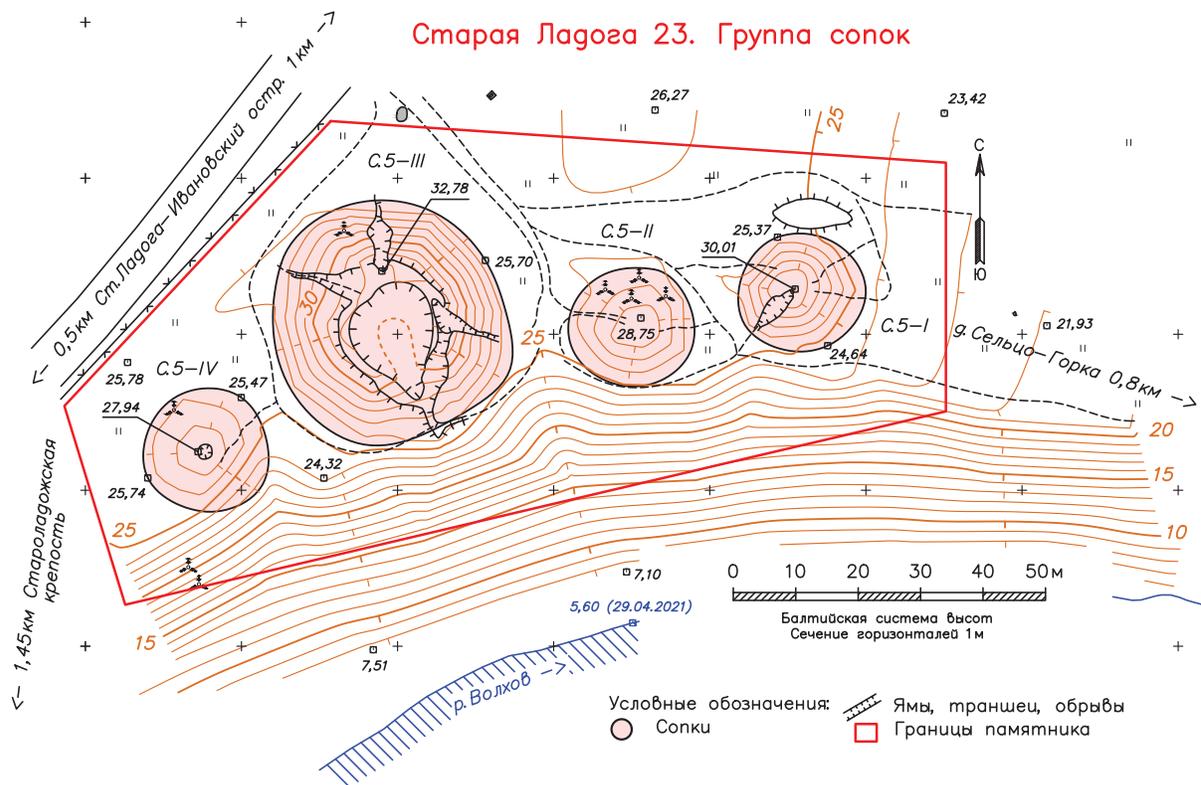

Рис. 15. Старая Ладога 23. Группа сопки. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

В 1983 г. группа была обследована СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. Зафиксированные С.Н. Орловым радиальные выкладки около «Полой сопки» признаны уничтоженными при строительных работах шоссе Волхов–Новая Ладога (Лебедев, Седых, 1985. С. 17, 19, рис.2: 10; Паспорт «Старая Ладога, группа сопки II в урочище “Сопки”», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Группа сопки 2 VIII–IX вв. на 15 км шоссе Волхов–Новая Ладога» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 3). В своде сопки Северного Поволжья В.П. Петренко, изданном в 1994 г., группа сопки значится под номером 5, каждой сопке присвоены номера римскими цифрами 5-I, 5-II, 5-III и 5-IV¹³ (Петренко, 1994. С. 15, 17, 122). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 23.

¹³ Далее в тексте при изложении результатов полевого обследования 2021 г. будет использоваться нумерация, принятая в каталоге В.П. Петренко 1994 г.

Группа сопки № 2 в урочище “Сопки” (южная группа)» (Лапшин, 1995. С. 138. № 1466).

В результате полевого обследования 2021 г. зафиксировано неудовлетворительное состояние насыпей: нарушение дернового слоя, следы размывания водными потоками, пешеходные тропинки, опасная близость края береговой линии. Сопка 5-I самая восточная в группе; конусовидная, крутобокая. С более пологой юго-западной стороны фиксируется широкая промоина, нарушающая дерновый покров на участке размерами 2,8 × 8,7 м. Остальная поверхность сопки задернована, с северной стороны растет молодое деревце. С северо-западной, северо-восточной и восточной сторон на верх насыпи ведут пешеходные тропинки. Край береговой террасы находится в 2,3 м от южной поля насыпи. Диаметр сопки 20 м, высота 4,6 м. Сопка 5-II расположена в 7,5 м к западу от сопки 5-I. Конусовидная, крутобокая, вершина уплощена. С западной и восточной сторон на вершину ведут пешеходные тропинки. Задернована, северная сторона поросла мелкими деревцами. Южная поля практически смыкается с краем береговой террасы. Диаметр насыпи 19,7 м, высота 3,2 м. Сопка 5-III расположена в 9,2 м западнее

сопки 5-II. Останец сопки имеет конусовидную форму, крутые северный, западный и восточный склоны и покатый южный. В центре огромная яма подквадратной формы – следы раскопок XIX в. Яма сильно оплыла, ее размеры примерно 20 × 18 м. С юго-восточной, северной и северо-западной сторон промоины шириной 1,5–2,8 м, которые используются как дорожки на вершину насыпи. Южная поля практически смыкается с краем береговой террасы. Центральная часть, западная и северная поросли мелкими деревьями и кустарником. Диаметр останца около 39 м, максимальная высота 7,1 м. Насыпь находится в аварийном состоянии. Сопка 5-IV расположена в 10 м к западу от сопки 5-III. Насыпь сильно оплыла, ее юго-восточная поля оползает по краю береговой террасы, с северной стороны заросла деревьями и кустарником. В вершине заплывшая и задернованная яма округлой формы диаметром примерно 2,3 м. Диаметр сопки 20 м, высота 2,5 м.

Старая Ладога 17. Успенская сопка («Сопка»)

Сопка располагается на территории с. Старая Ладога, на левом берегу р. Волхов в 60 м к северу от Успенского монастыря, в бывшем парке усадьбы Томиловых-Шварц, на небольшом всхолмлении береговой террасы, плавно понижающейся к урезу воды (рис. 16). Первое упоминание о сопке в «старой Ладоге в саду Г. Томилова, под Успенским монастырем» встречается в одной из работ З.Д. Ходаковского (Ходаковский, 1844. С. 374).

В 1929 г. сопка была осмотрена Н.Н. Чернягиным, произведены обмеры и сделано словесное описание. На момент обследования сопка имела вид усеченного в верхней части конуса и носила следы вторичных земляных работ: устройство площадки на вершине насыпи, выравнивание основания, возможно с целью придания более правильной формы; с юга поля изрыты дорожками, имеющими вид неглубоких канав. Диаметр насыпи приблизительно 15 м, высота 3 м. По полям и на площадке, устроенной на вершине сопки, росли старые липы и березы. Н.Н. Чернягин отмечает, что сопка не подвергалась раскопкам (Чернягин, 1929. Л. 7, 8; 1931. Л. 3; 1941. С. 122. № 357). В 1940-х и 1968 гг. осмотрена С.Н. Орловым и отмечена на картах исторических объектов Старой Ладоги и ее окружи в изданиях 1949 и 1955 гг. (Орлов, 1949. С. 8, рис. 1; 1955. С. 191; 1968а. Л. 14; 1968б. Л. 11–13).

В 1965 г. Г.Ф. Корзухина, проводя работу по систематизации погребальных памятников Старой Ладоги и ее окрестностей, включила сопку в список под номером 11 и локализовала на карте согласно описаниям Н.Н. Чернягина и С.Н. Орлова на тер-

ритории бывшего усадебного парка (Корзухина, 1965. Л. 2). В 1970 г. насыпь была осмотрена Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ под руководством В.А. Назаренко. Отмечена сильная деформация сопки: по ее склонам к вершине ведет винтообразная дорожка шириной около 1 м. Насыпь окружена специально высаженными деревьями. В.А. Назаренко предполагал, что сопка была раскопана в 1820-х гг. А.Р. Томиловым при участии З.Д. Ходаковского, а затем насыпана заново. На вершине установлена беседка (Ходаковский, 1938. С. 147–149; Назаренко, 1970. Л. 8). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, ссылаясь на данные Н.Н. Чернягина и С.Н. Орлова, включил насыпь в группу сопок № 335 – Велеша. Отдельно не описана (Седов, 1970. С. 45). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Сопка» в с. Старая Ладога на территории бывшего Успенского монастыря поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 120).

В 1983 г. сопка обследована СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева. В отчете приведены следующие размеры: высота 4 м, диаметр 18 м. Г.С. Лебедев отмечал, что сопка была включена в ландшафтно-парковый ансамбль, в связи с чем подверглась благоустройству: вершину насыпи срезали для размещения беседки, склоны подрезали и проложили по ним пешеходные дорожки. В северной поле насыпи имеется котлован землянки военного времени, южная также повреждена ямами. В полях и по склонам сопки растут старинные липы и березы (Лебедев, Седых, 1985. С. 17, 19, рис. 2; 23; Паспорт «Старая Ладога, сопка в парке б. усадьбы Томилова», 1983. Л. 2, 3). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Сопка в парке б. усадьбы Томилова, VIII–IX вв.» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 20).

В своде сопок Северного Поволжья В.П. Петренко, изданном в 1994 г., сопка значится под номером 7-1. Исследователь выразил несогласие с предположением В.А. Назаренко о раскопках сопки А.Р. Томиловым и З.Д. Ходаковским в 1820-е гг. и ее последующем восстановлении, с благоустройством беседки на вершине и пешеходной дорожки. Вслед за Н.Н. Чернягиным В.П. Петренко полагал, что насыпь целенаправленным научным раскопкам не подвергалась (Петренко, 1994. С. 15, 119, 122). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 17. Успенская сопка» (Лапшин, 1995. С. 138. № 1460).

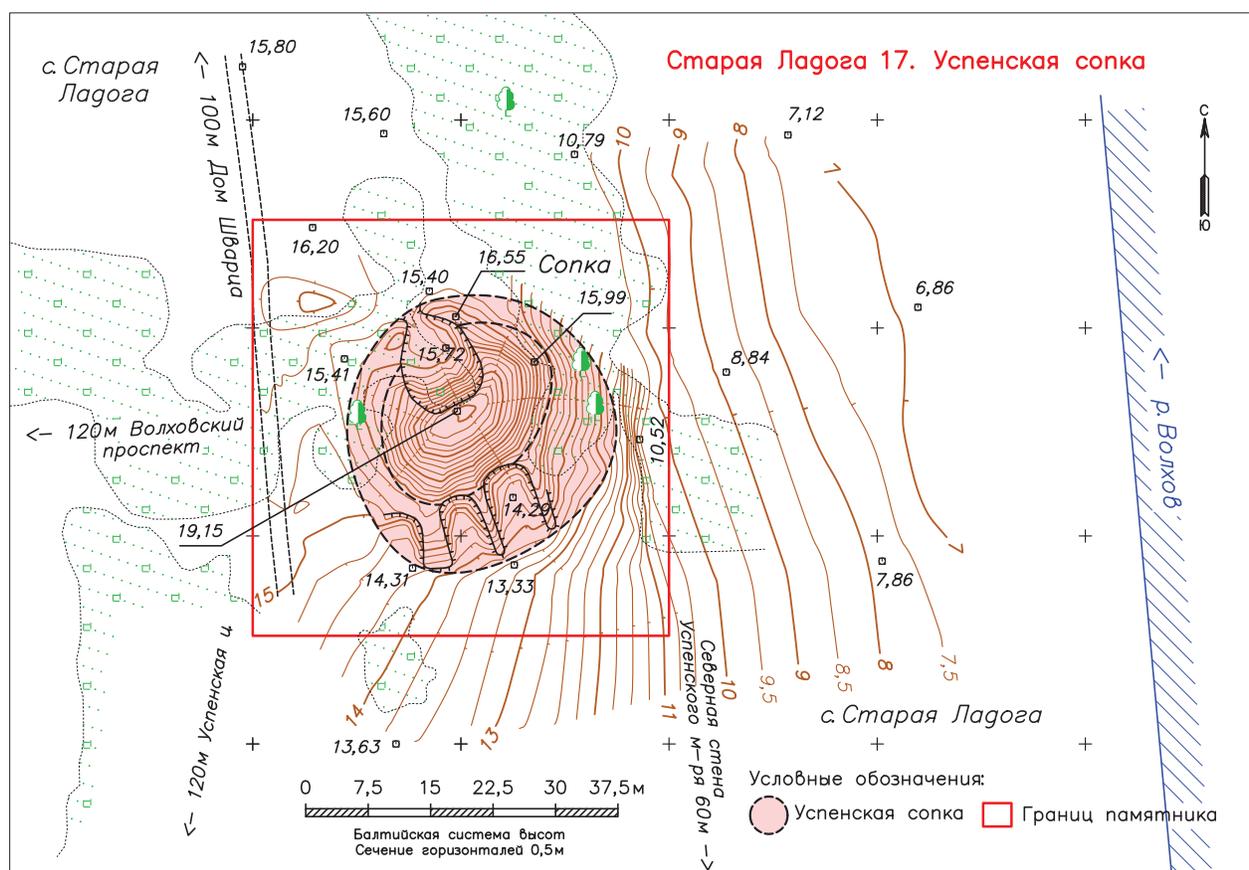

Рис. 16. Старая Ладога 17. Успенская сопка. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

По результатам обследования 2021 г. установлено, что сохранность насыпи существенно не изменилась с момента осмотров 1970-х – 1980-х гг., чему, безусловно, способствует ее нахождение в центре исторического села. Сопка неправильной конусообразной формы, вершина уплощена, склоны оплыли, в северо-западной поле яма размерами 5,6 × 6,4 м от дневной поверхности на всю высоту объекта. С юга к сопке примыкают три узкие земляные гряды длиной 7,5–8,0 м, шириной 1,0–2,7 м. По периметру насыпи на расстоянии 3,5–5,0 м от ее границ прослеживается площадка округлой формы. На этой площадке растут три липы: одна с запада и две с востока. Высота сопки 4 м, размеры основания овальной формы 18 × 22 м.

Старая Ладога 16. Основание северного притвора Успенской церкви («Основание каменного притвора Успенской церкви»)

Основание северного каменного притвора является конструктивной частью Успенской церкви, расположенной на территории Успенского монастыря в с. Старая Ладога по адресу пер. Успенский, 13. Церковь Успения Пресвятой Богородицы является

памятником древнерусского новгородского зодчества и относится к его ладожскому этапу, в течение которого происходит выработка нового архитектурного типа – приходской церкви. По своим архитектурным формам и строительной технике храм датируется исследователями 40–50-ми гг. XII в. (Гусева, Воинова, 1995. С. 79; Сарабьянов, 2021. С. 220). Первая реставрация церкви проведена в 1957–1960 гг. под руководством архитектора А.А. Драги. Северный придел и паперть были разобраны уже накануне Великой Отечественной войны, в 1940 г., вероятно в соответствии с концепцией «освобождения от поздних наслоений» – популярного в середине XX в. реставрационного приема (Воинова, 2017. С. 34). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Основание каменного притвора Успенской церкви» в с. Старая Ладога на территории бывшего Успенского монастыря поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 125).

В 1980 г. Ладожским отрядом архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под

руководством Л. Н. Большакова проведены раскопки с целью уточнения наличия притворов у северного и южного фасадов Успенской церкви. В результате работ установлено, что перед северным порталом храма существовал притвор, определена ширина фундамента северного притвора, равная 0,75 м, выяснено, что фундаменты из валунов среднего размера на растворе заложены одновременно с фундаментами основного объема церкви, но глубина их заложения на 0,20–0,25 м выше основных (Большаков, 1980. Л. 7; 1981. С. 7). В 1983 г. место обнаружения притвора обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г. С. Лебедева. Описание в составленном паспорте приведено на основании отчета о раскопках Л. Н. Большакова 1980 г. Отмечено, что фундамент притвора после археологических работ засыпан, поверхность задернована (Паспорт «Старая Ладога, основание каменного притвора церкви Успения Богородицы», 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 17). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Основание каменного притвора бывшей церкви Успения Богородицы XII–XIII вв.» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 21).

В 1986 г. институт «Спецпроектреставрация» начал натурные и архитектурно-археологические исследования Успенской церкви в связи с разработкой проекта реставрации и использования памятника и проекта благоустройства территории вокруг него. В ходе раскопок расчищены фундамент северо-западного угла и восточной стены северного притвора шириной 0,8–0,9 м, высотой 0,45 м. Фундамент устроен в той же манере, что и фундамент основного объема церкви: из небольших валунов, уложенных в ров, хорошо пролитых известковым раствором, и поставлен на материковый грунт. Швы между валунами и стенками рва также заполнены слоем раствора. В основании кладки прослежены двойные ряды деревянных лежней. Фундамент притвора выполнен без перевязки с кладкой фундамента основного объема. Прослежено соединение поверхности фундамента притвора с поверхностью фундамента основного объема храма выравнивающим слоем раствора, с уровня которого велась стенная кладка (Воинова, Стеценко, 1992. С. 169, 173; Отчет, 1987. Л. 10–13). По результатам архитектурно-археологических исследований разработан проект благоустройства территории вокруг церкви, предполагающий расширение приямка с северной стороны храма, выведение над уровнем земли и консервацию исторических остатков пристроек, в том числе фундамента северного притвора (Отчет, 1989.

Л. 38). В изданной в 1995 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 16. Основание северного каменного притвора Успенской церкви XII в.» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1459).

В ходе полевых работ 2021 г. обследовано месторасположение северного притвора Успенской церкви, снят актуальный топографический план. Церковь находится в 110 м к западу от уреза воды р. Волхов, в 80 м к востоку от Волховского проспекта, на широкой возвышенности, покатою к берегу реки. Здание стоит в небольшом приямке, устроенном при понижении грунта вокруг памятника в ходе реставрационных работ 1957–1960 гг. (Воинова, 2017. С. 34). На уровне современной дневной поверхности прослеживается трасса фундамента притвора, сделанная в результате реставрационных работ 1990-х гг. Размеры основания 4,6 × 5,5 м, расположено оно между центральными лопатками, примерно в 6,4 м от северо-западного угла церкви. Археологические раскопки не проводились.

Старая Ладога 7. Посад («Культурный слой Ладожского посада»)

Памятник располагается в границах современного с. Старая Ладога (рис. 17). Ядро посада города Ладога находится в северо-западной части современного Земляного городища, рядом со стенами каменной крепости. Новые данные археологических раскопок показывают, что первоначально на этой территории располагались сельскохозяйственные угодья. Первые деревянные постройки, по данным дендрохронологии, появляются здесь не позднее середины VIII в. (Черных, 1985а). В IX в. Ладога была первым городским центром на Северо-Западе, сравнимым с датским Хедебю или шведской Биркой. Первые достоверные сведения о Ладожском посаде зафиксированы в рассказе о походе норвежского ярла Эйрика 997 г., когда он «разрушил Альдейгьюборг и взял там много добра» (Рыдзевская, 1945. С. 54)¹⁴. В оригинальном тексте саги в Ладоге различают крепость – borg и участок открытого поселения – stadt (Рыдзевская, 1945. С. 55). Поселение расширялось вдоль берегов рек Волхов и Ладожка. В XII в. в Ладоге были построены шесть каменных церквей, две из которых – Успенская и Никольская – ограничивали территорию поселения с севера и юга. С запада границей посада могла служить еще одна каменная церковь (церковь на левом берегу р. Ладожка), исследованная Н. Е. Бранденбургом в 1886 г. (Бранденбург, 1892.

¹⁴ Альдейгьюборг (Aldeigjuborg) – древнескандинавское название Ладоги (Джаксон, 1997. С. 64).

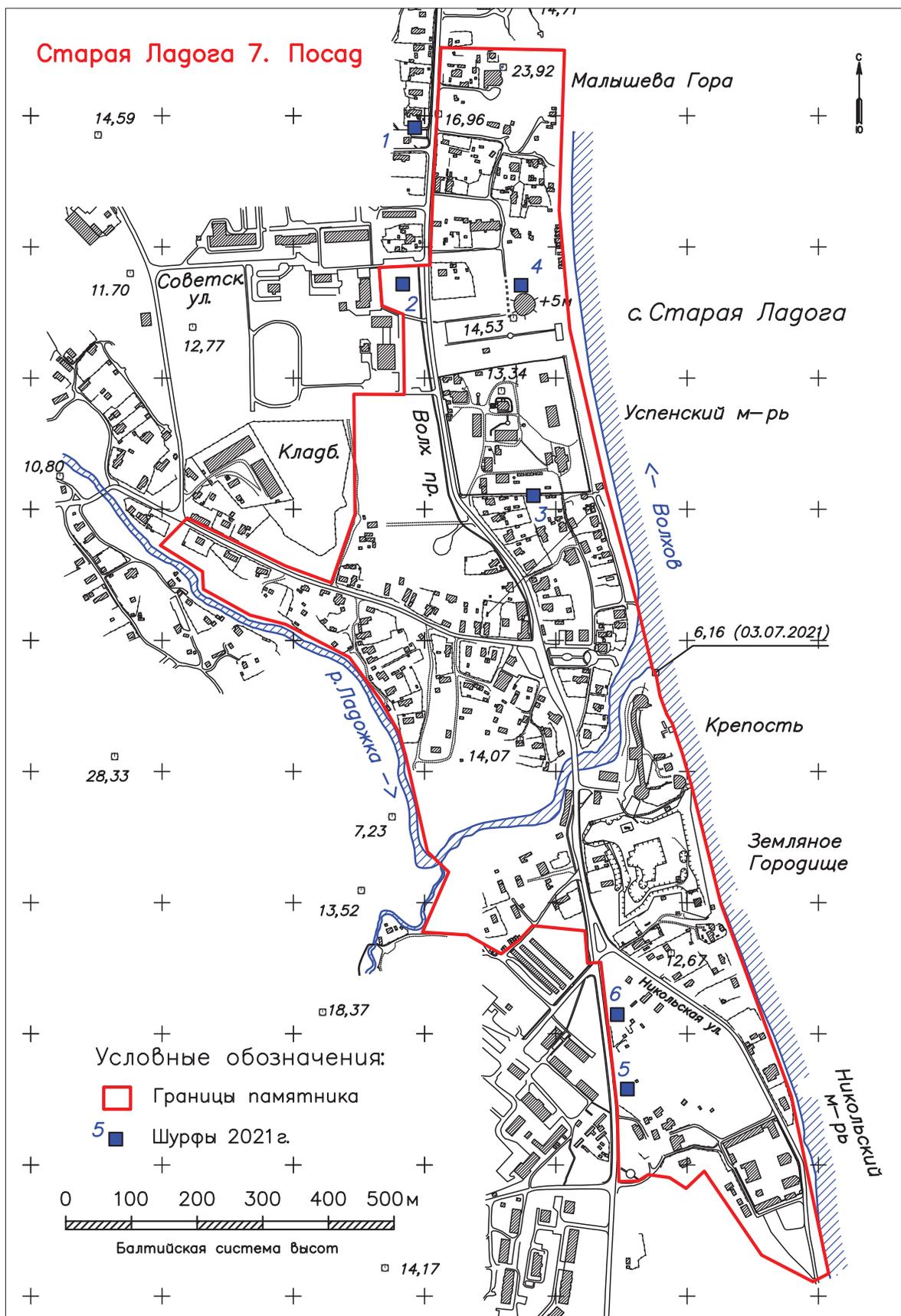

Рис. 17. Старая Ладога 7. Посад. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

С. 163–164). По мнению А. Н. Кирпичникова, одновременно со строительством храмов в XII в. сложилось и деление территории Ладоги на районьконцы, фиксируемые в переписных книгах начала XVI в. В IX–XI вв. площадь поселения могла занимать 10–12 га (Кирпичников, 1985. С. 170–171). Вокруг построенных церквей образовывались площади, частная застройка отодвигалась, расширяя границы посада. Отрывочные данные летописей, сообщающие о пожарах в городе и участии отрядов ладожан во внешнеполитической жизни Новгородской земли XII–XIV вв., косвенно свидетельствуют, что Ладога в древнерусское время являлась крупным и стабильным поселением (Кирпичников, 1985. С. 170). Трудноуловимые археологически участки культурного слоя этого времени можно объяснить сменой системы застройки и землевладения, когда рядом с усадьбой мог располагаться сельскохозяйственный надел (огород). В первой половине XIV в. (1314 г.) в Ладоге появляется Иоанновский монастырь. Возможно, его месторасположение обозначило северную границу разросшегося города того времени. А. А. Селин предполагает, что тогда же могли быть образованы и другие монастыри Ладоги – Никольский, Симеоновский, Успенский, Васильевский (Селин, 2003. С. 4). Формирование монастырских территорий должно было внести корректировку в частную застройку города.

Согласно данным «старого письма» 1480-х гг., включенным в перепись 1500 г., в Ладоге было 84 двора (Кирпичников, 1985. С. 174). В переписной книге 1500 г. – самом раннем описании Ладоги – в городе в 116 дворах упомянуты 168 человек (глав семей). Общее число жителей города в это время было гораздо больше. В переписи впервые упоминаются названия городских улиц. Государственное управление регламентировало городскую территорию и способствовало ее расширению. Выделялись новые земельные участки под дворы для посадских людей. Формировались слободы, заселенные отдельными категориями жителей – стрельцов, пушкарей и воротников. В пределах города запретили заводить пашни. Значительные участки земли оставались монастырскими владениями, поэтому особую категорию населения составляли поземщики – крестьяне и рыбаки, поселенные на землях Успенского монастыря и Спасской церкви и платившие арендную плату. В 1500 г. они составляли до 40 % от посадского населения (Кирпичников, 1985. С. 172 и сл., табл. 1; Селин, 2003. С. 8). Территория посада делилась на пять концов – Никольский, Симеоновский, Богородицкий, Климентовский и Спасский. По подсчетам А. Н. Кирпичникова, наиболее заселенными

являлись Никольский, Симеоновский и Богородицкий концы, в пределах каждого располагалось от 21 до 43 дворов. В концах с приходскими церквями – Спасской и Климентовской – указано всего по 8–9 дворов (Кирпичников, 1985. С. 173. Табл. 1). Вероятно, эти церкви могли быть приходскими для территории окрестных деревень. К началу 1540-х гг. в Ладоге упоминается 135 тяглых дворов, часть из которых стоит пустая (Кирпичников, 1985. С. 174). В писцовой книге 1568 г. в Ладоге упоминается уже 126 дворов и 176 их владельцев (Кирпичников, 1985. С. 174 и сл. Табл. 2; 2002). Однако составители учитывали только горожан, плативших налоги, поэтому за рамками остались такие крупные категории населения, как военные и государственные служащие. На этот период в Ладоге упоминаются уже только три конца – Богородицкий, Воскресенский и Никольский. По расчетам А. Н. Кирпичникова, площадь города, включая усадьбы и огороды при них, составляла около 10 га, из которых на Никольский конец приходилось 6 га, Воскресенский и Богородицкий – по 2 га (Кирпичников, 1985. С. 176 и сл. Табл. 3). С учетом территорий общего пользования (городских площадей, улиц, переулков, кладбищ и др.) и монастырей площадь города составляла не менее 16–18 га (Кирпичников, 2012. С. 164). Увеличение и обособление служилого сословия обусловило появление слобод – Ямской, Стрелецкой, Пушкарской, Казачей, Подмонастырской и Никольской (Бранденбург, 1896). Таким образом, до переломных событий конца XVI в. каждые 20–40 лет территория города стабильно расширялась и росла на 20–25 % (Кирпичников, 1985. С. 174). После опричного разорения 70-х гг. XVI в. к 1572 г. из указанных 108 тягловых дворов запустело 77 (т. е. 71 % застройки) (Кирпичников, 1985. С. 180). После событий Смутного времени в 1617 г. в Ладоге сохранилось только 15 дворов посадских людей, в 35 человек, да восемь дворов детей боярских и причта. Еще 15 дворов значатся пустыми. Все церкви и монастыри значились разоренными (Кирпичников, 1985. С. 180). По описаниям 1629 г. в Ладоге насчитывалось 49 воров, из которых после пожара 1632 г. осталось только 19. По переписной книге 1646 г. числился 31 двор (Кирпичников, 1985. С. 180). Сметная роспись 1694 г. фиксирует в Ладоге – приграничной крепости – казаков, стрельцов, пушкарей, посадских людей, ямских охотников и причетников (Мильчик, 2021. Приложение VI.6. С. 338). В 1704 г. указом Петра I административный центр уезда вместе с посадскими людьми был перенесен в новый город – Новую Ладогу.

Планировка Старой Ладоги XVIII–XIX вв., вероятно, повторяла сложившуюся ранее плотную застройку по берегам Ладожки вдоль основных

улиц. В 1780-е гг. в северной части Ладоги появляется одна из первых усадеб – Успенское (помещиков Мельгуновых-Томиловых-Шварц). Из сохранившихся документов известно о двух опустошительных пожарах в Ладоге XIX в. После первого тотального пожара 1857 г. были предприняты первые попытки упорядочивания застройки, по правилам, подчиненным противопожарной безопасности (Мильчик, 2021. С 75). Комплексно в конце XIX в. проводилось упорядочение планировки и в окрестных деревнях – Мякинкино (1882 г.), Княщина (1876 г.), Ахматова гора (1895 г.). В 1884 г. деревянный мост через Ладожку был заменен каменным. Еще один менее масштабный пожар произошел в 1886 г. После него была выстроена большая часть купеческих домов, сохранившихся до начала XXI в.

Границы распространения культурного слоя города Ладоги от раннесредневекового до Нового времени определялись в ходе многолетних археологических наблюдений и шурфовок, проводимых археологическими экспедициями разных лет, под руководством Н.Н. Гуриной, В.И. Равдоникаса, А.Н. Кирпичникова. Ядро поселения, как уже было сказано выше, располагалось в центре современного села, южнее каменной крепости, в северо-западной части Земляного городища. С южной стороны от Земляного городища находится территория Никольского конца города Ладоги, являющегося отдельным ОКН «Культурный слой Никольского конца города Ладоги», границы которого установлены в ходе работ 2017 г. (Отчет, 2017а). Западнее Волховского проспекта (автодорога Зуево–Новая Ладога) от южной границы села вплоть до Волховского переулка при разведочных работах культурный слой и материалы средневекового времени не выявлены (Отчет, 2021). К западу от Земляного городища и Волховского проспекта, между Волховским переулком и правым берегом р. Ладожка культурные напластования исследовались неоднократно. В 1957 г. разведки вдоль по течению р. Ладожка от ее устья до д. Ахматова Гора проводила А.С. Каманцева в рамках работ Староладожской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса. Выход культурного слоя зафиксирован в обресе правого берега Ладожки, за мостом, неподалеку от кирпичных складов. Видимая площадь распространения археологического материала составила около 0,5 км вверх по течению Ладожки (то есть вплоть до слияния с р. Заклюка) и около 100–200 м в ширину (Каманцева, 1957. С. 9–13; Равдоникас, 1957. С. 15).

В 1980 г. сотрудницей Староладожского музея З.Д. Бессарабовой в стенке водопроводной траншеи

западнее шоссе был зафиксирован культурный слой мощностью до 1,5 м, который распространялся к западу вдоль по высокому берегу Ладожки (Бессарабова, 1996). В отвалах траншеи были собраны находки эпохи раннего Средневековья и неолита. В 2004 г. с южной стороны от здания складов на Волховском проспекте был заложен раскоп, в котором хорошо представлены напластования эпохи раннего Средневековья и Нового времени. Мощность слоя составляла 1,5–2,0 м (Волковицкий и др., 2007). В ходе шурфовок в пойме, к западу от современного моста, были получены данные о наличии здесь «мокрого» культурного слоя и выявлены слои поселения X–XVII вв. (Гроздилов, 1952а. С. 6; 1952б. С. 3; Гурина, 1952б. С. 11–12). В 1957 г. был собран подъемный материал (находки вещей и фрагменты керамики) и зафиксирован выход средневекового культурного слоя в обресе левого берега Ладожки в самом ее устье, напротив каменной крепости. Предположительный размер выявленного участка поселения составлял не менее 0,5 × 0,5 км (Каманцева, 1957. С. 2–8; Равдоникас, 1957. С. 15). Уже на этом этапе разведок было сделано предположение о том, что здесь также располагался Ладожский посад (Равдоникас, 1957. С. 15). В 1972–1977 гг. при прокладке новой трассы автодороги проводились большие археологические раскопки на высокой надпойменной террасе между Волховским пр. и современной ул. Варяжской (Петренко, 1985; Черных, 1985б).

В 1984 г. повторно проводились разведочные шурфовки на левом берегу Ладожки в пойме и на краю террасы. Обнаруженные в пойме материалы суммарно были отнесены к IX–XVI вв. (Кирпичников, 1984б. С. 5–7, 12–14). В раскопах, расположенных севернее, на склоне береговой террасы, также представлены находки от эпохи раннего Средневековья до XIV–XVI вв. (Кирпичников, 1984б. С. 7–12, 14–15). Проведенные В.П. Петренко раскопки и разведочные шурфы А.Н. Кирпичникова показывают, что левый берег Ладожки в пойменной части и ближе к устью был заселены в достаточно ранний период. Тогда как застройка на высоком берегу к западу от Волховского пр. появляется значительно позднее. Н.К. Стеценко на основании своих наблюдений сделала вывод, что в этом направлении город начинает расширяться только с середины XII в. (Стеценко, 1995. С. 18–19). Данные о западной границе распространения культурного слоя Ладожского посада на левом берегу Ладожки были получены В.П. Петренко (Петренко, 1980б; 1981б. С. 24). При осмотре и зачистке стенок карьера, расположенного с севера от дороги

на д. Мякинкино, были выявлены прослойки гумусированного культурного слоя мощностью 0,5–0,8 м, яма с золой и обожженными камнями, фрагменты гончарной керамики с линейным орнаментом. Таким образом, в древнерусский период застройка могла занимать протяженный участок вдоль берега Ладожки (вдоль современной ул. Культуры).

Наличие и характер распространения культурного слоя на участке от устья Ладожки до Успенского монастыря определялся шурфовками 2020–2021 гг. (Отчет, 2021), а также дополнительными разведочными шурфами 2021 г. Дополнительно о характере культурных напластований на этой площади свидетельствуют различные находки, которые местные жители передают в Староладожский музей-заповедник со своих огородов.

Успенский монастырь является памятником градостроительства и архитектуры федерального значения. На его территории не раз проводились археологические исследования и наблюдения. По данным В.П. Петренко, поблизости от восточной монастырской стены мощность культурных напластований XII–XVII вв. не превышает 1,1 м, тогда как в 60 м к западу возрастает до 2,4 м. (Петренко, 1980в; 1981а. С 24). В 1987 г. работы на территории Успенского монастыря проводил отряд ЛФИ «Спецпроектреставрация». В ходе шурфовок вокруг Успенской церкви и на прилегающей территории было определено, что в западной части двора средневековых отложений не представлено, но насыщенный раннесредневековый слой наблюдается в восточной части, на понижающемся в сторону Волхова берегу (Стеценко, 1995. С. 18). В 1999 г. в западной части монастыря и перед воротами располагалась часть траншеи теплотрассы. По наблюдениям З.Д. Бессарабовой, в этой части монастыря культурный слой имеет мощность до 1,2 м и в нижней его части все-таки встречаются материалы древнерусского времени (Бессарабова, 2000. С. 117–118). В северо-западной части монастырского двора от церкви Успения до северной ограды материк располагался на глубине 1,14–1,17 м от дневной поверхности. Культурный слой сильно перемешан при производстве строительных работ, периодов благоустройства, а также при рытье могильных ям прицерковного кладбища. Среди материалов в перемешанном слое также отмечались находки древнерусского периода и Нового времени (Бессарабова, 2012).

К западу от Успенского монастыря локализуется Богородицкий конец Ладоги. Границы ОКН «Культурный слой Богородицкого конца города Ладога»

были определены в ходе работ 2017 г. (Отчет, 2017б). В западной части памятника мощность культурного слоя достигала 1 м, а в восточной 0,25 м. Перед западными воротами монастыря его мощность составляет 0,4 м. Культурный слой здесь сильно перемешан, и в основном представлены материалы XVI–XVII вв. (Бессарабова, 2000; Кирпичников, 2009. Рис 3). К востоку от Волховского проспекта на территории между Успенским монастырем и Малышевой горой в XV–XVI вв. располагались слободы, на месте которых позднее появляется с. Успенское. В Успенском находилась дворянская усадьба Мельгуновых-Томиловых-Шварц (памятник градостроительства и архитектуры регионального значения). При усадьбе был благоустроен пейзажный парк по моде XVIII–XIX вв. В XV–XVI вв. северной границей Ладожского посада, возможно, являлась Малышева гора, на которой расположился Иоанновский монастырь. «Культурный слой монастыря Рождества Иоанна Предтечи» является памятником археологии федерального значения. Площадь и границы памятника были определены в ходе работ 2017 г. (Отчет, 2017в).

В 1949 г. был составлен первый описательный паспорт распространения культурного слоя в Ладоге, который получил наименование памятника археологии «Славянское поселение IX–XI вв. н.э.» (составитель Фрадкин Э.Е.). Согласно паспорту, культурный слой поселения, содержащий обильный вещевой материал: керамику, бронзовые, железные и костяные изделия, распространялся от МТС (территория современного Никольского монастыря) до Детского дома (находившегося на территории современного Успенского монастыря) (Паспорт «Славянское поселение IX–XI вв.», 1949г).

В Решении об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области № 271 от 10.07.1978 «Культурный слой Ладожского посада» VIII–XVII вв. зафиксирован в границах: с востока – р. Волхов, с юга – Никольский монастырь, с запада – Былкова Гора и Ахматова Гора, с севера – Малышева Гора (Решение, 1978. Пункт 127). В 1983 г. памятник был обследован Г.С. Лебедевым. По результатам работы был составлен паспорт памятника «Старая Ладога, культурный слой Ладожского посада» и учетная карточка с картой распространения культурного слоя (Паспорт «Старая Ладога, культурный слой Ладожского посада», 1983). В археологической карте памятников Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей Г.С. Лебедева и В.Н. Седых «Культурный слой Ладожского посада» включен под № 30. Отдельными пунктами внесены памятники «Культурный слой Никольского конца Ладоги»

(№ 54), «Культурный слой Богородицкого конца Ладоги» (№ 26) и «Культурный слой монастыря Иоанна Предтечи на Малышевой горе» (№ 22) (Лебедев, Седых, 1985). В решении о создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, в списке памятников археологии в составе музея-заповедника перечислены: Культурный слой монастыря «Рождество Иоанна Предтечи», конец XVII–XVIII вв. (№ 19); Культурный слой Богородицкого конца города Ладога, XI–XIII вв. (центр с. Старая Ладога, № 23); Культурный слой Ладожского посада VIII–XV вв. (№ 27); Культурный слой Никольского конца города Ладоги, IX–XVII вв. (Решение, 1985).

В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Старая Ладога-7. Культурный слой Ладожского посада», расположенный вдоль края надпойменной террасы левого берега р. Волхов и по обоим берегам р. Ладожка на пространстве между Успенским и Никольским монастырями. Также отмечено, что выходы культурного слоя с находками XII–XVII вв. прослежены на протяжении 0,1 км южнее Никольского монастыря по берегу р. Волхов (Лапшин, 1995. С. 136. № 1450). Отдельно обозначен Культурный слой монастыря Иоанна Предтечи на Малышевой горе, на северной окраине с. Старая Ладога, где выявлен слой с керамикой XIII–XV вв. (Лапшин, 1995. С. 138. № 1462). В ходе подготовки концепции комплексного развития с. Старая Ладога в сфере культуры, сохранения и охраны объектов культурного наследия в 2014 г. НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» (г. Ярославль) выполнил обследование объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой Ладожского посада VIII–XV вв.». Сделан вывод о неудовлетворительном состоянии данного ОКН (Акт технического обследования, 2014г).

В ходе обследования 2021 г. для определения границ использовались архивный и историографический материал, а также метод разведочных шурфов, наблюдения за выходами культурного слоя, сбор подъемного материала. Культурный слой Ладожского посада располагается в центральной части современного села вытянуто вдоль берега Волхова на протяжении около 2 км, к западу от реки максимально около 700 м. В южной и северной частях села средневековый культурный слой располагается только в прибрежной части, ограничиваясь с запада Волховским проспектом. В центральной части села от пересечения Волховского проспекта с ул. Никольской до Успенского монастыря территория распространения культурного слоя

расширяется, захватывая пойму и берега р. Ладожка от места слияния ее с р. Заклюка на юг, почти до современного моста по дороге на Ахматову гору на север. Напротив Успенского монастыря и Успенского парка культурный слой, в значительной степени поврежденный современными работами, распространяется к западу от Волховского шоссе, занимая пустырь и площадь перед зданием администрации. Культурный слой распространяется в низких пойменных участках рек Волхов и Ладожка и на высокой надпойменной террасе. Высотные отметки дневной поверхности в площади памятника варьируются в пределах 16,96 м БС в северной части на Малышевой горе, 13,34 м БС в центре на территории Успенского монастыря и 12,67 м БС на территории Никольского конца. Большая часть площади памятника занята частными участками и огородами, на большинстве ведется сельскохозяйственная деятельность. Центральные автомобильные дороги и пешеходные улицы имеют асфальтовое покрытие. Свободные от застройки участки располагаются в пойме Ладожки, в центральной части Богородицкого и Никольского концов и в Успенском парке.

С целью определения границ памятника и уточнения особенностей распространения культурного слоя в разных частях Старой Ладоги было заложено шесть разведочных шурфов. Шурфы закладывались в наименее изученных участках Ладожского посада: на второй береговой террасе, между Волховским пр. и западной границей Никольского конца; с севера от Богородицкого конца в границах современного поселения; на территории между Успенским монастырем и Малышевой горой; к югу от Успенского монастыря, западнее места раскопа С.Н. Орлова 1950 г.

Шурф 1, размерами 1 × 1 м, был заложен в северной части села, напротив Малышевой горы с западной стороны от Волховского пр. Средневековый культурный слой в шурфе не выявлен.

Шурф 2, размерами 1 × 1 м, был заложен напротив Успенского парка, в 264 м к западу от берега р. Волхов. Глубина шурфа составила 1,30–1,60 м. В нижней части был выявлен переложный культурный слой с находками конца XIX – начала XX вв.

Шурф 3, размерами 2 × 1 м, был заложен между южной стеной Успенского монастыря и вплотную к забору частного участка. В 8,5 м к западу от предполагаемого раскопа С.Н. Орлова 1950 г., в 44 м к западу от южной калитки южной стены

монастыря. Глубина шурфа составила 0,9–1,0 м. В шурфе были прослежены последовательные культурные напластования коричневого и серого гумуса, содержащие находки, начиная с древнерусского времени до современности. Среди индивидуальных находок пружинные ножницы, фрагмент обуха топора, железное кольцо, фрагмент сланцевого оселка (?), фрагменты янтаря. Массовый материал представлен фрагментами стеклянных бутылок и изделий, фарфоровых изделий, большим количеством гончарной сероглиняной, белоглиняной и поливной керамики, гвоздями и костями животных.

Шурф 4, размерами 1 × 1 м, был заложен на территории Успенского парка, на краю надпойменной террасы, в 30 м к северу от Успенской сопки. Глубина шурфа составила 0,75–0,80 м. Под дерном залегал слой серого гумуса, в нижней части которого прослеживалась значительная примесь известняковой крошки и битой известняковой плиты. Ниже располагалась прослойка подсыпки из оранжевого и белого песка. Подсыпка и нижележащие напластования в восточной прибрежной части прорезаны столбовой ямой с остатками деревянного столба (траншеи?). Под подсыпкой располагаются слой черного гумуса мощностью около 0,30 м и материк – известняковая плита. В слое серого гумуса было собрано семь фрагментов сероглиняной посуды, стенка белоглинянного сосуда, стенка поливного сосуда. В слое черного гумуса находились 10 костей и зубов животных, восемь фрагментов сероглиняной посуды.

Шурф 5, размерами 1 × 1 м, был заложен на верхней береговой террасе, на частных огородах, в 20 м к востоку от Волховского проспекта. Глубина шурфа составила 1,50–1,60 м. Исследованные в шурфе напластования представляют собой слои нивелировочной подсыпки из плотной супеси серо-желтого цвета с глиной и углем. В западной стенке шурфа, примерно в 0,5 м ниже дневной поверхности, был обнаружен огромный гранитный валун, на уровне низа которого располагалась угольная прослойка, в которой были найдены 38 фрагментов сероглиняных керамических сосудов. Ниже этой прослойки также располагались нивелировочные слои плотной супеси.

Шурф 6, размерами 1 × 1 м, был заложен в 100 м к югу от пересечения Волховского проспекта и ул. Никольской, в 20 м к востоку от Волховского пр. Глубина шурфа составила 0,40 м. Под дерном располагался слой серого гумуса мощностью 0,20–0,30 м, ниже которого располагался коричневый гумус мощностью 0,10–0,15 м, а также прослойка

черного гумуса мощностью 0,05 м. Материк – гравелистая морена с известняковой плитой. В целом слой имеет перемешанный характер, здесь располагались частные огороды. Единственной находкой является ружейный кремль со следами пребывания в огне, обнаруженный в нижнем слое черного гумуса. Массовый материал: 14 фрагментов костей; стеклянной посуды три фрагмента; керамической сероглиняной посуды шесть фрагментов (венчик, донце, четыре стенки); пластина железная; красноглиняной посуды четыре фрагмента.

По результатам исследования была определена граница распространения слоя посадка города Ладоги в границах: с востока – р. Волхов, с юга – Никольский монастырь, с запада – Балкова Гора и Ахматова Гора, с севера – Малышева Гора (рис. 17). Территория памятника в установленных границах занимает площадь 596916 кв. м.

Старая Ладога 15. Успенский могильник («Грунтовый могильник»)

Грунтовый могильник расположен в с. Старая Ладога, в 125 м к востоку от Волховского шоссе, на огородах вдоль ул. Варяжской, у южной стены кирпичной ограды Успенского монастыря, рядом с южной калиткой (рис. 18). Могильник открыт в 1950 г. в ходе земляных работ по устройству котлована под овощехранилище в северной части с. Старая Ладога, около южной стены Успенского монастыря. Наблюдение за работами, сбор вещественных находок и фиксацию погребений выполнил С.Н. Орлов. Общая площадь котлована составила 32,5 × 12,0 м при глубине 1,5 м. Всего исследовано 11 погребений (10 трупоположений и трупосожжение), составлявших, по наблюдениям автора раскопок, две группы. В северной части котлована открыто шесть погребений и около юго-восточной стенки – пять. Погребения находились в грунтовых ямах, заглубленных в материк на 0,5–0,7 м. Ориентация захоронений различна: пять погребенных были положены головой на запад; один – на юго-запад, один – на юг, один – на юго-восток и два – на северо-восток. Пять погребений детских, остальные принадлежат взрослым. Некрополь перекрыт культурным слоем поселения, которое возникло здесь не позднее XII в. По вещам, встреченным в погребениях, могильник датируется X–XI вв. Все артефакты, найденные при раскопках, переданы в археологический фонд Новгородского музея в 1954 г.; дневники раскопок и некоторое количество фотографий находятся в Отделе хранения и изучения письменных источников того же музея (Дневники, 1946, 1949–1950, 1968. Л. 207, 208, 213–218, 272–277об.; Дневник,

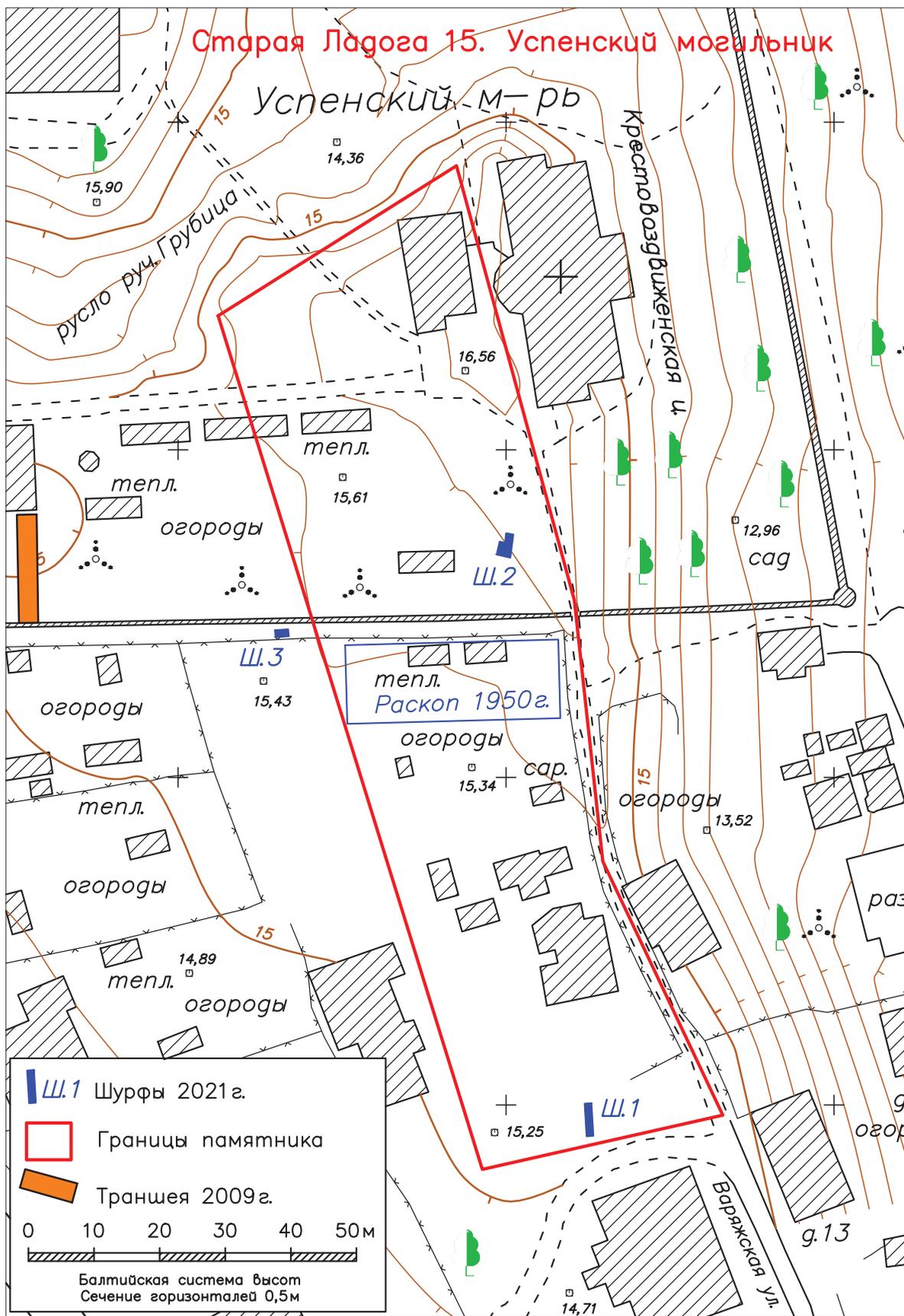

Рис. 18. Старая Ладога 15. Успенский могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

1950. Л. 268–269, 273–277; Фотографии, 1950. Л. 809–826). Результаты раскопок опубликованы в статье «Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге» в 1956 г. (Орлов, 1956). С.Н. Орлов определяет грунтовый могильник как раннеславянский, а в качестве аналогий рассматривает могильники, исследованные Н.Е. Бранденбургом на территории современного г. Волховстрой: Федоровский, материалы которого опубликованы А.А. Спицыным, и Нередицкий около Новгорода (Орлов, 1956. С. 94, 98).

В 1968 г. Волховский отряд Ленинградского отделения института Археологии АН СССР под руководством С.Н. Орлова в рамках обследования археологических памятников, числящихся по спискам Ленинградского областного управления культуры, провел повторное обследование памятника. В отчете грунтовый могильник учтен под № 39. Согласно записи в полевом дневнике С.Н. Орлова, на месте раскопа 1950 г. планировалось проведение археологических работ, но вся территория оказалась занята огородами. В результате заложили шурф внутри ограды Успенского монастыря ближе к реке, однако погребения обнаружены не были. К сожалению, в дневнике отсутствует подробная информация о точном местоположении шурфа, его размерах, глубине, характеристике культурного слоя и находок. Тем не менее данные работы стали основанием для определения северной границы могильника в паспорте памятника по каменной стене Успенского монастыря (Дневник, 1950. Л. 226; Орлов, 1968а. Л. 20; 1968б. Л. 90–92).

В 1970 г. место расположения могильника было обследовано В.А. Назаренко. Исследователь написал в отчете, что все участки земли, примыкающие непосредственно к овощехранилищу, заняты застройкой и огородами. Земляные работы по поиску границ памятника не производились. В.А. Назаренко предположил, что могильник, по-видимому, окружал поселение X–XI вв. и его имеет смысл искать в других местах по периферии поселения (Назаренко, 1970. Л. 9). Решением Лен-облисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Грунтовый могильник» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 114).

В 1983 г. место расположения могильника было обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева, составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. Земляные работы на памятнике не проводились. Некрополь локализован по историко-библиографическим данным и ландшафтно-топографической ситуации на береговой возвышенности

надпойменной террасы левого берега р. Волхов, прорезанной руслом ручья Грубицы (ныне пересохшего), за которым на таком же всхолмлении находится храм Успения Богородицы, поставленный на левом берегу ручья. Значительная часть могильника занята каменной оградой и хозяйственными постройками Успенского монастыря, а также приусадебной застройкой и огородами современной Варяжской улицы (Лебедев, Седых, 1985. С. 17, 18, рис. 2: 25; Паспорт «Старая Ладога, могильник на Варяжской улице», 1983). Решением Лен-облисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Могильник на Варяжской улице X–XI вв. у южной стены Успенского монастыря» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 22). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 15. Успенский могильник» (Лапшин, 1995. С. 134. № 1458).

В ходе полевого обследования 2021 г. памятник локализован на краю надпойменной террасы левого берега р. Волхов в 75–85 м к западу от современного уреза воды, на высоте 7–8 м. Территорию могильника пересекает южная стена кирпичной ограды Успенского монастыря, вдоль края террасы проходит улица Варяжская, которая имеет грунтовое покрытие и опирается в южную калитку обители. За калиткой улица переходит в узкую мощеную дорожку, выходящую к Крестовоздвиженской церкви, стоящей на небольшом выдающемся в сторону р. Волхов мысу. Большая часть территории могильника занята под частные и монастырские огороды, которые регулярно возделываются, сооружено несколько парников и теплиц, высажены плодовые деревья и кустарники, между некоторыми огородами установлены заборы. Раскоп С.Н. Орлова 1950 г. локализован по данным дневников 1950 г., публикации 1956 г., отчета и паспорта памятника 1968 г., сведениям местных жителей, которые указали участок, куда после ликвидации овощехранилища свозили землю, на огороде в 1,5–2,0 м к югу от южной кирпичной стены Успенского монастыря, в 3–4 м к юго-западу от южной калитки монастыря, в 85–90 м к западу от кромки воды р. Волхов (Дневник, 1950. Л. 28; Орлов, 1956. С. 94; 1968а. Л. 20; 1968б. Л. 90–92). В процессе работ 2021 г. для определения границ грунтового могильника заложено три разведочных шурфа. Большая часть территории обследования на текущий момент занята частными огородами, и договориться о раскопках с местными жителями не удалось. Для определения южной и западной границ могильника шурфы были заложены на немногочисленных муниципальных землях

(шурф 1 и 3). Для подтверждения предположения о распространении некрополя к северу от южной ограды обители по согласованию с настоятельницей шурф (шурф 2) размечен в монастырском огороде.

Шурф 1, заложенный в 10 м к северу от дома причта Успенского монастыря, в ходе археологических работ увеличен с 3×1 м до 5×1 м в южном направлении в связи с обнаружением на глубине около 1,1–1,2 м остатков сгоревшей деревянной конструкции и прекращением дальнейших изысканий в пределах начального участка исследований. Комплекс законсервирован для возможности дальнейшего изучения широкой площадью. В прирезке раскоп доведен до материка, погребений не встречено.

Шурф 2 размерами 3×1 м, размещенный на территории Успенского монастыря в монастырском огороде, в 8,8 м к северу от южной стены каменной ограды обители, в процессе археологических работ расширен в южном и западном направлениях на 0,5 м и 1,5 м соответственно, в связи с обнаружением в южной части траншеи на глубине около 1,0–1,1 м нижних конечностей и таза человека в анатомическом порядке в могильной яме. После прирезки удалось исследовать погребение целиком. Инвентарь не обнаружен. По антропологическому заключению кости принадлежат ребенку 6–8 лет.¹⁵ После увеличения площади шурфа в юго-западном углу на глубине около 1,2 м расчищены нижние конечности еще одного скелета. Погребение законсервировано. Прирезка для исследования не производилась, так как обнаружение второго захоронения подтвердило наличие грунтового могильника, исследование которого небольшими площадями нецелесообразно.

Шурф 3 размерами 2×1 м заложен между южной стеной Успенского монастыря и забором частного участка в 8,5 м к западу от предполагаемого раскопа 1950 г.¹⁶, в 44 м к западу от южной калитки

южной стены монастыря. Вариант размещения шурфа оказался единственно возможным в западном направлении. Вся остальная территория вплоть до Волховского проспекта занята частными участками и огородами. За Волховским пр. в ходе археологических работ в 2020 г. был заложен шурф размерами 2×2 м, в котором погребения не встречены. В шурфе 3 2021 г. захоронения также не зафиксированы.

Таким образом, границы памятника очерчены с учетом ландшафтно-топографической ситуации, историко-библиографических данных и полевого обследования 2021 г. Северная граница грунтового могильника проведена вдоль берега русла пересохшего ручья Грубица, который является естественной границей участка, предположительно занимаемого некрополем. Обнаружение погребений в шурфе 2 позволяет допускать, что памятник продолжается в северном направлении. Восточная граница установлена по естественному краю террасы левого берега р. Волхов, исходя из общих наблюдений о расположении большинства могильников на возвышенных участках местности и информации о результатах земляных работ С.Н. Орлова 1968 г. на территории Успенского монастыря: шурф исследователя, скорее всего, должен был располагаться восточнее шурфа 2021 г. на склоне террасы. С юга граница проведена на основании материалов шурфа 1. Погребений не обнаружено, но зафиксирован небольшой фрагмент изначального исторического рельефа местности, который в процессе хозяйственного освоения подвергся нивелировке. Сделанные в ходе археологических работ наблюдения позволяют предположить, что на время функционирования могильника участок к северу от шурфа 1, вплоть до южного берега ручья Грубица, был выше, чем территории, примыкавшие к нему с юга и запада. Этот перепад, хотя и очень незначительно, наблюдается и в современном рельефе на участке между местом расположения шурфа 1 и Волховским пр. Западная граница проведена опираясь на материалы шурфа 3 и археологических работ, проведенных на территории Успенского монастыря в 2009 г. в ходе проектирования газоотвода на территорию обители. В 2009 г. между южной кирпичной оградой монастыря и зданием бывшей бани заложена траншея размерами 2×14 м. Погребений в траншее не встречено (Кирпичников, 2009. С. 7–9). Расстояние до шурфа 2 2021 г. 73,5 м на восток, до шурфа 3 2021 г. 41 м на юго-восток. Таким образом, западная граница проведена по частным огородам и монастырскому огороду восточнее шурфа 3. Площадь границ территории памятника составляет 5327 кв. м.

¹⁵ Антропологическое заключение сделано И.Г. Широковым (МАЭ), за что авторы статьи выражают Ивану Григорьевичу глубокую благодарность.

¹⁶ Научно-исследовательские археологические работы в виде историко-культурного научного археологического обследования (разведки) проводились в рамках подготовки акта государственной историко-культурной экспертизы земельного участка на территории, предполагаемой под проектирование по объекту «Проектно-изыскательских работ по организации водоснабжения и водоотведения объектов туристического кластера, расположенных в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области». Автор работ Н.В. Григорьева (ИИМК РАН). Полевой отчет находится в работе.

Старая Ладога 12. Церковь Спаса («Основание каменной церкви Спаса (?)»)

Фундамент церкви находится в с. Старая Ладога, на территории частных участков по адресам Варяжская ул. 11, Набережная ул. 1 и 2, на первой надпойменной террасе левого берега р. Волхов (рис. 19). По письменным источникам церковь на левом берегу р. Волхов известна с 1500 г. (Бранденбург, 1896. С. 245). Руины храма впервые исследованы в 1886–1887 гг. Н.Е. Бранденбургом. Место раскопок выбрано опираясь на устную традицию и наличие небольшой курганообразной насыпи с развалившейся часовней. На момент археологических работ сохранились фундамент и стены на высоту до 2 м, частично покрытые росписью. Церковь представляла собой четырехстолпный трехапсидный храм размерами 17 × 13 м. Западные столбы квадратные, восточные Г-образные по форме, с лопатками, обращенными к боковым стенам и апсидам. Лопатки на внутренних стенах есть только напротив восточных столбов; наружные лопатки плоские. Толщина стен 1 м, западной стены 1,4 м, так как в ней располагается лестница на хоры. Храм имел три портала. Перед западным порталом находился притвор. Церковь была построена из известняковых плит и плинфы на растворе с цемянкой. Размеры плинфы приблизительно 4,5 × 18,0 × 31,0 см. Пол известковый (Бранденбург, 1892. С. 158–159; 1896. С. 38, 125, 319, табл. LIX; Раппопорт, 1982. С. 76–77). Внутри храма открыт уникальный по своей конструкции для древнерусских храмов престол-стол на каменных столбах-опорах. В центральной апсиде сохранились *in situ* четыре столба «из местной плиты», при этом северо-восточный, вероятно, на полную высоту около 1,10 м над уровнем древнего пола. Квадратные в сечении столбы заглублены в грунт на равном расстоянии друг от друга около 0,60 м (Бранденбург, 1886. Л. 74, 104; 1896. С. 125; Чукова, 2004. С. 56). Сохранился синтрон с сиденьем в один уровень, сложенный, вероятно, из плинфы в сочетании с плитняком. Ширина скамьи 0,38 м, высота 0,60 м. Архиерейский трон выделен на скамье поставленными на ребро плитами, заведенными в ее кладку. Ширина трона 0,53 м (Бранденбург, 1886. Л. 74, 75, 75об., 104; 1896. С. 125, 319; Чукова, 1995. С. 65; 2004. С. 91).

В насыпи, перекрывавшей руины храма, было найдено два погребения. На полу храма под рухнувшим сводом обнаружены остатки предметов церковного интерьера, шесть многобусинных височных колец, шесть пирамидальных нашивных бляшек, две стеклянные вставки, кумофаренный венчик, шейная гривна, перстень и монета, определенная как новгородский чекан XV в. Еще одна подобная монета найдена при исследовании

фундамента с наружной стороны церкви. Комплекс вещей хранится в Государственном историческом музее в Москве и датируется XIII–XIV вв. (Бранденбург, 1886. Л. 72, 81об., 82; 1892. С. 162; 1896. С. 46–47; Соболев, 2015. С. 105; Пескова и др., 2022). В 1913 г. на месте церкви на средства Императорского Географического общества по инициативе Н.Е. Бранденбурга была построена каменная часовня (сайт <http://www.ladogamuseum.ru/>). В настоящее время часовня принадлежит Успенскому монастырю.

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Основание каменной церкви Спаса (?)» в с. Старая Ладога поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 117). В 1983 г. местонахождение основания церкви было обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева. Раскопки не проводились. Составлены ситуационный и генеральный планы (Паспорт «Старая Ладога, основание каменной церкви Спаса Всемилоостивого на Варяжской улице», 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 22). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Основание каменной церкви Спаса Всемилоостивого XII в. на Варяжской улице напротив детского сада, у переправы» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 24). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 12. Основание каменной Спасской церкви <...>» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1455).

В письменных источниках не сохранилось достоверной информации о названии и дате возведения храма на р. Волхов. В настоящий момент в литературе существуют две точки зрения о возможном наименовании церкви: Спасская (Бранденбург, 1896. С. 44–48; Кирпичников, 1985. С. 171, 172; Мильчик, 2021. С. 21) и Воскресенская (Васильев, 1995. С. 73; Прудников, 1995. С. 133–134). Реже встречается описательное определение – церковь на р. Волхов (Сарабьянов, 2021. С. 202 и др.). По последним разработкам искусствоведов, строительство храма относится к первому строительному периоду и датируется временным отрезком между 1140 и 1153 гг. (Сарабьянов, 2021. С. 220).

В ходе полевого исследования 2021 г. локализация фундамента церкви на местности произведена путем масштабирования и привязки плана Н.Е. Бранденбурга, опубликованного в книге 1896 г. «Старая Ладога». Для обнаружения ключевых точек, необходимых для позиционирования плана, заложено три шурфа.

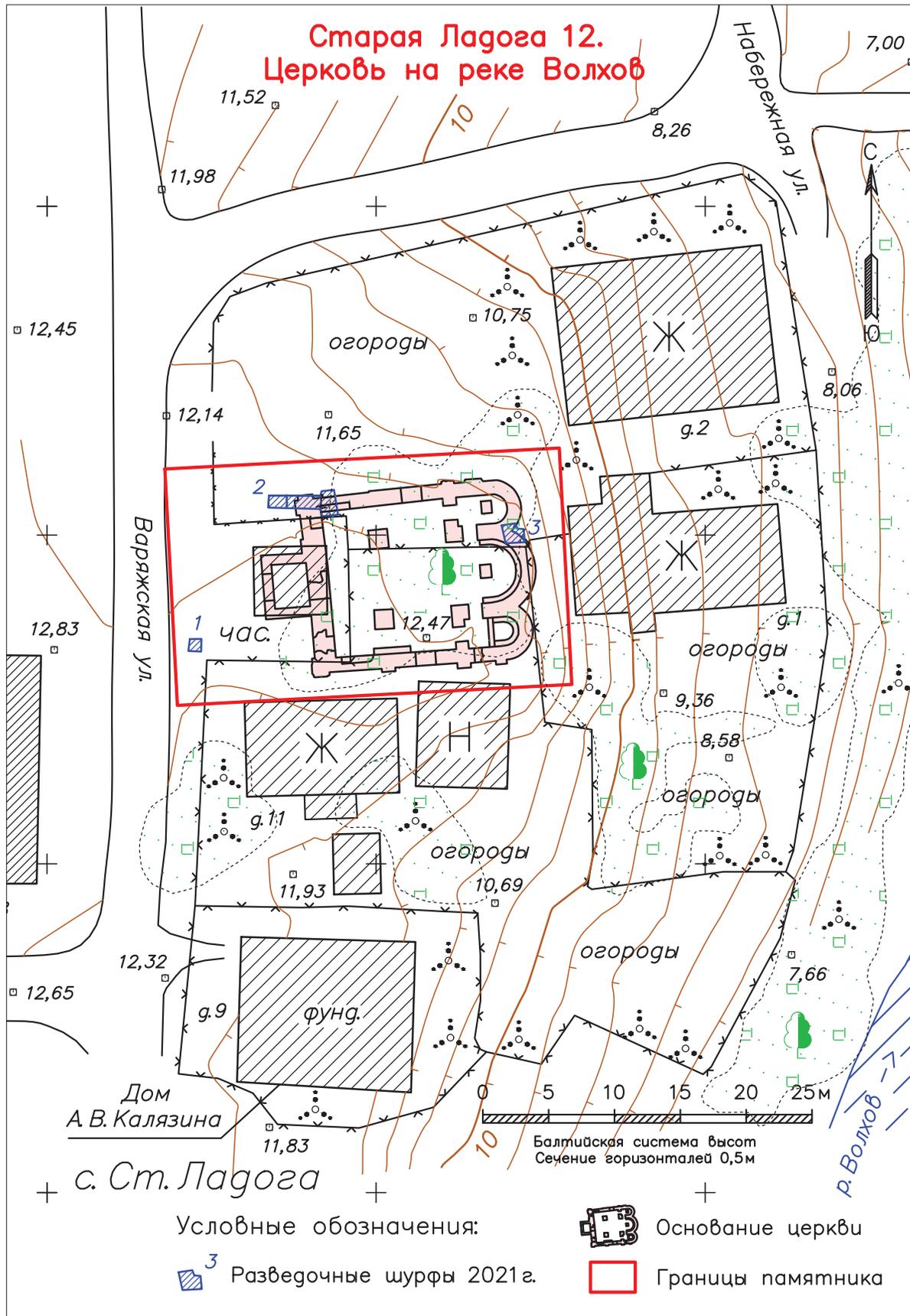

Рис. 19. Старая Ладога 12. Церковь на реке Волхов. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

В шурфе 1 по результатам раскопок остатков фундамента зафиксировано не было. На глубине 1,3 м работы остановлены по причине обнаружения известняковых плит толщиной не менее 0,12 м, которые занимают практически всю площадь шурфа и уходят в стены. Плиты лежат в слое черного гумуса, выше слой разновременных строительных нивелировочных подсыпок. Предположительно плиты можно связать с мощением перед церковью. В шурфе 2 на глубине 0,40 м зафиксирована часть трассы низа северной стены храма размерами 1,0 × 1,1 м. Толщина стены 1,1 м, сложена из известняковых плит и плинфы на растворе. Судя по наличию уступа с внутренней стороны стены шириной около 0,60 м, облицованного сверху плинфой, в шурфе зафиксирован фрагмент северо-западного аркосолия (Седов, 2003. С. 448, 458–459; Сарабьянов, 2021. С. 212–213). В шурфе 3 по результатам работ на глубине 0,20 м зафиксированы части низа стен северной и центральной апсид в месте их соединения размерами приблизительно 1,5 × 1,5 × 1,6 × 0,5 м. В шурфах 2 и 3 стратиграфия отсутствует. Под дерном залегает слой консервации XIX в., состоящий из строительного мусора, битых кирпичей, раствора, осколков известняка, материковой гальки, перемешанных с черным гумусом. Среди массовых находок фрагменты фресок, сероглиняной, красноглиняной, белоглиняной, фаянсовой и фарфоровой посуды, стеклянных бутылок, железный крепеж и другие железные изделия, кости животных. Среди индивидуальных находок стоит отметить фрагмент пластинчатого литого с выпуклым орнаментом серебряного (?) браслета. По новгородским материалам подобные изделия датируются 1116–1313 гг. (Лесман, 1990. С. 40, 89, рис. 1, 6.2).

Старая Ладога 11. Церковь на реке Ладожке («Основание каменной церкви»)

Фундамент церкви находится в с. Старая Ладога, на пустыре в конце Музейного переулка, между домами № 4, 5 и 7а, на высокой береговой террасе левого берега р. Ладожка (рис. 20). По письменным источникам церковь на левом берегу р. Ладожка известна с 1500 г. (Бранденбург, 1896. С. 245). Руины храма впервые исследованы в 1886–1887 гг. Н.Е. Бранденбургом. Место раскопок выбрано опираясь на устную традицию и наличие небольшой курганообразной насыпи. На момент археологических работ сохранились фундамент и стены на высоту до 1 м, столбы до 2 м, частично покрытые росписью и граффити. Церковь представляла собой четырехстолпный трехапсидный храм размерами 14,9 × 12 м, азимут 127 градусов. Западные столбы квадратные, восточные – прямоугольные. Северо-восточный

столб имеет лопатку, обращенную в сторону апсиды. Размер подкупольного пространства вдоль церкви 4 м, поперек – 3,6–3,8 м. Лопатки на внутренних стенах только напротив восточных столбов; на наружных стенах лопатки плоские. Толщина стен около 1 м. Толщина западной стены 1,4 м, так как в ней расположена лестница на хоры. Церковь имела три портала. Перед северным находился квадратный в плане притвор. Южная апсида перегороджена тонкой стенкой. Стены сложены из плитняка с прослойками плинфы на растворе с цемянкой. Пол известковый, в притворе вымощен плитами (Бранденбург, 1892. С. 163; 1896. С. 43–44, 127, 319, табл. LX; Раппопорт, 1982. С. 77).

Внутри храма сохранился престол на полную высоту (0,96 м), прямоугольный в плане (0,85 × 1,07 м) ковчег или блок, сложенный из плинфы и оштукатуренный, покрытый каменной плитой. Престол не был расписан, хотя фреска в убранстве церкви использовалась (Бранденбург, 1886. Л. 81об, 104; 1896. С. 127; Чукова, 1995. С. 64, 65; 2004. С. 56–57). Сохранился синтрон с сиденьем в один уровень, сложенный, вероятно, из плинфы в сочетании с плитняком. Ширина скамьи 0,32 м, высота 0,55 м. Архиерейский трон выделен на скамье поставленными на ребро плитами, заведенными в ее кладку. Ширина трона 0,78 м (Бранденбург, 1886. Л. 81, 104; 1896. С. 127, 320; Чукова, 1995. С. 65–66; 2004. С. 91–92).

С южной стороны к церкви примыкала значительная площадь, выстланная большими известняковыми плитами, под которыми обнаружены человеческие кости. Погребения зафиксированы также под плитами пола в северном притворе. Находки встречены только в боковых апсидах: «несколько грубых горшечных черепков» и «несколько бесформенных обломков бронзы» (Бранденбург, 1892. С. 163, 164; 1896. С. 127).

В 1968 г. Волховский отряд Ленинградского отделения института Археологии АН СССР под руководством С.Н. Орлова проводил обследование археологических памятников, числящихся по спискам Ленинградского областного управления культуры. В отчете фундамент церкви учтен под номером 44, сделано словесное описание, составлен паспорт. Раскопки не проводились. Отмечена необходимость обозначить археологический памятник на местности, чтобы избежать возможности нарушения его целостности в результате хозяйственной деятельности и строительства (Орлов, 1968а. Л. 1, 15; 1968б. Л. 93–94). Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Основание каменной церкви» в с. Старая Ладога поставлен

на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 121). В 1983 г. местонахождение основания церкви было обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева. Раскопки не проводились. Составлены ситуационный и генеральный планы (Паспорт «Старая Ладога, основание каменной церкви (Воскресения Христова?) в Музейном переулке», 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 22). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник

под названием «Основание каменной церкви Воскресения Христова XII–XIII вв. на пустыре к югу от садового участка дома № 3 по Музейному переулку» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 26). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 11» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1454).

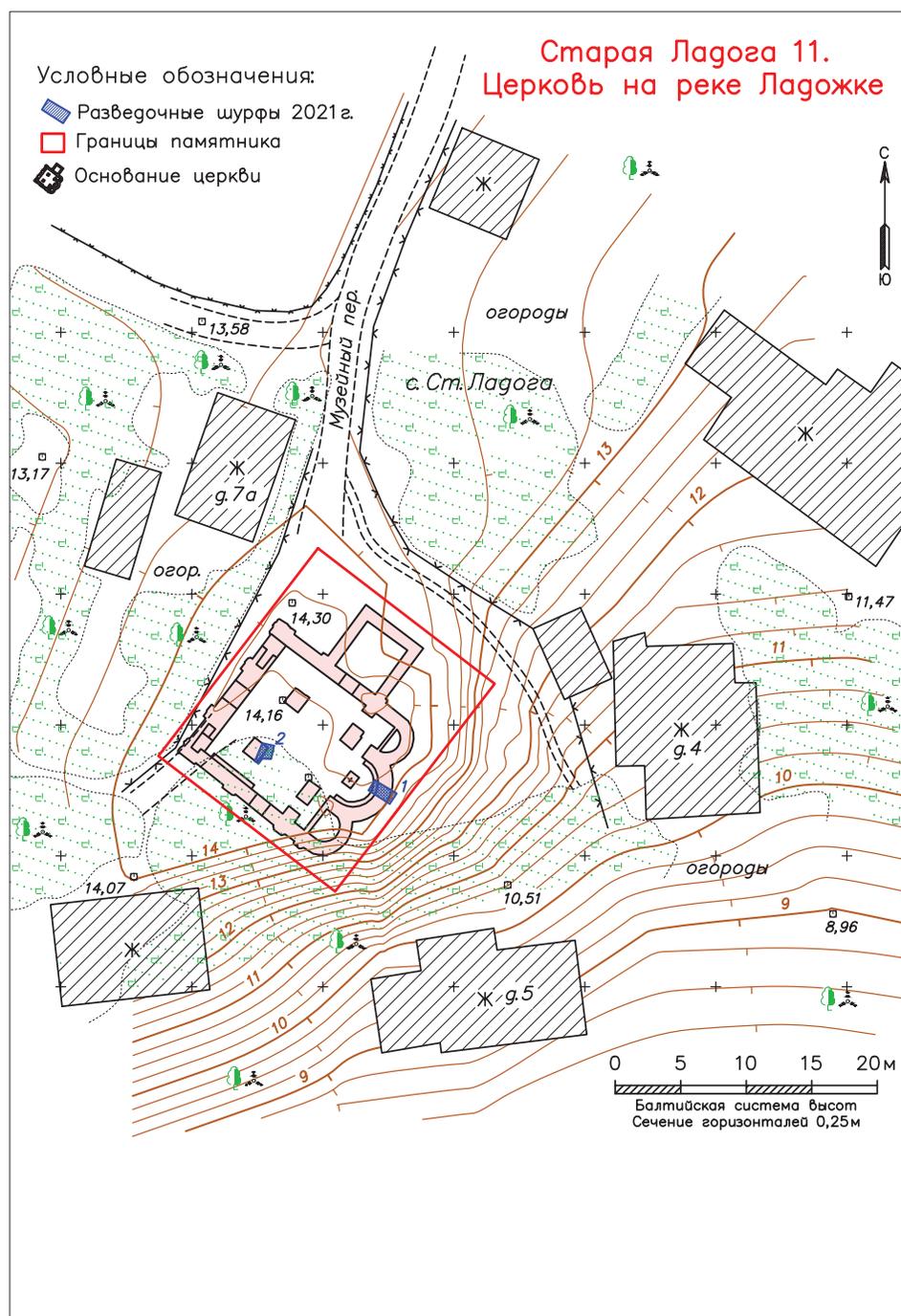

Рис. 20. Старая Ладога 11. Церковь на р. Ладожке. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

В письменных источниках не сохранилось достоверной информации о названии и дате возведения храма на р. Ладожка. В настоящий момент в литературе существуют две точки зрения о возможном наименовании церкви: Воскресенская (Воскресения Христова) (Кирпичников, 1985. С. 172; Мильчик, 2021. С. 23, 117) и св. Петра (Васильев, 1995. С. 73–74; Прудников, 1995. С. 135–134). Реже встречается описательное определение – церковь на р. Ладожка (Сарабьянов, 2021. С. 202 и др.). По последним разработкам искусствоведов, строительство храма относится к третьему строительному периоду и датируется последней третью XII в. (Сарабьянов, 2021. С. 224).

В ходе полевого исследования 2021 г. локализация фундамента церкви на местности произведена путем масштабирования и привязки плана Н.Е. Бранденбурга, опубликованного в книге 1896 г. «Старая Ладога». Для обнаружения ключевых точек, необходимых для позиционирования плана, заложено два шурфа. Выбор месторасположения шурфов связан с результатами аэрофотосъемки, проведенной перед началом работ. На снимках с высоты частично прослеживаются трассы стен церкви, выделяющиеся на поверхности менее интенсивной растительностью. По результатам земляных работ в шурфе 1 сразу после снятия дерна на глубине 0,15–0,20 м зафиксирована часть трассы стены центральной апсиды храма размерами 1,0 × 1,5 м. Толщина стены 1,3 м, стена сложена из известняковых плит и плинфы на растворе. Стратиграфия отсутствует. Среди находок фрагменты стеклянных бутылок и фаянсовой посуды, пластинчатое металлическое изделие. В шурфе 2 на глубине 0,15–0,20 м зафиксирована восточная часть юго-западного столба, его северо-восточный и юго-восточный углы. Длина открытой стены 1,23 м, общая площадь расчищенной кладки 0,5 кв. м, стена сложена из известняковых плит и плинфы на растворе. Стратиграфия отсутствует. Находок не обнаружено.

Старая Ладога 1. Крепость («Культурный слой в крепости и основание каменной крепостной стены»)

ОАН «Культурный слой в крепости и основание каменной крепостной стены» располагается в центре современного с. Старая Ладога, на территории мыса при впадении р. Ладожка в р. Волхов (рис. 21). Почти всю площадь мыса занимает еще один ОКН, памятник истории и культуры «Крепость “Старая Ладога”», основана в XII в., перестроена в XV–XVI вв.). Культурный слой распространяется по всей территории мыса, наибольшая его мощность наблюдается в центральной части, на территории

крепостного двора. В процессе реставрации крепости в 1970–1980-х гг. при раскопках на стрелке мыса (в районе современной Стрелочной башни) были обнаружены лепная керамика и культурный слой стоянки эпохи неолита (Отчет, 1983а. С. 8). В IV – середине II тысячелетия до н. э. прибрежная территория была затоплена в ходе трансгрессии Ладожского озера, поэтому неолитические слои отделены от эпохи Средневековья прослойкой глины. Когда мыс был освоен повторно в эпоху Средневековья – точно не определено до сих пор. По результатам археологических раскопок 1958 г. Г.Ф. Корзухина пришла к выводу, что освоение мыса произошло в X в. (Корзухина, 1961). Однако С.Н. Орлов при публикации в 1973 г. материалов раскопок, проведенных в крепости в 1949 г., предполагает, что мыс мог быть заселен и в более ранний период (Орлов, 1973). В ходе раскопок 1970-х гг. на территории крепостного двора А.Н. Кирпичников выделил прослойку неповрежденного раннесредневекового культурного слоя, содержащего исключительно лепную керамику, что характерно для древностей Ладоги IX в. Слой с лепной керамикой был открыт при раскопках около Стрелочной башни в 1980 г. (Отчет, 1983б. С. 6–7) и около Раскатной башни в 2015 г. (Григорьева, 2019а). Этот слой подступал и перекрывал нижние плиты остатков стен первоначальной Ладожской крепости, располагавшейся на мысу. По данным летописи, первая крепость была построена в Ладоге в середине IX в. (Ипатьевская летопись, 1923. С. 15). Остатки стен древнейшего оборонительного сооружения на мысу были обнаружены в ходе раскопок Староладожской археологической экспедиции под руководством А.Н. Кирпичникова в 1975 г. на глубине около 1 м ниже современной дневной поверхности крепостного двора, под основаниями стен более позднего времени. Стены располагались вдоль края речного мыса, не имели фундамента и повторяли все неровности естественного рельефа. Они были сложены из известняковых плит без использования известкового строительного раствора (Кирпичников, 1984а. С. 25–29). Позднее остатки этих стен были обнаружены и с восточной стороны крепости (Стеценко, 1983; Григорьева, 2020). В конструкции стен использовались массивные деревянные опоры, о наличии которых свидетельствует ряд материковых столбовых ям. Кладки имеют следы ремонта и были намеренно разрушены при перестройке крепости в XII в.

Строительство новой каменной крепости в Ладоге летописные источники относят к началу XII в. Эта фортеция оказалась больше предшественницы, территория крепостного двора расширилась на 5–15 м,

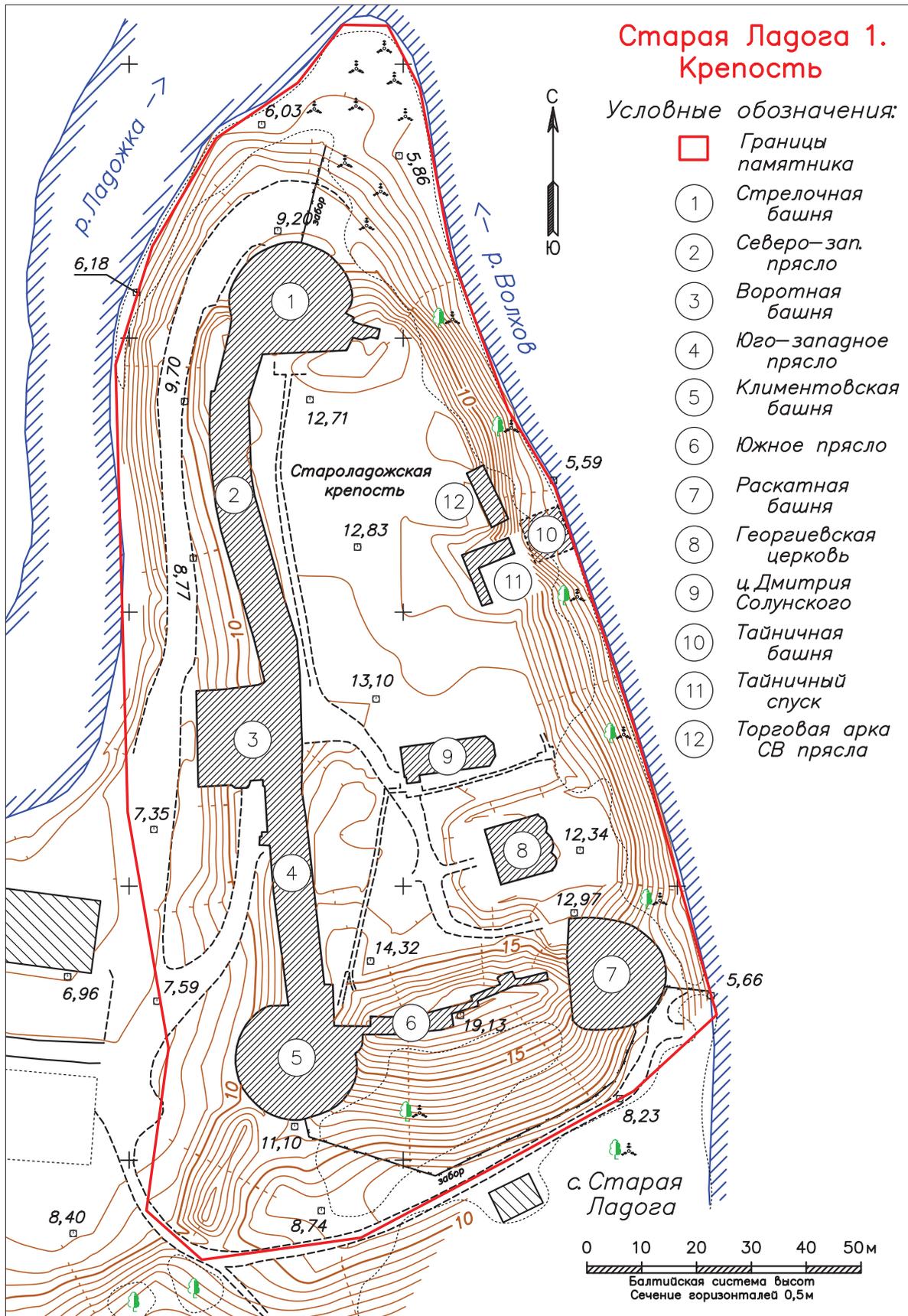

Рис. 21. Старая Ладога 1. Крепость. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

за счет переноса восточного прясла к подножию мыса, на берег. Образовавшееся пространство между новой стеной и краем мыса было засыпано грунтом. Высказано предположение, что каменные стены начала XII в. были перестроены уже во второй половине столетия, тогда же в крепости была построена каменная церковь Св. Георгия – памятник древнерусского новгородского зодчества, сохранившийся до настоящего времени (Лалазаров, 2017. Ил. 8). Сейчас вокруг Георгиевской церкви для отвода воды от фундамента обустроен глиняный замок и приямок, уровень которого соответствует уровню дневной поверхности XII в. Перед церковью с западной стороны находились каменная паперть и колокольня, которые были разобраны в 20-е гг. XX в. Фундамент каменной паперти был обнаружен при обустройстве водоотводных канавок при раскопках в 2013 г. (Григорьева, 2014. Рис. 14), а колокольни – при раскопках Г.Ф. Корзухиной в 1958 г. (Корзухина, 1961. С. 78, рис. 1). «Поновление» стен крепости проводилось в 1445 г. по инициативе новгородского епископа Евфимия (Лалазаров, 2003. С. 143), но коренной этап реконструкции крепости произошел в 1584–1586 гг. Была перестроена восточная линия укреплений, на месте разрушившихся каменных стен насыпана земляная стена, окончательно скрывшая руины каменных фортификаций XII в. Для сооружения земляных стен использовались материковый гравелистый песок, глина и культурный слой серого гумуса. С юга от каменной крепости была построена еще одна, деревоземляная – Земляное городище (Лалазаров, 2003. С. 147–150; Селин, 2010; Мильчик, 2021. С. 202–211). В XVII в. в крепости прошло несколько крупных ремонтов, известных по письменным источникам (Лалазаров, 2003; Дело о починке, 2021; Отписка Василия Неплюева, 2021).

После победоносных войн Петра I крепость оказалась в тылу, была заброшена, в результате чего стала разрушаться под действием природных условий. На ее территории находился Застенный монастырь, организованный в Георгиевской церкви еще при епископе Евфимии в середине XV в. В XVII в. церковь становится приходской, и, вероятно в это время при ней появляется кладбище (Григорьева, Милаев, 2021). Кладбище действовало до середины XX в. и распространялось по всей территории крепостного двора. Могильные кресты видны на всех фотографиях конца XIX в. (Бранденбург, 1896. Рис. 18. Табл. X–XII).

Первый инструментальный план крепости был снят в 1809 г. участниками «археологического путешествия по России». Эта поездка под руководством К.М. Бороздина состоялась по инициативе

президента Академии наук А.Н. Оленина при поддержке Александра I с целью описания и зарисовок «остатков отечественных древностей» – древних храмов, крепостей, утвари, рукописей, оружия, одежды. Путешествие началось со Старой Ладogi. План Ладожской крепости снимал архитектор П.С. Максютин, первый из русских архитекторов, заинтересовавшийся изучением древнерусской архитектуры (Мильчик, 2021. С. 82). Научные раскопки и анализ остатков стен каменной Ладожской крепости начались в 1884–1885 гг. экспедицией Императорской Археологической комиссии, под руководством Н.Е. Бранденбурга. По результатам раскопок обмеры сохранившихся сооружений проводил В.В. Суслов в 1893 г. Результаты работы изложены в фундаментальной монографии «Старая Ладoga», изданной в 1896 г. (Бранденбург, 1896).

В 1936 г. раскопки и изучение конструкции крепостной стены в районе Тайничной башни проводил В.А. Богусевич (Богусевич, 1937). Этот же участок стены исследовал П.А. Раппопорт в 1948 г. (Раппопорт, 1952). С 1972 г. в крепости начинает работу Староладожская археологическая экспедиция ЛОИА РАН СССР под руководством А.Н. Кирпичникова (Лалазаров 2021. С. 101). Тогда же проводились и консервационно-спасательные работы на месте открытых участков стен. Первый этап архитектурно-реставрационных и археологических работ в Ладожской крепости был начат в 1958 г. Ленинградской областной специальной научно-реставрационной мастерской (ЛО СНРПМ) под руководством архитекторов А.А. Драги, Г.Г. Носкова и А.Э. Эка. С 1976 по 1979 г. под руководством И.А. Хаустовой велось исследование и консервация Северо-западного прясла. Был выработан подход к консервации руин крепости с частичной реставрацией в пределах сохранившихся объемов башен и стен. С 1979 г. были начаты архитектурно-археологические исследования и реставрация крепости силами ЛФИ «Спецпроектреставрация». Многие годы работы велись под руководством М.И. Коляды и О.Г. Гусевой, И.Л. Воиновой, И.А. Петруниной и С.В. Лалазарова. Все земляные работы при исследовании руин крепости производились при участии археолога Н.К. Стеценко (Лалазаров, 2021). Помимо архитектурно-восстановительных работ продолжались раскопки культурного слоя на территории крепостного двора. Все исследователи отмечали, что культурные напластования значительно повреждены в ходе неоднократных строительных работ и ремонтов, а также при обустройстве могил кладбища (Корзухина, 1961. С. 77; Орлов, 1973. С. 262–263).

В последние годы масштабные архитектурно-археологические исследования в крепости проводились Староладожской археологической экспе-

дицией ИИМК РАН (Григорьева, 2014; 2019а; 2019б; 2020). Около Раскатной башни были открыты неизвестные ранее участки стен первой Ладожской крепости и прясла XII в. с воротным проемом. В культурном слое были найдены остатки металлообрабатывающего производства и фрагменты стенок колокола (Григорьева, 2015). При раскопках около Тайничной башни в 2015 г. был найден клад монет Смутного времени (Григорьева и др., 2017), а в 2017 г. – остатки большой постройки XVI–XVII вв. с обширным подполом. На юго-восточном прясле, южнее Тайничной башни, раскопками 2017 г. обнаружены еще один заложённый воротный проем XII в. и неизвестная ранее каменная постройка. При раскопках последних лет было обнаружено большое количество погребений *in situ*, три кирпичных склепа, а также разрозненные человеческие кости от погребений, поврежденных при обустройстве могил более позднего времени. Помимо погребений встречены предметы убранства могил: похоронные венки с металлическими и фаянсовыми листьями и цветами, фигуры ангелов, украшения гробов и ограды, части чугунных крестов, множество предметов личного благочестия (иконки, медальоны, нательные кресты) и церковная утварь (Григорьева, Миляев, 2021).

В 1960 г. Староладожская крепость под названием «Крепость “Старая Ладога”», основана в XII в., перестроена XV–XVI вв.» постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа за № 1327 включена в список памятников археологии, подлежащих охране как памятник государственного значения, и в настоящее время является памятником истории федерального значения (Решение, 1960). В 1978 г. Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 в список памятников археологии Ленинградской области был включен ОАН «Культурный слой в крепости и основание каменной крепостной стены» (Решение, 1978. Пункт 126).

В 1983 г. сотрудниками кафедры археологии ЛГУ Г.С. Лебедевым и В.Н. Седых был составлен паспорт памятника «Старая Ладога, культурный слой и основание каменных стен Ладожской крепости», расположенного на мысу р. Волхов и р. Ладожка. К плану прилагаются учетная карточка, генеральный и ситуационные планы расположения памятника (Паспорт «Старая Ладога, культурный слой и основание каменных стен ладожской крепости», 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 20, 22. Пункт 32, рис. 2). Решением Облисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник был внесен в Список памятников археологии, архитектуры и природы, включенных в состав памятников Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-

заповедника под наименованием «Культурный слой на территории Ладожской каменной крепости IX–XVII вв.» (Решение, 1985. Приложение 2, пункт 29). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Старая Ладога-1. Каменная крепость в с. Старая Ладога, на левом берегу р. Волхов, на мысу при впадении р. Ладожка в р. Волхов, на известняковой скале высотой около 8 м над уровнем воды» (Лапшин, 1995. С. 134–135. № 1444).

Приказом Комитета по культуре Ленинградской области № 16 от 16 апреля 2013 г. были установлены границы территории объекта культурного наследия федерального значения памятника истории и культуры «Крепость “Старая Ладога”», основана в XII в., перестроена в XV–XVI в в с. Старая Ладога Волховского района (Приказ, 2013). В ходе подготовки концепции комплексного развития с. Старая Ладога в сфере культуры, сохранения и охраны объектов культурного наследия в 2014 г. НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» (г. Ярославль) выполнил обследование объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой и основание каменных стен Ладожской крепости». В рамках выполнения контракта сделан вывод об удовлетворительном состоянии данного ОКН (Акт, 2014а).

В ходе полевого обследования 2021 г. на памятнике была выполнена инструментальная топографическая съемка плана, определены границы с координатами поворотных точек. Границы ОАН «Культурный слой в крепости и основание каменной крепостной стены» определены с учетом ландшафтно-топографической ситуации вдоль уреза воды р. Волхов с восточной стороны и вдоль уреза воды р. Ладожка с западной стороны мыса, с южной стороны граница проходит вдоль основания южного вала по дну бывшей протоки р. Ладожка, отделявшей когда-то мыс от коренного берега. Территория памятника в установленных границах занимает всю площадь мыса, имеет форму вытянутого треугольника площадью 16 289 кв. м. Установлено, что уровень современной дневной поверхности культурного слоя на территории крепостного двора находится на 7 м выше уровня воды Волхова. Высотные отметки дневной поверхности в пределах топографической съемки плана варьируют в пределах 6,61 м БС (в пойме р. Ладожка) – 19,13 м БС (на гребне южного вала). Поверхность культурного слоя на территории крепостного двора задернована и выровнена. Неровности дневной поверхности на территории памятника связаны с выявленными

и законсервированными археологическими объектами и сохранившимися фрагментами фортификаций.

*Старая Ладога 3–4. Земляное городище.
(«Земляное городище и основание каменной
церкви Климента»)*

Памятник «Земляное городище и основание каменной церкви Климента» расположен в центре с. Старая Ладога, с юга от каменной крепости, между Волховским пр. и р. Волхов (рис. 22). «Земляное городище и основание каменной церкви Климента» является ансамблем памятников археологии федерального значения. В его составе объединены два памятника археологии: фортификации Земляного города, сооруженные в 1584–1586 гг. (с перестройками 1620-х гг. и середины XVII в.); основание каменной церкви Климента, построенной в 1153 г. Под фортификациями Земляного города располагается территория средневекового поселения (памятник археологии федерального значения «Городище и селище “Старая Ладога”» IX–XII вв.), существовавшего как минимум с середины VIII в. Нижняя часть культурных отложений селища представлена анаэробным слоем с хорошей сохранностью деревянных конструкций. Мощностные археологические напластования на территории памятника достигает 3–5 м. Земляное городище, или Деревянный город – комплекс деревоземляных укреплений с куртинами и тремя бастионами – сооружен в 1584–1585 гг. с южной стороны от каменной крепости. На валах располагались деревянные рубленые стены, примыкавшие с востока к Раскатной, а с запада к Клементовской башне каменной крепости. Между крепостями существовал проход через Клементовскую башню. Земляное городище окружал ров, который с юга от каменной крепости переходил в глубокую ложбину, вероятно, естественного происхождения – бывшую протоку р. Ладожка. Для насыпки куртин и бастионов использовали местный материковый гравелистый песок, а также культурный слой с площадки поселения, поэтому при археологических исследованиях насыпи вала конца XVI в. встречаются находки IX–X вв. (Рябинин, 1983. С. 7).

С конца XVI – до начала XVIII вв. Земляное городище существовало как военный объект, требующий постоянного надзора и ремонта (Отписка Василия Неплюева, 2021; Дело о починке, 2021). В 1618–1630-х гг. после событий Смутного времени здесь был проведен большой комплекс восстановительных работ, вернувший каменной и деревянной крепостям боеспособное состояние. В 1646 г. письменные документы вновь фиксируют полное разрушение деревянной крепости. Новый ремонт произошел между 1655 и 1665 гг. Судя

по приведенным в описях размерам, от ремонта к ремонту изменялись конструкции стен и даже их местоположение (Лалазаров, 2003). В начале XVIII в. в результате победоносных войн Петра I Ладога оказывается в глубоком тылу, и необходимость в крепости отпадает. С этого времени начинается естественное разрушение фортификаций. Некоторое время на площадке городища располагается кладбище. В XIX в. в северной части Земляного города располагаются дома священника и служб Георгиевской церкви.

Первые наблюдения и описания стратиграфии культурного слоя и развалин Клементовской церкви на территории Земляного городища произвел Д. А. Сабанеев в 1885 г. (Сабанеев, 1886). Был составлен первый инструментальный план городища и зафиксированы многочисленные провалы в прибрежной части, которые образовались из-за проседания грунта в штольни, прорытые со стороны берега для добычи песка. В 1896 г. еще один инструментальный план был опубликован в книге Н. Е. Бранденбурга. В издании приводится краткое описание Деревянного города, исследований на его территории не проводились (Бранденбург, 1896. С. 227–231, табл. XLVIII).

В 1903, 1909–1912 гг. археологические исследования на территории Земляного городища проводил Н. И. Репников. Исследовались руины церкви Св. Климента, культурный слой раннесредневекового поселения, а также была проведена зачистка продольного разреза в центральной части западного вала городища (Старая Ладога, 1948). После раскопок Н. И. Репникова исследования на городище продолжились только в 1938 г. силами Староладожской археологической экспедиции ЛГУ под руководством В. И. Равдоникаса (с участием ИИМК РАН СССР, а в 1950-х Государственного Эрмитажа) (Новое в археологии Старой Ладоги, 2018. С. 23 сл.). В раскопе 1938–1939 гг. расположенного в центральной части бывшего двора деревянной крепости была расчищена упавшая западная стена нартекса церкви Климента (Большаков, Раппапорт, 1985. С. 111).

В 1973–1975 и 1981–1985 гг. на Земляном городище работал отряд Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. А. Рябинина. Проводились исследования культурного слоя, а также западного вала, в седловине которого неподалеку от раскопа Н. И. Репникова был расчищен засыпанный при последующих ремонтах проезд в первоначальную крепость (Рябинин, 1983. С. 4–7, рис. 8). В 1984–1998 гг. под руководством А. Н. Кирпичникова двумя раскопами был прорезан

Рис. 22. Старая Ладога 3–4. Земляное городище и основание каменной церкви Климента. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

северный вал укреплений. В теле вала в 1985 г. были обнаружены дощатые настилы двух пищальных бойниц раструбного типа деревянной крепости конца XVI в. Бойницы были направлены в сторону р. Ладожка. Ширина бойниц в узкой части 0,7–0,8 м, а в широкой 1,3–1,4 м. При последующих реконструкциях крепости бойницы были засыпаны (Кирпичников, Назаренко, 1997. С. 67–68, рис. 3). С 1999 г. работы экспедиции были перенесены в южную часть городища. За 13 лет здесь было исследовано около 500 кв. м культурного слоя и частично подрезана и насыпь куртины (Новое в археологии Старой Ладоги. 2018. С. 14, рис. В.7).

Церковь Святого Климента была построена в центральной части будущего Земляного города, тогда еще на участке открытого поселения в 1153 г. по инициативе новгородского архиепископа Нифонта (Бранденбург, 1896. С. 41). Это был трехнефный, трехапсидный храм с нартексом. В интерьере стены были оштукатурены и расписаны. Фундамент церкви ленточный, шириной 1,6 м, из булыжника, пролитого раствором. Общая длина церкви равна 23,5 м, ширина 18 м. Ширина внутреннего пространства 16 м. Стены были сложены из известняковых плит с плинфой. Неизвестно, предшествовала ли каменной церкви более ранняя деревянная, но рядом с каменной церковью XII в. располагался христианский могильник (Равдоникас, 1949; Новое в археологии Старой Ладоги, 2018. С. 93–134). Большинство исследователей склоняются к тому, что церковь разрушилась в начале XVI в., в период шведской оккупации (Большаков, Рапппорт, 1985. С. 112). Основание храма археологизировалось в виде всхолмления, на котором была поставлена деревянная церковь, упомянутая в письменных источниках 1617 и 1646 гг. (Перепись Новгорода с пригородами, 1617; Старая Ладога, 1948. С. 46). В 1703 или в 1704 г., когда «люди посадские» указом Петра I были переведены в город Новая Ладога, деревянную Климентовскую церковь раскатали на бревна и перевезли туда по Волхову (Бранденбург, 1896. С. 42, 122). В 1728 г. на месте церкви был поставлен большой деревянный крест, а также небольшая часовенка, восстановленная в 1884 г. под эгидой Императорского Русского археологического общества (Бранденбург, 1896. С. 41).

Археологические исследования церкви Св. Климента проводились трижды. В ходе раскопок Н.И. Репникова было вскрыто прямоугольное в плане здание церкви с тремя апсидами, двумя опорными столбами и западным притвором, во всю ширину стены (Старая Ладога, 1948. С. 40–62). Притвор соединялся с наосом первоначально тремя, а позднее

четырьмя проходами. Средний опорный столб был сооружен в ходе ремонта здания, который проводился не позднее XV в. (Старая Ладога, 1948. С. 58). На сохранившихся *in situ* стенах в интерьере храма выявлены остатки фресковой росписи (Старая Ладога, 1948. С. 62). Было выявлено три уровня обустройства полов храма, два из которых растворные, а верхний, наиболее поздний, представлял собой настил из известняковых плит (Старая Ладога, 1948. С. 58). Повторно западная часть храма вместе с обвалившейся стеной нартекса были исследованы при раскопках В.И. Равдоникаса в 1938–1939 г. (Равдоникас, 1949. С. 10–12; Новое в археологии Старой Ладоги, 2018. С. 70–74). В 1979–1980 гг. остатки церкви исследовали П.А. Рапппорт и Л.Н. Большаков в ходе работ архитектурно-археологической экспедиции (Рапппорт, 1979; Большаков, 1980). Исследователи уточнили план храма и собрали сведения по строительной технике (Большаков, 1980. С. 5). При раскопках обнаруживались многочисленные фрагменты обвалившейся штукатурки с фресковой росписью. По решению специальной комиссии в 1980 г. руины церкви были засыпаны грунтом с целью консервации (Рапппорт, 1979. С. 8, 9).

В 1949 г. сотрудником МАЭ Э.Е. Фрадкимым был составлен паспорт памятника «Земляное городище» (Паспорт «Земляное городище», 1949). Им же был составлен отдельный паспорт для памятника «Остатки каменного храма, основанного в 1153 г. Новгородским архиепископом Нифонтом. Церковь Климента» (Паспорт «Остатки каменного храма, основанного в 1153 г. Новгородским архиепископом Нифонтом. Церковь Климента», 1949). По решению исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов № 271 от 10.07.1978 памятник археологии регионального значения «Земляное городище и основание каменной церкви Климента», включающий в себя культурный слой VIII–XVI в., валы конца XV – начала XVI вв., основание церкви XII в., был поставлен на государственную охрану (Решение, 1978. Пункт № 113). При создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника в список памятников археологии, архитектуры и природы, включенных в его состав, внесены «Земляное городище VIII–XVIII вв.» к югу от Ладожской каменной крепости (Решение, 1985. Пункт № 30), а также «Основание каменной крепости церкви Климента XII–XVIII вв.» на Земляном городище (Решение, 1985. Пункт 31). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник «Земляное городище» учтен как «Старая Ладога-3. Земляное городище в с. Старая Ладога»

(Лапшин, 1995. С. 135. № 1446). «Основание церкви Климента» учтен как «Старая Ладога-4» (Лапшин, 1995. С. 135–136. № 1447). В ходе подготовки концепции комплексного развития с. Старая Ладога в сфере культуры, сохранения и охраны объектов культурного наследия в 2014 г. НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» (г. Ярославль) выполнил обследование объекта культурного наследия федерального значения «Основание каменной церкви Климента XII в. на Земляном городище». В рамках выполнения контракта сделан вывод о неудовлетворительном состоянии данного ОКН (Акт, 2014б).

В ходе полевого обследования 2021 г. на памятнике выполнена инструментальная топографическая съемка плана, определены границы с координатами поворотных точек. Границы установлены с учетом ландшафтно-топографической ситуации вдоль внешнего края рва с западной и южной сторон памятника, вдоль уреза воды р. Волхов с восточной стороны, вдоль основания южного вала каменной крепости с северо-восточной стороны и на расстоянии 13 м от края северной куртины с северо-западной стороны, где ров засыпан. Территория памятника в установленных границах занимает площадь 29429 кв. м. Определено, что площадку городища по периметру окружают земляные стены высотой в среднем до 5 м. С западной и южной сторон сохранился ров глубиной около 3 м. В западной и восточной частях городища фиксируются участки не засыпанных раскопов и проседания грунта. В плане городище имеет подпрямоугольную форму размерами около 200 × 170 м с острыми углами – бастионами. Уровень современной дневной поверхности площадки городища колеблется от 11,5 до 15,3 м. Кромка восточного вала почти на 10 м выше современного уровня воды р. Волхов. Высотные отметки дневной поверхности в пределах топографической съемки плана варьируются в пределах 7,52 м БС на дне рва с западной стороны до 17,48 м БС на площадке городища. Наиболее хорошо сохранился юго-западный бастион. Северо-западный бастион подрезан Волховским шоссе, на его южном склоне находится частный огород. На вершине юго-восточного бастиона расположен частный участок с жилым домом. Законсервированное грунтом основание церкви Климента находится в северо-восточной части площадки городища на линии восточной границы незасыпанного раскопа В.И. Равдоникаса.

Старая Ладога 6. Грунтовый могильник («Грунтовый могильник, перекрытый культурным слоем селища»)

Памятник находится в с. Старая Ладога, с юга от Земляного городища, на огородах частных участков

по адресу ул. Никольская, д. 7–9, 8А, 14 (рис. 23). Могильник открыт в 1938 г. в ходе разведочных работ, проводившихся силами совместной экспедиции Ленинградского университета и ИИМК под руководством В.И. Равдоникаса. К югу от Земляного городища на территории древнего селища были заложены несколько разведывательных траншей, в одной из которых (Траншея 4) найдены отдельные кальцинированные кости и трупосожжения в материковых ямках. Погребения были перекрыты культурным слоем селища, появившегося не позднее IX–X в. (Орлов, 1941. С. 120; 1960. С. 253). После обнаружения первого погребения площадь траншеи была расширена (ее стали называть Раскоп 4). Работы проводил С.Н. Орлов. Кальцинированные кости обнаружались при зачистке материка, на глубине 0,9–1,0 м от поверхности (Гроздилов, 1938. Л. 9; Орлов, 1941. С. 125). Всего при зачистке и разборке погребенной почвы были обнаружены четыре погребения по обряду трупосожжения в небольших материковых ямках и две крупные ямы, которые были интерпретированы как культовые (поминальные) сооружения для возжигания огня (Орлов, 1941. С. 115). Также в ямах выявлены признаки остатков продуктов питания, которые могли впоследствии поесть животными (Орлов, 1941. С. 129, табл. 1). Надо добавить, что в публикации 1960 г. С.Н. Орлов отказывается от такой интерпретации. Ссылаясь на позднюю дату обнаруженных в ямах находок, он связывает их со временем возникновения поселения, не позднее IX в. (Орлов, 1960). Уже после первых раскопок 1938 г. исследователи сходились во мнении, что прослеженный обряд, бескуранный характер погребений и обнаруженные редкие находки указывают на весьма ранний хронологический период функционирования могильника и его связь с материалами длинных курганов Белоруссии (Гроздилов, 1938. Л. 10; Орлов, 1941. С. 132).

В 1948 г. С.Н. Орлов продолжил исследования на месте грунтового могильника (Орлов, 1948; Орлов, 1960). Участок раскопок 1938 г. был частично расширен в южном, западном и восточном направлениях насколько позволяли окружающие огороды (Гроздилов, 1948. С. 37). Кальцинированные косточки и угольки встречались по всей площади, кроме южного направления. С.Н. Орлов высказал предположение, что в период после функционирования могильника, но до возникновения селища погребенная почва подвергалась сельскохозяйственной обработке (распашке или перекапыванию), в ходе которой края погребальных ямок нарушались и погребения принимали вид пятен или скоплений костей (Орлов, 1948. С. Л. 16). Среди костей в погребениях также в большом

количестве встречались комочки пережженной глины красноватого цвета, угли и зола, попадались кости животных, без следов воздействия огня, и фрагменты лепных горшков (Орлов, 1948. Л. 12; Орлов, 1960. С. 252). Всего за два года исследований в 1938 и 1948 гг. были выявлены девять погребений по обряду трупосожжения в материковых ямках на площади около 100 кв. м. В 1949 г. для инспекции по охране памятников Э.Е. Фрадкиным был составлен паспорт могильника под названием «Славянский могильник» (Паспорт «Славянский могильник», 1949). Местонахождение объекта указывалось в 200 м к югу от Земляного городища, на высоком левом берегу р. Волхов.

В 1978 г. Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов за № 271 от 10.07.1978 могильник включен в список памятников археологии Ленинградской области под названием «Грунтовый могильник, перекрытый культурным слоем селища» (Решение, 1978. Пункт № 115). В 1983 г. Г.С. Лебедев и В.Н. Седых составили паспорт памятника под названием «Старая Ладога, грунтовый могильник (?), перекрытый слоем поселения к югу от Земляного

городища», ситуационный план и учетную карточку (Паспорт «Старая Ладога, грунтовый могильник (?), перекрытый слоем поселения к югу от Земляного городища», 1983; Учетная карточка, 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 22, № 36). В 1985 г. было принято Решение о создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. В списке памятников археологии в составе музея-заповедника обозначен «Грунтовый могильник VIII в., перекрытый слоем поселения, к югу от Земляного городища на участках дома № 13 по Волховской ул.» (Решение, 1985. Пункт № 33). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Старая Ладога-6. Грунтовый (?) могильник в 0,1 км к юго-востоку от Земляного городища в с. Старая Ладога, в 20 м от левого берега р. Волхов, на высоте 5 м над уровнем воды, на огороде дома № 13 по ул. Волховская» (Лапшин, 1995. С. 136. № 1449). В ходе подготовки концепции комплексного развития села Старая Ладога в сфере культуры, сохранения и охраны объектов культурного наследия в 2014 г. НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» (г. Ярославль) выполнил

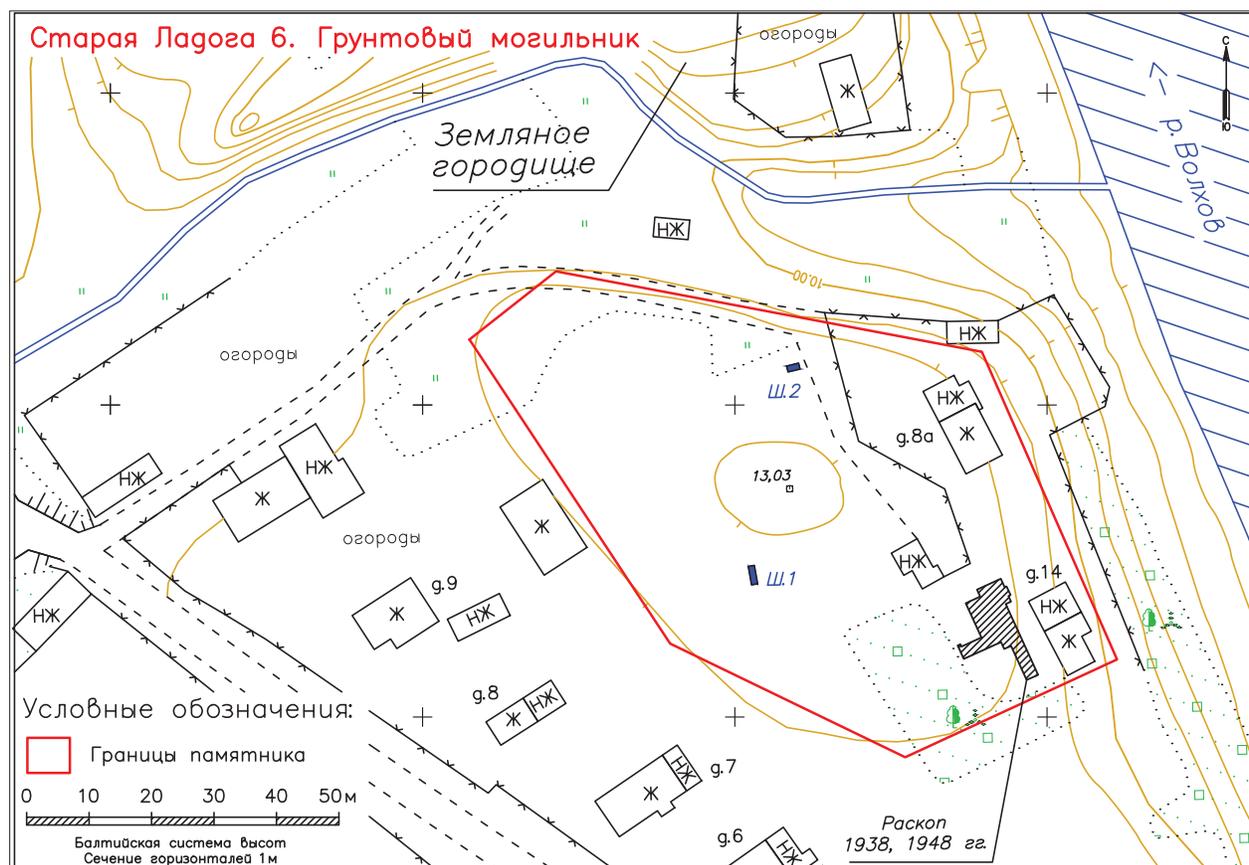

Рис. 23. Старая Ладога 6. Грунтовый могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

обследование объекта культурного наследия федерального значения «Грунтовый могильник VIII в., перекрытый культурным слоем селища». Сделан вывод о неудовлетворительном состоянии данного ОКН (Акт, 2014в).

По результатам полевого обследования 2021 г. установлено, что памятник располагается на высокой береговой террасе левого берега р. Волхов, к югу от Земляного городища. С севера территория памятника ограничена рвом Земляного городища, с востока естественной границей является край береговой террасы р. Волхов, с запада ул. Никольская. На месте раскопок 1938 и 1948 гг. сохранился котлован, края которого сильно оплыли и исказились. На территории локализации памятника располагаются частные участки и огороды. Работами 1948 г. было установлено, что погребения не распространяются в южном направлении, с востока естественной границей является край береговой террасы, поэтому необходимо было определить восточную и северную границы памятника. С этой целью было заложено два разведочных шурфа на территории, свободной от застройки и сельскохозяйственной деятельности.

Шурф 1 размерами 3 × 1 м ориентирован по линии С–Ю, заложено на заброшенном участке, в 35 м к северо-западу от места раскопок 1938 и 1949 гг. Мощность культурного слоя составила 1,72 м. В верхней части располагается современный огородный слой светло-серого гумуса мощностью 0,25–0,30 м. Ниже располагается темно-серый гумус с известняковой галькой и известняковым и кирпичным боем общей мощностью до 0,60 м. В нижней части этого слоя находилось основание очага, сложенного из известняковых плит с деревянными досками в основании. От очага по всей площади шурфа распространялся слой золы и угля. Ниже залегает слой коричневого гумуса толщиной 0,20–0,40 м и погребенная почва – черный гумус с глиной – 0,15–0,20 м. Материком является серая глина. Погребенная почва и верхняя часть материковой глины имеют следы сельскохозяйственной обработки. В материке расчищено две ямы. Яма 2 диаметром 0,60 м, глубиной 0,45 м заполнена желтоватой глиной с прослойками черного гумуса. В глиняном заполнении с северной стороны ямы располагалась столбовая яма, в основании которой находились нижняя часть лепного горшка с дном и правая нижняя челюсть лошади¹⁷. Также в яме находились крестцовые позвонки ло-

шади и верхняя часть правой лучевой кости козы, а также кости рыб. В шурфе обнаружены 35 индивидуальных находок, среди которых стеклянные и каменные бусы, шиферное пряслице, фрагменты сланцевого оселка, железный нож, гвозди, фрагмент керамического тигля и амулет из астрагала бобра. Среди массового материала представлены фрагменты керамических сосудов, фрагменты костей животных и разрозненные кальцинированные кости (12 шт.). Фрагменты лепной керамики встречаются во всей толще культурных напластований, что свидетельствует о многочисленных перекопах. В нижнем слое черного гумуса, помимо абсолютного большинства фрагментов лепной керамики, обнаружены несколько фрагментов хорошо профилированных гончарных сосудов эпохи развитого Средневековья.

Шурф 2 размерами 2 × 1 м заложено на склоне в сторону рва Земляного городища, в 47 м к северо-западу от места раскопок 1938 и 1949 гг., между частными участками. Глубина шурфа 1,72 м. В верхней части располагается современный огородный слой светло-серого гумуса мощностью 0,20 м. Ниже располагается темно-серый гумус с известняковой галькой и известняковым и кирпичным боем общей мощностью 0,40–0,45 м. Под ним слой коричневого гумуса мощностью до 0,40 м, ниже которого залегал слой черного гумуса с угольными прослойками. Большое количество угля находилось в северо-восточном углу шурфа. Ниже угольной прослойки в черном гумусе фиксировалась большая примесь материковой глины (слой толщиной 0,07–0,10 м). Материком являлась серая глина. Погребенная почва и верхняя часть материковой глины имеют следы сельскохозяйственной обработки. В западной части шурфа на поверхности глины наблюдаются клинообразные углубления подтреугольной формы – следы тычков лопат. В юго-восточном углу располагалась крупная яма 2, которая попала в площадь шурфа лишь частично. Диаметр ямы около 1,3 м, глубина до 0,40 м. Яма заполнена прослойками угля и черным гумусом. Прослойки угля в нижней части ямы не распространяются за ее границы. В разрезе ямы 2 наблюдается несколько этапов формирования ее заполнения: 1) последовательные прослойки угля и гумуса отражают периодичность использования ее для разжигания огня; 2) этап нивелировки ямы, когда в нее одновременно (?) сбрасывают крупные фрагменты известняковых плит с валунами, и эта поверхность перекрывается слоем черного гумуса. При раскопках обнаружено 18 индивидуальных находок, среди которых ледоходный шип, фрагменты янтаря, фрагменты керамического тигля, трехчастная серебро-стеклянная пронизка. Среди массового

¹⁷ Определение костных остатков из ямы провел зав. Лабораторией археологической технологии ИИМК РАН А. К. Каспаров.

материала представлены фрагменты керамических сосудов, фрагменты костей животных и кальцинированные кости (14 шт.). Фрагменты лепной керамики встречаются во всей толще культурных напластований, что свидетельствует о перекопах слоя. В заполнении ямы 2 представлены фрагменты только лепных сосудов.

Несмотря на то что в ходе разведочных работ не было найдено ни одного достоверного погребения или скопления, по заключению специалиста-антрополога И.Г. Широбокова (МАЭ «Кунсткамера»), среди фрагментов кальцинированных костей с вероятностью 70 % присутствуют кости человека. Согласно предположению С.Н. Орлова, в совокупности с выявленными следами перекопов погребенной почвы компактные погребения могли быть нарушены при сельскохозяйственных работах, поэтому присутствие даже единичных фрагментов кальцинированных костей может указывать на расположение могильника в непосредственной близости от места закладки шурфов. Яму 2 в шурфе 2 можно соотнести с поминальными ямами, открытыми при раскопках 1938 г.

На памятнике была выполнена инструментальная топографическая съемка плана, определены границы с координатами поворотных точек. Границы могильника определены с учетом ландшафтно-топографической ситуации на участке всхолмления береговой террасы, ограниченном с севера краем склона в сторону рва Земляного городища, и вдоль края береговой террасы р. Волхов с восточной стороны. Территория памятника в установленных границах занимает площадь 4771 кв. м.

Старая Ладога 9. Селище («Поселение»)

Селище расположено в с. Старая Ладога, в 390 м к западу от Староладожской крепости, в 290 м к западу от Волховского пр., в 230 м к югу от д. Ахматова Гора. Селище открыто в ходе археологических разведок А.С. Каманцевой, проведенных по правому и левому берегам р. Ладожка в 1957 г. в рамках работ Староладожской археологической экспедиции под руководством В.И. Равдоникаса. Поселение локализовано на правом берегу р. Ладожка на высоком возвышенном плато, ограниченном справа впадающей в р. Ладожка рекой Заклюка, в 510 м от устья р. Ладожка по сборам подъемного материала. Площадь распространения находок около 1 км вдоль по берегу р. Ладожка, около 0,3–0,5 км в сторону от нее. По керамическому материалу поселение отнесено к позднему Средневековью (Равдоникас, 1957. Л. 15; Каманцева, 1957. Л. 14).

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Поселение» в с. Старая

Ладога в устье р. Заклюка поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 123). В 1983 г. селище обследовано СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника, вычерчены ситуационный и генеральный планы. Поселение локализовано на плато надпойменной террасы коренного левого берега р. Заклюка и правого берега р. Ладожка в месте их слияния. Высота плато над уровнем воды 2–3 м. Культурный слой мощностью 0,3–0,5 м залегает на площади 1500–2000 кв. м вдоль края плато. По керамическому материалу селище датировано XIV–XVII вв. (Лебедев, Седых, 1985. С. 23, 19, рис. 2: 37; Паспорт «Старая Ладога, селище у слияния р. Заклюка и р. Ладожка», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Селище XIV–XVIII вв. у слияния ручья Заклюка и р. Ладожка» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 34). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Старая Ладога 9. Селище» (Лапшин, 1995. С. 137. № 1452).

Поселение на месте слияния рек Заклюка и Ладожка известно по письменным источникам с XVI в. В Писцовых книгах 1500 и 1568 гг. упоминается деревня Щелега/Щерега, на планах генерального межевания 1778–1779 гг. отмечена пустошь Климентовщина, с пояснением, что раньше на ее месте была деревня Шерега (Бранденбург, 1896. С. 324; Селин, 2003. С. 267, 280, карты XII-1, XII-3).

По результатам полевого обследования 2021 г. селище Заклюка локализовано на правом берегу р. Ладожка на месте впадения в нее р. Заклюка, на береговой террасе высотой 7 м, вытянуто вдоль ее края с севера на юг полосой примерно 50 × 120 м, с юга и востока ограничено естественным рельефом береговой террасы. Находится на поле, которое долгое время распахивалось, но в настоящее время используется только как сенокосные угодья. Через территорию памятника проходит полевая дорога, проезжая для машин, в северной части установлен столб ЛЭП. Для определения границ селища и мощности культурного слоя было заложено три разведывательных шурфа. По результатам раскопок прослежена следующая стратиграфия: дерновый слой мощностью 0,03–0,05 м, черный гумус с включениями материковой гальки мощностью 0,23–0,25 м; материк – светло-коричневая супесь. Среди находок фрагменты гончарной керамики, поливной и фарфоровой посуды. Собранный материал не противоречит принятой датировке селища XIV–XVII вв. (Лапшин, 1995. С. 137).

Победище 2. Группа сопок

Группа сопок располагается на южной окраине с. Старая Ладога, в 67 м к югу от Никольского монастыря, 170 м к востоку от Волховского пр., в 240 м к северу от оврага «Кровавый ручей» (рис. 24). Поле к югу от с. Старая Ладога между Никольским монастырем и д. Извоз, к востоку от д. Княщина, на второй высокой террасе левого берега р. Волхов, известное по письменным источникам и устной традиции как «Победище», являлось крупным погребальным комплексом раннесредневекового и древнерусского времени. Здесь располагались сопки, курганы и грунтовые захоронения. К сожалению, активное хозяйственное освоение территории, занятой археологическими объектами (распашка, карьеры по добыче песка), эпизодичность раскопок и многократное исследование одних и тех же памятников, неточность их локализации на местности привели к утрате значительного массива объектов и серьезно затруднили понимание действительного количества зафиксированных памятников и их местонахождение. Согласно сведениям архивно-библиографической литературы, сопки располагались цепочкой между с. Старая Ладога (к югу от Никольского монастыря) и д. Извоз по краю береговой террасы левого берега р. Волхов. Исходя из топографической ситуации (наличия ярко выраженного оврага, именуемого «Кровавый ручей») насыпи условно разделяются на две группы: южную («Княщинскую», южнее оврага) и северную (к северу от оврага). Общее количество насыпей разнится от публикации к публикации.

Н.Е. Бранденбург стал первым исследователем, который посчитал и нанес сопки на план¹⁸. Всего он учел 13 насыпей, разделив их на две группы: восемь и четыре насыпи, еще одна отдельно стоящая насыпь отмечена рядом с курганным могильником севернее группы из четырех сопок. Впоследствии другие исследователи, обращавшиеся к изучению сопок в урочище «Победище», также рассматривали их двумя группами. ОАН «Группа из шести сопок», числящийся по спискам Комитета по культуре Ленинградской области,

¹⁸ Впервые о сопках в урочище «Победище» упоминает З. Доленга-Ходаковский. Исследователь отмечает выдающиеся размеры одной из насыпей и приводит рассказ местных жителей о посещении ее Екатериной II во время путешествия императрицы по р. Волхов (Ходаковский, 1838. С. 149). Первые раскопки произвел А.С. Уваров в 1879 или 1880 г., однако никаких материалов о них не сохранилось. Предполагается, что исследовалась самая большая насыпь в северной группе сопок (14-I по В.П. Петренко) (Бранденбург, 1895. С. II; Репников, 1911. С. 2; Петренко, 1994. С. 125).

на основе топографической привязки можно соотнести с северной группой сопок (к северу от оврага «Кровавый ручей»). Н.Е. Бранденбург в 1878–1886 г. раскопал в группе две насыпи № 140 и 141 (14-II и 14-IV по В.П. Петренко)¹⁹ (Бранденбург, 1895. С. 136–138).

Северная группа сопок, обследованная Н.Н. Чернягиным в 1929 г., локализована им на левом берегу р. Волхов, на верхней террасе на высоте 20 м и более, сразу за северной стеной Никольского монастыря. Исследователь сделал описание группы и составил план. Всего было учтено шесть насыпей. Стоит отметить, что, исходя из размеров, насыпи под номерами 2 (диаметр 8 м, высота 0,9 м), 4 (диаметр 10 м, высота 1 м) и 5 (размеры основания 8 × 5 м, высота 0,6 м) по плану Н.Н. Чернягина, вероятнее всего, являются курганами и не имеют отношения к сопкам. Таким образом, только насыпи 1 (диаметр 19 м, высота 3,96 м), 3 (диаметр 18 м, высота 3 м) и 6 (диаметр 19 м, высота 2,5 м) можно считать сопками. Все три насыпи на момент обследования были повреждены ямами. Н.Н. Чернягин предполагал, что курган № 3 раскапывал А.С. Уваров (Чернягин, 1929. Л. 15–17; 1931. Л. 4, 4об., 5; 1941. С. 121, № 355).

В 1949 г. сопки обследованы С.Н. Орловым. Локализованы на левом берегу р. Волхов, цепочкой вдоль высокого берега к югу от Никольского монастыря. Исследователь отмечает, что все 12 сопок, отмеченные Н.Е. Бранденбургом, им зафиксированы с точным указанием местоположения. К сожалению, карта, на которую ссылается С.Н. Орлов, довольно условна и сказать, сколько насыпей было зафиксировано в северной группе сопок, не представляется возможным (Орлов, 1955. С. 191, рис. 1, 197). Некоторую ясность вносят материалы обследования 1968 г. В отчете сопки учтены под номером 30, сделано словесное описание, составлен паспорт. Насыпи локализованы на бровке высокого берега р. Волхов от южного конца Никольского монастыря до сухого оврага «Кровавый ручей». По отчету в группе зафиксировано пять насыпей. При этом в паспорте памятника написано шесть²⁰. Все хорошо задернованы, имеют большие повреждения в виде ям и траншей, некоторые заросли кустарником. Три насыпи рассматриваются как исследованные Н.Е. Бранденбургом (Орлов, 1968а. Л. 1, 16; 1968б. Л. 19–23).

В 1970 г. группа сопок была осмотрена Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции

¹⁹ Далее при описании сопок будет использоваться нумерация, принятая в каталоге В.П. Петренко.

²⁰ В паспорте сначала было написано «пять», а потом исправлено на «шесть».

ЛГУ под руководством В.А. Назаренко: сделано словесное описание, вычерчены профили, номера по отчету 24, 27, 30. Памятник локализован на высоком коренном берегу р. Волхов над Никольским монастырем. Исследователем также было сделано предположение, что насыпи 2, 4 и 5 по плану Н.Н. Черныгина – это курганы. Остатки насыпи 2 не сохранились; на месте насыпей 4 и 5 зафиксирован отвал (В.А. Назаренко предполагал, что курганы исследованы Н.И. Репниковым) в форме полумесяца высотой около 1 м. Три сопки повреждены ямами, которые В.А. Назаренко связывает с археологическими работами второй половины XIX в.: самая северная № 24 – раскопки А.С. Уварова, № 27 и 30 – Н.Е. Бранденбурга (Назаренко, 1970. Л. 16–17). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, включил насыпи в группу сопок № 332 – Победище. Описание насыпей приведено по публикации автора раскопок Н.Е. Бранденбурга (Седов, 1970. С. 44).

С 1973 по 1981 г. В.П. Петренко были исследованы три насыпи в северной группе сопок – 14-I, 14-II и 14-IV²¹ (№ 1, 3 и 6 по плану Н.Н. Черныгина). Исследователь вслед за В.А. Назаренко предположил, что самую северную насыпь раскапывал А.С. Уваров, а две другие – Н.Е. Бранденбург. Сопка 14-I раскопана на снос, а затем заново насыпана, основываясь на результатах проведенных археологических работ (Петренко, 1980а. С. 25–26). Сопки 14-II и 14-IV исследованы частично (Петренко, 1976. Л. 15; 1981а. Л. 1; 1994. С. 126–127). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Группа из 6 сопок» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 118). Видимо, основанием послужил паспорт памятника, составленный С.Н. Орловым в 1968 г. (Орлов, 1968б. Л. 19–23).

В 1983 г. группа была обследована СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева: сделано описание,

²¹ По каталогу В.П. Петренко в северной группе сопок в урочище «Победище» располагалось четыре сопки. Насыпь 14-III локализована и описана крайне спорно. На схеме в книге 1994 г. сопка размещена на месте кургана № 4 по плану Н.Н. Черныгина 1929 г. Рядом отмечен курган. По локализации ссылки перенаправляют на публикации Н.Е. Бранденбурга 1895 г., Н.Н. Черныгина 1929 г. и В.А. Назаренко 1970 г., материалы из которых были приведены при описании результатов научных достижений авторов и не содержат информации, подтверждающей данные В.П. Петренко. Кроме того, В.П. Петренко пишет, что останец сопки был исследован С.Н. Орловым, и ссылается на Отчет 1968 г., л. 13–14 и на статью 1955 г., с. 197–200. По указанным ссылкам представлена информация о совсем других объектах.

составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. Сопки локализованы на краю высокой второй надпойменной террасы коренного левого берега р. Волхов, над постройками Никольского монастыря. Г.С. Лебедев полагал, что группа состояла из пяти насыпей, но на момент обследования сохранились три: из них одна (№ 1 по плану 1983 г.) восстановлена после раскопок и одна (№ 3 по плану 1983 г.) раскопанная, но сохраняется в виде оплывших отвалов. Две насыпи, по мнению исследователя, уничтожены распашкой, в том числе сопка № 140, исследованная Н.Е. Бранденбургом. Г.С. Лебедев вслед за В.А. Назаренко и В.П. Петренко считал, что сопку № 1 (по плану 1983 г.) копал А.С. Уваров, а № 3 – Н.Е. Бранденбург. Следует отметить, что, ссылаясь при описании насыпей на материалы разведки В.А. Назаренко 1970 г. (в Паспорте 1983 г. в скобках приводятся номера объектов по отчету 1970 г.), Г.С. Лебедев не во всех случаях однозначно интерпретирует оригинальный авторский текст. Например, исследователь пишет, что ближайшая к монастырю сопка на краю террасы, северная в группе, – это насыпь № 140 по Н.Е. Бранденбургу и № 27 по отчету В.А. Назаренко, хотя по последнему самая северная насыпь в группе – № 24. Объект № 26 по В.А. Назаренко описан Г.С. Лебедевым как останец сильно разрушенной сопки, в то время как у автора отчета отмечено, что к сопкам его можно отнести условно и, скорее всего, это остатки раскопанных курганов, которые располагались между сопками. Аналогичная ситуация в соотношении сопки № 2 (по плану 1983 г.) с объектом № 28 по отчету В.А. Назаренко (Лебедев, Седых, 1985. С. 21, 23, рис. 2: 47; Назаренко, 1970. Л. 16–17; Паспорт «Старая Ладога, группа сопок в урочище “Победище”», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Группа сопок VIII–X вв. к югу от бывшего Никольского монастыря» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 11)²². В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Победище 2. Северная группа сопок в урочище “Победище”» (Лапшин, 1995. С. 134. № 1437)²³.

²² По-видимому, данный пункт Решения объединяет все насыпи и их останцы, сохранившиеся в урочище «Победище», без подразделения на группы северную и южную.

²³ Следует иметь в виду, что пункт написан на основе работы В.П. Петренко и сохраняет отмеченный спорный момент по сопке 14-III.

По результатам полевого обследования 2021 г. в группе было зафиксировано три насыпи, расположенные на второй террасе левого коренного берега р. Волхов цепочкой вдоль края берега в лесополосе. С запада к насыпям примыкает поле,

которое регулярно возделывается. С запада вдоль насыпей 14-I и 14-II проходит полевая дорога. Сопка 14-I является макетом сопки, восстановленной в полную величину в 1979–1980 гг. по результатам археологических работ 1973–1978 гг.

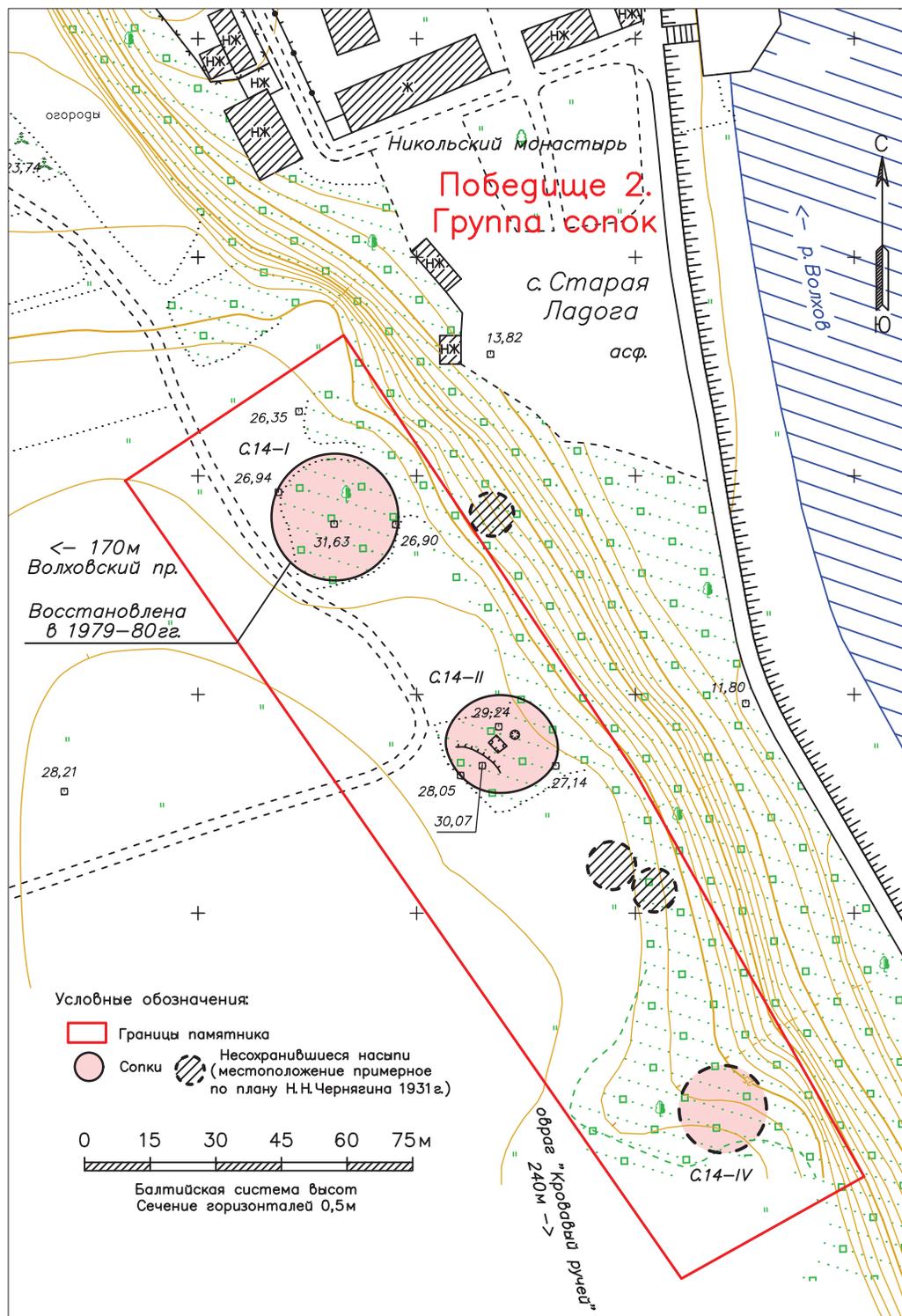

Рис. 24. Победище 2. Группа сопки. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

В. П. Петренко. Насыпь была исследована на снос. На момент обследования диаметр сопки составляет 29 м, высота около 4,5 м. Сильно заросла деревьями и кустарником. Нарушений дернового покрова не зафиксировано. Сопка 14-II располагается в 37 м к юго-юго-востоку от сопки 14-I. Сохранилась в виде останца округлой формы размерами по линии север-юг 22,5 м, по линии запад-восток 25,5 м. Максимальная высота фиксируется в западной части насыпи и составляет около 2 м. В центральной части находятся две ямы прямоугольной и округлой формы. Размеры прямоугольной ямы 3,5 × 2,5 м, глубина около 0,8 м; размеры округлой ямы 2 × 2 м, глубина 0,4 м. Останец сильно зарос деревьями и кустарником. Сопка 14-IV располагается в 160 м к юго-юго-востоку от сопки 14-I и в 96,5 м к юго-юго-востоку от сопки 14-II, с южной стороны небольшого оврага. Сохраняется в виде сильно изрытого останца округлой формы размерами примерно 18 × 10 м, разделенного двумя перпендикулярными траншеями на три части. Северная сторона оплывает в овраг, восточная – по краю террасы. Следов погребя, отмеченного Г. С. Лебедевым в 1983 г., зафиксировать не удалось, но с южной стороны обнаружен лист железа, который, возможно, был его конструктивной частью. Место сильно заросло деревьями и кустарником. На краю береговой террасы между сопками 14-II и 14-IV примерно в 50 м к юго-востоку от сопки 14-II с большой долей условности фиксируются остатки отвалов курганов 4 и 5 по плану Н. Н. Черныгина, которые В. А. Назаренко отмечает в 1970 г. в виде полумесяца высотой до 1 м. На данный момент высота всхолмления менее 1 м, и оно постепенно разрушается в результате оползания вниз по склону. Место сильно заросло кустарником и сорной травой.

Старая Ладога 8. Курган на р. Заклюка («Курганная группа, два плоских кургана, Средневековье»)

Памятник располагается на юго-западной границе с. Старая Ладога, на левом берегу р. Заклюка в пойме, на частной территории (рис. 25). В 1978 г. ОАН под названием «Курганная группа, 2 кургана» поставлен на государственный учет Решением Лен-облисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 122). Археологический источник информации неизвестен. В 1983 г. два плоских кургана под № 122 включены в список памятников Ленинградской области, поступивший в мае 1983 г. в Лабораторию по изучению памятников отечественной истории и культуры при историческом факультете ЛГУ от Инспекции по охране памятников Управления культуры Леноблисполкома. При работах по паспортизации и составлению Свода памятников

истории и культуры на территории с. Старая Ладога и его ближайшей округи в июле 1983 г. при обследовании территории СЗАЭ ЛГУ под руководством Г. С. Лебедева в указанном месте были зафиксированы две насыпи. Памятник был описан как «Курганы на р. Заклюке, на левом берегу располагался длинный курган, размерами 15 × 10 м, высотой 1,2 м и круглая насыпь диаметром 10 м, высотой 1,5 м, с каменным кольцом». Г. С. Лебедев считал, что насыпи могли составлять периферию курганного поля в урочище «Победище» (Лебедев, Седых, 1985. С. 24). Тогда же были составлены паспорт памятника, учетная карточка и ситуационный план расположения курганов (Паспорт «Старая Ладога, курганы на р. Заклюка», 1983; Лебедев, Седых, 1985. С. 19, рис. 2). Решением Облисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник был внесен в Список памятников археологии, архитектуры и природы, включенных в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника под наименованием «Курганный могильник VIII–X вв. за мостом вверх по течению реки Заклюка» (Решение, 1985. Пункт 35). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Старая Ладога-8. Курганная группа на юго-западной окраине с. Старая Ладога, в 40 м от левого берега р. Заклюка, впадающей в р. Ладожка – левый приток р. Волхов, в 0,9 км к западу от левого берега р. Волхов, в 50 м к югу от моста через р. Заклюка, по которому проходит дорога из с. Старая Ладога в пос. Сельхозтехника» (Лапшин, 1995. С. 136–137. № 1451).

В 2002 г. два кургана на р. Заклюка обозначены на схеме расположения основных археологических и историко-архитектурных памятников с. Старая Ладога и ее окрестностей в публикации Е. А. Рябинина и А. В. Дубашинского «Любшанское городище в Нижнем Поволховье» (Рябинин, Дубашинский, 2002. Рис. 1, с. 197). В ходе подготовки концепции комплексного развития с. Старая Ладога в сфере культуры, сохранения и охраны объектов культурного наследия в 2014 г. НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» (г. Ярославль) выполнил обследование объекта культурного наследия федерального значения «Курганный могильник VIII–X вв. за мостом вверх по течению р. Заклюка». В отчетном Акте технического обследования состояния и фотофиксации приведена ошибочная фотография места расположения памятника (Акт, 2014д).

По результатам полевого обследования 2021 г. установлено, что в настоящее время ОАН состоит

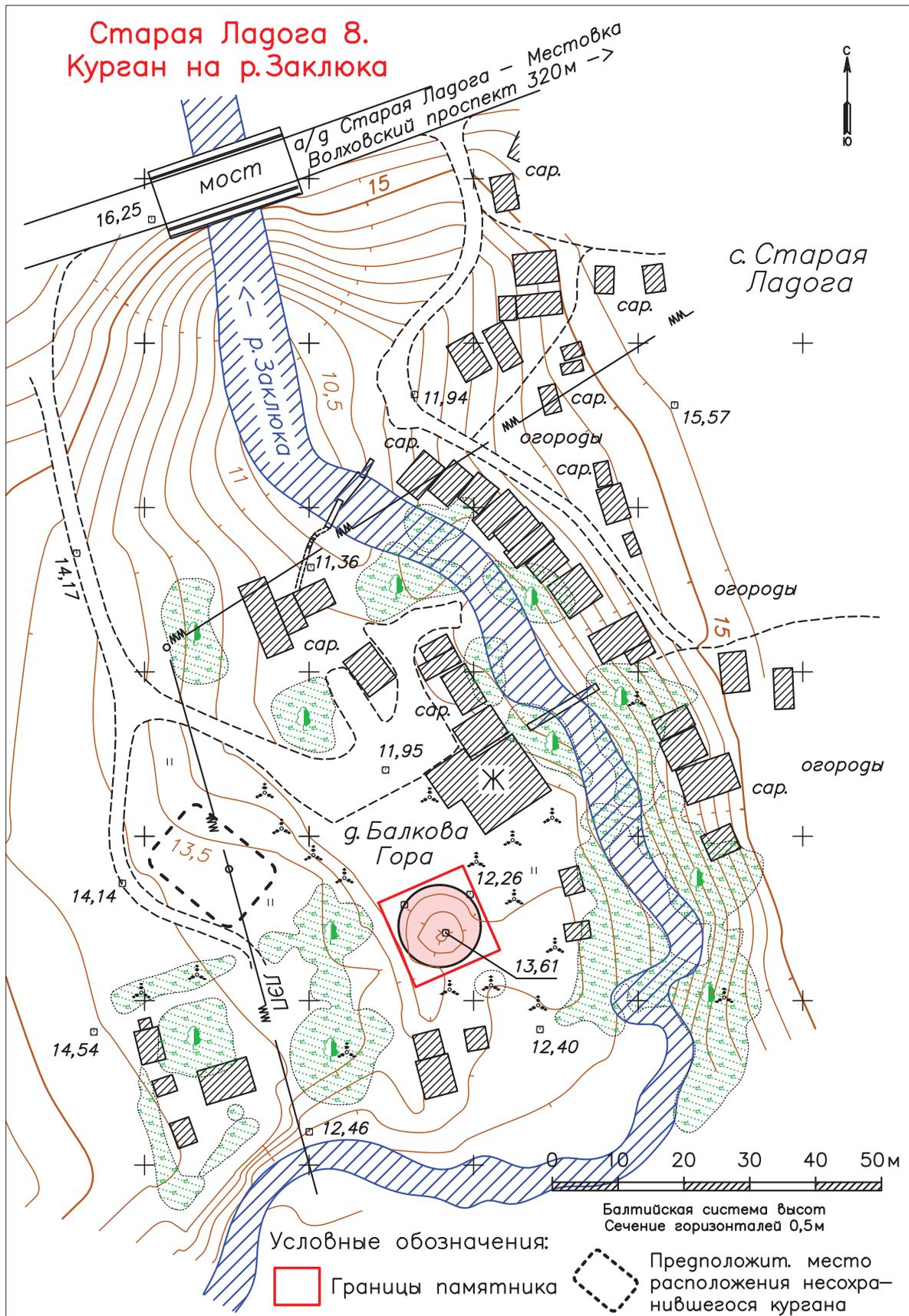

Рис. 25. Старая Ладога 8. Курган на р. Заклюка. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

из одной сохранившейся насыпи круглой формы. Вторая насыпь удлиненной формы не сохранилась. Предположительное ее местонахождение указано на плане пунктирной линией. Насыпь задернована, засажена цветами и кустарником, находится на частном участке. На памятнике выполнена инструментальная топографическая съемка плана, определены границы с координатами поворотных точек.

Плакун 2–3. Группа сопок

Памятник расположен в северной части д. Чернавино (рис. 26). Согласно сведениям архивно-библиографической литературы, в прибрежной части д. Чернавино (бывшее Малое Чернавино, а ранее Чернавинский выселок) и к северу от нее, на краю второй надпойменной террасы правого берега р. Волхов известно шесть сопок, расположенных двумя группами по три насыпи. Южные насыпи группы впервые запечатлены на акварели Д. Иванова в альбоме «Археологическое путешествие по России» Константина Бороздина 1809 г. (Мильчик, 2021. С. 83, 88–89, ил. 61). В 1878–1886 гг. сопки отмечены на карте Н.Е. Бранденбургом в составе группы из семи насыпей на правом берегу р. Волхов напротив с. Старая Ладога. Тогда же исследователь раскопал одну из насыпей (№ 135) (Бранденбург, 1895. С. 136, карта). Вопрос, какую именно из сопок раскопал Н.Е. Бранденбург, остается открытым. С.Н. Орлов и В.А. Назаренко предполагали, что это центральная насыпь в северной группе. В.П. Петренко считал, что Н.Е. Бранденбург исследовал разрушенную дорогой насыпь в южной группе, которую в 1948 г. доследовал С.Н. Орлов. По наблюдениям Е.Н. Носова и В.Я. Конечного, в промежутке между двумя группами сопок, возможно, сохранились следы полностью разрушенной насыпи, раскопанной Н.Е. Бранденбургом (Назаренко, 1970. Л. 16; Орлов, 1968а. Л. 13; Паспорт «Малое Чернавино, группа сопок над урочищем “Плакун”», 1983; Петренко, 1994. С. 123). В 1903 г. Н.И. Репников в отчете о поездке в Старую Ладогу также написал о трех насыпях, расположенных на правом берегу р. Волхов, над урочищем «Плакун», напротив Георгиевской церкви и трех насыпях севернее, напротив женского монастыря. Отдельно сопки не описывал (Репников, 1904. С. 60). На фотографии 1912 г., сделанной предположительно Н.И. Репниковым при раскопках церкви святого Климента на Земляном городище, на заднем плане в кадр попали две крайние сопки группы (Госкаталог, № 25335181). Те же сопки видны на фотографии 1903 г. И.Ф. Чистякова (Мильчик, 2021. С. 53, ил. 24).

В 1929 г. насыпи описаны и обмерены Н.Н. Чернягиным, вычерчен план. Группа локали-

зована на правом берегу реки Волхов, в 500 м к западу от Васильевского погоста в урочище «Плакун»; сопки расположены цепью вдоль берега реки на второй покато́й террасе, близко к краю. С востока примыкает пахотное поле, но не затрагивает насыпи. В вершине сопки № 5 (по плану Н.Н. Чернягина) отмечена большая яма, и сделано предположение, что это следы раскопок Н.Е. Бранденбурга. Сопка № 1 наполовину разрушена дорогой (Чернягин, 1929. Л. 13–14; 1931. Л. 8; 1941. С. 122, № 358). В 1940-х гг. сопки обследованы С.Н. Орловым, а в 1948 г. из-за продолжающегося разрушения самой южной насыпи в южной группе предприняты спасательные раскопки. Установлено, что сопка имела диаметр около 18 м и высоту около 4,5 м. Высота сохранившейся части насыпи 2 м. Общая площадь насыпи, исследованной раскопками, 90 кв. м. Результаты археологических изысканий опубликованы в статье 1955 г. (Орлов, 1955. С. 190–211). В 1968 г. памятник обследован повторно. В отчете сопки учтены двумя группами (две с учетом раскопанной в 1948 г. и три насыпи) под номерами 20 и 21, сделано словесное описание, составлен паспорт (Орлов, 1968а. Л. 1, 13; 1968б. Л. 60–62, 67–70).

В 1965 г. Г.Ф. Корзухина, проводя работу по систематизации погребальных памятников Старой Ладоги и ее окрестностей, включила сопки в список под номерами № 42, 43, 44, 45, 46 и 47 (нумерация с севера на юг) и локализовала на карте, согласно описаниям Н.Н. Чернягина и С.Н. Орлова, на второй береговой террасе правого берега р. Волхов напротив Староладожской крепости (Корзухина, 1965. Л. 2). В 1970 г. группа сопок была осмотрена Волховским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ под руководством В.А. Назаренко: сделано словесное описание, вычерчены профили, номера по отчету 45, 46, 47, 48, 49 и 50. В сопке № 46 отмечена квадратная яма со стороной 7 м и сделано предположение о ее исследовании Н.Е. Бранденбургом. На месте исследованной С.Н. Орловым сопки (№ 50 по отчету В.А. Назаренко) в 1969 г. при расширении дороги бульдозером было разрушено погребение по обряду трупосожжения с «гончарной» керамикой X в. На склоне коренного берега уже под дерном при обследовании обнаружены скопление кальцинированных костей и фрагмент того же «кружального» сосуда (Назаренко, 1970. Л. 16–17). В.В. Седов в своде археологических источников, посвященных новгородским сопкам, включил насыпи в группу сопок № 334 – Плакун. Описание насыпей приведено по публикациям исследователей Н.Е. Бранденбурга и С.Н. Орлова, указанным

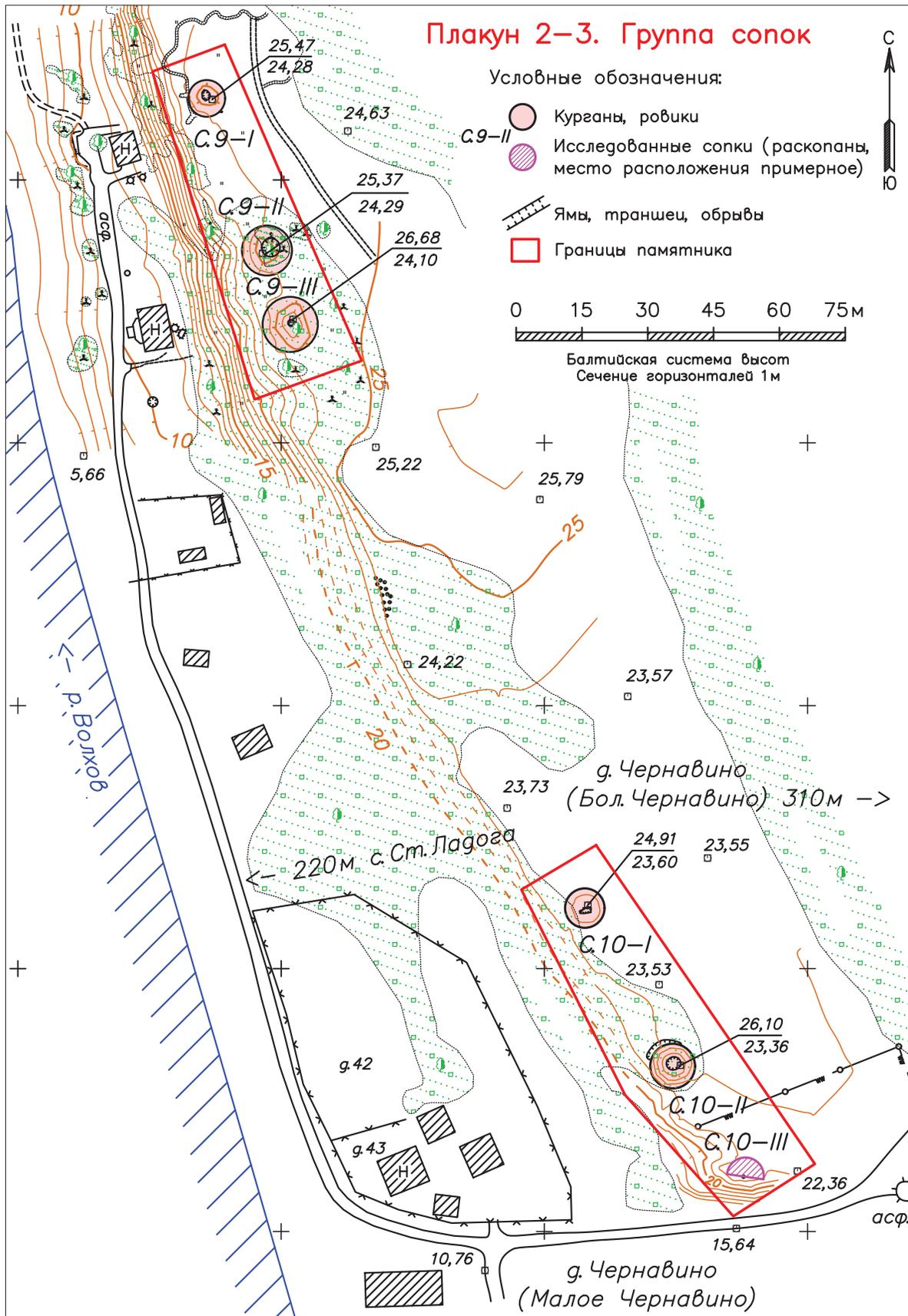

Рис. 26. Плакун 2–3. Группа сопок. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

выше по тексту (Седов, 1970. С. 45). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Сопки. 4 насыпи» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 128). После изучения архивно-библиографических материалов остается до конца не ясным, что послужило основанием включить в состав ОАН именно четыре насыпи, так как в источниках всегда фигурируют либо группа из шести сопкок, либо две группы из трех сопкок (северная и южная).

В 1983 г. группа была обследована СЗАЭ ЛГУ под руководством Г.С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. В разное время все насыпи были повреждены глубокими ямами, некоторые из них к 1983 г. полностью заплыли, задерновались и заросли кустарником (Лебедев, Седых, 1985. С. 19, 23, рис. 2: 40; Паспорт «Малое Чернавино, группа сопкок над урочищем “Плакун”», 1983). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Группа сопкок VIII–X вв. над урочищем» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 7). В своде сопкок Северного Поволжья В.П. Петренко, изданном в 1994 г., группа сопкок разделена на две по три насыпи в каждой, которые значатся под номерами 9 и 10. Сопкам присвоены номера римскими цифрами – 9-I–III²⁴ и 10-I–III (Петренко, 1994. С. 121). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник разделен на две группы и учтен под названием «Плакун 2. Группа сопкок (северная)» и «Плакун 3. Группа сопкок (южная)» (Лапшин, 1995. С. 140, № 1478, 1479).

В ходе полевого обследования 2021 г. группа сопкок локализована на правом коренном берегу р. Волхов, первой террасе, напротив Староладожской каменной крепости, высота над уровнем воды около 18–20 м. Первая (южная) группа, состоящая на данный момент из двух насыпей (третья насыпь раскопана в 1948 г. С.Н. Орловым), находится между двумя частями ныне объединенной д. Чернавино (ранее Большое Чернавино на высокой береговой террасе и Малое Чернавино (ранее Чернавинский выселок) в пойме р. Волхов). Расстояние на восток до крайних домов напольной части деревни 310 м, на запад до Раскатной башни Староладожской крепости 220 м, на юг до дороги, ведущей к прибрежной части деревни, 50 м. Вторая (северная) группа локализуется в 230 м к северу от крайней

северной насыпи южной группы (расстояние между сопками 9-III и 10-I), в 500 м к северо-западу от напольной части д. Чернавино, в 340 м от прибрежной части д. Чернавино, в 330 м к северо-востоку от Стрелочной башни Староладожской крепости. Сопка 9-I сохранилась в виде сильно оплывшей насыпи с пологими склонами диаметром около 14 м, высотой около 1,8 м. В вершине насыпи яма неправильной формы размерами 3 × 4 м. Задернована, заросла сорной травой. Сопка 9-II полусферической формы, пологая, диаметром 19 м, высотой около 2,5 м. В вершине яма округлой формы диаметром около 7 м. Насыпь задернована, сильно заросла деревьями. Сопка 9-III конусовидной формы, пологая, диаметром около 20 м, высотой около 3,5 м. В вершине яма округлой формы диаметром 2,5 м. Задернована, сильно заросла деревьями. Сопка 10-I сохранилась в виде сильно оплывшего останца, диаметром 15 м, высотой 1,3 м. В вершине яма подпрямоугольной формы размерами 4 × 2 м. Задернована, заросла сорной травой и кустарником. Сопка 10-II конусовидной формы, крутобокая, диаметром 16 м, высотой 2,8 м. В вершине яма округлой формы диаметром около 5 м. С северной стороны фиксируется ровик длиной около 14 м, шириной около 2 м. Задернована, северная часть заросла молодыми деревцами. Место расположения сопки 10-III, исследованной С.Н. Орловым, визуально не фиксируется. На плане размещена на основе описания и планов в архивно-библиографической литературе.

Победище 3. Грунтовый могильник

По данным архивно-библиографических источников, грунтовый могильник²⁵ в южной части урочища «Победище» выделяется по результатам археологических исследований С.Н. Орлова и В.П. Петренко. В 1968 г. С.Н. Орлов при доследовании разрушенной насыпи в Княщинской группе сопкок (Победище 1 по В.А. Лапшину) в ее северо-западной поле в материке зафиксировал яму с человеческими костями, лежащими без анатомического порядка. Захоронения производились в одну и ту же яму несколько раз, нарушая предыдущие погребения. Всего расчищены кости от 4–5 скелетов. Информация о наличии вещей сохранилась только в виде следов окиси

²⁴ Далее при описании сопкок будет использоваться нумерация, принятая в каталоге В.П. Петренко.

²⁵ Второй грунтовый могильник в урочище Победище. Еще один грунтовый могильник расположен в северной части урочища в 35 м к юго-юго-востоку от Никольского монастыря, на склоне второй террасы р. Волхов, в 60 м от уреза воды. Открыт в 1880 г. А.А. Иностранцевым при наблюдениях за работами по ломке известняковой плиты близ Никольского монастыря (Об осмотре, 1880. С. 13; Заседание, 1884. С. 332; Лапшин, 1995. С. 134).

меди. С. Н. Орлов атрибутировал захоронения как впускные в полу сопки и отнес ко времени существования поселения XI–XIII вв., следы которого были зафиксированы в 10–15 м к юго-западу от раскопа²⁶ (Орлов, 1968а. Л. 16–19; 1982. С. 94–96; Лапшин, 1995. С. 134). Позже в статье 1982 г. исследователь датировал погребения XII–XIII вв. (Орлов, 1982. С. 96).

В 1970–1974 гг. В. П. Петренко исследовал в Княщинской группе пять сопки и одну наблюдал в процессе разрушения. При раскопках насыпи 15-II (нумерация по каталогу В. П. Петренко) рядом с ее северо-восточной полой, частично в ней обнаружено впускное погребение по обряду трупоположения. Костяк сохранился плохо. По инвентарю (подковообразная спиралеконечная фибула, подвеска, две пряжки, пластинчатое кресало, кремневое огниво в железной оправе, оселок) погребение атрибутировано автором раскопок как мужское и датировано XI в. (Кирпичников, Петренко, 1973. Л. 1; Петренко, 1974. Л. 6, 8; 1994. С. 120, 127–128). В публикации В. П. Петренко 1994 г., со слов З. Д. Бессарабовой²⁷, приведена информация о находках в береговом обрыве рядом с сопками 15-I, II стеклянных бус и человеческих костей. Кроме того, в 1981 г. у юго-восточной границы раскопа В. П. Петренко 1970 или 1973 гг.²⁸ в перетолженном слое найдена группа предметов: весовые гири и бронзовый объемный конек (Петренко, 1994. С. 128, 135; Бессарабова, 1997. С. 66). Решением Леноблисполкома № 271 от

²⁶ Г. С. Лебедев по результатам мониторинга 1983 г. в паспорте памятника указал время его существования XI–XV вв. (Паспорт «Старая Ладога, селище II в урочище “Победище”», 1983г).

²⁷ З. Д. Бессарабова (1943–2005) – археолог, старший научный сотрудник Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника с 1971 по 2005 г. Много сил и времени Зоя Дмитриевна посвятила наблюдениям за земляными строительными и хозяйственными работами на территории с. Старая Ладога и его окрестностей, осуществлявшихся в непосредственной близости с археологическими памятниками; мониторингу сохранности археологических памятников, сбору подъемного материала. Результаты ее работ нашли отражение в публикациях и отчетах, пополнили собрание фондов Староладожского музея-заповедника (Васильев, 2012а. С. 7–8; 2012б. С. 8–10).

²⁸ К сожалению, в тексте нет прямого указания, о раскопках какой именно сопки – 15-I или 15-II – идет речь, но исходя из контекста (ссылка на устное сообщение З. Д. Бессарабовой идет после описания в каталоге результатов исследований сопки 15-II) имеется в виду последняя (Петренко, 1994. С. 128).

10.07.1978 памятник под названием «Грунтовый могильник» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 116).

В 1983 г. могильник был обследован СЗАЭ ЛГУ под руководством Г. С. Лебедева: сделано описание, составлен паспорт памятника и вычерчены ситуационный и генеральный планы. Земляные работы не проводились. Грунтовый могильник локализован частично на мысу, образованном южной кромкой естественного оврага «Кровавый ручей» и антропогенного оврага, оформившегося в результате разработки песчаного карьера, частично отмечен как разрушенный карьером и датирован X–XI вв. (Лебедев, Седых, 1985. С. 21, рис. 2: 53, 24). Решением Леноблисполкома № 392 от 16.09.1985 памятник под названием «Грунтовый могильник 2 X–XI вв. к югу от бывшего Никольского монастыря» включен в состав Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (Решение, 1985. Пункт 15). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен под названием «Победище 3. Грунтовый могильник (“Княщинский”) у группы сопки Победище 1» (Лапшин, 1995. С. 134, № 1438).

По результатам полевого обследования 2021 г. местоположение археологического памятника «Победище 3. Грунтовый могильник» локализовано по адресу: Ленинградская область, Волховский район, в 550 м к юго-юго-востоку от с. Старая Ладога и Никольского монастыря, в 550 м к северо-востоку от д. Княщина, в 310 м к востоку от а/д Зуево–Н. Ладога, в 750 м к северо-западу от д. Извоз. Опираясь на архивно-библиографические сведения, данные полевого обследования 2017²⁹ и 2021 гг. памятник с большой долей вероятности можно локализовать на второй террасе левого коренного берега р. Волхов, на мысу, образованном южной кромкой естественного оврага «Кровавый ручей» и антропогенного оврага, оформившегося в результате разработки песчаного карьера. Размеры мыса 45 × 40 м, высота над первой террасой порядка 20 м. Вся площадь сильно поросла деревьями и кустарниками, с запада примыкает пахотное поле. Поверхность мыса неровная, явно прослеживаются следы отвалов, однако определить, от раскопок какого числа сопки они могли остаться, крайне затруднительно. В 40 м к востоку находится

²⁹ В 2017 г. ООА ИИМК РАН проводилась инвентаризация Княщинской группы сопки (Акт, 2017г). Наблюдения, сделанные на памятнике в отличный от работ 2021 г. сезон, позволяют дополнить представление о рельефе местности.

участок коренного берега, отмеченный на плане Г.С. Лебедева 1983 г., приобретенный в результате выработки карьера форму «острова» размерами 100 × 40 м. На поверхности останца также читаются отвалы исследованных насыпей. Земляные работы на памятнике не проводились. Изучение архивно-библиографического материала выявило ряд противоречий, связанных с расположением сопок, к которым «привязаны» погребения, объединяемые в один грунтовый могильник, однако их подробное изложение и обоснование выходит за рамки данной статьи. В дальнейшем нельзя исключать вероятности серьезных корректировок границ памятника и его культурно-исторической интерпретации.

«Городище» в д. Вельца

В 1940-х гг. у южного конца дер. Вельца, на мысу, образованном р. Волхов и р. Жупенкой, С.Н. Орловым в обресе берега были обнаружены культурные остатки поселения в виде линзы с темным перегноем и обломками от раннегончарных и лепных горшков (Орлов, 1968а. Л. 8). В 1968 г. Волховским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством С.Н. Орлова мыс обследован повторно. В обресе берега были расчищены линзы с перегноем и горелой глиной, где также собраны обломки лепной и гончарной керамики. Так как площадь мыса раньше распахивалась, а в войну изрыта траншеями, культурный слой не просматривался повсюду и сохранился только в виде отдельных пятен. Памятник был описан как не длительное поселение (Орлов, 1968а. Л. 8). В том же году С.Н. Орловым составлен паспорт, где памятник обозначен как «Городище» (?). При этом там же в описании и на плане ОАН назывался поселением или «мысовое поселение типа городища», у которого «рвов и валов нет» (Орлов, 1968б). Памятник, обозначенный как «Городище» и расположенный по адресу: «Волховский район, Прусыногорский с/с, у южного конца д. Вельца, у 1-го Волховского порога на мысу», поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 90). В настоящее время эта территория относится к поселку Волхов Бережковского сельского поселения Волховского района.

В 1987 г. Е. М. Колпаковым на селище снят топографический план памятника как селища, на котором указаны предполагаемые границы поселения. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник зафиксирован как «Вельца. Селище» (Лапшин, 1995. С. 132, № 1419).

По результатам полевого обследования 2021 г. памятник «Городище» по адресу, указанному

в Решении Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области (пункт 90), не обнаружен. Поиск памятника осуществлялся на мысу, образованном при впадении р. Жупенка в р. Волхов, напротив южного конца д. Вельца, с западной стороны от шоссе 41К-022 Волхов–Кириши, в административных границах северной части пос. Волхов Бережковского сельского поселения Волховского района. Никаких характерных элементов городища в виде валов и рва не выявлено.

Гостинополье. Руины Никольской церкви («Руины каменной Никольской церкви»)

Памятник расположен в 370 м к юго-юго-востоку от д. Вельца, в административных границах поселка Волхов, на южном краю его северной части, в 50 м к западу от автотрассы 41К-022 (Волхов–Кириши), на территории бывшего Никольского погоста (рис. 27). Никольская церковь принадлежала Никольскому Гостинопольскому мужскому монастырю, основанному, по сведениям писцовых книг, не позже XV в. Монастырь располагался на правом берегу Волхова, «при начале Волховских порогов, в 180 верстах от Петербурга и в 35 вер. от Новой Ладogi». В 1764 г. монастырь был упразднен и его церкви обращены в приходские. С того времени это место известно как Никольский погост (Историко-статистические, 1884. С. 241–242; Репников, 1921. С. 15).

Никольская церковь впервые упоминается в Переписной книге Обонежской пятины 1582/1583 г.: «Монастырь Гостинопольский. А на монастыре церковь Николы Чудотворец камня, да теплая с трапезою Живоначальная Троица. Да на монастыре в келье черной поп Варламей, да пять келей, а в них живут пять братьев, да двадцать пять келей пустых» (Неволин, 1853. Прил. VI. С. 142; Зверинский, 1892. С. 225). Однако построена церковь была на столетие раньше и существовала уже в 1475 г., о чем свидетельствует надпись на колоколе храма «в лето 6983 е слит колокол стму Миколу повелением архиепискупа новгородского Феофела при великом князе Иване Васильевичи. мастер Микула» (Репников, 1921. С. 14–15). По данным Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии, Никольская каменная церковь построена, вероятно, новгородцами во время их торговли с Ганзою не позже XV в. На этом опасном месте зимовки и перегрузки судов у порогов торговцы, купцы (гости) и посвятили храм своему покровителю св. Николаю. В 1611 г. монастырь разорили шведы, сожгли Троицкую церковь и кельи. Вероятно, пострадал и каменный храм св. Николая, так как в 1618 г. его вновь освятили (Историко-статистические, 1884. С. 241–242).

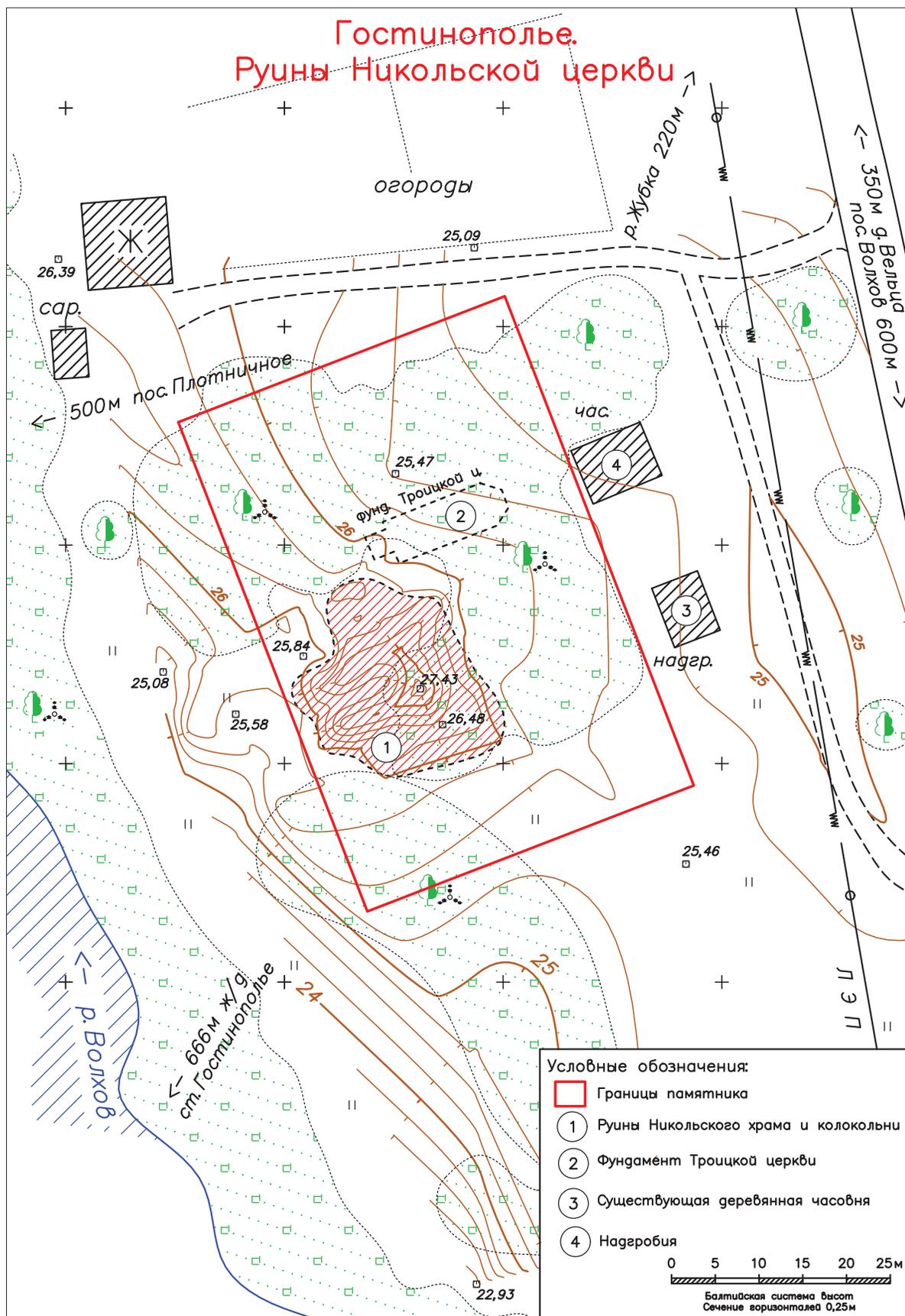

Рис. 27. Гостинополе. Руины Никольской церкви. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

По сведениям В.В. Зверинского, монастырь уже существовал в XII в., а каменная церковь Св. Николая построена не позже XV в. (Зверинский, 1892. С. 225). В начале XX в. Н.И. Репников отмечал, что время возникновения монастыря неизвестно, но совершенно обоснованно считать, что он уже существовал в XII в. Каменная церковь, по его мнению, по своим особенностям относится к концу XIV или началу XV в. (Репников, 1921. С. 14). Другие историки архитектуры также не могли прийти к единому мнению. В. Мясоедов датировал храм XV в., Ю.Н. Дмитриев и М.К. Каргер – второй половиной XV в. (Мясоедов, 1915; Дмитриев, 1937; Каргер, 1954; Седов, 1990. С. 213). Вл.В. Седов полагает, что Никольская церковь в Гостинополье сооружена между 1471 и 1480 гг. (Седов, 1990. С. 215). И.В. Антипов и В.А. Булкин относят строительство храма к концу 1460-х – началу 1470-х гг. (Антипов, Булкин, 2002).

К началу XX в. церковь Св. Николая Чудотворца была двухэтажной, сильно искажена различными пристройками. Храм имел одну грушевидную главу, поддерживаемую четырьмя столбами, пол выслан в 1850 г. путиловской плитой. Алтарь полукруглый. К церкви в 1833 г. была пристроена паперть. В 1845 г. (или в 1851 г.?) с севера возведена каменная колокольня, в 1851 г. вместо деревянного крыльца у южной и северной стены, вновь пристроенной с западной стороны паперти, приделаны каменные лестницы (Историко-статистические, 1884. С. 243; Репников, 1921. С. 15). Древняя часть здания – церковь – имела сводчатое подцерковье с системой коробовых сводов, перекрывавших карманы подвальных помещений. Второй этаж – четырехстолпный одноглавый храм. Сильно выдающаяся к востоку апсида была общей для подцерковья и основного здания храма. Размеры церкви, по данным Вл.В. Седова, 8 × 7 м (Седов, 1990. С. 215–218). В начале XX в. на стенах церкви еще сохранялись старинные фрески. В 1912–1914 гг. во время проведения экспедиции Н.И. Репникова живопись и конструктивные элементы древней постройки были зафиксированы на фотоснимки В.М. Машечкиным, обмеры проведены архитектором Н.Г. Буниатовым, архитектуру и живопись церкви исследовали Л.А. Мацулевич и А.И. Анисимов. Благодаря содействию Н.И. Репникова весной 1913 г. в Гостинопольском приходе был создан «Местный комитет по вопросам реставрации стенописи». В него вошли местные меценаты: протоирей В. Каменский, ктитор И.И. Якушев, землевладельцы Г.В. Емельянов, И.Н. Абросимова, С.Т. Трифонова и др. Благодаря их финансовой помощи удалось собрать значительную сумму на проведение осмотра стено-

писи. В августе 1913 г. в Гостинополье для проведения исследований фресок прибыл известный московский иконописец-реставратор Г.И. Чириков. Он подтвердил древность настенных изображений. Памятник был поставлен на учет (Репников, 1921. С. 13–14; <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/pamyatniki-istorii-i-kultury-sankt-peterburgskoj-gubernii-v-fotograficheskomsobranii-muzeya-k-80-letiyu-so-dnya-smerti-nirepnik/>). Местоположение церкви Н.И. Репников описывал следующим образом: «В самом начале верховья Волховских порогов, которые исполинскою грядою на протяжении двенадцати верст преграждают многоводный Волхов, на правом берегу реки белеют стены небольшой церковки Св. Николая, в версте от торгового селения, известного под именем Гостинопольской пристани» (Репников, 1921. С. 13–14).

В 1938 г. храм был закрыт, священника о. Леонида репрессировали. В годы Великой Отечественной войны Никольский погост служил приютом для раненых, детей и женщин, прятавшихся в подвале и строениях погоста от налетов авиации (Фальков, Материалы).

Во время Великой Отечественной войны храм был полностью разрушен. По одним источникам, церковь была разрушена немецкой артиллерией в 1941 г. (Седов, 1990. С. 213). Другие источники указывают, что памятник, стоявший прямо на берегу Волхова, на линии фронта, был взорван нашей стороной из тактических соображений лишить противника ориентира при налетах на оборонные объекты, принесен в жертву ради Победы. После войны остатки церкви не были законсервированы и продолжали разрушаться (Фальков, Материалы). В 1949 г. Э.Е. Фрадким под названием «Церковь XIII в., остатки стен и фундамент» составлен паспорт памятника за № 16 от 09.09.1949. Расположение объекта ошибочно указано на левом берегу р. Волхов (Паспорт «Церковь XIII в.», 1949).

В 1968 г. во время археологической разведки Волховского отряда Института археологии, проведенной по заданию Ленинградского областного управления культуры, «на правом берегу реки Волхова, севернее поселка Гостинополье» остатки разрушенной церкви Николая осмотрены С.Н. Орловым. По его сведениям, на месте храма высился небольшой, около 1 м высотой холмик из кирпичного боя. Кругом на месте кладбища валялись полуразбитые части надмогильных памятников, с кладбища местное население вывозила камень для личных нужд (Орлов, 1968а. Л. 8, п. 6).

На памятник С. Н. Орловым составлен паспорт под названием «Остатки церкви Николая» (Орлов, 1968б). В 1978 г. памятник под названием «Руины каменной Никольской церкви» XIII в. поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978. В Решении Никольская церковь ошибочно указана на левом берегу р. Волхов. Полный адрес памятника, отмеченный в Решении: «Волховский район, Волховский с/с, д. Гостинополье, на левом берегу р. Волхов на бывшем старом кладбище на территории совхоза «Светлана»» (Решение, 1978. Пункт 77). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Гостинополье. Руины Никольской церкви на северной окраине д. Гостинополье, на правом берегу р. Волхов» (Лапшин, 1995. С. 132. № 1418). В 1998 г. (1999?) в ходе археологической разведки С. В. Бельским в северной части монастыря был заложен шурф, в котором обнаружен каменный фундамент северной стенки деревянной церкви Св. Троицы (Антипов, 2002. С. 5; Тарасов, 2004а. С. 5–6; 2004б).

В 2001 г. исследования Никольского храма были проведены Новгородским отрядом архитектурно-археологической экспедиции СПбГУ под руководством И. В. Антипова и В. А. Булкина. До 2001 г. место храма было закрыто кустарником и высокой травой, однако в ходе проведенных работ благотворительным фондом «Благовест» (рук. Н. Шверикас) расчисток удалось полностью освободить холм от растительности. Перед началом работ руины церкви представляли собой холм высотой около 2 м над поверхностью земли. С целью определить степень сохранности памятника было раскрыто около 36 кв. м территории храма и вблизи него. В ходе исследования обнаружена восточная часть Никольского храма XV в., раскрыты внешние поверхности кладки юго-восточной и северо-восточной стен, начало северной и южной стен подцерковья, часть стен апсиды, определена форма апсиды изнутри. Установлено, что церковь сложена из тесаной известняковой плиты и кирпича двух форматов (первый размерами 25–27 × 12–13 × 5,0–5,5 см, второй, маломерный, размерами 23,5–24,5 × 10,5–11,5 × 5,5 см) на сером известково-песчаном растворе. По данным экспедиции, стены храма, вероятно, сохранились на высоту более 1,8 м (апсида на уровень не более 1 м), примерно на уровень перекрытия подцерковья. Сохранность обнаруженных участков кладки была определена как хорошая. Также было проведено пробное раскрытие на невысоких холмиках, находящихся к юго-востоку и северо-востоку от храма. Юго-восточный холмик состоял из мощного слоя кирпича и известняковой плиты без большого коли-

чества фрагментов фресок. Северо-восточный холм представлял собой часть завала одной из стен храма, сложенной из тесаной известняковой плиты; здесь зафиксированы многочисленные фрагменты фресок. В процессе исследований было собрано более 3,8 кв. м фресок. Как стало ясно по итогам работ, храм был ориентирован не на восток, а на северо-восток (Антипов, 2002; Антипов, Булкин, 2002). На основании всех источников И. В. Антипов реконструирует размеры церкви без притвора примерно 9 (З–В) × 7,6 (С–Ю) м (Антипов, 2009. С. 297).

Охранные археологические исследования экспедицией СПбГУ проводились по заказу Департамента по охране памятников Правительства Ленинградской области и были вызваны угрозой для руин храма в связи с возможным началом нового строительства в предполагаемой охранной зоне монастыря. В 1980–1990-е гг. в зоне бывшего монастыря развернулось активное дачное строительство, в результате чего территория монастырского комплекса оказалась в непосредственной близости от жилых домов. Работы финансировались благотворительным фондом «Благовест», занимавшимся благоустройством территории быв. Никольского погоста, и СПбГУ. Лотки для сбора фресок были предоставлены Староладожским музеем-заповедником (директор Л. А. Губчевская). Работы на территории быв. Никольского Гостинопольского монастыря проводились совместно с Волховским отрядом СЗАЭ (начальник отряда И. И. Тарасов), в задачи которого входило определение охранных зон памятника, в то время как отряд СПбГУ занимался исследованием только территории разрушенной Никольской церкви (Антипов, 2002. С. 4; Тарасов, 2004а. С. 5–6; 2004б). На основании археологических работ для благотворительного фонда «Благовест» был подготовлен топографический план Гостинопольского Никольского монастыря (погоста), на котором локализованы места расположения каменного Никольского храма, каменной колокольни, деревянной Троицкой церкви, других построек XIX – начала XX в., установлены границы охраняемой территории памятника и границы его охранной зоны (Фальков, *Материалы*).

В настоящее время руинированные останки церкви, расположенные на открытом месте, ограниченным по периметру зарослями лиственных деревьев и кустарника, представлены в виде всхолмления размерами около 20 × 24 м, высотой до 2 м, из частично задернованных обломков кирпича, камня (известняка), раствора и штукатурки. На холме много ям различного происхождения. Руины хорошо выделяются на поверхности и визуально

прослеживаются, но уже зарастают кустарником. Границы памятника проведены на основании исследований 2001 и 2021 гг. с учетом ландшафтно-топографической ситуации и расположения объектов на генеральном плане Гостинопольского Николаевского погоста 1907 г. (О перестройке, 1907). Установленные северная, западная и южная границы совпадают с линиями ограды погоста по плану 1907 г., а восточная граница несколько сдвинута от линии ограды к востоку с целью включения руин Никольской церкви.

Шахново 1. Курганный могильник («Курганная группа, 25 насыпей»)

Памятник расположен в 2 км к востоку от д. Вороново, в 0,7 км к западу от д. Горное Елохово, в 160 м к северо-западу от центральной части д. Шахново, на высоком правом коренном берегу р. Воронег, в хвойном лесу. Впервые несколько насыпей на памятнике были раскопаны в 1870–1880-е гг. местным землевладельцем Извековым, но, как отмечал Н.Е. Бранденбург, не надлежащим образом. Н.Е. Бранденбургом также были опубликованы некоторые вещи из раскопок землевладельца (Бранденбург, 1895. С. 131–132). В 1879 или 1880 г. на могильнике проведены раскопки Д.П. Европеусом. По данным Н.Е. Бранденбурга, в 1880 г. Д.П. Европеусом были раскопаны «все курганы с камнями», т.е. те, которые были по основанию обложены валунами (Бранденбург, 1895. С. 131). По другим источникам, Д.П. Европеус в 1879 г. исследовал четыре насыпи (Кочкуркина, 1989. С. 67–69). Несколько позднее Д.П. Европеуса, в том же 1879 или 1880 г., Н.Е. Бранденбургом раскопаны три целые насыпи и докопана еще одна, ранее исследованная Извековым. Памятник был описан как «Группа на правом берегу реки Воронег (верстах в трех выше устья), против деревни Шахновой, состоящая из 30 насыпей разной величины, частью скученных вместе, частью разбросанных, причем некоторые обложены по подошве валунами». Курганы насыпаны из песка (Бранденбург, 1895. С. 131–132, группа «аа»).

В 1952 г. памятник обследован Н.Н. Гуриной в рамках проведения разведочных работ. Экспедицией было отмечено, что могильник частично разрушен кладочкалателями, нетронутыми остались только четыре или пять насыпей. Также экспедицией выявлено селище эпохи железа Шахново 2 (Гурина, 1952а; 1952б). В 1978 г. решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Курганная группа, 25 насыпей» внесен в список памятников археологии Ленинградской области и поставлен на государственный учет (Решение, 1978. № 271. П. 89).

В 1983 г. при обследовании курганной группы С.И. Кочкуркиной зафиксировано 45 «невысоких, расплывчатых, плотно расположенных насыпей», снят план. У многих насыпей отмечены следы ровиков, у некоторых – обкладка из крупных валунов, размеры курганов от 6 до 13 м в диаметре и от 0,3–0,4 до 1,6 м по высоте (Кочкуркина, 1983. С. 17–21; 1989. С. 67–70, рис. 5). В 1987 г. Шахново 1 обследован разведочным отрядом ЛОИА под руководством В.А. Назаренко. Е.М. Колпаковым снят инструментальный топографический план могильника, зафиксировавший 38 курганных насыпей (Назаренко, 1987). В 1988 г. для Инспекции по охране памятников Е.М. Колпаковым составлены паспорт и учетная карточка памятника, зафиксированного под названием «Курганная группа Шахново I» X–XIV вв. (Паспорт «Курганная группа Шахново I», 1988). В Археологической карте Ленинградской области, изданной в 1995 г., памятник учтен как «Шахново-1. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 118, № 1323).

В апреле–мае 2019 г. Ленинградской областной экспедицией ИИМК РАН под руководством Ст.А. Васильева и С.А. Семенова проводилось археологическое обследование территории, отводимой под промышленное освоение карьера на месторождении «Горное Ерохово» и подъездную автодорогу у д. Горное Ерохово и д. Шахново. В ходе производства историко-культурной экспертизы землеотвода был обследован и ОАН «Курганная группа Шахново I», попадающая в границы карьера. На памятнике были проведены осмотр, оценка его современного состояния, сбор подъемного материала (фрагменты лепной керамики из грабительского выброса ямы в кургане 45), снят актуальный топографический план, определены границы и координаты поворотных точек. Для Комитета по культуре Ленинградской области подготовлена информация по уточнению границ памятника (Семенов, Васильев, 2020. С. 107–109). Обследованиями 2019 и 2021 гг. установлено, что в настоящее время могильник состоит из 55 курганных насыпей X–XIII вв. С юго-востока он ограничен крутым склоном коренного берега р. Воронег, с юго-запада – отвалами и перекопами старого песчаного карьера, с запада и северо-запада – болотистой низиной, с севера и северо-востока ландшафтная граница явным образом не выражена. Территория памятника разделена на две неравные части грунтовой дорогой из д. Горное Елохово в д. Вороново. Юго-восточная часть вытянута полосой по линии СВ–ЮЗ между грунтовой дорогой и краем коренного берега р. Воронег и насчитывает 21 курганную насыпь диаметром 5–12 м и высотой до 1,5 м. Все насыпи

носят следы крупных грабительских раскопок различной давности. Северо-западная часть могильника насчитывает 34 кучно расположенных курганных насыпи диаметром 5–12 м и высотой до 1,5 м. Все насыпи за исключением Кургана 1 и Кургана 2 повреждены крупными грабительскими ямами. Курганы 1 и 2 на северо-восточном краю могильника расположены практически на краю грунтовой дороги, между ними проходит отворот лесной дороги от грунтовой. У многих крупных насыпей прослеживаются остатки каменных обкладок из крупных валунов до 0,70 м в поперечнике. Отмеченные на плане курганного могильника Шахново 1 в 1987 г. курганы 6, 12, 13, 23 и 24 (нумерация 1987 г.) в настоящее время сильно повреждены придорожной канавой и с трудом угадываются в ее валообразном отвале (Курганы 8а–8г и 25). В целом состояние памятника оценивается как критическое – курганы сильно повреждены ямами и придорожной канавой, межкурганное пространство также изрыто. На северо-восточном краю могильника у грунтовой дороги Вороново–Горное Елохово региональной общественной организацией «Историко-культурный центр “Воронега”» установлены информационные щиты о приладожской курганной культуре, курганной группе Шахново и ее исследователях, по могильнику проводят экскурсии, маршрут обозначен развешанными стрелками.

«Курганная группа 11 насыпей»

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 11 насыпей», расположенный по адресу: Волховский район, Пашский с/с, на левом берегу р. Кумбита при ее впадении в р. Паша против д. Яксино, поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 88). Впервые курганы по р. Кумбита обследованы Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. и описаны как «Группа по речке Кумбите (рукав р. Паши близ устья) из 11 насыпей, разбросанных по ея течению». Все одиннадцать насыпей, выделенные Н.Е. Бранденбургом в одну группу «а», были вытянуты вдоль реки от д. Кашина до д. Исаево на протяжении более 6 км. Шесть курганов исследователем раскопаны (Бранденбург, 1895. С. 98–100, группа «а»).

В 1949 г. Э.Е. Фрадкиным на памятник под названием «Группа сопок “волховского типа”» составлен паспорт. Отмечено, что большинство сопок раскопано (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949а). По сведениям С.И. Кочкуркиной, все оставшиеся после раскопок Н.Е. Бранденбурга насыпи разрушены современными постройками (Кочкуркина, 1989. С. 96–101). В изданной в 1995 г.

«Археологической карте Ленинградской области» 11 курганов разделены на отдельные памятники «Исаево-1. Курган», «Исаево-2. Курган», «Прилуки-1. Курган», «Прилуки-2. Курган», «Прилуки-3. Курган», «Кашино-1. Три кургана», «Кашино-2. Три кургана» (Лапшин, 1995. С. 128. № 1381–1387).

По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН «Курганная группа, 11 насыпей» не обнаружен (не сохранился). Поиск курганов осуществлялся вдоль р. Кумбита от д. Исаево до бывш. д. Кашина на протяжении более 6 км. На территории поиска памятник не выявлен.

Новозотовское. Курганный могильник («Курганная группа, 2 насыпи»)

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 2 насыпи», расположенный «севернее д. Новозотовская на берегу р. Паши в лесу», поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 85). По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН не обнаружен (не сохранился). Поиск памятника осуществлялся севернее д. Новозотовское вдоль берега р. Паша. В настоящее время поселение значительно расширилось, береговая полоса застроена. Результаты полевых исследований подтверждаются рабочими материалами, переданными в наше распоряжение руководителем СЗИАЭ ЛГУ Е.М. Колпаковым, проводившим инвентаризацию памятников археологии Ленинградской области в 1980-е гг. В списке памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану Министерством культуры РСФСР по Ленинградской области 1983 г., напротив данного ОАН помечено «уничтожено» (Список, 1983. Пункт 83). В каталоге С.И. Кочкуркиной «Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII в.» и «Археологической карте Ленинградской области» памятник не числится (Кочкуркина, 1989; Лапшин, 1995).

Рыбежно 1. Курганный могильник («Курганная группа, 10 насыпей»)

Курганный могильник расположен на юго-восточной окраине пос. Рыбежно, в узкой полосе леса между грунтовой дорогой ул. Рейдовая (к юго-западу от нее) и правым берегом р. Паша (рис. 28). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Паши, ниже впадения в нее р. Большой Рыбежки, из семи тесно скученных насыпей (против сел. Рыбижны)». Курганы насыпаны из песка. Н.Е. Бранденбургом раскопано две насыпи, в которых обнаружены погребения по обряду труположения и инвентарь (Бранденбург,

1895. С. 101, группа «в»). В 1949 г. Э.Е. Фрадкимым составлен паспорт памятника под названием «Группа сопок “волховского типа”» в составе шести «конусовидных» насыпей XI в., высотой от 0,5 до 1,0 м при диаметре в 20–25 м. По данным документа, все насыпи раскопаны (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949в). Источник информации о шести раскопанных насыпях, положенный в основу паспорта, неизвестен.

В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят глазомерный план. Памятник был обозначен как «Курганная группа в дер. Рыбежно» в составе семи насыпей. Два кургана (1 и 5 по плану 1969 г.) имели следы прямоугольных раскопов (вероятно, Н.Е. Бранденбурга), курганы 6 и 7 повреждены с северной стороны. Тогда же отрядом доследован разрушающийся на краю берега курган 4 (Лебедев, 1969. Л. 5–8; Паспорт «Курганная группа выше д. Рыбежно», 1978). По материалам разведки 1969 г. Г.С. Лебедевым подготовлен паспорт памятника под названием «Курганная группа выше д. Рыбежно». Могильник, расположенный «на краю правого берега р. Паша, в пределах деревни

(на южной окраине, напротив школы», в составе семи насыпей отнесен к приладожской курганной культуре XI–XIII вв. (Паспорт «Курганная группа выше д. Рыбежно», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 10 насыпей» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 106). В 1983 г. памятник обследован С.И. Кочкуркиной. По ее данным, курганы представляли собой насыпи полусферической формы диаметром 7,5–8,0 м, высотой 0,8–1,2 м, один из них 2,13 м (Кочкуркина, 1983. Л. 4–5; 1989. С. 103–105, рис. 19). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Рыбежно-1. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 127–128, № 1378).

В настоящее время могильник состоит из пяти полусферической формы насыпей диаметром 6–10 м, высотой 0,9–1,5 м и двух раскопанных насыпей. Пять курганов (включая два раскопанных) вытянуты цепочкой вдоль края правого берега р. Паша на расстояние 66 м, еще два кургана расположены отдельно на расстоянии 19 м от края берега, вдоль грунтовой дороги. Центр

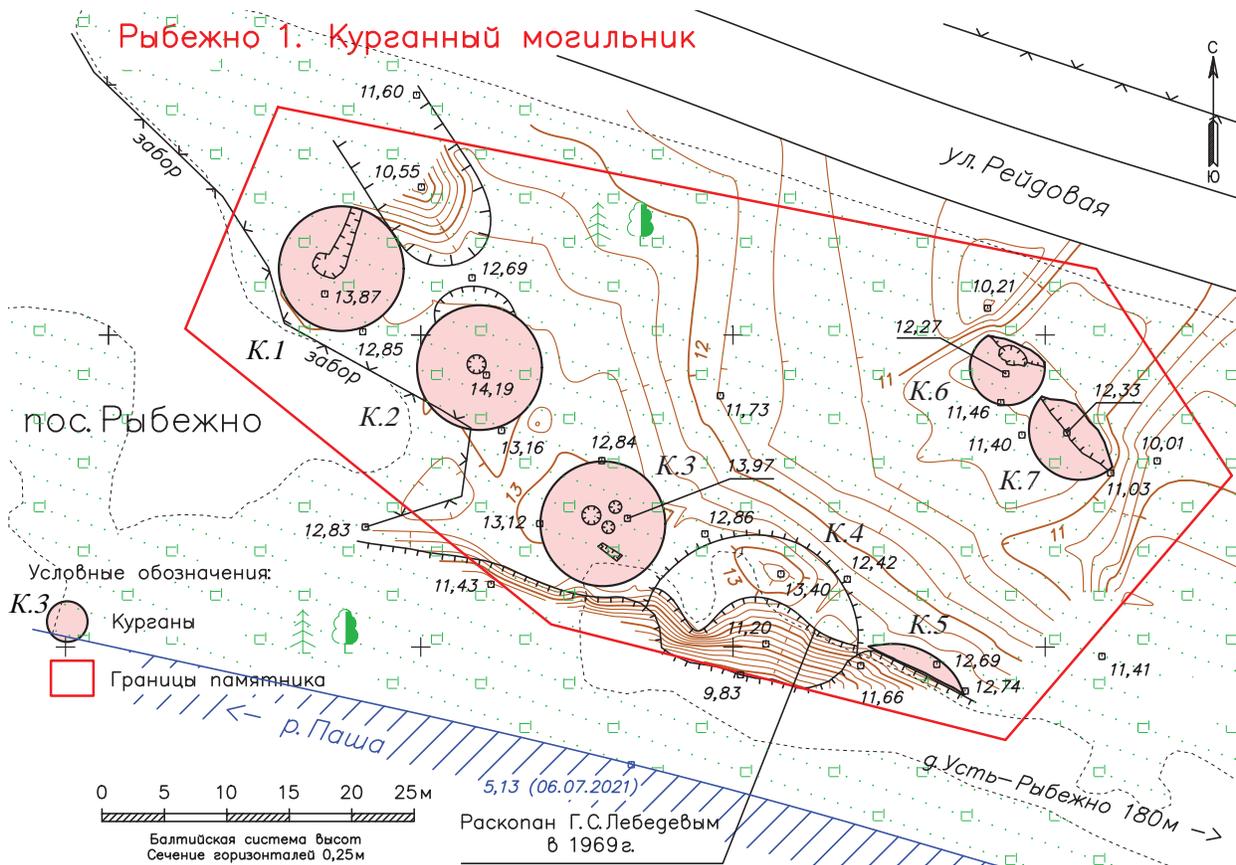

Рис. 28. Рыбежно 1. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

и северная пола кургана 1 раскопаны, вероятно, Н.Е. Бранденбургом в XIX в., северо-восточная пола кургана частично повреждена карьером для добычи песка. От курганов 4 и 5, исследованных Н.Е. Бранденбургом в XIX в. и Г.С. Лебедевым в 1969 г., сохранились только остатки основания северной полы. Курганы 6 и 7 сильно повреждены с северной стороны, возможно, при строительстве дороги или водосточной канавы (кювета). Курганы 2 и 3 в хорошей сохранности, повреждены неглубокими ямками. К памятнику с западной стороны вплотную подступили границы частного участка, его ограда проходит вдоль основания западной и южной пол кургана 1 и подрезала южную полу кургана 2.

Усть-Рыбежно 1. Стоянка («Многослойное поселение»)

Памятник расположен на западной окраине д. Усть-Рыбежно, на правом берегу р. Паша, на мысу, образованном при впадении в нее р. Рыбежка (рис. 29). Памятник открыт Невской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в 1952 г. (Гурина, 1961. С. 330). Памятник был обозначен автором как неолитическое поселение «Усть-Рыбежно 1», на территории которого располагались два кургана XI–XII вв. Со следующего 1953 г. здесь начались масштабные исследования, продолжавшиеся в 1954, 1956, 1958 и 1959 гг. За это время была изучена центральная часть стоянки на площади 1300 кв. м. По данным Н.Н. Гуриной, культурный слой поселения был перекрыт напластованиями мощностью более 1,5 м. Верхний горизонт этого слоя (до глубины 0,2 м) представлял собой перепаханную почву, остальная его толща имела отчетливо выраженный характер озерных отложений, связанный с трансгрессией Ладожского озера и представлявший в целом чередование глинистых и тонких песчаных прослоек, содержащих мелкие железистые вкрапления. Нижняя его часть отделена от культурного слоя тонкой прослойкой сероватого песка (не более 0,05–0,08 м), непосредственно перекрытого слоем желтой глины. Культурный слой представлял собой очень темный, слегка заторфованный песок, не превышающий по мощности в среднем 0,5 м. Подстилающим слоем повсюду служил желтовато-серый песок (Гурина, 1961. С. 330, 387). Археологическая коллекция, полученная Н.Н. Гуриной в ходе исследования памятника, насчитывала несколько тысяч предметов. Здесь обнаружены очаги из камней и кострища, хозяйственные ямы, найдены сланцевые, кремневые и кварцевые орудия, янтарь и украшения из янтаря, огромное количество керамики. Керамический набор включал несколько типов: ямочно-

гребенчатый, гребенчато-ямочный, ромбо-ямочный, асбестовый, сперрингс.

Н.Н. Гурина считала, что «удивительная общность стратиграфии – наличие мощного слоя озерной глины, прикрывавшего незначительный по толщине культурный слой (на краю поселения равный 0,20 м), – позволяет отнести весь материал поселения Усть-Рыбежно I к единому археологическому комплексу, что подтверждается и характером орудий». Памятник был датирован развитым неолитом. Об этом, по ее мнению, свидетельствуют исключительная тщательность изготовления сланцевых орудий, законченность их форм и серийность типов. Также, несмотря на разнообразие в орнаментации керамического материала, в нем отсутствуют черты, свойственные поздней стадии неолита, – небрежность нанесения узора или нарушение его ритмичности (Гурина, 1961. С. 386). Возникновение поселения исследовательница относила к первой половине III тыс. до н.э., а верхнюю границу существования памятника – к трансгрессии Ладожского озера, достигшего уже значительного развития приблизительно в середине III тыс. до н.э., (Гурина, 1961. С. 388). По мнению Н.Н. Гуриной, результаты последнего сезона раскопок в 1959 г. показали, что основная площадь поселения оказалась раскопанной, а оставшаяся часть «слабо прослеживаемого культурного слоя, уходящего под курган и баню, несомненно, является окраиной» (Гурина, 1961. С. 332).

В 1978 г. памятник под названием «Многослойное поселение» эпохи неолита и бронзы поставлен на государственный учет Решением Леноблсполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 87). В 1987 г. Е.М. Колпаковым для Инспекции по охране памятников подготовлена учетная карточка объекта, зафиксированного под названием «Поселение в д. Усть-Рыбежно», снят план, на котором указаны границы памятника, проведенные примерно в 100 м от стрелки мыса и в 15–20 м за насыпью, располагавшейся у края берега реки к юго-востоку от раскопа Н.Н. Гуриной в 1959 г. (Учетная карточка, 1987). В 1988 г. Е.М. Колпаковым для Инспекции по охране памятников подготовлен паспорт памятника, обозначенного как «Поселение у д. Усть-Рыбежно». Поселение датировано концом неолита – ранней бронзой, второй половиной III тыс. до н.э. (Паспорт «Поселение у д. Усть-Рыбежно», 1988). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Усть-Рыбежно-1. Стоянка». Поселение датировано неолитом, первой половиной III тыс. до н.э. (Лапшин, 1995. С. 127, № 1374).

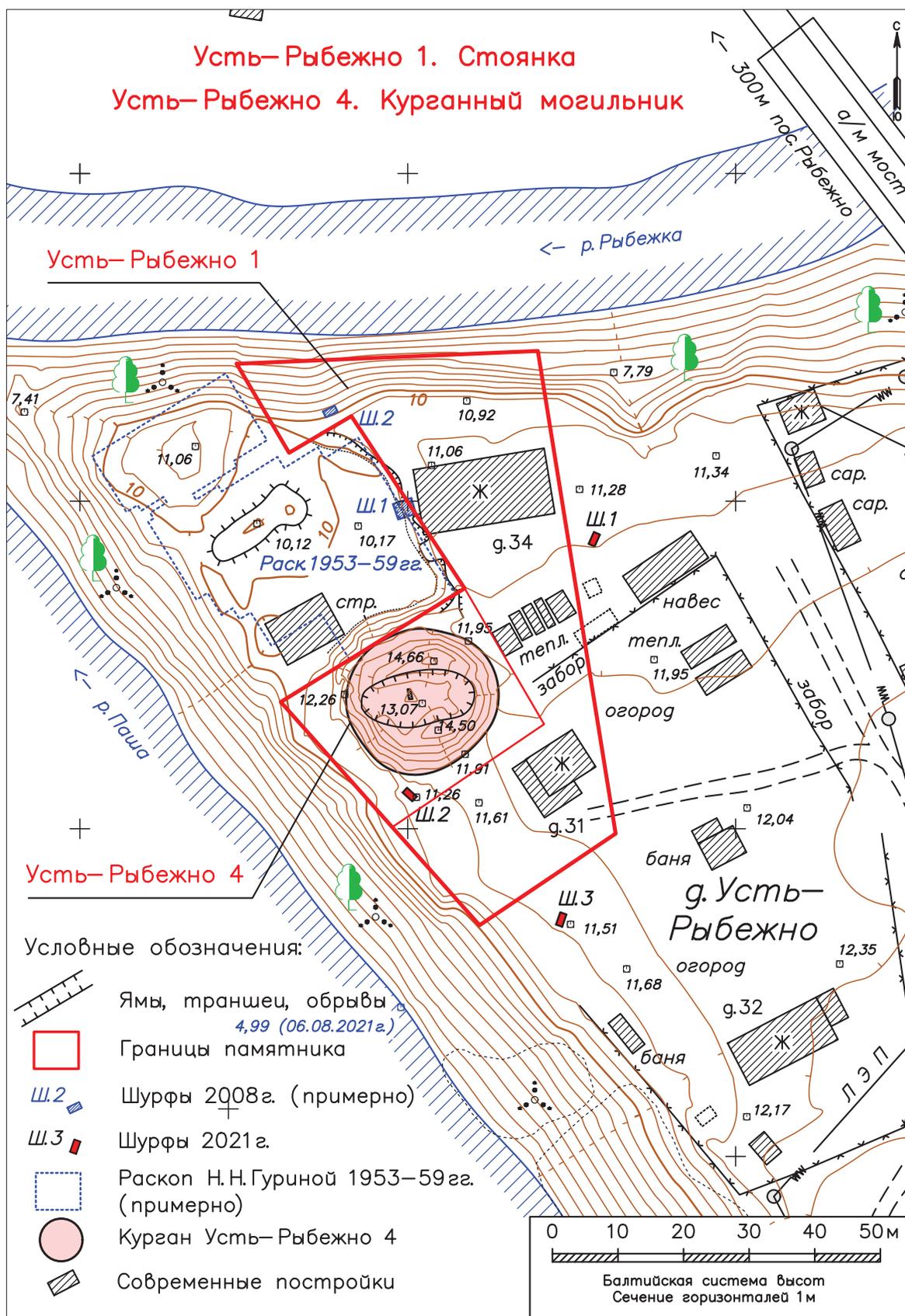

Рис. 29. Усть-Рыбежно 1. Стоянка. Усть-Рыбежно 4. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

В 2004 г. памятник был осмотрен во время археологической разведки Ладожского отряда кафедры археологии исторического факультета СПбГУ по Открытому листу М. А. Юшковой. Руководство группой студентов осуществлял ассистент кафедры археологии А. И. Мурашкин. Было установлено, что вся площадь, примыкающая к поселению, занята постройками и огородами д. Усть-Рыбежно. На огородах домов подъемный материал не обнаружен (Юшкова, 2004. С. 13–14). В 2008 г. на памятнике проведены комплексные археологические и палеогеографические исследования экспедицией ИИМК РАН под руководством М. А. Юшковой (Юшкова, 2009; Кулькова и др., 2009). Для уточнения стратиграфии памятника и отбора серии образцов для лито-стратиграфического, диатомового, палинологического и геохимического анализов с целью комплексной реконструкции условий палеосреды и исследования динамики Ладожской трансгрессии были заложены два шурфа. Шурф 1 располагался у северо-восточной границы раскопа Н. Н. Гуриной 1959 г. на квадратах У12–13. Размеры шурфа составляли в верхней части 3 × 2 м. Шурф 2 располагался у северного края раскопа Н. Н. Гуриной 1952–1953 гг. на обрыве левого берега р. Рыбежка. Его размеры составляли 2 × 1 м. В обоих шурфах зафиксирован культурный слой мощностью около 0,20 м, представлявший собой темно-серую, почти черную оторфованную супесь с угольками. Из шурфов была получена коллекция, насчитывающая 58 артефактов. Из них 16 предметов из кремня и кварца, 41 фрагмент керамики и кальцинированная кость. По мнению М. А. Юшковой, судя по керамике, можно утверждать, что памятник был обитаем на протяжении как минимум среднего–позднего неолита и самого начала эпохи энеолита (V–III тыс. до н. э.) (Юшкова, 2009). Полученные данные комплексного исследования стоянки позволили отнести появление древнего человека на этой стоянке к VI тыс. до н. э., а покинута она обитателями не позднее середины III тыс. до н. э. из-за увеличения уровня воды в водоеме и затопления мыса. На это указывает резкое изменение литологического, минералогического, геохимического, гранулометрического составов отложений, залегающих выше культурного слоя. Эти отложения сформировались в достаточно глубоководных условиях, резкое увеличение уровня воды привело к сильному размыву верхней части культурного горизонта. Таким образом, по данным комплексных исследований культурного слоя на стоянке Усть-Рыбежно 1, проведенных в 2008 г., выделяются два этапа заселения. Первый – связанный с периодом раннего неолита; второй – со средним–поздним неолитом и началом эпохи энеолита (Кулькова и др., 2009).

При обследовании территории памятника в 2021 г. в западной части площадки отмечен хорошо выделяемый в рельефе оплывший раскоп Н. Н. Гуриной 1952–1959 гг., а на самом западном его краю, на территории раскопа 1953 г. видны отвалы задернованного грунта. В северо-восточном борту раскопа 1959 г. фиксируется место шурфа 2008 г. в виде западины. С юго-восточной стороны от границы раскопа 1959 г. расположен сохранившийся курган средневекового времени диаметром около 22 м, высотой до 2,75 м. Центр кургана поврежден большой ямой размерами 8 × 13 м и глубиной до 1,5 м, вероятно оставшейся от раскопок Н. Е. Бранденбурга или В. А. Прохорова, проведенных в последней четверти XIX в. В настоящее время вся территория мыса занята частными участками и постройками.

Для уточнения наличия и мощности культурного слоя, оставшегося после раскопок Н. Н. Гуриной, а также для определения границ его распространения были заложены три шурфа размерами 2 × 1 м. Шурф 1 заложен в 21,7 м к северо-востоку от юго-восточного угла раскопа Н. Н. Гуриной 1959 г., в 6,6 м к юго-востоку от юго-восточного угла жилого дома № 34, в центре ровной площадки, покрытой травой. После снятия дерна был исследован слой периферии деревни, представляющий собой перепаханную почву (бывшие огороды) в виде коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,25 м с включением угольков. Из слоя происходят несколько артефактов, относящихся к современности и не представляющих научного интереса: фрагменты современного оконного стекла, гвозди, скоба, костыль железный, фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды, черепки поливной красноглиняной керамики (обломки цветочных горшков). Почвенный слой подстилался пластом мешаного серо-коричневатого песка с гумусированными включениями мощностью до 0,30 м. Ниже залежали пласты озерных отложений, связанных с трансгрессией Ладожского озера и представлявших в целом чередование песчаных и глинистых прослоек мощностью до 0,75 м. На глубине 1,35 м от дневной поверхности под слоем серозеленоватого суглинка мощностью до 0,18 м залегает погребенная почва в виде темно-коричневой, почти черной, супеси с серыми прослойками мощностью до 0,25 м. В верхней части слой насыщен корой и отдельными включениями угольков. Подстилает погребенную почву розовато-желтый песок.

Шурф 2 заложен в 21,6 м к юго-востоку от южного угла раскопа Н. Н. Гуриной 1959 г., в 26 м к юго-востоку от южного угла бани на участке дома № 34, в 15 м к юго-западу от жилого дома

№ 31, в 2 м к югу от кургана, на краю берега р. Паша После снятия дерна был исследован слой, представляющий собой почву в виде мешаной серо-коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,45–0,55 м с включением угольков, линз серого песка и битых кирпичей. Из слоя происходят несколько артефактов, относящихся к современности и не представляющих научного интереса: гвозди, фрагменты оконного стекла и фаянса. Почвенный слой подстилался мешаным серо-коричневатым песком с гумусированными включениями мощностью до 0,15 м. Ниже залегают пласты озерных отложений, связанных с трансгрессией Ладожского озера и представлявших в целом чередование коричневых песчаных и серых глинистых прослоек мощностью до 0,30 м. На глубине 1,00–1,17 м от дневной поверхности (10,15–10,21 м БС) под слоем серо-зеленоватого суглинка мощностью до 0,12 м залегает культурный слой неолитического поселения в виде темно-коричневой, почти черной, гумусированной супеси с серыми прослойками мощностью до 0,30–0,32 м. Слой разделяется на верхний, именно темно-коричневую почти черную гумусированную супесь мощностью 0,10–0,15 м, и нижний, более светлый (сероватый), с серыми прослойками супеси, мощностью также 0,10–0,15 м, переходящий на отдельных участках (наиболее явно на северо-западной стенке шурфа) в четко выделяемый гумусированный слой подзола (?) мощностью до 0,05 м с находками. Контакт культурного слоя с вышележащим слоем четкий, с нижележащим (материком) слегка размытый. Подстилает культурный слой розовато-желтый песок (материк).

Насыщенность культурного слоя находками большая. Всего обнаружено 292 отдельные находки (196 единиц хранения). Каменный инвентарь представлен 36 артефактами, из которых большинство представлено отщепами (19 экземпляров) и чешуйками (10 экземпляров), а также кусками кремня (три экземпляра). Из орудий найдены только один наконечник стрелы и, вероятно, два скребка. Кремень разнообразный по цвету: светло-серый, темно-серый, почти черный, красный, красно-желтый, розоватый. К находкам также следует отнести фрагмент камня из песчаника с залощенной поверхностью, предназначенного, вероятно, для шлифования и заточки сланцевых орудий. Керамический материал представлен 246 находками. Основная их масса – мелкие фрагменты стенок сосудов. Несколько черепков относительно большие, из которых самый крупный имеет размер 10 × 8,5 см при толщине стенки в 1,2 см. Венчики найдены в количестве 16 экземпляров. Срезы венчиков прямые или скошенные внутри,

орнаментированы гребенчатым штампом или ямками. Два венчика гладкие, без орнамента, относящиеся к позднему этапу поселения. Глиняное тесто в основном с примесью дресвы (толченого кварца или гранита), песка, иногда со следами органики. Цвет обжига от серого до красноватого и оранжевого. Толщина стенок от 4 до 12 мм. Все фрагменты стенок сосудов украшены различными вариантами и композициями ямочно-гребенчатого и гребенчато-ямочного орнамента, в том числе относящимися, вероятно, к культуре сперрингс, также встречен ромбо-ямочный орнамент. Ямки орнамента разного размера, круглые с коническим или округлым профилем, продолговатые, ромбовидные, подпрямоугольные. Оттиски штампа как крупной гребенки, так и мелкой, на ряде фрагментов зафиксированы насечки. На нескольких крупных экземплярах орнамент выполнен тонким гребенчатым штампом в виде зигзагообразных линий, разделяющих ямочный орнамент. На одном фрагменте хорошо видны зигзагообразные линии гребенчатого штампа, создающие орнамент в виде ромбов, заполненные внутри такими же тонкими линиями гребенки, также есть зигзагообразные линии, опоясывающие сосуд, заполненные внутри короткими отпечатками гребенки. На другом крупном фрагменте гребенчатый орнамент в виде рядов «елочки». Из культурного слоя также происходят восемь кальцинированных косточек.

Шурф 3 заложен в 50 м к юго-востоку от южного угла раскопа Н.Н. Гуриной 1959 г., в 28 м к юго-востоку от шурфа 2, в 14,4 м к югу от жилого дома № 31, в 6,2 м к северо-востоку от края берегового склона р. Паша. Стратиграфия стенок шурфа различается. По всем стенкам под дерном зафиксирован слой перепаханной почвы (бывшие огороды?) в виде коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,25 м с включением угольков. По северной стенке под ним залегает мешаный слой коричневой гумусированной супеси с серым песком мощностью до 0,65 м, частично заходящий на восточную и западную стенки. Ниже – розовато-желтый песок, прослеженный в контрольном прокопе до глубины 2,6 м от дневной поверхности. В средней части восточной и западной стенок под слоем перепаханной почвы мешаная светло-серая супесь мощностью 0,05–0,25 м с включениями почвенного слоя и коричневого песка. В южной стенке этот слой частично сохранился в виде слоистой пачки тонких прослоек озерных отложений серых и коричневых песков толщиной 0,10–0,12 м, по восточной, западной и южной стенкам он перекрывал погребенную почву серо-коричневой супеси мощностью до 0,15 м без находок и иных признаков культурного слоя.

Постилающий погребенную почву массив состоит из розовато-желтого песка.

В результате проведенных работ следует согласиться с мнением Н.Н. Гуриной, что основная площадь поселения с мощностью культурного слоя 0,5 м и обилием каменного и керамического материала оказалась ею раскопанной в 1950-е гг. Также подтверждены данные исследований Н.Н. Гуриной и М.А. Юшковой о распространении культурного слоя на периферии неолитического поселения к СВ и ЮВ от раскопа 1959 г. В северо-восточном направлении культурный слой распространяется под жилой дом № 34 и дворовую территорию, постепенно истощаясь и не доходя до шурфа 1 2021 г. В юго-восточном направлении культурный слой распространяется под курган, вдоль берега реки до шурфа 3 2021 г., постепенно сходя на нет. Культурный слой окраины неолитического поселения представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь мощностью до 0,30–0,32 м с серыми прослойками. Слой разделяется на верхний – темно-коричневую супесь мощностью 0,10–0,15 м – и нижний, более светлый (сероватый) с серыми прослойками мощностью также 0,10–0,15 м, переходящий на отдельных участках в четко выделяемый гумусированный слой подзола (?) мощностью до 0,05 м. По данным раскопок Н.Н. Гуриной и М.А. Юшковой, а также работ 2021 г., культурный слой залегает на глубине от 1,0 до 1,5 м от современной дневной поверхности. Границы памятника проведены по результатам раскопок Н.Н. Гуриной 1950-х гг., разведочных шурфовок 2008 и 2021 гг.

Усть-Рыбежно 4. Курганный могильник («Группа сопок “волховского типа”, три сопки»)

Памятник расположен на западной окраине д. Усть-Рыбежно, с юго-западной стороны от автодороги 41К-021 (Паша–Малашата), на правом берегу р. Паша, на мысу, образованном при впадении в нее р. Рыбежка, на территории стоянки Усть-Рыбежно-1 (рис. 29). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1884 (1886?) гг. Могильник был описан под пунктом «г» как «Группа на левом берегу р. Большой Рыбежки (приток р. Паши с правой стороны у сел. Усть-Рыбежны из девяти насыпей, тесно скученных, и двух расположенных вместе, но совершенно от них отдельно». Н.Е. Бранденбургом были раскопаны четыре насыпи, одна, по его сведениям, вскрыта В.А. Прохоровым в 1879 г. В одном кургане обнаружено погребение, совершенное по обряду кремации, во втором – погребение по обряду ингумации с сопровождающим инвентарем (Бранденбург, Дневник, Л. 60, 62–73; 1895. С. 101–

102, группа «г», курганы XIX–XX; Кочкуркина, 1989. С. 105–106). В 1949 г. для Инспекции по охране памятников Леноблсполкома Э.Е. Фрадкиным составлен паспорт памятника под наименованием «Группа сопок “волховского типа”», состоящего из «трех сопок», исследованных Н.Е. Бранденбургом (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949б).

Во время раскопок Н.Н. Гуриной неолитического поселения «Усть-Рыбежно 1» в 1952–1959 гг. на территории памятника, на мысу отмечены два кургана XI–XII вв., один из которых, «диаметром 10 м и высотой 4 м», располагался на «южном краю поселения». Параметры второго кургана, как и место его расположения, исследовательницей не указаны. По окончании работ курган «на южном краю поселения» оставался на своем месте у границы раскопа 1959 г. Как отмечала Н.Н. Гурина, курган ограничил площадь раскопа, хотя оставшаяся часть слабо прослеживаемого культурного слоя поселения «уходит» под него (Гурина, 1959. Л. 1–4; 1961. С. 330, 332). В 1950 г. памятник под названием «Группа сопок “волховского типа”», IX–XI вв., три сопки высотой от 0,5 до 2 м, диаметром 15–50 м» поставлен на государственный учет Решением Леноблсполкома № 59-18 от 08.08.1950 (Решение, 1950. Пункт 3 (Пашский р-н)).

В 1983 г. территория мыса осмотрена экспедицией под руководством С.И. Кочкуркиной, отметившей, что все насыпи разрушены (Кочкуркина, 1989. С. 105–106). В 1987 г. Е.М. Колпаковым для учетной карточки неолитического поселения Усть-Рыбежно-1 подготовлен план памятника, на котором отмечены две насыпи. Насыпь на самой стрелке мыса является отвалом раскопа Н.Н. Гуриной 1959 г., а на юго-восточной границе памятника отмечена насыпь, упоминаемая Н.Н. Гуриной как средневековый курган (Учетная карточка, 1987). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Усть-Рыбежно-4. Курганная группа» на северо-западной окраине д. Усть-Рыбежно, на правом берегу р. Паша, на мысе при впадении в нее р. Рыбежка, на территории стоянки Усть-Рыбежно-1. Отмечено, что все курганы разрушены (Лапшин, 1995. С. 127, № 1377).

В 2004 г. территория мыса с целью исследования неолитической стоянки осмотрена во время археологической разведки Ладожского отряда кафедры археологии исторического факультета СПбГУ по Открытому листу М.А. Юшковой. Руководство группой студентов осуществлял ассистент кафедры археологии А.И. Мурашкин. По данным экспедиции,

к югу от старого раскопа Н. Н. Гуриной осмотрена насыпь овальной формы длиной 24 м, шириной 11 м, являющаяся, по свидетельству местных жителей, отвалом раскопа. На вершине обнаружена яма глубиной около 2 м с вертикальными стенками «неясного происхождения» (Юшкова, 2004. С. 13–14). В 2008 г. на неолитической стоянке Усть-Рыбежно-1 проведены комплексные археологические и палеогеографические исследования экспедицией ИИМК РАН под руководством М. А. Юшковой. Снят топографический план, на котором указана большая насыпь у юго-восточного края раскопа Н. Н. Гуриной (Юшкова, 2009).

В результате работ 2021 г. с юго-восточной стороны от границы раскопа 1959 г. зафиксирована большая округлая в плане насыпь с крутыми склонами диаметром около 22 м, высотой до 2,75 м, густо заросшая деревьями и кустарником. Центр насыпи поврежден ямой размерами 8 × 13 м и глубиной до 1,5 м. Размеры, форма и местоположение насыпи позволяют трактовать ее как курган XI–XII вв. «диаметром 10 м и высотой 4 м», упоминаемый Н. Н. Гуриной. Большой, чем отмечает Н. Н. Гурина, диаметр насыпи, возможно, образовался за счет части отвалов из раскопа 1959 г. Значительная яма в центре насыпи, вероятно, осталась от раскопок Н. Е. Бранденбурга или В. А. Прохорова, проведенных в последней четверти XIX в. Остальные насыпи не обнаружены. В настоящее время вся территория мыса занята частными усадьбами. Большая северо-западная часть сохранившейся насыпи расположена в пределах участка по адресу Усть-Рыбежно д. 34 (кадастровый участок 47:10:1206003:29). Юго-восточный край насыпи расположен в пределах усадьбы по адресу д. 31 (кадастровый участок №47:10:1206003:3).

Нововесь. Курганный могильник («Курганный группа, 2 насыпи»)

Курганный могильник расположен к юго-западу от шоссе 41К-021 (Паша–Часовенское–Кайвакса), к северо-западу от д. Малая Весь, у края правого берега р. Паша, напротив д. Большая Весь, в основном лесу с лиственным подлеском (рис. 30). Впервые памятник обследован Н. Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа из двух отдельно стоящих курганов на правом берегу р. Паши, против сел. Большая Нововесь». В сноске отмечено, что «один уже уничтожен, другой сохранился лишь частью». Курганы насыпаны из суглинистого песка. Н. Е. Бранденбургом раскопаны остатки второго кургана, где найдены фрагменты скелета, возможно остатки кремации, инвентарь, саксонская монета XI в. (Бранденбург, 1895. С. 103, группа «с»).

В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г. С. Лебедева, снят глазомерный план. Памятник обозначен как «Курганы против дер. Большая Нововесь» в составе двух насыпей X–XI вв. приладожской курганной культуры. По данным экспедиции, Н. Е. Бранденбургом был раскопан курган 2, в центре которого обнаружены прямоугольные ямы. На момент обследования половина насыпи обрушилась в реку. В разрушающемся кургане выявлены остатки трупосожжения (Лебедев, 1969. Л. 9; Паспорт «Курганный группа у д. Большая Нововесь (Новесь)», 1978). По материалам разведки 1969 г. В. А. Булкиным подготовлен паспорт памятника от 17.02.1978 под названием «Курганный группа у д. Большая Нововесь (Новесь)». В соответствии с документом, могильник расположен на правой береговой террасе р. Паша против д. Большая Нововесь (Новесь), в 0,8 км ниже по течению р. Паши от д. Малая Нововесь, на краю берега. Курганы правильной полусферической формы высотой до 1,25 м, диаметром около 15 м (Паспорт «Курганный группа у д. Большая Нововесь

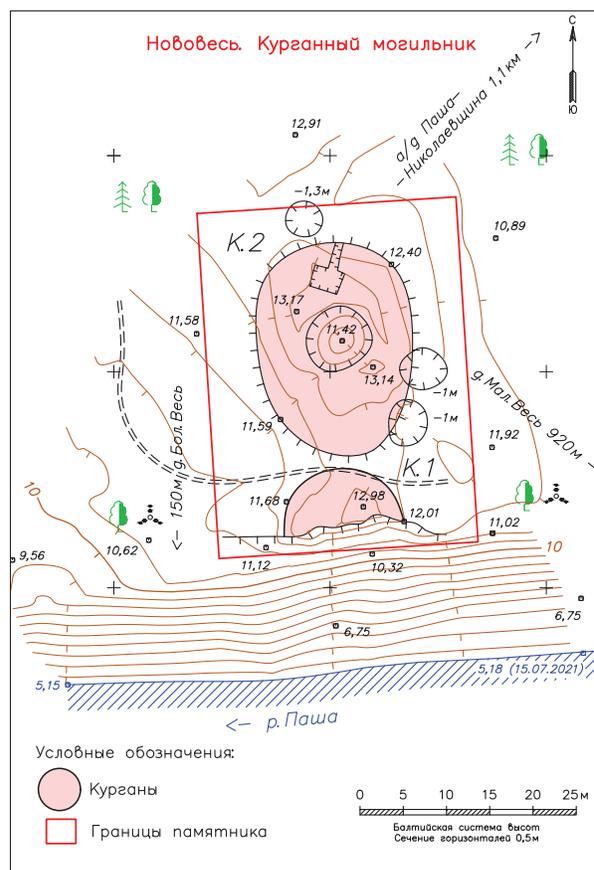

Рис. 30. Нововесь. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

(Новесь)», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, 2 насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 96). В 1983 г. могильник обследован С.И. Кочкуркиной. По ее описанию, на кургане, обрушившемся в реку, стоял столб линии электропередачи. Курганы были датированы XI – началом XII в. В Своде памятников Юго-Восточного Приладожья памятник обозначен как «Большая Нововесь (Новесь)» (Кочкуркина, 1983. Л. 6; 1989. С. 109–110, рис. 21). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Нововесь. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 127, № 1373).

В настоящее время курганы находятся по обе стороны старой заросшей дороги, проложенной вдоль берега р. Паша. Курган 1 расположен с южной стороны от дороги, на самом краю берега. Его южная пола полностью обрушилась вниз по склону. Оставшаяся часть насыпи в форме полусферы размерами 14 × 6,6 м сохранилась на высоту 1,3 м. Курган 2 расположен с северной стороны дороги, в 1,5 м от кургана 1. Насыпь густо заросла кустарником, центр полностью раскопан колодцем и траншеей (вероятно, Н.Е. Бранденбургом), вокруг видны отвалы и остатки бортов насыпи в форме овала размерами 25 × 18 м, высотой до 1,58 м. Со всех сторон от кургана также зафиксировано большое количество различных ям, возможно связанных с углежогным промыслом.

Балдино 1. Курганный могильник («Курганная группа, шесть насыпей»)

Могильник расположен на левом берегу р. Паша напротив д. Емское, между д. Смелково и д. Балдино, в хвойном лесу между двух оврагов (ручьев) (рис. 31). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. и описан как «Группа на левом берегу р. Паши, у сел. Балдино, из восьми скученных и трех отдельно стоящих насыпей». В сноске отмечено, что «кладбище подмывается рекою, вследствие чего часть его уже раньше обрушилась в воду». Курганы насыпаны из песка. Н.Е. Бранденбургом раскопано четыре или семь насыпей. В одном кургане обнаружены погребения по обряду трупоположения, еще в одном – кремация. Два кургана удалось датировать XI–XII вв., остальные оказались малоинвентарные (Бранденбург, 1895. С. 103, группа «д»; Кочкуркина, 1989. С. 107).

В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят глазомерный план. Памятник был обозначен как «Курганная группа у деревни Балдино» в составе 10 насыпей. Четыре кургана (2, 5, 6, 7) имели следы

раскопов (вероятно, Н.Е. Бранденбурга), а курган № 10 поврежден ямой (Лебедев, 1969. Л. 7–9; Паспорт «Курганная группа у д. Балдино», 1978). По материалам разведки 1969 г. В.А. Булкиным подготовлен паспорт памятника от 20.02.1978 под названием «Курганная группа у деревни Балдино». Могильник, расположенный в «0,2 км к югу от д. Балдино на левом берегу р. Паши», в составе 10 насыпей (т.к. один курган по данным экспедиции 1969 г. уничтожен дорогой) отнесен к приладожской курганной культуре X–XIII вв. (Паспорт «Курганная группа у д. Балдино», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, шесть насыпей» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 92). В 1983 г. курганная группа обследована С.И. Кочкуркиной. По ее описанию, могильник состоял из 10 насыпей (Кочкуркина, 1983. Л. 5; 1989. С. 107–109, рис. 20). В 1987 г. план курганной группы снят Е.М. Колпаковым. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Балдино-1. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 127, № 1370).

Исследованиями 2021 г. установлено, что ОАН состоит из 11 насыпей полусферической формы диаметром 7–14 м, высотой 0,4–1,3 м. Десять курганов (1–9, 11) размещены относительно компактно у мысовой части северо-западного ручья, а курган 10 – на расстоянии 66 м к юго-востоку от кургана 9 на мысу у юго-восточного ручья. Расстояние между крайними курганами 145 м. Курганы 2, 5, 6, 7 по центру раскопаны большими ямами прямоугольной формы (вероятно, раскопками Н.Е. Бранденбурга), остальные повреждены грабительскими ямами. Возможно, что некоторые уплощенные насыпи являются углежогными кучами. Вокруг насыпей 8 и 9 расположены характерные выемки, а в небольших грабительских ямках виден угольный слой, по причине которого эти насыпи не были раскопаны кладоискателями. У курганов 2 и 3, расположенных на самом краю берега, северная пола частично обрушилась. Северная пола кургана 7 полностью разрушена спуском дороги в овраг, в центре оставшейся части насыпи находится яма. У курганов 2, 3, 10 зафиксированы небольшие ровики. Курган 11 не обнаружен разведочными работами 1969 и 1983 гг. Насыпь расположена с южной стороны от лесной дороги, которая частично подрезала северную полу.

Новая 1. Курганный могильник («Курганная группа Новая-3, 47 насыпей»)

Памятник расположен в 850 м к северо-западу от д. Новая, за вторым от д. Новая ручьем, на краю коренного берега р. Паша, в еловом лесу (рис. 32).

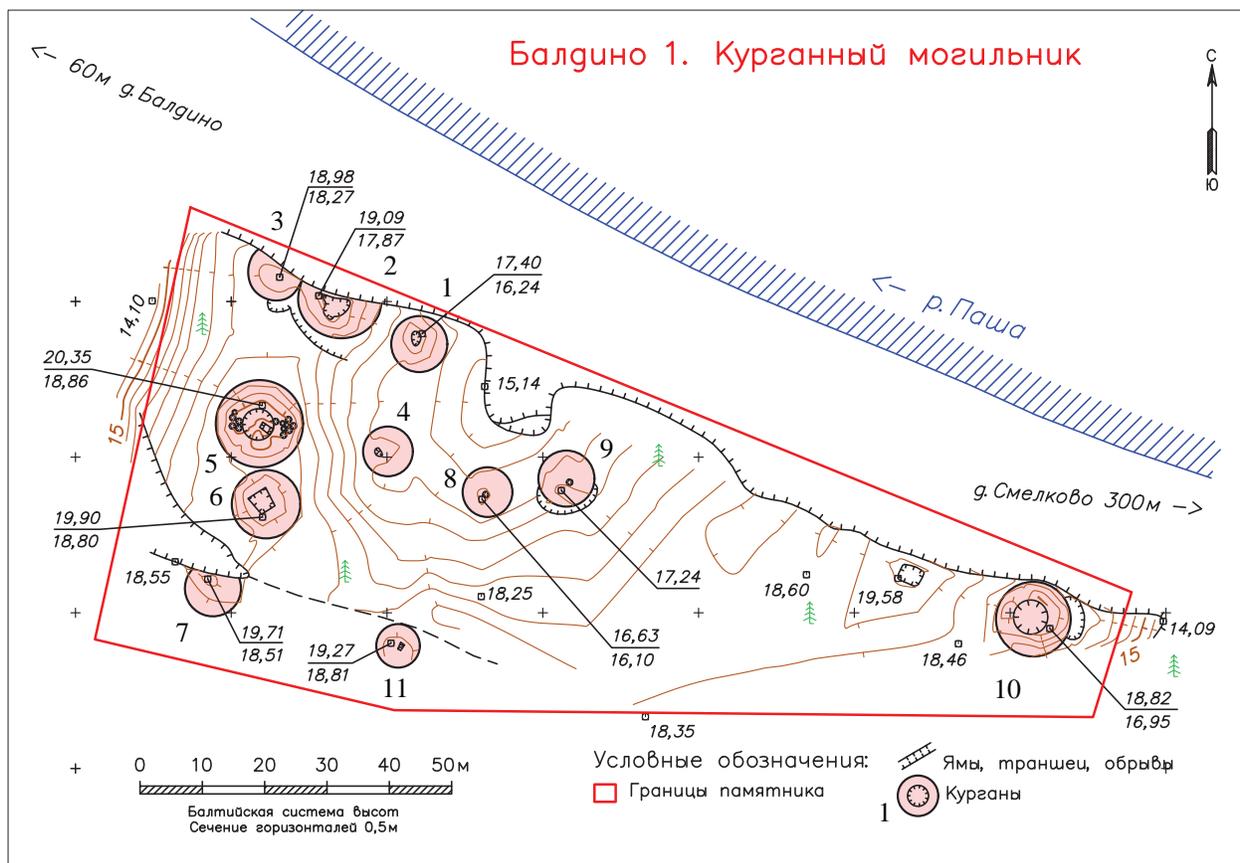

Рис. 31. Балдино 1. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. В трех раскопанных курганах найдены остатки скелетов без вещей. Могильник описан как «Группа на правом берегу р. Пашы, с версту ниже д. Новой (за вторым ручьем), из многих малых (более 40) насыпей разной величины (некоторые даже едва заметны)» (Бранденбург, 1895. С. 103–104, группа «ж»). В 1965 г. три кургана раскопаны археологическим отрядом Петрозаводского института языка, литературы и истории под руководством С.И. Кочкуркиной. Курганы содержали труположения с сопровождающим инвентарем (Кочкуркина, 1965а. Л. 7–8; 1965б. С. 7–8; 1989. С. 110–112; Материалы, 1977). В своде памятников Юго-Восточного Приладожья С.И. Кочкуркина обозначила могильник как курганная группа «Новая 1» (Кочкуркина, 1989. С. 110–112). В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят план 47 насыпей, в том числе раскопанных. Памятник обозначен как «Курганная группа ниже дер. Новой за вторым ручьем» (Лебедев, 1969. Л. 10–11; Материалы, 1977). В книге «Археологические памятники Ленинградской области» Г.С. Лебедевым могильник обозначен уже как «Группа III» (Лебедев, 1977. С. 214).

В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Новая-3, 47 насыпей» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 99). Тогда же составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа Новая-III» в составе 47 насыпей, отнесенных к приладожской курганной культуре X–XII вв. Составитель Г.С. Лебедев (Паспорт «Курганная группа Новая-III», 1978). В 1987 г. план памятника снят Е.М. Колпаковым. В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новая-1. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1359).

В настоящее время ОАН состоит из 44 частично сохранившихся после раскопок Н.Е. Бранденбурга и грабителей насыпей и трех полностью раскопанных на снос курганов С.И. Кочкуркиной с остатками отвалов. Вокруг сохранившихся насыпей прослежены ровики, все курганы повреждены грабительскими ямами. В отвале грабительской ямы в кургане 15 и 38 найдены два фрагмента стенок круговых глиняных сосудов с линейным орнаментом. По краю коренного берега реки на протяжении всей длины могильника зафиксированы

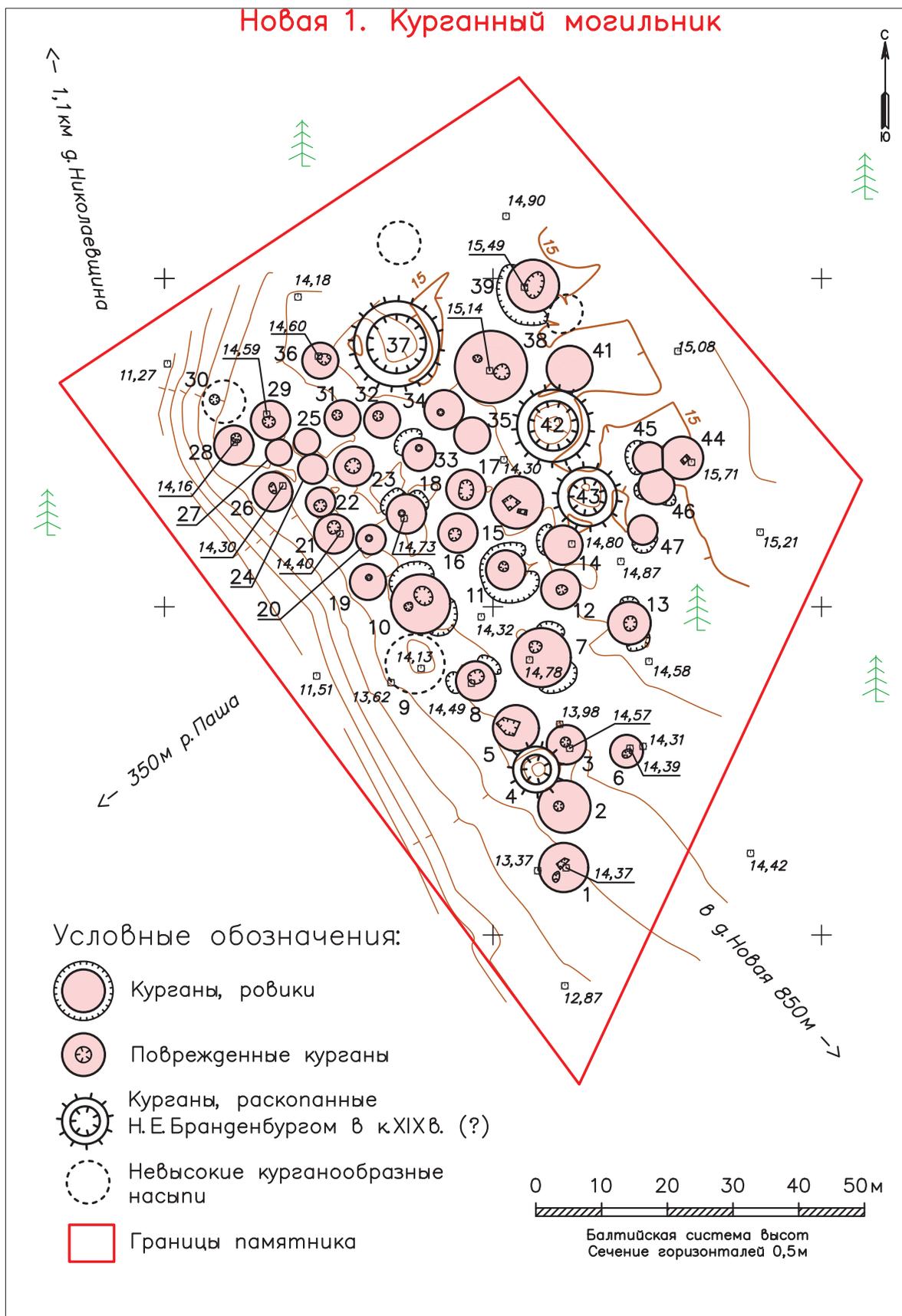

Рис. 32. Новая 1. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

стрелковые ячейки, расположенные в том числе и в курганах.

Новая 2. Курганный могильник («Курганная группа Новая-2, девять насыпей»)

Памятник расположен в 0,49 км к северо-западу от д. Новая, на краю правого высокого коренного берега р. Паша, к западу от лесной дороги из д. Новая в д. Николаевщина, в хвойном лесу, с юго-восточной стороны от второго от д. Новая ручья (рис. 33). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг., раскопавшим здесь семь курганов, и описан как «Группа на правом берегу р. Паши, в полуверсте ниже д. Новой (за первым ручьем), из 10 скученных насыпей» (Бранденбург, 1895. С. 104–106, группа «з»). В 1965 г. два кургана раскопаны археологическим отрядом Петрозаводского института языка, литературы и истории под руководством С.И. Кочкуркиной (Материалы, 1977; Кочкуркина, 1965а. Л. 5–6; 1965б. С. 5–7; 1967. С. 308–309; 1989. С. 112–117). В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят план. Памятник был обозначен как «Курганная группа ниже д. Новой за первым ручьем» (Лебедев, 1969. Л. 9–10; 1977. С. 214–215; Материалы, 1977). В материалах для паспортизации памятника, составленной в 1977 г. М.Ю. Вахтиной по результатам разведочных работ 1969 г., могильник назван «Курганная группа Новая-1» (Материалы, 1977). Г.С. Лебедев в книге «Археологические памятники Ленинградской области» отмечает могильник как «Группа II» (Лебедев, 1977. С. 214). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Новая-2, девять насыпей» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 98). Под таким же названием «Новая 2. Курганная группа» памятник упоминается С.И. Кочкуркиной в своде памятников Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина, 1989. С. 112–117). В 1987 г. план памятника снят Е.М. Колпаковым. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новая-2. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 125. № 1360).

В настоящее время ОАН состоит из семи частично сохранившихся после раскопок Н.Е. Бранденбурга насыпей, одного (курган 10) сильно поврежденного грабительскими раскопками и противопожарными траншеями кургана и двух полностью раскопанных курганов (курганы 4 и 5) с остатками отвалов. Вокруг сохранившихся насыпей прослежены ровики. В отвале грабительской ямы в кургане 7 найден небольшой фрагмент стенки кругового глиняного сосуда с линейным орнаментом.

Новая 3. Курганный могильник («Курганная группа Новая-1, 11 насыпей»)

Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг., описавшим его как «Группа на правом берегу р. Паши, выше д. Новой, из 12 насыпей, расположенных цепью вдоль берега и большей частью уже разоренных». Два раскопанных Н.Е. Бранденбургом кургана содержали остатки скелетов с маловыразительным инвентарем. В третьем кургане погребение не обнаружено (Бранденбург, 1895. С. 106, группа «и»). В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева. По данным экспедиции, могильник относился к приладожской курганной культуре X–XIII вв. и состоял из шести насыпей высотой 0,7–1,8 м, диаметром 6,5–10 м. Помимо раскопанных Н.Е. Бранденбургом двух курганов, еще два были сильно повреждены погребями. Памятник обозначен как «Группа курганов выше д. Новой» и расположен на коренном правом берегу р. Паша у самого берегового обрыва, в 200 м к ЮВ от южной окраины д. Новая (Лебедев, 1969. Л. 12–13; Материалы, 1977; Паспорт «Курганная группа Новая-1», 1978). В книге «Археологические памятники Ленинградской области» Г.С. Лебедевым могильник обозначен как «Группа I» (Лебедев, 1977. С. 214). В 1978 г. памятник поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 под названием «Курганная группа Новая-1, 11 насыпей», но с ошибочным указанием расположения памятника «в 1,5 км к СЗ от д. Новая» (Решение, 1978. Пункт 97). Во время разведки 1983 г. С.И. Кочкуркиной зафиксированы остатки лишь одной насыпи. Территория памятника, расположенная к югу от ручья Ермиловского, на южной оконечности деревни, на обрывистом мысообразном правом берегу р. Паша, использовалась под складирование древесины. В своде памятников Юго-Восточного Приладожья С.И. Кочкуркина обозначила ОАН как «Новая 4» (Кочкуркина, 1989. С. 117–118). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новая-3. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 125. № 1361).

По результатам полевого обследования 2021 г. местоположение ОАН локализовано на южной оконечности д. Новая, к югу от ручья Ермиловский, с ЮЗ стороны от шоссе 41К-021 (Паша–Часовенское), напротив участка складирования леса, на правом берегу р. Паша. К настоящему времени курганы не сохранились. Вся береговая линия занята частными участками, различными строениями, территория спланирована, ведутся хозяйственные и строительные работы. Уже в 1983 г. С.И. Кочкуркиной здесь фиксировалась только одна насыпь.

Новая 2. Курганный могильник

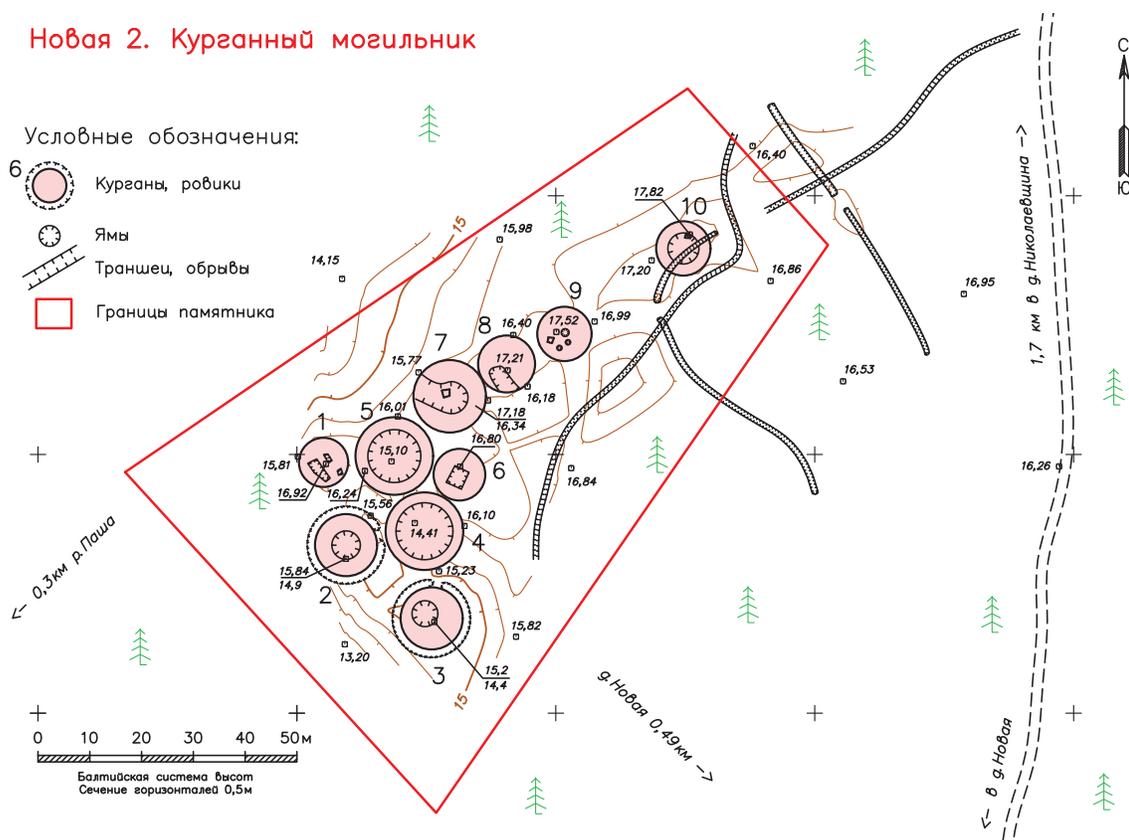

Рис. 33. Новая 2. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

Новая 4. Курганный могильник («Курганная группа Новая-4, три насыпи»)

Могильник расположен в 160 м к юго-востоку от д. Новая, на гряде, вытянутой вдоль левого берега р. Паша, в роще (рис. 34). Памятник выявлен С.И. Кочкуркиной в 1965 г. На левом берегу р. Паша, напротив д. Новой зафиксированы заросшие деревьями три большие насыпи диаметром 13 м и высотой 2 м. В первой и третьей насыпях отмечены ямы от погребов, средняя поврежденных не имела (Кочкуркина, 1965а. Л. 9; 1989. С. 117). В своде памятников Юго-Восточного Приладожья С.И. Кочкуркина обозначила могильник как курганная группа «Новая 3» (Кочкуркина, 1989. С.117). В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят глазомерный план. Памятник обозначен как «Группа курганов против д. Новая» (Лебедев, 1969. Л. 13; Материалы, 1977; Паспорт «Курганная группа Новая-IV (против деревни Новая)», 1978). В 1978 г. по итогам разведочных работ 1969 г. для Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры составлен паспорт памятника под названием «Курганная группа Новая-IV (против деревни Новая)» в составе трех

насыпей, отнесенных к приладожской курганной культуре X–XI вв. Составитель В. А. Булкин. Курганы описаны как округлые в плане насыпи, полусферические, высотой 1,5–2 м, диаметром 11 м (курган 1), 8,5 м (курган 2) и 13 м (курган 3) (Паспорт «Курганная группа Новая-IV (против д. Новая)», 1978). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Курганная группа Новая-4, 3 насыпи» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 100). В 1987 г. план памятника снят Е.М. Колпаковым. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новая-4. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1362).

В настоящее время ОАН состоит из трех округлых в плане полусферической формы насыпей, вытянутых в одну линию по направлению ЮЗ–СВ на расстояние 53 м. Курган 1 расположен с северо-восточного края. Диаметр 10 м, высота 1,17 м (с южной стороны) и 1,6 м (с северной, со стороны склона берега). Центр и юго-восточная пола повреждены ямами от погребов и, вероятно, грабительской ямой, зарос деревьями. Курган 2 расположен между насыпями 1 и 3. Диаметр 10 м,

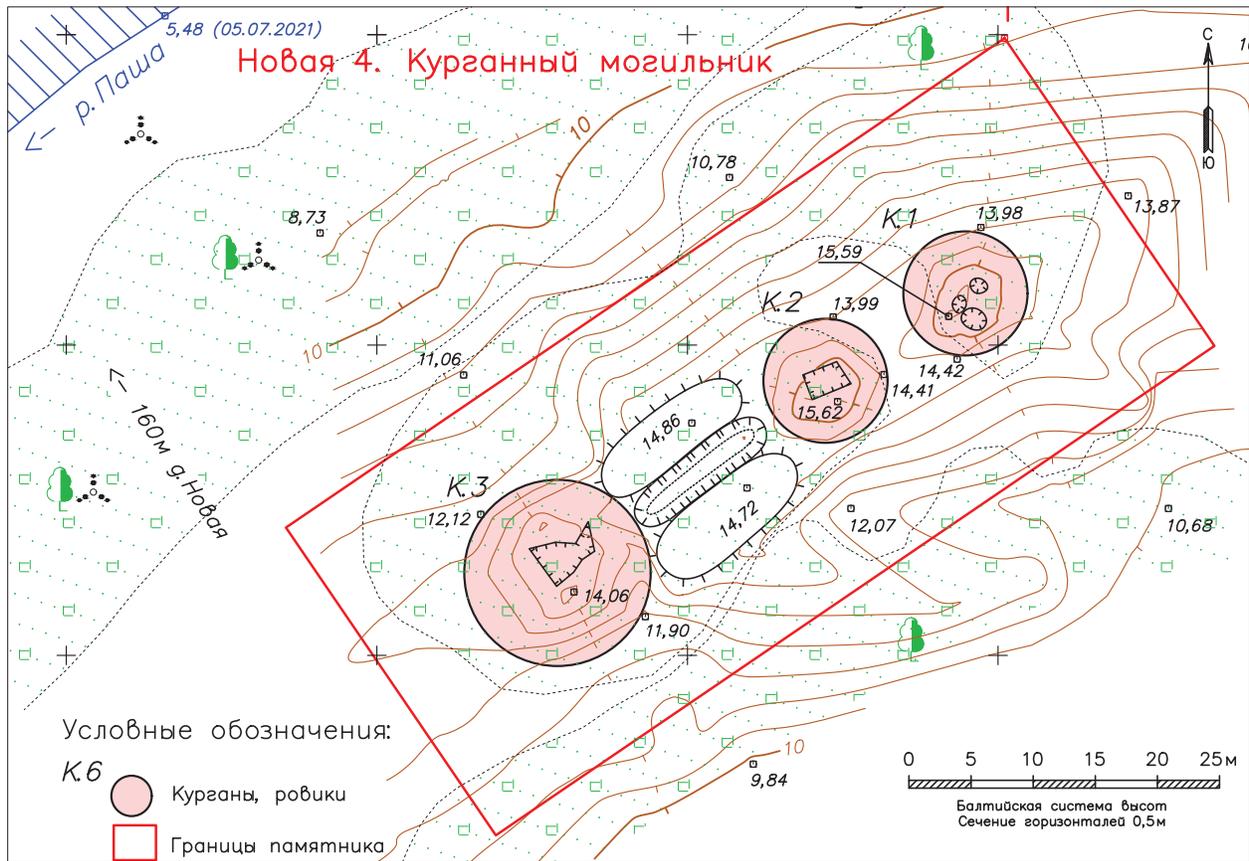

Рис. 34. Новая 4. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

высота со стороны склона берега до 1,6 м. Центр раскопан большой подовальной грабительской ямой размерами 3,5 × 2,5 м, глубиной до 1,5 м. Зарос деревьями, в основном молодой рябиной. Курган 3 расположен с юго-западного края. Диаметр 15 м, высота до 2,16 м. Центр и северо-восточная поля повреждены ямой от погребя размерами 3,6 × 4,6 м. Зарос деревьями. Между курганами 2 и 3 прорыта глубокая траншея длиной 13 м с отвалами по длинным сторонам. Вероятно, ранее, наряду с погребями, использовалась в хозяйственных целях жителями д. Новая.

Новая 7. Селище. («Селище»)

Селище выявлено в 1969 г. археологическим отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева «на огородах д. Новая, 50–70 м от края береговой террасы правого берега р. Паши, севернее протекающего через д. Новая ручья». На основании сбора подъемного материала было решено, что «культурный слой мощностью 0,4 м занимает площадь 200 × 50 м, содержит угли, кальцинированные кости и, наряду с керамикой позднесредневековой и Нового времени, содержит также керамику, синхронную кур-

ганным могильникам». Снят глазомерный план расположения объекта (Лебедев, 1969. Л. 11; 1977. С. 214; Материалы, 1977; Паспорт «Селище в д. Новая», 1978). На основании материалов, полученных экспедицией 1969 г., в 1978 г. для Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Ленинградской области В. А. Булкиным составлен паспорт памятника под названием «Селище в д. Новая». Селище отнесено к культуре приладожских курганов XI–XIII вв. (Паспорт «Селище в д. Новая», 1978). Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 памятник под названием «Селище» поставлен на государственный учет (Решение, 1978. Пункт 101). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Новая-7. Селище» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1365).

По результатам полевого обследования 2021 г. «Селище» (Новая 7. Селище) не обнаружено. На основании историографических материалов поиск памятника осуществлялся на правом берегу р. Паша, в центральной части д. Новая, с северо-западной стороны от центральной улицы. В настоящее время вся территория предполагаемого селища

занята частными владениями. Участки разработаны, заняты многочисленными жилыми и хозяйственными постройками, сооружениями, клумбами, огородами с посадками. Получить доступ на все частные территории не получилось. По согласованию с двумя собственниками для определения наличия и территории распространения культурного слоя предполагаемого средневекового селища были заложены два шурфа размерами 1 × 1 м.

Шурф 1 заложен на восточном краю участка дома № 22 (собственник Лопатина Елена Владимировна), с северной стороны от сарая. Глубина шурфа доведена до 0,45 м, в контрольном прокопе до 0,65 м. В шурфе представлена следующая стратиграфия: 1) дерн 0,05 м; 2) темно-коричневая гумусированная супесь до 0,40 м; 3) материк – светло-желтый песок с ожелезнениями. В слое гумусированной супеси зафиксированы находки Нового и Новейшего времени: кирпичи, шифер, осколки стекла, гвозди, несколько мелких фрагментов красноглиняной поливной керамики и фрагмент сероглиняной керамики, фаянс, угольки.

Шурф 2 заложен с северо-западной стороны от центральной улицы с внешней стороны у стыка заборов двух частных участков у северо-восточного края предполагаемой территории «селища». Глубина шурфа доведена до 0,45 м, в контрольном прокопе до 0,75 м. В шурфе представлена следующая стратиграфия: 1) дерн 0,05 м; 2) темно-коричневая гумусированная супесь до 0,30 м; 3) небольшими фрагментами погребенная почва со следами копки лопатами до 0,10 м; 4) материк – светло-желтый песок с ожелезнениями. В слое гумусированной супеси зафиксированы находки Нового и Новейшего времени: битый кирпич, осколки стекла, гвозди, несколько мелких фрагментов красноглиняной и сероглиняной поливной керамики.

В результате проведенного исследования слой, относящийся к культуре приладожских курганов XI–XIII вв., не обнаружен. Вполне вероятно, что по причине многовековой активной эксплуатации данной территории в жилой зоне д. Новая культурный слой средневекового селища не сохранился.

«Курган Вихмес-2»

Памятник, обозначенный как «Курган Вихмес-2» и расположенный по адресу: «Волховский район, Часовенский с/с, в 5 км с СЗ от д. Часовенская, в 1 км вверх по течению р. Паша от ручья Вихмес», поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 135). В архивных и опубликованных материалах памятник под таким на-

званием не известен. В своде памятников Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. С.И. Кочкуркиной ОАН под таким названием не известен (Кочкуркина, 1989). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник под таким названием отсутствует (Лапшин, 1995).

По результатам полевого обследования 2021 г. памятник как отдельный «Курган Вихмес-2» не обнаружен (не локализован). Поиск памятника осуществлялся на правом берегу р. Паша, между ручьями Вихмес и Воскресенский ручей (на локальном участке между д. Новая и Часовенская). На указанной территории обследованы два известных с конца XIX в. курганных могильника «Воскресенский ручей» и «Вихмес-1 (Вихмязь)», вытянутые цепочкой вдоль берега р. Паша на расстояние около 400 м. Было установлено, что «Воскресенский ручей» состоит из четырех раскопанных насыпей, а «Вихмес-1» – из восьми или девяти раскопанных насыпей. Других курганов в окрестностях ручья Вихмес не обнаружено.

Вихмес 2. Селище («Селище у ручья Вихмес»)

Селище расположено в 2,7 км к юго-востоку от д. Новая, в 3,4 км к северо-западу от д. Щеняг, в 0,25 км к юго-западу от шоссе 41К-021 (Паша–Часовенское–Кайвакса), на правом берегу р. Паша, на мысу, образованном при впадении ручья Вихмес в р. Паша. Селище было выявлено отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева в 1969 г. По данным разведки на памятнике была собрана круговая керамика XI–XIII вв., культурный слой мощностью 0,3 м, размеры селища составляют 100 × 50 м. Снят глазомерный план (Лебедев, 1969. Л. 20; Паспорт «Селище у ручья Вихмес», 1978). По материалам разведки 1969 г. Г.С. Лебедевым подготовлен паспорт памятника от 18.02.1978 под названием «Селище у ручья Вихмес» и учетная карточка. Поселение, расположенное, по данным паспорта, на площадке надпойменной террасы правого берега р. Паша, на возвышенной ее части, в 0,2 км выше устья ручья Вихмес, отнесено к приладожской курганной культуре X–XIII вв. Культурный слой темно-серого цвета мощностью до 0,3 м зафиксирован в кротовинах и обнажениях на площади 100 × 50 м. Также отмечена собранная кружальная керамика, «синхронная курганным могильникам», а также «остатки, связанные с существовавшей поблизости деревней» (Паспорт «Селище у ручья Вихмес», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Селище у ручья Вихмес» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 134). В «Археологической карте Ленин-

градской области» памятник учтен как «Вихмес-2. Селище» (Лапшин, 1995. С.122, № 1342).

В 2015 г. в рамках работы по формированию единого государственного реестра и мониторинга объектов культурного наследия Ленинградской области памятник обследован экспедицией ИИМК РАН под руководством Ст.А. Васильева и С.А. Семенова. Для определения наличия, состояния и границ культурного слоя на мысу на протяжении 460 м были заложены четыре шурфа размерами 2 × 2 м и четыре шурфа размерами 2 × 4 м, общей площадью 48 кв. м. Культурный слой поселения (черный гумусированный суглинок), мощностью до 0,3 м, зафиксирован в шурфах 4–6. В шурфе 5 в материке выявлены комплексы в виде столбовых и хозяйственных ям, а также, вероятно, заглубленных построек или сооружений, заполненных гумусированным слоем с включением слоев угля (остатков сгоревшего дерева?). Из трех шурфов происходят 129 находок, и еще три обнаружены при визуальном осмотре поверхностных повреждений почвенного слоя. Основная масса артефактов происходит из раскопок шурфа 5 (122 единицы). В основном материалы представлены фрагментами керамической посуды, в том числе белоглиняной, сероглиняной, кухонной со следами нагара, красноглиняной столовой, покрытой по стенкам бесцветной, коричневой, зеленой или желто-зеленой поливой. Часть горшков имеет следы ангоба. Также обнаружена фаянсовая и фарфоровая посуда, в том числе помадная фаянсовая банка, и фрагменты стеклянной посуды. Изделия из камня представлены точильным камнем, изделия из железа – коваными гвоздями, костылями, трехгранным напильником и предметами неясного назначения. Комплекс, выявленный в шурфе 5, предварительно датируется не раньше XVIII в. Отдельные фрагменты керамики, обнаруженные на селище, возможно, датируются Средневековьем. В результате проведенного обследования были определены границы распространения, мощность и структура культурного слоя ОАН «Селище у ручья Вихмес», снят топографический план памятника, установлены границы с координатами характерных (поворотных) точек, определено современное техническое состояние (Васильев, 2015. С. 214–220).

Работами 2021 г. установлено, что памятник находится на поле, расположенном между правым берегом р. Паша и ручьем Вихмес. Границы поля со всех сторон маркируются деревьями и зарослями кустарников. Высота берега реки в границах памятника над уровнем воды достигает 6,5–8,5 м и находится на отметках 10,92–12,98 м БС. Через

селище в направлении северо-восток–юго-запад наезжена полевая дорога, ведущая к стрелке мыса. Культурный слой поселения представляет собой черный гумусированный суглинок мощностью до 0,3 м с находками XI–XVIII вв. и остатками постройки не ранее XVIII в.

Щепняг 1. Курганный могильник («Курганная группа, три насыпи»)

Курганный могильник расположен к юго-западу от шоссе 41К-021 (Паша–Часовенское–Кайвакса), в 290 м к северо-западу от д. Щепняг, в хвойном лесу (рис. 35). Памятник выявлен и исследован археологическим отрядом Петрозаводского института языка, литературы и истории под руководством С.И. Кочкуркиной в 1965 г. По данным отчета, экспедицией были обнаружены пять насыпей на правом берегу реки, в «0,5 км ниже деревни, по правую сторону дороги, выходящей к р. Паше». Один курган (3 по С.И. Кочкуркиной), «не испорченный кладочислательскими ямами», был раскопан. В нем обнаружены пять погребений с костяками и инвентарем XII–XIII вв. Остальные насыпи данной группы не вскрывались. При зачистке кургана 2 найдена лепная толстостенная керамика (Кочкуркина, 1965а. Л. 2–4; 1965б. С. 2–4; 1967. С. 309–311). В 1969 г. группа обследована отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят глазомерный план. Памятник был обозначен как «Курганная группа у д. Щепняг» в составе трех насыпей, одна из которых раскопана С.И. Кочкуркиной в 1965 г. На глазомерном плане указаны только две сохранившиеся насыпи (Лебедев, 1969. Л. 20–21; Материалы, 1977). Эти же данные фигурируют в материалах для паспортизации 1977 г. (?), подготовленных на основе разведки 1969 г. Н.А. Ефимовой (Материалы, 1977). В каталоге 1989 г. «Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв.» С.И. Кочкуркина также уже упоминает только три кургана. По ее описанию, с севера группа «ограничена болотистой низиной, со стороны реки – лугом», а три кургана разделены лесной дорогой: два располагались слева от ведущей в д. Щепняг дороги (один из которых раскопан С.И. Кочкуркиной в 1965 г.), третий – в 27 м северо-западнее³⁰. Размеры насыпей 8–12 × 1,1–1,9 м. В основании курганов отмечены следы ровиков (Кочкуркина, 1989. С. 163–164). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, три насыпи» поставлен на государственный учет

³⁰ Данное описание очень похоже на описание могильника Щепняг 3, который состоит из трех курганов и разделен лесной дорогой, что внесло определенные сложности в локализацию и идентификацию искомого памятника.

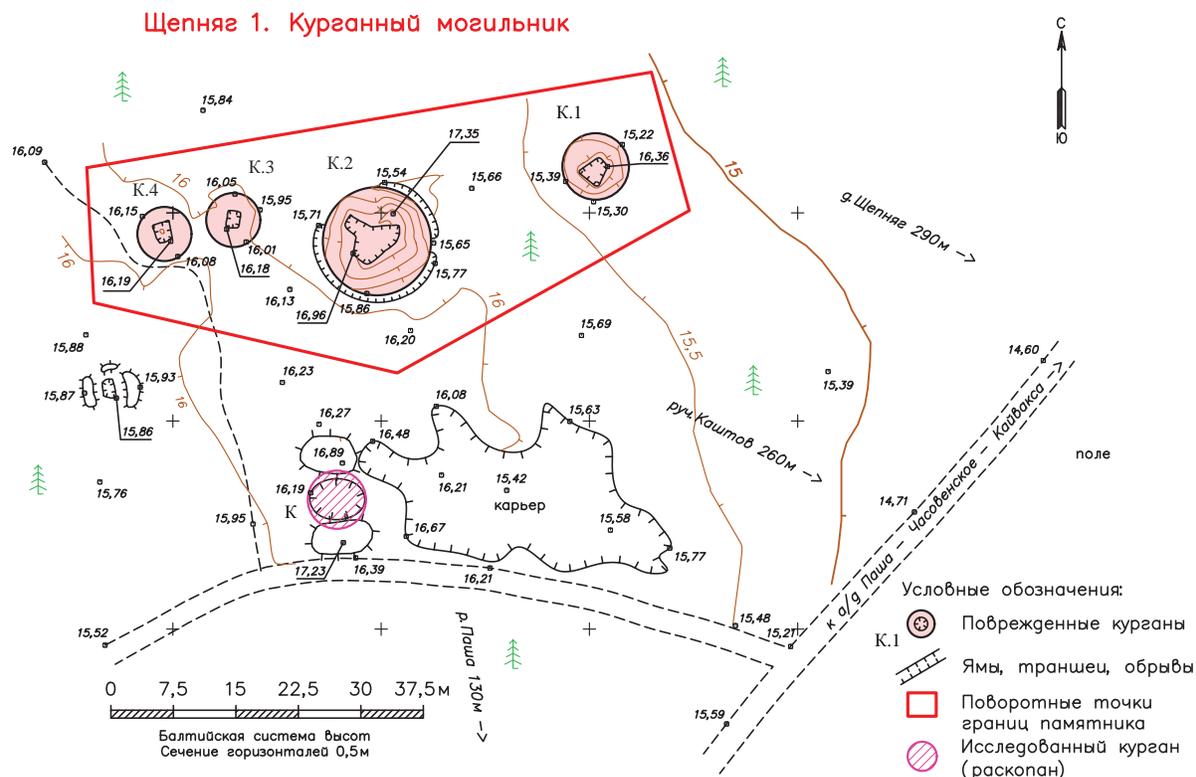

Рис. 35. Щепняг 1. Курганный могильник. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 136). В 1987 г. группа обследована В. А. Назаренко. План памятника снят Е. М. Колпаковым, на котором зафиксированы четыре насыпи (Назаренко, 1987; Паспорт «Курганный группа Щепняг I», 1988). В 1987 г. Е. М. Колпаковым подготовлена учетная карточка, а в 1988 г. – паспорт памятника под названием «Курганный группа Щепняг I» в составе пяти насыпей, из которых сохранилось четыре (Паспорт «Курганный группа Щепняг I», 1988). В изданной «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Щепняг-1. Курганный группа» XII–XIII вв. (Лапшин, 1995. С. 121, № 1335).

В настоящее время ОАН состоит из четырех насыпей диаметром 6,5–13,0 м, высотой 0,11–1,81 м, вытянутых цепочкой по оси 3–В на расстояние 60 м. Курганы 1 и 2 – крупные насыпи полусферической формы, курганы 3 и 4 – небольшие пологие, слабо выраженные в рельефе. У кургана 2 прослежен ровик с перемычками. Все курганы повреждены грабительскими ямами разных размеров. В 17 м к югу от кургана 2 расположены отвалы пятого кургана, раскопанного в 1965 г. К востоку от раскопанного кургана находится старый карьер для добычи песка размерами около 19,0 × 37,5 м,

отмеченный еще в 1987 г. Вокруг территории могильника отмечены еще несколько ям различного происхождения.

Щепняг 2. Курганный могильник

Курганный могильник расположен у д. Щепняг, на краю коренного правого берега р. Паша, в 230 м к юго-западу от курганного могильника «Щепняг 1» (рис. 36). Памятник известен археологам с 1980-х гг., но в литературе не упоминался. В 1987 г. обследован экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. А. Назаренко, зафиксировавшей курганную группу в составе четырех полусферических насыпей диаметром 8–10 м и высотой 1,0–1,6 м, с ровиками. Могильник был датирован X–XI вв. План памятника снят Е. М. Колпаковым (Назаренко, 1987; Паспорт «Курганный группа Щепняг II», 1988). В 1987 г. Е. М. Колпаковым подготовлена учетная карточка, а в 1988 г. – паспорт памятника под названием «Курганный группа Щепняг II» (Паспорт «Курганный группа Щепняг II», 1988). В изданной «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Щепняг-2. Курганный группа» (Лапшин, 1995. С. 122, № 1336).

Экспедицией ИИМК РАН в 2021 г. установлено, что памятник состоит из четырех насыпей полу-

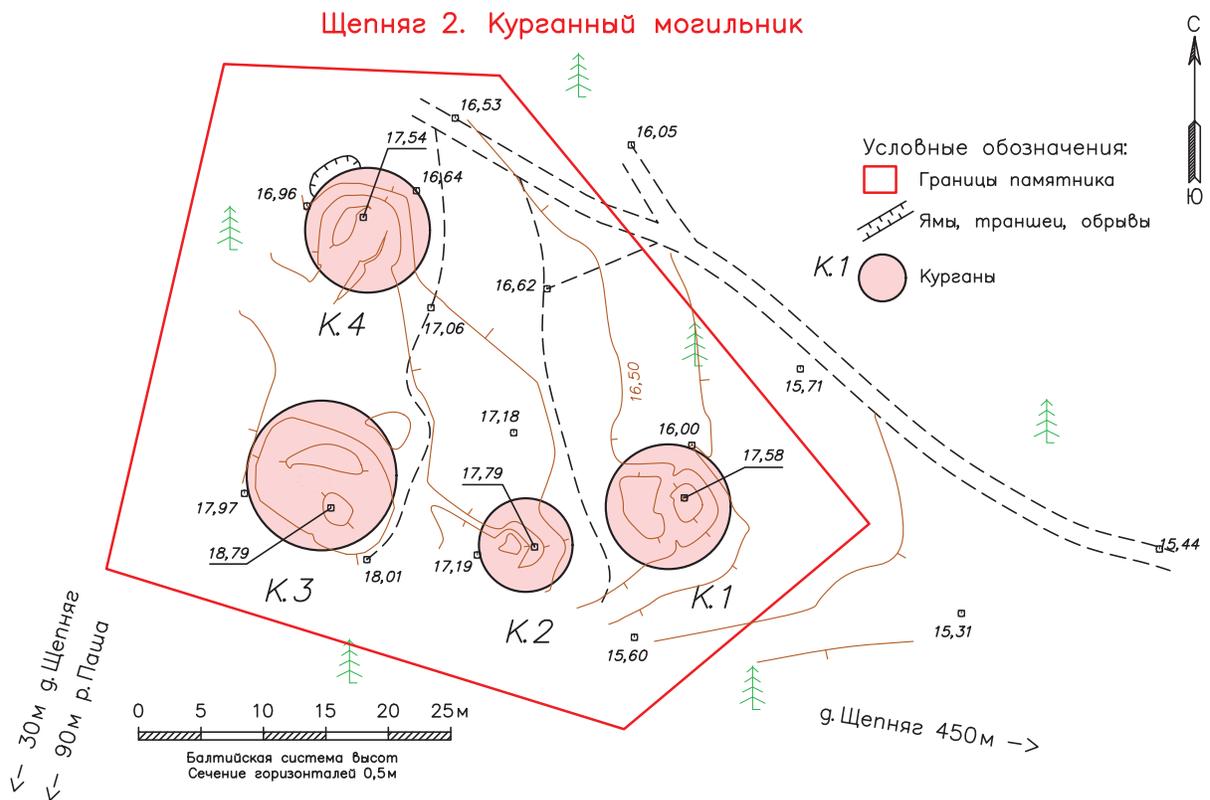

Рис. 36. Щепняг 2. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

сферической формы диаметром 7,5–12,0 м, высотой 0,6–1,6 м. Все они раскопаны по центру ямами. Экспедицией снят актуальный топографический план могильника.

Щепняг 3. Курганный могильник

Могильник расположен у д. Щепняг, на краю коренного правого берега р. Паша, в 150 м к северо-западу от курганной группы «Щепняг 2» (рис. 37). Памятник известен археологам с 1980-х гг., но в литературе не упоминался. В 1987 г. обследован экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. А. Назаренко, зафиксировавшей курганную группу в составе трех полусферических насыпей с уплощенными вершинами, диаметром 8–10 м и высотой 0,8–1,5 м. Могильник был датирован X–XI вв. План памятника снят Е. М. Колпаковым (Назаренко, 1987; Паспорт «Курганная группа Щепняг III», 1988). В 1987 г. Е. М. Колпаковым подготовлена учетная карточка, а в 1988 г. – паспорт памятника под названием «Курганная группа Щепняг III» (Паспорт «Курганная группа Щепняг III», 1988). В изданной «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Щепняг-3. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 122, № 1337).

Экспедицией ИИМК РАН в 2021 г. установлено, что памятник состоит из расположенных по обе стороны от лесной дороги трех уплощенных насыпей полусферической формы диаметром 9,5–10,5 м, высотой 0,9–1,0 м с ровиками. Все они раскопаны по центру огромными ямами. Экспедицией снят актуальный топографический план могильника.

Часовенское. Курганный могильник («Курганная группа, четыре насыпи»)

Впервые памятник обследован Н. Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Паши, у Кучевицкого ручья (около версты выше группы «у»), из четырех насыпей, стоящих попарно, правее ручья». Все насыпи Н. Е. Бранденбургом раскопаны колодцами по центру. В двух курганах найдены трупосожжения с инвентарем X–XI вв. (Бранденбург, 1895. С. 118–119, группа «ф»). В 1969 г. группа обследована поисковым отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко. Были найдены четыре насыпи со следами раскопов Н. Е. Бранденбурга. Снят глазомерный план. Памятник обозначен как «Курганная группа на правом берегу Паши ниже д. Часовенской» (Лебедев, 1969. Л. 21; Материалы, 1975). В 1960–1970-е гг. памятник

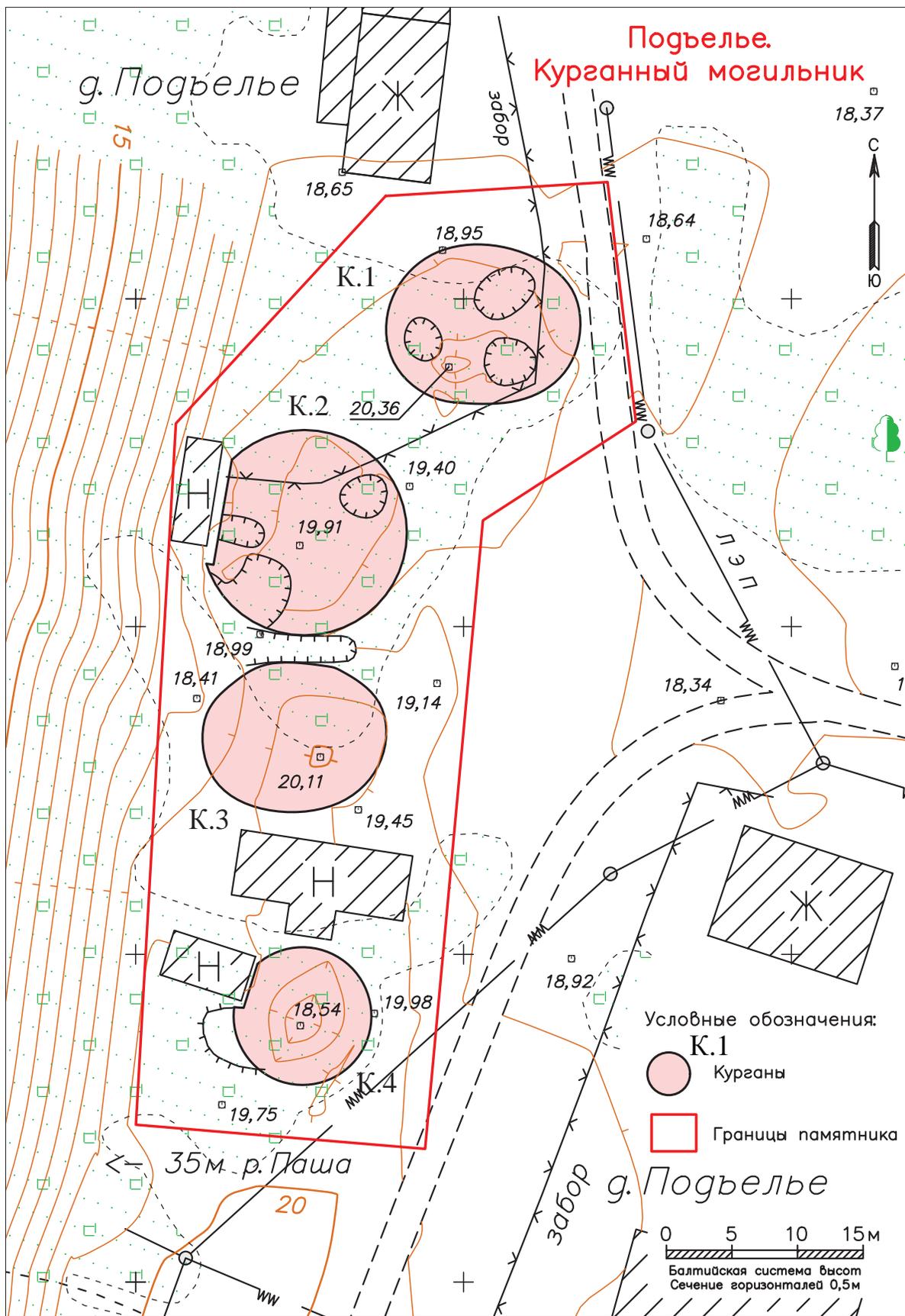

Рис. 38. Подъелье. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООО ИИМК 2021 г.

памятник обследован экспедицией Русского археологического общества под руководством Н.Е. Бранденбурга в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Паши, при д. Подбелье, из 9 насыпей ниже ее и 1 отдельный – выше». Пять насыпей Н.Е. Бранденбургом раскопаны (Бранденбург, 1895. С. 124–126, группа «ш»). В 1949 г. Э.Е. Фрадкиным составлен первый паспорт памятника, названного «Группа сопки “волховского типа”» в составе семи сопки VIII–IX вв., высотой от 1,0 до 1,5 м, расположенных вдоль берега в шахматном порядке (Паспорт «Группа сопки “волховского типа”», 1949г). В 1965 г. территория могильника осмотрена экспедицией Петрозаводского институт языка, литературы и истории под руководством С.И. Кочкуркиной (1965б. С. 9). В 1969 г. группа обследована Приладожским отрядом СЗАЭ ЛГУ и Ленинградского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры под руководством Г.С. Лебедева. Снят первый план. По данным экспедиции, могильник состоял из девяти насыпей, из которых четыре видимых повреждений не имели. Пять раскопанных Н.Е. Бранденбургом по центру курганов (5–9) также располагались на своих местах, хотя «отвалы исказили первоначальные размеры и формы» (Лебедев, 1969. Л. 23–24; Паспорт «Курганная группа в д. Подбелье», 1978). В 1978 г. на материалах разведки 1969 г. Г.С. Лебедевым составлен паспорт памятника «Курганная группа в д. Подбелье», состоящего из девяти погребальных насыпей культуры приладожских курганов X–XI вв. По описанию, могильник располагался на южной окраине д. Подбелье, возле здания школы. Насыпи вытянуты цепочкой вдоль высокого правого берега р. Паша. Курганы в плане округлые, диаметром 8–10 м, высотой в пределах 1,0–1,2 м (Паспорт «Курганная группа в деревне Подбелье», 1978). Позднее в том же 1978 г. памятник под названием «Курганная группа, четыре насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 131). В 1983 г. курганная группа также обследовалась С.И. Кочкуркиной, отметившей только три видимые насыпи, «поросшие мощными соснами», остальные, по ее данным, угадывались под жильми постройками (Кочкуркина, 1983. Л. 17; 1989. С. 170–172). В 1987 г. Е.М. Колпаковым снят инструментальный план, на котором зафиксированы только четыре насыпи в северной части могильника, отмечавшиеся еще целыми в 1969 г. В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Подбелье. Курганная группа» в составе сохранившихся четырех насыпей высотой 1,0–1,5 м, диаметром 8–13 м (Лапшин, 1995. С. 119, № 1330).

В настоящее время памятник состоит из четырех насыпей диаметром 10,5–15,6 м, высотой 0,4–1,5 м, вытянувшихся цепочкой по оси С–Ю на расстояние 65 м. Курган 1 – низкая, уплощенная насыпь, расположенная на частной территории. Поврежден по центру большой заплывшей ямой размерами 2 × 3 м, глубиной около 0,5 м. По краям несколько мелких западин и кустарников. Восточная пола повреждена забором. По словам хозяйки участка, в западной поле кургана раньше был погреб. Курган 2 сильно поврежден несколькими ямами и большой ямой-карьером для добычи песка, северная пола подрезана забором, сильно зарос кустарником и рябиной, в центре старая сосна. С восточной стороны кургана 3 западина, в центре большая сосна. Курган 4 по центру поврежден большой заплывшей ямой, восточная пола со стороны дороги несколько подрезана, с западной стороны к насыпи примыкает сарай, в центре растут две большие сосны. Между курганами 3 и 4 находится заброшенный дом. Пять раскопанных Н.Е. Бранденбургом насыпей в южной части могильника не сохранились.

Царевщина. Курганый могильник («Группа сопки “волховского типа”, две сопки»)

Памятник под названием «Группа сопки “волховского типа”, две сопки» по адресу «Пашский район, Часовенский с/с, в 400 м к югу от д. Подбелье, близ урочища Царевщина» поставлен на государственный учет Решением исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1950 г. №59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников» (Решение, 1950. С. 9. Пункт 1 (Пашский р-н)). Основанием для постановки на учет, по-видимому, послужил паспорт от 18.09.1949, составленный для Инспекции по охране памятников Э.Е. Фрадкиным. Памятник был назван «Группа сопки “волховского типа”», состоящий из «двух сопки округло-конической формы высотой до 1,5 м при диаметре 40 м» и «ориентировочно» датируемых VIII–IX вв. Местоположение памятника: «Пашский р-н, Часовенский с/с, в 400 м к югу от д. Подбелье, близ урочища Царевщины». Позднее в документе карандашом исправлено и дописано, что памятник находится на левом берегу р. Паша западнее деревни на территории колхоза «9 января». Источником информации для паспорта послужило описание Н.Е. Бранденбургом раскопанного им в 1878–1886 гг. одного кургана CVIII «на левом берегу р. Паши, несколько выше предыдущей группы (Ш) и урочища Царевщины». При этом на карте «Курганых раскопок» Н.Е. Бранденбургом здесь показаны две насыпи (Паспорт «Группа сопки “Волховского типа”», 1949з; Бранденбург, 1895.

С. 125–126, карта). С.И. Кочкуркина и В.А. Лапшин у урочища Царевщина упоминают только одну насыпь, раскопанную Н.Е. Бранденбургом (Кочкуркина, 1989. С. 172; Лапшин, 1995. С. 119, № 1328). По С.И. Кочкуркиной, курган расположен «выше предыдущей группы (в д. Подъелье. – *Авт.*) на левом берегу р. Паши», по «Археологической карте» В.А. Лапшина – «у бывшей д. Царевщина, в 2 км к югу от д. Подъелье, на левом берегу р. Паша».

По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН «Группа сопок “волховского типа”, две сопки» не найден. В соответствии с историографическими сведениями поиск памятника осуществлялся по левому берегу р. Паша, к югу и к северу от урочища Царевщина, на протяжении 2 км от места переправы у бывшей д. Батогово до д. Печеничино, расположенной на левом берегу р. Паша напротив д. Подъелье.

Урицкое 1. Курганный могильник («Курганный группа, семь насыпей»)

Курганный могильник расположен на юго-восточном краю д. Урицкое, между центральной улицей (с юго-юго-западной стороны от нее) и краем берега реки (рис. 39). Еще одна насыпь находится на северо-западном конце деревни, с северной стороны от дома 12 на самом краю берега. Впервые памятник обследован экспедицией Русского археологического общества под руководством Н.Е. Бранденбурга в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Паши, между впадающей в нее р. Конбежкой и сел. Костиным³¹, состоящая из шести насыпей рядом (цепью) и двух отдельных севернее и южнее ея». Три насыпи Н.Е. Бранденбургом были раскопаны, в том числе «курган (из отдельных, северный) при устье р. Конбежки». В северном кургане обнаружено четыре погребения по обряду кремации IX–X вв. с инвентарем, остальные два кургана пустые. Насыпаны из песка (Бранденбург, 1895. С. 122–123, группа «ц»). В 1949 г. Э.Е. Фрадким составлен первый паспорт памятника, обозначенного как «Группа сопок “волховского типа”» в составе восьми «сопок» X–XI вв., конической формы, высотой от 0,5 до 1,5 м, из которых шесть расположены вдоль берега цепочкой, а два – в 150 м от берега с привязкой также к д. Костино (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949д).

³¹ Во время обследования Н.Е. Бранденбургом этого памятника на данной территории располагалась д. Голодаевка, переименованная после революции 1917 г. в д. Урицкое (Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии, 1834).

В 1969 г. группа обследована Приладожским отрядом Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и Ленинградского областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры под руководством Г.С. Лебедева. Снят глазомерный план шести насыпей «у юго-восточной оконечности пос. Урицкое». На седьмой курган, расположенный в северной части деревни, на плане указано стрелкой с подписью «Крайний северо-восточный дом пос. Урицкое около него одна насыпь – 400 м» (Лебедев, 1969. Л. 22; Материалы, 1977). В 1977 г. по итогам разведки 1969 г. Н.А. Ефимовой подготовлены материалы для паспортизации памятника. В предварительном варианте паспорта могильник обозначен как «Курганный группа у д. Урицкое», состоящая из «семи расположенных цепью курганов». Отмечено, что три кургана были раскопаны Н.Е. Бранденбургом, в двух устроены деревенские погребя, один поврежден ямой (Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курганный группа, семь насыпей» по адресу: «Волховский район, Часовенский с/с, д. Урицкое на территории деревни» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 132). В 1983 г. ОАН обследовался С.И. Кочкуркиной, отметившей, что в южной части могильника хорошо видны лишь три оставшиеся насыпи, а в 400 м севернее их «в самой деревне – остатки одного из двух зафиксированных Н.Е. Бранденбургом курганов». Размеры насыпей группы указаны как 13–18 × 1,02–2,13 м (Кочкуркина, 1983. Л. 16; 1989. С. 164–166, рис. 38). Вероятно, в 1987 г. памятник осмотрен Е.М. Колпаковым, проводившим как руководитель СЗИАЭ ЛГУ инвентаризацию памятников археологии Ленинградской области в 1980-гг. В списке памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану Министерством культуры РСФСР по Ленинградской области 1983 г., переданном в наше распоряжение Е.М. Колпаковым, напротив данного ОАН карандашом помечено «разрушены почти полностью» (Список, 1983. Пункт 132). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Урицкое-1 (Костино). Курганный группа» в составе шести насыпей у юго-восточной окраины деревни. В 400 м к северу от них ошибочно вместо одной указаны «еще две насыпи». По материалам С.И. Кочкуркиной отмечается сохранность только трех курганов (Лапшин, 1995. С. 119, № 1332).

В результате полевых исследований 2021 г. у юго-восточной оконечности деревни у края леса зафиксированы расположенные рядом три хорошо выраженные в рельефе курганные насыпи 1–3. Курган 1 – крупная полусферической формы насыпь

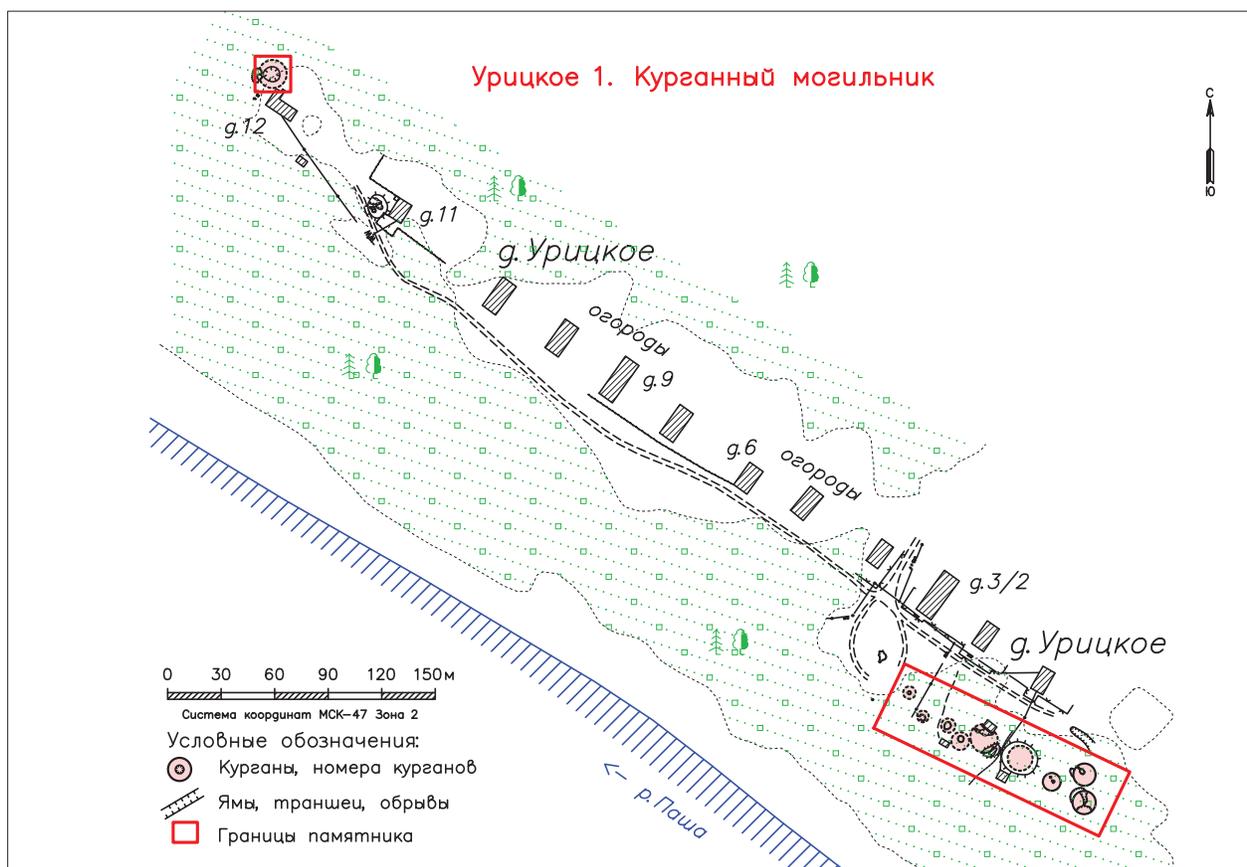

Рис. 39. Урицкое 1. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

диаметром 12,5 м, высотой 1,3 м, густо заросла кустарником, рябиной, стоит старая береза. Центр насыпи поврежден большой ямой прямоугольной формы и траншеей, прорытой от ямы через северо-западную полу кургана (вероятно, следы раскопок Н.Е. Бранденбурга). Яма с траншеей завалены мусором. В 3 м к югу от кургана 1 на самом краю берега, перед низиной ручья (впадающего в р. Паша), расположен курган 2 диаметром 13 м, высотой 1 м. С северо-западной и западной сторон прослеживается ровик. Центр насыпи сильно поврежден вывертом корней двух упавших больших старых берез. Среди корней дерева и в яме от выверта, примерно на глубине 1 м от верха насыпи, зафиксированы кости поврежденного погребения по обряду ингумации. На поверхности видны перемещенные кости тазовой части, черепа, конечностей. В целях предотвращения дальнейшего разрушения погребение было засыпано песком. В 10 м к северо-западу от кургана 2, на краю верхней площадки берега перед его понижением, расположен курган 3 – полусферическая насыпь диаметром 10 м, высотой 1,2 м. Курган поврежден в центре небольшой округлой ямой, густо зарос кустарником. К северо-западу от кургана 3 рас-

положена цепочка из шести слабозаметных в рельефе, разного диаметра насыпей или всхолмлений (4–6, 8–10), вытянутых в северо-западном направлении на расстояние 86 м. Все насыпи повреждены ямами. Исходя из плана Г.С. Лебедева, насыпи 4 и 5 являются остатками курганов 4 и 5, зафиксированных в 1969 г. С курганом 6 на плане 1969 г. соотносится насыпь 6 или 8. Определить, являются ли насыпи 6, 8–10 остатками курганов или это рельеф, образовавшийся в результате хозяйственной деятельности местных жителей, без археологических раскопок не представляется возможным. Следует отметить, что на плане Г.С. Лебедева курганы 4 и 6 отмечены пунктиром как раскопанные, а курган 5 поврежден погребом. Эта же ситуация фиксируется и в настоящее время: слабо выраженная в рельефе насыпь 5 (или ее остатки) с юго-восточной стороны повреждена погребом, а с северной – пристроенной к ней деревянной беседкой. В 490 м к северо-западу от насыпи 10, на самом краю берега у дома 12, расположены остатки раскопанного Е.Н. Бранденбургом кургана. По сведениям местных жителей, на этом месте стояла баня. В настоящее время курган представляет собой остатки насыпи диаметром 16 м, высотой до 1 м,

с невысокими бортами по кругу, и большой ямой-ложбиной в центре. В 80 м к юго-востоку от него, перед домом 11 на краю террасы, зафиксирована искусственная насыпь 11, размерами по основанию 11 × 13 м, высотой 0,30 м или 1,25 со стороны склона, сильно поврежденная многочисленными большими ямами. Владельцы дома сообщили, что здесь раньше был погреб, а сейчас отсюда они берут песок на хозяйственные нужды. При осмотре ям, в том числе в центре насыпи, признаки погребального сооружения не обнаружены.

Сязнига 11. Углежогные кучи («Курганная группа Сязнига-3, 2 насыпи»)

Объект расположен в 420 м к северу-северо-западу от урочища Сязнига, в 120 м к юго-западу от левого берега р. Сязнига, с северо-западной стороны от перекрестка старых дорог в еловом лесу. В 1969 г. отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева на левом берегу р. Сязнега зафиксированы две округлые в плане, полусферические насыпи со следами ровиков высотой 1,2 и 0,6 м, диаметром 12,0 и 5,3 м. Насыпи были отнесены к приладожской курганной культуре X–XIII вв. Объект получил буквенную индексацию «З», снят глазомерный план (Лебедев, 1969. Л. 17; Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Сязнига-3, две насыпи», поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 94). В 1983 г. памятник обследован С.И. Кочкуркиной. По данным разведки, это были две округлые в плане насыпи диаметром 5,3 и 12,0 м, высотой 0,6 и 1,2 м с ровиками по основанию. Памятник обозначен как «Сязнега 3». По предположению С.И. Кочкуркиной, курганы были известны Н.Е. Бранденбургу как группа «л» (Кочкуркина, 1983. Л. 9; Кочкуркина, 1989. С. 130–131). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-11. Курганная группа (“З” по Г.С. Лебедеву)» (Лапшин, 1995. С. 124, № 1354).

По итогам осмотра памятника в 2021 г. установлено, что объект «Курганная группа Сязнига-3, две насыпи» состоит из шести углежогных куч, связанных с производством древесного угля в Новое время. В 10–30 м к юго-востоку от двух насыпей, зафиксированных в 1969 г., располагаются еще четыре. Все насыпи округлые в плане, полусферической или сегментовидной формы, с ямами у основания, сливающимися в ровики. Самая крупная насыпь диаметром 12 м и высотой 1,2 м, зафиксированная в 1969 г. как курган 1, от вершины по северо-западной поле до основания прорезана траншеей шириной 0,5 м

и длиной около 5 м. По всей длине ее бортов прослежен слой угля мощностью 0,10–0,15 м. Еще три насыпи имеют грабительские ямы по центру, в стенках которых также фиксируется слой угля. Вся территория объекта несет следы проверочных ям кладоискателей, в которых также находится древесный уголь. В результате исследования установлено, что погребальные насыпи приладожской курганной культуры X–XIII вв. на территории объекта отсутствуют.

Сязнига 14. Курганный могильник («Группа сопок “Волховского типа”, две сопки»)

В 1878–1886 гг. Н.Е. Бранденбургом обследован памятник, описанный как «Группа на левом берегу р. Сязниги (приток р. Паши), ниже д. Сязниги, из двух находящихся по близости насыпей». Оба раскопанных Н.Е. Бранденбургом кургана оказались пустыми, только по всей подошве зафиксирован «пепельный слой» (Бранденбург, 1895. С. 107, группа «л»). В 1949 г. для Инспекции по охране памятников Леноблисполкома Э.Е. Фрадкиным на курганы, описанные Н.Е. Бранденбургом, составлен паспорт памятника под наименованием «Группа сопок “волховского типа”» и состоящего из «двух сопок». Местоположение объекта указано на левом берегу р. Сязнига «восточнее деревни» (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949е). Решением исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1950 г. № 59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников» памятник под названием «Группа сопок “волховского типа”» VIII–XI вв. Две сопки выс. от 1 до 1,5 м, д. 30–45 м» включен в список памятников археологии Ленинградской области. Адрес: «Часовенский с/с, левый берег р. Сязнига, на восток от деревни» (Решение, 1950. С. 10, Пункт 10)³². В 1969 г. во время разведочных работ по поиску исследованных Н.Е. Бранденбургом курганов отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева «ниже ручья, впадающего в р. Сязнигу», «на восточной окраине бывшей д. Сязнига, в лесу, на возвышенности» зафиксирован могильник, состоящий из 13 полусферических курганов высотой до 1,6 м. Насыпи тянулись цепочкой «по одной-три в ряд» с севера на юг, «перпендикулярно береговой линии реки». Некоторые курганы имели следы ровиков. По мнению Г.С. Лебедева, из них два кургана (1 и 3)

³² В списке памятников археологии Ленинградской области, утвержденном Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов № 271 от 10.07.1978, данный ОАН отсутствует (Решение, 1978).

были раскопаны Н.Е. Бранденбургом как группа «Л». Памятник получил буквенную индексацию «А», отнесен к приладожской курганной культуре X–XIII вв. (Лебедев, 1969. Л. 13–14; Материалы, 1977). В 1970 г. С.И. Кочкуркиной в курганной группе, обнаруженной Г.С. Лебедевым, раскопаны 10 насыпей, содержащих погребения по обряду кремации и ингумации с сопроводительным инвентарем. Курганы датированы X–XII вв. Памятник обозначен как «Сязнега 2». По мнению С.И. Кочкуркиной, эта группа Н.Е. Бранденбургом не упомянута, «хотя он раскопал в ней, очевидно, две насыпи» (Кочкуркина, 1970. С. 14–31, рис. 19–79; 1989. С. 121–130). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-14. Курганная группа». Автор также допускает, что два кургана могильника были раскопаны Н.Е. Бранденбургом как группа «Л» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1357).

В результате полевых исследований 2021 г. ОАН «Группа сопок “волховского типа”» две сопки как «Курганная группа Сязнига “А” по Г.С. Лебедеву, «Сязнега 2» по С.И. Кочкуркиной и «Сязнига 14. Курганная группа» по В.А. Лапшину локализован в 50 м к северо-северо-западу от урочища Сязнега, вдоль северо-восточной стороны заброшенной лесной дороги из бывш. д. Сязнега (урочище Сязнега) в д. Колголемо и д. Балдино, на мысу, образованном при впадении ручья в р. Сязнега. Установлено, что ОАН полностью исследован раскопками Н.Е. Бранденбурга в последней четверти XIX в. и раскопками курганов на снос С.И. Кочкуркиной в 1970 г. На самом краю мыса зафиксировано множество углежогных ям, связанных с производством древесного угля в Новое время. По всей территории памятника прослежены следы от деятельности современных грабителей и кладоискателей в виде раскопанных ям и проверочных ямок по сигналу металлодетектора.

Сязнига 15. Курганная группа («Группа сопок “Волховского типа”, три сопки»)

Курганная группа расположена в 960 м к северо-востоку от урочища Щуковщина, в 30 м к юго-востоку от излучины р. Сязнега, на ее правом берегу, в еловом лесу (рис. 40). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Сязниги (приток р. Паши с левой стороны), близь ее устья, ниже д. Щуковщины; состоит из трех насыпей в одну линию». Два кургана Н.Е. Бранденбургом раскопаны, обнаружены погребения по обряду трупоположения, очаги, инвентарь (Бранденбург, 1895. С. 106–107,

группа «к»). В 1949 г. для Инспекции по охране памятников Леноблисполкома Э.Е. Фрадкиным составлен паспорт памятника под наименованием «Группа сопок “волховского типа”», состоящего из «трех сопок» (Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949ж). Решением исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1950 г. № 59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников» курганы включены в список памятников археологии Ленинградской области (Решение, 1950. С. 10. Пункт 11). В списке памятников археологии Ленинградской области, утвержденном Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов № 271 от 10.07.1978, данный ОАН отсутствует (Решение, 1978). Во время разведки 1983 г. С.И. Кочкуркиной зафиксированы только две раскопанные Н.Е. Бранденбургом насыпи. Памятник обозначен как «Сязнега 1» (Кочкуркина, 1983; 1989. С. 119–120). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-15. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1358).

В результате обследования 2021 г. зафиксированы три крупные насыпи, расположенные в ряд на небольшой лесной гряде, вытянутой перпендикулярно реке по оси СЗ–ЮВ на расстояние 53 м. Курганы 1 и 2 представляют собой погребальные насыпи, раскопанные Н.Е. Бранденбургом во второй половине XIX в. Курган 1 – первоначально округлая в плане насыпь диаметром 14 м, высотой около 1,4 м. Центр раскопан Н.Е. Бранденбургом. Юго-западная поля и часть раскопа Н.Е. Бранденбурга повреждены большой ямой размерами 7,0 × 8,6 м, выбравшей весь грунт до основания насыпи. Часть северо-восточной поля повреждена большой ямой размерами 4,3 × 4,7 м. На кургане растут крупные ели. Курган 2 – первоначально округлая в плане насыпь диаметром 12 м, высотой около 1,05 м. Центр, вероятно, был раскопан Н.Е. Бранденбургом. В настоящее время в раскопе Н.Е. Бранденбурга в юго-западной части кургана вырыта большая бесформенная яма размерами до 3,5 × 47,0 × 1,0 м. В юго-восточной части от центра к краю прорыта траншея размерами 2,2 × 6,3 × 1,0 м. На кургане растут крупные молодые ели. Третья насыпь диаметром 12 м, высотой до 0,6 м, расположенная с юго-восточной стороны от кургана 2 на расстоянии 11 м, является углежогной кучей, связанной с производством древесного угля в Новое время. Центр насыпи вскрыт большой траншеей Г-образной формы шириной 1,8–2,2 м и длиной 4,7 и 3,0 м. По всем стенкам траншеи прослежен слой угля мощностью до 0,15–0,20 м, залегающий сразу

Сязнига 15. Курганный могильник

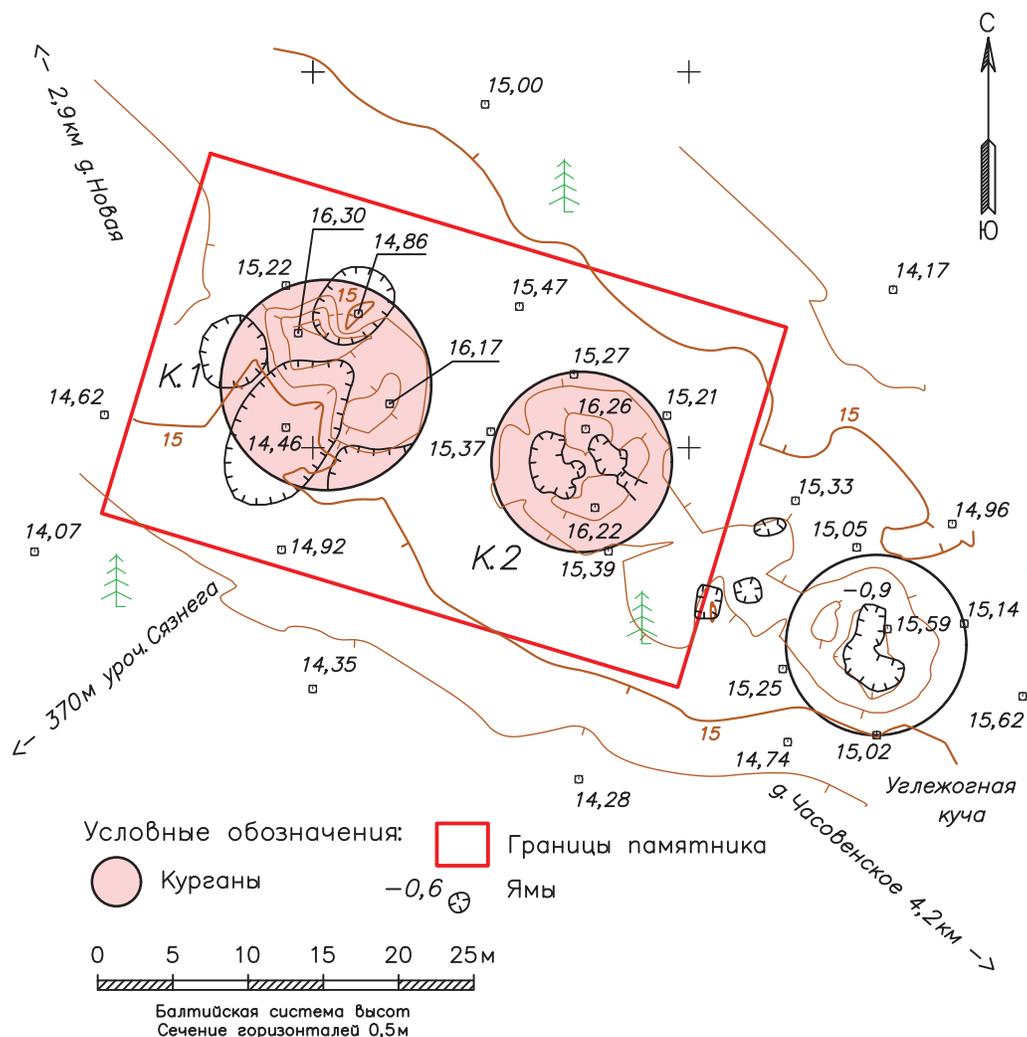

Рис. 40. Сязнига 15. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

под дерном. В небольшой грабительской ямке в 2 м к северу от подошвы насыпи также прослежен мощный слой угля.

Сязнига 12. Селище. («Селище Сязнига-1»)

Впервые памятник выявлен и обследован летом 1969 г. во время археологической разведки отрядом ЛОО ВООПИК (начальник Г.С. Лебедев) нижнего течения р. Паша (Паспорт «Селище Сязнига I», 1978. С. 2). По данным Г.С. Лебедева, культурный слой интенсивно черного цвета мощностью до 0,40 м был зафиксирован на мысу в 250–300 м от бывшей д. Сязнига, на правом берегу реки (напротив Селища Сязнига-2). Пятно культурного слоя распространялось на площади 100 × 20 м вдоль берега реки. В слое были обнаружены

обломки кружальной керамики, гвозди, развал обожженных камней. Селище было отнесено к памятникам приладожской курганный культуры (Материалы, 1977; Паспорт «Селище Сязнига I», 1978). Судя по представленным ситуационным планам, селище занимало всю территорию мыса. В 1978 г. В.А. Булкиным на памятник под названием «Селище Сязнига-1» был составлен паспорт (Паспорт «Селище Сязнига I», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Селище Сязнига-1» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 102). В изданной в 1995 г. В.А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-12. Селище» (Лапшин, 1995. С. 124–125, № 1355).

В ходе подготовки к полевому обследованию памятника 2021 г. было обнаружено, что на имеющихся чертежах и планах Г.С. Лебедева неверно указано направление на север, что значительно усложнило локализацию месторасположения объекта. Следует отметить, что упоминаемые в качестве привязки селища «Сязнига-1» д. Сязнега и Щуковщина ныне не существуют, а на современных картах отмечаются только в виде «ур. Сязнега» и «ур. Щуковщина». Также изменилась и орфография написания названия реки и деревни. На современных картах река обозначена как «Сязнега». В соответствии с обозначенным на имеющихся планах Г.С. Лебедева абрисом излучин реки и указанным расстоянием от деревни, была определена зона поиска, произведен визуальный осмотр территории, проведена шурфовка на двух предполагаемых местонахождениях селища – к югу и к востоку от места бывшей д. Сязнега. Рельеф местности в целом слабохолмистый. Согласно плану, поселение располагалось в пониженной части мыса. Никакой хозяйственной деятельности на площади двух предполагаемых местонахождений селища в настоящее время не ведется. Обе территории представляют собой луг, заросший травами, иванчаем и хвощом. На первом предполагаемом местонахождении селища на мысу правого берега реки, в 250 м к югу от бывшей д. Сязнега были заложены три шурфа (1–3), на втором, расположенном на мысу на правом берегу реки, примерно в 150–200 м к востоку от бывшей д. Сязнига заложено два шурфа (4 и 5). Всего при шурфовке было обнаружено 10 находок эпохи Нового времени, также при переправе через реку к местонахождению 2 на песчаной отмели были обнаружены два крупных фрагмента гончарных поливных сосудов. В результате проведенного обследования подтвердить наличие на предполагаемых местонахождениях средневекового селища приладожской курганной культуры не представляется возможным. Культурный слой данной эпохи не зафиксирован ни в одном из шурфов. По географическим привязкам и схемам, представленным в отчете и паспорте Г.С. Лебедева, наиболее вероятным для локализации селища представляется местонахождение 2, расположенное на мысу к востоку от бывшей д. Сязнига. Обнаруженные материалы и выявленная стратиграфия шурфов указывают лишь на близкое расположение деревни и недолговременную хозяйственную деятельность человека, связанную с неинтенсивной распашкой угодий.

Сязнига 13. Селище («Селище Сязнига-2»)

Впервые «селище д. Сязнига» упоминается в отчете Н.Н. Гуриной об археологических работах, проведенных в районе юго-восточного

Приладожья (Гурина, 1952а. С. 55). По данным Н.Н. Гуриной, селище располагалось на левом берегу р. Сязнига, в 300–400 м выше деревни на поле, на котором были найдены несколько фрагментов «ранней славянской керамики». Подробно памятник был описан летом 1969 г. в рамках археологического обследования отрядом ЛОО ВООПИК (начальник Г.С. Лебедев) нижнего течения р. Паша (Паспорт «Селище Сязнига 2», 1978. С. 3). Селище было локализовано на «ЮЗ окраине бывшей деревни Сязнега, в 200 м к ЮВ от селища Сязнига-1, расположенного на противоположном берегу реки». На заброшенных огородах и между крайними домами д. Сязнега был выявлен культурный слой темного цвета мощностью от 0,2 до 0,5 м, насыщенный углем и золой. Слой прослежен пятнами на площади 150–200 м с СВ на ЮЗ и 50–100 м с СЗ на ЮВ. По заключению Г.С. Лебедева, селище занимало юго-западную окраину бывшей деревни, а возможно, и территорию самой деревни. Отмечалось, что в течение долгого времени площадь селища подвергалась распашке и перекопам, вследствие чего культурный слой был перемешан и имел аморфную структуру (Паспорт «Селище Сязнига 2», 1978. С. 2, 3, рис. 8, 9). В ходе работ проводился сбор подъемного материала (Материалы, 1977). В слое и на поверхности земли собраны фрагменты кружалной средневековой керамики, обломки костей, обожженные камни (Паспорт «Селище Сязнига 2», 1978. С. 3). На плане, приложенном к паспорту памятника, и ситуационном плане, составленном в ходе археологического обследования территории 1969 г., селище обозначено в южной части речного мыса, к западу от домов деревни. В 1978 г. Г.С. Лебедевым для Инспекции по охране памятников составлен паспорт памятника под названием «Селище Сязнига 2» (Паспорт «Селище Сязнига 2», 1978). В 1978 г. памятник под названием «Селище Сязнига-2» поставлен на государственный учет Решением Лен-облисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 103). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-13. Селище» (Лапшин, 1995. С. 125, № 1356).

В ходе подготовки к полевому обследованию памятника было обнаружено, что на имеющихся чертежах и планах Г.С. Лебедева неверно указано направление на север, что затруднило определение местонахождения памятника, так как на месте не сохранилось отчетливо видимых остатков деревенских домов. В соответствии с обозначенным на имеющихся планах абрисом излучины реки и указанным расстоянием от деревни, была определена зона поиска. Рельеф местности слабохолмистый. Никакой хозяйственной деятельности на территории

не ведется. Место деревни и речной берег заросли луговыми травами, иван-чаем и хвощом. Для уточнения наличия культурного слоя и определения границ его распространения с восточной стороны от бывшей д. Сязнига вдоль берега одноименной реки были заложены 10 шурфов. Всего при шурфовке было обнаружено 34 находки, в основном фрагменты сероглиняной и красноглиняной посуды с поливой. Все находки относятся к эпохе Нового времени. В результате проведенного исследования подтвердить наличие на указанной территории средневекового селища не представляется возможным. В культурном слое, зафиксированном в шурфе 10, на территории бывшей д. Сязнега находок не найдено. Обнаруженные материалы и выявленная стратиграфия шурфов указывают на близкое расположение деревни и недолговременную хозяйственную деятельность человека, связанную с неинтенсивной распашкой угодий.

Сязнига 10. Курганный могильник («Курганная группа Сязнига-Б, две насыпи»)

Памятник расположен в 600 м к юго-западу от урочища Сязнега, с восточной стороны от лесной дороги в бывш. д. Сязнега, в хвойном лесу на краю левого коренного берега р. Сязнега, в 30–70 м от кромки воды (рис. 41). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1884 гг. Могильник был описан как «Группа на левом берегу р. Сязниги (приток р. Паши), несколько выше д. Сязниги, против сел. Щуковщины, из двух рядом стоящих насыпей». Оба кургана Н.Е. Бранденбургом были раскопаны (Бранденбург, 1895. С. 107–108, группа «н»). В 1969 г. могильник обследован отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, зафиксировавшим две раскопанные Н.Е. Бранденбургом полусферические насыпи высотой до 2 м, снят глазомерный план. Памятник получил буквенную индексацию «Б», датирован X–XIII вв. (Лебедев, 1969. Л. 15; Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Сязнига-Б, 2 насыпи» поставлен на государственный учет Решением Лен-облисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 93). В 1983 г. курганы обследованы С.И. Кочкуркиной. По материалам раскопок Н.Е. Бранденбурга первый курган датирован X – началом XI в., второй – XI в. Памятник обозначен как «Сязнега 4» (Кочкуркина, 1983. Л. 10; 1989. С. 131–133). В изданной в 1995 г. «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-10. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 124, № 1353).

В настоящее время ОАН состоит из двух насыпей, расположенных друг от друга на рас-

стоянии 11 м по оси СЗ–ЮВ. Обе раскопаны по центру Н.Е. Бранденбургом в конце XIX в. и позднее были сильно повреждены со всех сторон многочисленными ямами грабителей. Возможно, первоначальная форма курганов изменилась. Сейчас по основанию курганы имеют подквадратную форму размерами 16 × 16 м и 15,0 × 14,5 м, максимальная высота оставшейся насыпи кургана 1 составляет от 2 до 2,5 м (со стороны склона к реке), кургана 2 – 1,4 м. На курганах растут деревья.

Сязнига 8. Курганный могильник («Курганная группа Сязнига-В, три насыпи»)

Могильник расположен в 1,1 м к юго-западу от урочища Сязнега, к северо-западу от лесной дороги в бывшей д. Сязнега, в 0,4 к северо-западу-западу от левого берега р. Сязнега, в молодом хвойном лесу (рис. 42). Впервые памятник обследован Н.Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Могильник был описан как «Группа на левом берегу р. Сязниги (приток р. Паши), в 1 версте выше д. Сязниги, из четырех насыпей». Все курганы Н.Е. Бранденбургом раскопаны (Бранденбург, 1895. С. 108–110, группа «о»). В 1969 г. памятник обследован археологическим поисковым отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, зафиксировавшим только три раскопанные Н.Е. Бранденбургом полусферические насыпи высотой до 1 м, снят глазомерный план. Четвертый курган к моменту обследования не сохранился. Памятник получил буквенную индексацию «В» и отнесен к приладожской курганной культуре (Лебедев, 1969. Л. 15; Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Сязнига-В, три насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 104). В 1983 г. курганы обследованы С.И. Кочкуркиной. По материалам раскопок Н.Е. Бранденбурга один курган датирован X в., два других – XI в. Памятник обозначен как «Сязнега 6» (Кочкуркина, 1983. Л. 10; 1989. С. 134–137). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-8. Курганная группа», расположенная в 0,9 км к юго-западу от бывшей д. Сязнига (Лапшин, 1995. С. 124, № 1351).

В настоящее время ОАН состоит из трех насыпей: двух расположенных друг от друга на расстоянии 1 м по оси СВ–ЮЗ (курганы 1 и 2) и третьего, отстоящего от кургана 2 к северо-западу на 15,7 м. Насыпи округлой в плане формы, диаметром 9 м (курганы 1, 2) и 10 м (курган 3), высотой 0,8 м, 1,1 м и 0,8 м соответственно. Все курганы густо заросли молодыми елями, в центре раскопаны большими ямами аморфной формы размерами 5,7 × 5,7 × 1,0 м, 5 × 5 × 1 м, 5 × 5 × 1 м

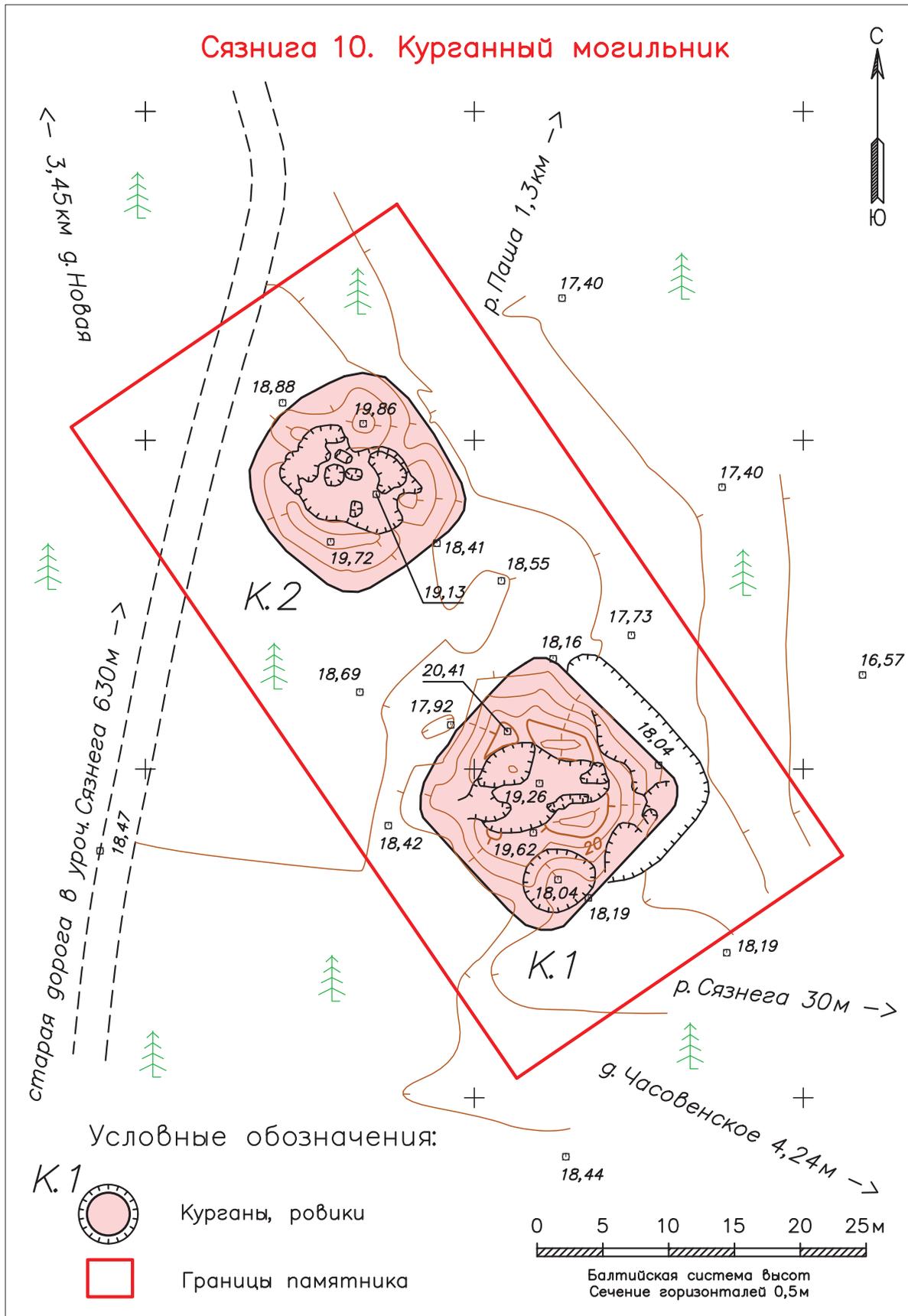

Рис. 41. Сязнига 10. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

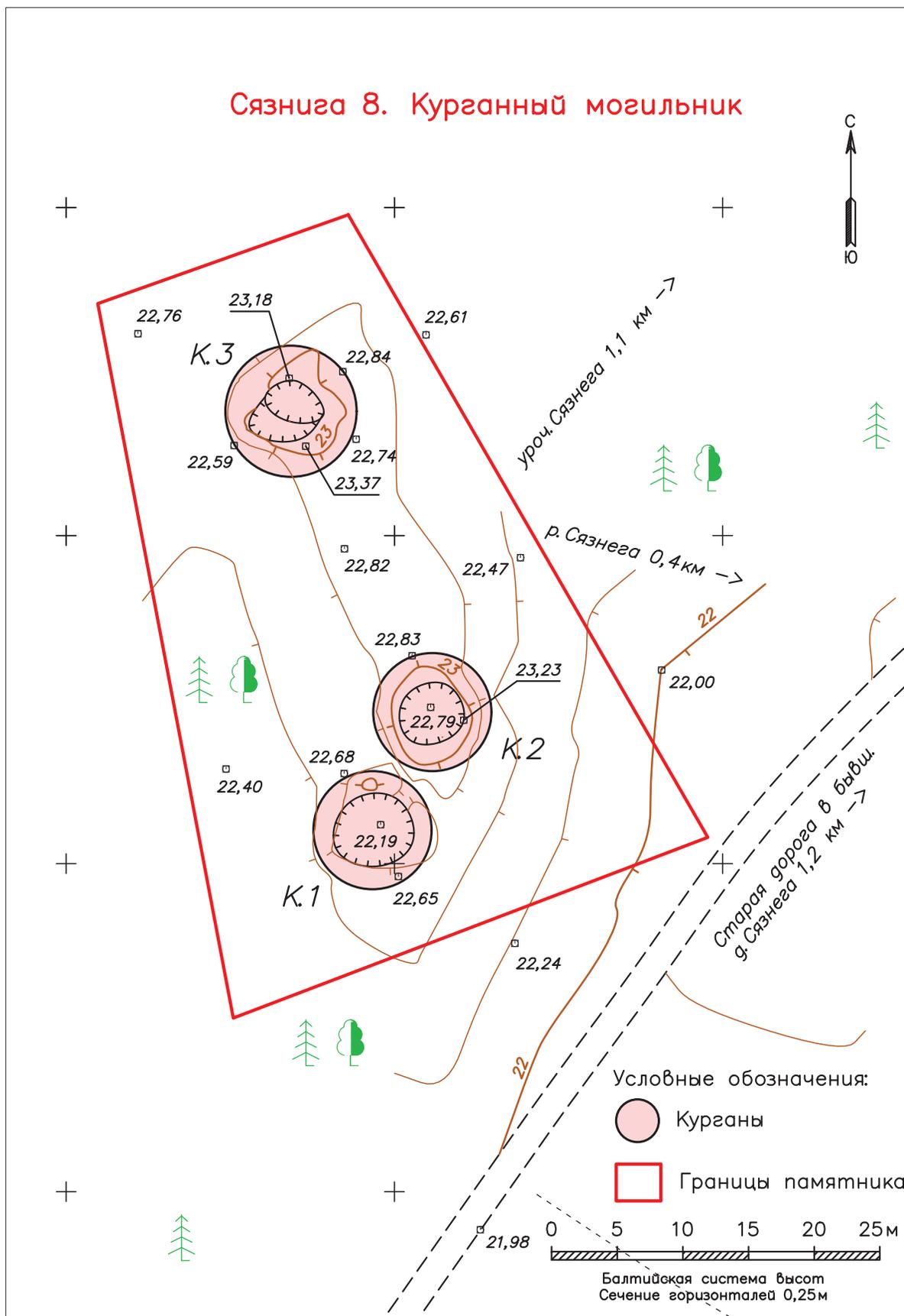

Рис. 42. Сязнига 8. Курганный могильник. Топографический план. Съёмка ООА ИИМК 2021 г.

(следы исследований Н.Е. Бранденбурга), а также повреждены отдельными небольшими ямками, оставленными современными грабителями.

Сязнига 9. Курган («Курган Сязнига-Л»)

Курган расположен в 580 м к югу от урочища Щуковщина, в 260 м к юго-востоку от правого берега р. Сязнега, с южной стороны от старой заросшей дороги в бывш. д. Щуковщина, в хвойном лесу (рис. 43). В 1878–1886 гг. памятник обследован Н.Е. Бранденбургом, Могильник был описан как «Группа на правом берегу р. Сязниги (приток р. Паши) при дер. Щуковщине (выше ея), из двух отдельно стоящих насыпей». Оба кургана Н.Е. Бранденбургом были раскопаны (Бранденбург, 1895. С. 107, группа «м»). В 1969 г. памятник обследован отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева, снят глазомерный план. По сведениям экспедиции, сохранилась только одна округлая в плане насыпь диаметром 11 м, расположенная в 300 м выше по течению р. Сязнига от бывш. д. Щуковщина. Памятник получил буквенную индексацию «Л» (Лебедев, 1969. Л. 20). В материалах к паспортизации памятника по результатам исследований отряда ЛОО ВООПИК Ю.М. Лесманом вместо двух ошибочно упоминаются три насыпи, исследованные

здесь Н.Е. Бранденбургом (Лебедев, 1969. Л. 20; Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курган Сязнига-Л» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 105). В 1983 г. курган обследован С.И. Кочкуркиной. По уточненным данным, он располагался в 500 м выше бывшего с. Щуковщина, в 125 м от правого берега р. Сязнега у развилки дорог. Памятник обозначен С.И. Кочкуркиной как «Сязнега 5» и датирован на основании материалов раскопок Н.Е. Бранденбурга XI–XII вв. (Кочкуркина, 1983. Л. 10; 1989. С. 133–134). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-9. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 124, № 1352).

В настоящее время ОАН представляет собой округлую в плане насыпь диаметром 13 м. Центр раскопан Н.Е. Бранденбургом в конце XIX в., северная пола повреждена современной грабительской ямой размерами 1,5 × 0,7 м, глубиной до 0,7 м. Высота сохранившейся части насыпи составляет 1,16 м. На кургане растут деревья. Могильник расположен на небольшой гряде. Высотные отметки дневной поверхности в пределах топографической съемки плана варьируют в пределах 18,28–18,61 м БС.

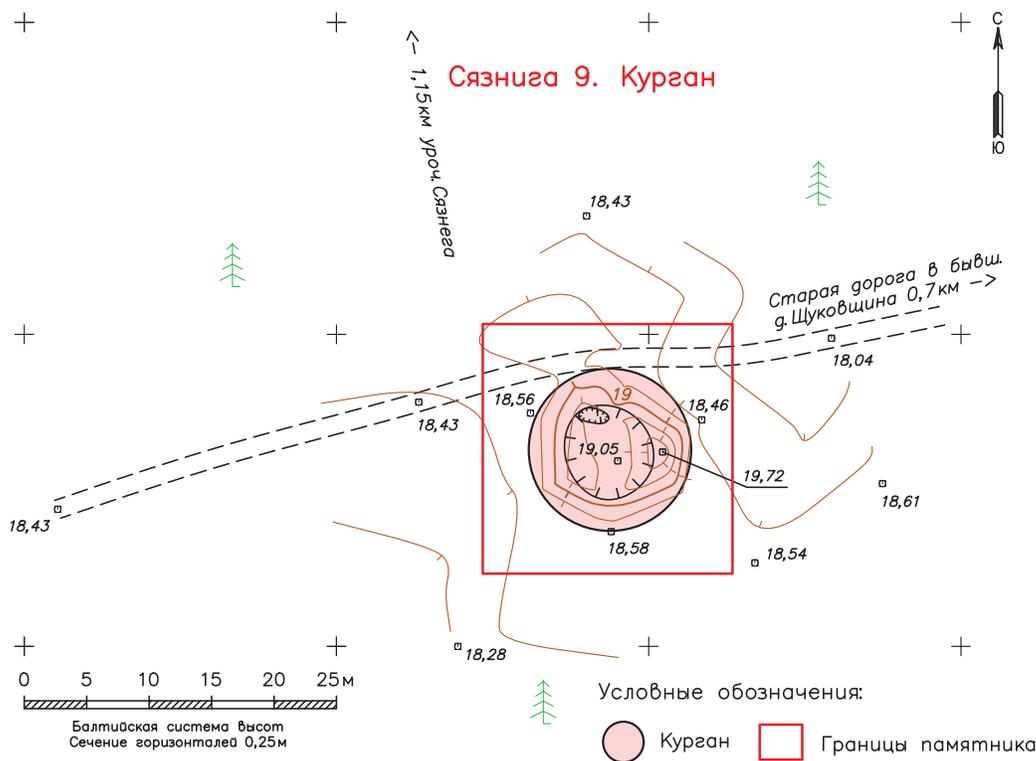

Рис. 43. Сязнига 9. Курган. Топографический план. Съемка ООА ИИМК 2021 г.

Сязнига 7 (?) или Сязнига 3 (?). Курганный могильник

В процессе поиска памятников на р. Сязнига на ее левом берегу, в 2,1 км к юго-западу от урочища Сязнига, на левом берегу р. Сязнега, с восточной стороны от оврага найдены активно разрушающиеся грабителями три кургана, разделенные ручьем. В отвале одного из них отмечен выброс кальцинированных костей из поврежденного погребения. На расстоянии 100 м к северо-западу от них зафиксирован предположительно раскопанный В. А. Назаренко в 1970 г. еще один курган. Предварительно эти насыпи следует отнести к курганному могильнику Сязнига 7 и/или Сязнига 3 по археологической карте В. А. Лапшина (Лапшин, 1995. С. 124, № 1346, 1347). Памятник исследован предварительно без съемки топографического плана. Насыпи локализованы на местности, получены географические координаты, произведены фотографическая съемка и лазерное сканирование двух насыпей.

Сязнига 5. Курганный могильник («Курганная группа Сязнига-К, две насыпи»)

Н. Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. на правом берегу р. Сязнеги обследован курганый могильник, обозначенный буквой «р». Памятник был описан как «Группа на правом берегу р. Сязниги (приток р. Паши), верстах в 3 1/2 выше сел. Щуковщины; состоит из четырех насыпей». Все четыре кургана Н. Е. Бранденбургом были раскопаны. Курганы содержали труположения с инвентарем XI в. (Бранденбург, 1895. С. 110–112, группа «р»). В 1969 г. в поисках группы «р» Н. Е. Бранденбурга отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г. С. Лебедева зафиксированы только две полусферические насыпи «высотой до 1,5 м», снят глазомерный план. По данным разведки, курганы располагались в 4,5 км к юго-западу от д. Балдино, на правом берегу р. Сязнига, на краю надпойменной террасы, в 80 м ниже по течению реки от «Братолюбовского Носа» (песчаного обнажения на правом берегу). Памятник получил буквенную индексацию «К», датирован X–XIII вв. (Лебедев, 1969. Л. 18; Материалы, 1977). В 1977 г. по итогам разведки 1969 г. Ю. М. Лесманом подготовлены материалы для паспортизации памятника. В предварительном варианте учетной карточки и паспорта от 08.03.1977 памятник обозначен как «Курганная группа Сязнига К», состоящая из двух насыпей приладожской курганной культуры X–XIII вв. и расположенная «в 3,5 км выше бывш. д. Сязнига в 4 км к юго-западу от дер. Балдино» (Материалы, 1977). В 1978 г. памятник под названием «Курганная группа Сязнига-К, 2 насыпи» поставлен на государственный учет Решением Леноблисполкома № 271

от 10.07.1978 (Решение, 1978. Пункт 95). В 1983 г. оба кургана обследованы С. И. Кочкуркиной. Памятник обозначен как «Сязнега 9». По описанию могильник располагался «в 5,5 км от д. Сязнеги на правом берегу реки, в 80 м ниже по течению от Братолюбовского Носа (песчаное обнажение на правом берегу), на высоте 12 м, на бывшем, теперь уже заросшем мелкоколесьем лугу» (Кочкуркина, 1983. Л. 11–12; 1989. С. 139–142). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-5. Курганная группа», расположенная в 3,4 км к юго-западу от бывш. д. Сязнига, в 50 м от правого берега р. Сязнига, в 0,3 км к северо-востоку от курганной группы Сязнига-4 (Лапшин, 1995. С. 124, № 1348).

По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН «Курганная группа Сязнига-К, 2 насыпи» (Сязнига-5. Курганый могильник) не обнаружен. По данным Решения Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978, памятник располагался по адресу: Волховский район, Рыбежский с/с, в 4 км к ЮЗ от д. Балдино. В настоящее время указанная территория относится к Пашскому сельскому поселению Волховского района. Разведочными работами 2021 г. поиск памятника осуществлялся по правому берегу р. Сязнега в соответствии с указанными во всех источниках привязками. Первая попытка обнаружения памятника произведена в районе действующего моста через р. Сязнега, расположенном в 3,5 км к западо-юго-западу от места бывшей д. Сязнега. От моста вниз по течению реки вдоль правого берега пройден маршрут протяженностью около 1 км. Памятник обнаружить не удалось. В ходе второй попытки в 30 м к югу от лесной грунтовой дороги в сторону бывшей д. Сязнега, у края левого коренного берега р. Сязнега, в 2,2 км к юго-западу от бывшей д. Сязнега были зафиксированы отвалы раскопанного в 1970 г. (1971?) В. А. Назаренко кургана из курганной группы Сязнега 10 или Сязнега 11 по нумерации на схеме С. И. Кочкуркиной (Кочкуркина, 1989. Рис. 33). В 500 или 300 м ниже по течению реки от этих курганых групп на правом берегу должна располагаться «Курганная группа Сязнига-К, две насыпи». В предполагаемом месте курганы не обнаружены. Дальнейшие поиски памятника ниже по течению реки на расстояние 1 км от предполагаемого места и более 1 км выше по течению р. Сязнега также не увенчались успехом. В 2,8 км к юго-западу от урочища Сязнега (месте бывшей д. Сязнега), в 1,7 км к юго-востоку от моста через реку, на самом краю берега реки зафиксирована одна углежогная куча с ямой в центре, внешне похожая на курганную насыпь. Возможно, она была описана Г. С. Лебедевым в 1969 г.

Сязнига 6. Курганный могильник

Памятник расположен в 2,9 км к западо-юго-западу от урочища Сязнига, в 20 м к северо-востоку от реки Сязнега, в лесу. В 1969 г. отрядом ЛОО ВООПИК под руководством Г.С. Лебедева на первой надпойменной террасе излучины левого берега р. Сязнига зафиксированы «две сопковидные насыпи высотой 5 и 6 м, диаметром 20 и 23 м». Памятник обозначен как курганная группа «Д» (Лебедев, 1969. Л. 16–17). В 1983 г. насыпи обследованы С.И. Кочкуркиной и названы ею «Сязнега-7». По собранной информации, до войны сооружения раскапывались местными жителями (Кочкуркина, 1983. Л. 11; 1989. С. 137, рис. 32). В «Археологической карте Ленинградской области» памятник учтен как «Сязнига-6. Курганная группа» (Лапшин, 1995. С. 124, № 1349).

В 2021 г. экспедицией ИИМК памятник исследован предварительно без съемки топографического плана. Насыпи локализованы на местности, получены географические координаты, произведены фотографическая съемка насыпей и их лазерное сканирование. Установлено, что памятник состоит из двух поврежденных ямами и траншеями насыпей. Высота северной насыпи 1,95 м, диаметр 16,5 м. Высота южной насыпи 3,3 м, размеры по основанию 20 × 15 м. Вокруг них большие ровики.

«Группа сопок “Волховского типа”, две сопки»

Памятник под названием «Группа сопок “волховского типа”, две сопки» по адресу: Волховский район, Часовенский с/с, д. Сязнига, в 5 км западнее деревни, поставлен на государственный учет Решением исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1950 г. № 59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников» (Решение, 1950. Пункт 18 (Пашский р-н)). В списке памятников археологии Ленинградской области, утвержденном Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов № 271 от 10.07.1978, памятник отсутствует (Решение, 1978).

По результатам полевого обследования 2021 г. ОАН «Группа сопок “Волховского типа”, две сопки» не обнаружен. С учетом всех сведений поиск памятника осуществлялся вдоль левого берега р. Сязнега на расстоянии от 2,0 до 5,5 км к юго-западу от бывшей д. Сязнега. На расстоянии около 2,2 км к юго-западу от бывшей д. Сязнега, в 30 м к югу от лесной грунтовой дороги в сторону бывшей д. Сязнега, у края коренного берега реки в лесу были обнаружены остатки раскопанного на снос кургана. Предположительно, это

раскопанный В.А. Назаренко в 1970 г. курган 5 из состава курганного могильника Сязнига 11 по С.И. Кочкуркиной (Сязнига 3 по В.А. Лапшину) или один из двух раскопанных В.А. Назаренко в 1971 г. курганов из группы «И» по Г.С. Лебедеву (Сязнега 10 по С.И. Кочкуркиной, Сязнига-4 по В.А. Лапшину) (Лебедев, 1969. Л. 17; Назаренко, Носов, 1971. Л. 9–14; Кочкуркина, 1989. С. 142–145; Лапшин, 1995. С. 124, № 1346, 1347). По результатам проведенных историографических и полевых работ следует констатировать, что идентифицировать и локализовать ОАН «Группа сопок “волховского типа”, две сопки» на основании указанных в Решении исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1950 г. № 59-18 описания и адреса не представляется возможным.

Источники и литература

- Акт, 2014а. Акт технического обследования состояния и фотофиксация объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой и основание каменных стен Ладужской крепости». Выполнено НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» г. Ярославль // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Акт, 2014б. Акт технического обследования состояния и фотофиксация объекта культурного наследия федерального значения «Основание каменной церкви Климента XII в. на Земляном городище». Выполнено НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» г. Ярославль // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Акт, 2014в. Акт технического обследования состояния и фотофиксация объекта культурного наследия федерального значения «Грунтовой могильник VIII в., перекрытый культурным слоем селища». Выполнено НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» г. Ярославль. 2014. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Акт, 2014г. Акт технического обследования и фотофиксация объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой Ладужского посада VIII–XV вв.» г. Ярославль // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Акт, 2014д. Акт технического обследования состояния и фотофиксация объекта культурного наследия федерального значения «Курганный могильник VIII–X вв. за мостом вверх по течению р. Заклюка». Выполнено НКО «Фонд «Институт проблем устойчивого развития городов и территорий» г. Ярославль // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Акт, 2017а. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Чернавино 7. Селище IX–XII вв.» в целях обоснования целесообразности включения данного объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. СПб.
- Акт, 2017б. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Победище 1. Княщинская группа сопок» в целях обоснования целесообразности включения данного объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. СПб.
- Антипов И. В., 2002. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Никольской церкви Гостинопольского монастыря в 2001 г. СПб. // НОА ИА РАН.
- Антипов И. В., 2009. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М.
- Антипов И. В., Булкин В. А., 2002. Изучение двух памятников новгородской архитектуры XV в. // АО 2001. М.
- Бессарабова З. Д., 1995. Охранные работы сотрудников Староладожского музея в урочище «Сопки» // Ладога и Северная Русь. Материалы к Чтениям памяти Анны Мачинской 21–22 декабря 1995 г. СПб.
- Бессарабова З. Д., 1996. К вопросу о топографии древнего Ладожского поселения (по материалам археологического досмотра земляных работ) // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород. Вып. 10.
- Бессарабова З. Д., 1997. Набор весовых гирек из сопки 15-1 у Старой Ладоги // Современность и археология. СПб.
- Бессарабова З. Д., 2000. Итоги археологического досмотра траншеи XVIII в северной части Старой Ладоги в 1999 г. // Староладожский сборник. СПб.–Старая Ладога. Вып. 3.
- Бессарабова З. Д., 2012. Итоги археологического досмотра траншеи XIX на территории Староладожского Успенского монастыря в 2002 г. // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Богусевич В. А., 1937. Стены Ладожской крепости // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 2.
- Большаков Л. Н., 1980. Отчет Л. Н. Большакова о работе Ладожского отряда (раскопки церкви Климента в Старой Ладоге) в 1980 г. (со списком илл.) // РОНА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5.
- Большаков Л. Н., 1981. Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // АО 1981.
- Большаков Л. Н., Раппопорт П. А., 1985. Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Бранденбург Н. Е. Дневник // Архив АН СССР (Санкт-Петербург). Ф. 1049. Оп. 4. № 6.
- Бранденбург Н. Е., 1886. Об археологических раскопках генерал-майора Бранденбурга близ Старой Ладоги, на левом берегу р. Волхов // РОНА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
- Бранденбург Н. Е., 1892. Об археологических исследованиях в Старой Ладоге в 1886–1887 гг. // Вестник археологии и истории СПб археологического института. СПб. Вып. VIII.
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18.
- Бранденбург Н. Е., 1896. Старая Ладога. СПб.
- Васильев Б. Г., 1995. К истории древних церквей северной части посада Ладоги // Программа «Храм». СПб. Вып. 8.
- Васильев Б. Г., 2012а. Памяти З. Д. Бессарабовой // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб.
- Васильев Б. Г., 2012б. Список публикаций З. Д. Бессарабовой // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб.

- Васильев Ст.А., 2015. Отчет о проведении работ по формированию единого государственного реестра, мониторингу объектов культурного наследия – памятников археологии Волховского, Кингисеппского, Лужского районов Ленинградской области в 2015 году. СПб. Том II // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Воинова И.Л., 2017. История изучения и реставрации церкви Успения Богородицы в Старой Ладогe // Староладожский сборник. Старая Ладога. Вып. 11.
- Воинова И.Л., Стеценко Н.К., 1992. Архитектурно-реставрационные исследования церкви Успения в Старой Ладогe // Архитектурное наследие и реставрация. М.
- Волковицкий А.И., Селин А.А., Френкель Я.В., 2007. Охранные раскопки в Старой Ладогe в 2004 г. (предварительное сообщение) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Григорьева Н.В., 2014. Отчет о научно-исследовательских археологических работах Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции на объекте культурного наследия федерального значения «Крепость «Старая Ладога» в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 39119.
- Григорьева Н.В., 2015. Отчет о научно-исследовательских работах Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции на территории объекта культурного наследия федерального значения «Крепость «Старая Ладога» в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2014 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42025.
- Григорьева Н.В., 2019а. Отчет о научно-исследовательских раскопках Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на территории двора Ладожской крепости около Раскатной башни в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2015 г. СПб. // НОА ИА РАН.
- Григорьева Н.В., 2019б. Отчет о научно-исследовательских раскопках Георгиевского отряда Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на территории двора Ладожской крепости около Тайничной башни в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2015 г. СПб. // НОА ИА РАН.
- Григорьева Н.В., 2020. Древнейшая Ладожская крепость: хронология и стратиграфия (по итогам раскопок у Раскатной башни) // АВ. № 30.
- Григорьева Н.В., Горлов К.В., Лапшин В.А., Травкин С.Н., 2017. Клад русских средневековых монет 2015 г. из Ладожской каменной крепости // Stratum Plus. СПб.–Кишинев. № 6.
- Григорьева Н.В., Миляев П.А., 2021. Георгиевский погост в Ладожской крепости // Экспедиция працягласцю ў жыццё. Мінск.
- Гроздилов Г.П., 1938. Краткий отчет о проведенной командировке в Старую Ладогу с 6 июля по 10 сентября 1938 г. (рукоп.) // РОА ИИМК РАН Ф. 35. Д. 200.
- Гроздилов Г.П., 1948. Отчет Г.П. Гроздилова о раскопках в Старой Ладогe. 1948 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 248.
- Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. // СА. Т. XIV.
- Гроздилов Г.П., 1952а. Дневник обследования местности по правому берегу Волхова от д. Изсада до д. Юшково // РОА ИИМК РАН Ф. 35. Д. 63.
- Гроздилов Г.П., 1952б. Дневник обследования местности по правому берегу Волхова от д. Изсада до д. Юшково // РОА ИИМК РАН Ф. 35. Д. 69.
- Гурина Н.Н., 1950. Отчет о работе Северо-Западной экспедиции // НОА ИА РАН. Р-1. 1950. Д. 470.
- Гурина Н.Н., 1952а. Отчет о работе Невской экспедиции // НОА ИА РАН. Р-1. 1952. Д. 721, 722 (альбом).
- Гурина Н.Н., 1952б. Дневник Невской археологической экспедиции // РОА ИИМК РАН. Ф. 35. № 59.
- Гурина Н.Н., 1959. Отчет о работе археологической экспедиции в Ленинградской области в 1959 г. Л. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Гурина Н.Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87.
- Гусева О.Г., Воинова И.Л., 1995. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладогe // Программа «Храм». СПб. Вып. 8.
- Дело о починке, 2021. Дело о починке в Ладогe городского каменного, деревянного и башенного

- строения. 9 мая 1646 г. – 20 июля 1649 г. // РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 2. 1646 г. Д. 37 (по Мильчик П.И. Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Приложение VI.5. СПб., 2021).
- Джаксон Т.Н., 1997. Ладога саг в археологическом освещении // Дивинец Староладожский. СПб.
- Дмитриев Ю.Н., 1937. К истории новгородской архитектуры // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 2.
- Дневники, 1946, 1949–1950, 1968. Дневники Орлова С.Н. с записями археологических исследований в долине р. Волхов (обследование сопки в районе Гостинополя – Старая Ладога, раскопки неолитических стоянок в урочище «Сопки» и ниже д. Иссады; наблюдения, разведки и раскопки на территории Старой Ладоги) // Отдел хранения и изучения письменных источников Новгородского музея-заповедника. НГМ КП 38136/89. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 31.
- Дневник, 1950. Дневник Орлова С.Н. с записями археологических исследований в долине р. Волхов (обследование сопки в районе Гостинополя – Старая Ладога, раскопки неолитических стоянок в урочище «Сопки» и ниже д. Иссады; наблюдения, разведки и раскопки на территории Старой Ладоги) // Отдел хранения и изучения письменных источников Новгородского музея-заповедника. НГМ КП 38136/90. Ф. Р-10. Оп. 1. Ед. хр. 31.
- Заседание, 1884. Заседание РАО от 26 мая 1880 года // Известия РАО. СПб. Т. 10.
- Зверинский В.В., 1892. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи с библиографическим указателем. СПб. Т. 2.
- Ивановский Л.К., 1876. Журнал раскопок в Водской пятине в 1876 г. (Глумицы, Калитино, Черная, Б и М. Кикерино, Губаницы, Роговицы, Будино, Греблово, Сумино, Череповицы, Рогатино, Волосово, Ославье, Горье, Пожевицы (3 гр.), Рабитицы, Б. Вруда, Ямки, Введенская, Домашковичи) // РОНА ИИМК. Ф. 3 (РАО). 1876. Д. 626.
- Ивановский Л.К., 1877. Дневник. Раскопки курганов Вотской пятины 1877 г. (Алапурская, Мутаюля, Скворицы, Куйлово, Ронковицы, Греблово, Торосово, Клопицы, Грызово, Озертицы, Тресковицы, Русские Плещевицы, Коноховицы, Рогатино, Арбонье) // РОНА ИИМК РАН. Ф. 3 (РАО). Дело 627. 30 л.
- Иностранцев А.А., 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.
- Ипатьевская летопись, 1923. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Петроград. Т. 2. Вып. 1. Издание 3-е.
- Историко-статистические сведения, 1884. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб. Вып. 9.
- Каманцева А.С., 1957. Дневник Староладожской экспедиции № 3. Вела А. С. Каманцева // РОНА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3.
- Каргер М.К., 1954. Новгородское зодчество // История русского искусства. М. Т. II.
- Кирпичников А.Н., 1984а. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А.Н., 1984б. Отчет об археологических раскопках в Старой Ладоге в 1984 г. Л. // НОА ИА РАН.
- Кирпичников А.Н., 1985. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л.
- Кирпичников А.Н., 2009. Отчет о выполнении работ по Государственному контракту № 39-45-01-41/10-АЕ от 23.10.2009 по проведению археологических работ на памятнике истории и культуры «Успенский монастырь» (Культурный слой Богородицкого конца Ладоги), Ленинградская обл., Волховский р-н, с. Старая Ладога. СПб. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Кирпичников А.Н., 2012. Старая Ладога первая столица Руси. СПб.
- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 г. // Древности Поволховья. СПб.
- Кирпичников А.Н., Петренко В.П., 1973. Отчет о раскопках Любшанского городища и в окрестностях Старой Ладоги в 1972 г. Часть II. Раскопки на посаде и в окрестностях Старой Ладоги. Л. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 144.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д., 2003. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.

- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1927. Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Войковицы-Веймарн сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Б. А. Коишевского и Л. С. Генераловой в 1927 г. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 105.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1931а. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д. Будино, Введенская, Волосово, Горье, Грызово, Заполье, Калитино, Лисино Волосовского р-на – обследования Б. Коишевского, Л. Генераловой и Б. Коишевского и Г. Дебеца в 1927 г. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 61.
- Коишевский Б. А., Генералова Л. С., 1931б. Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников и чертеж) в д. Пезовицы, Полобицы, Прологи, Русские Плещевицы, Русковицы Молосковицкого р-на – обследования Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 г. // Архив ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 74.
- Кольчатов В. А., 1979. Отчет Северо-Западного отряда Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1978 г. Раскопки курганно-жальничных могильников в западных районах Ленинградской области. Л. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. 1978. Д. 125.
- Кольчатов В. А., 1980а. Отчет Северо-Западного отряда ЛОИА АН СССР за 1979 г. Раскопки курганно-жальничного могильника у дер. Плещевицы. Л. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. Д. 108.
- Кольчатов В. А., 1980б. Отчет о работах Северо-Западного отряда ЛОИА АН СССР. 1979 год. Л. // НОА ИА РАН. Р-1. 1979. Д. 7910, 7910а.
- Кольчатов В. А., 1980в. Раскопки могильника у д. Плещевицы // АО 1979.
- Кольчатов В. А., 1981а. Отчет Северо-Западного отряда ЛОИА АН СССР за 1980 г. Раскопки курганно-жальничного могильника у дер. Плещевицы. Л. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. 1980. Д. 126.
- Кольчатов В. А., 1981б. Отчет Северо-Западного отряда ЛОИА АН СССР. 1980 г. Л. // НОА ИА РАН. Р-1. 1980. Д. 9957, 9957а.
- Кольчатов В. А., 1981в. Раскопки могильника у д. Плещевицы // АО 1980.
- Кольчатов В. А., 1983. Раскопки могильника у д. Плещевицы // АО 1981.
- Кольчатов В. А., Лебедев Г. С., Петренко В. П., 1972. Разведки в Южном Приладожье // АО 1971.
- Кольчатов В. А., Розов А. А., 1979. Раскопки могильников у деревень Даймище и Плещевицы // АО 1978.
- Корзухина Г. Ф., 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладого (по археологическим данным) // СА. № 3.
- Корзухина Г. Ф., 1965. Старая Ладога. Могильники. Материалы к карте // РОИА ИИМК РАН. Ф. 77. Д. 56.
- Кочкуркина С. И., 1965а. Отчет о работе археологического отряда на р. Паше // НОА ИА РАН. Р-1. 1965 г. № 3091, 3091а.
- Кочкуркина С. И., 1965б. Отчет о работе археологического отряда Петрозаводского Института ЯЛИ АН СССР в Ленинградской области на р. Паше 1965 г. На 16 листах // Архив Карельского филиала АН СССР Институт языка, литературы и истории. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. № 171.
- Кочкуркина С. И., 1967. Курганы на р. Паше // СА. № 4.
- Кочкуркина С. И., 1970. Отчет о работе Карельской археологической экспедиции по изучению эпохи Средневековья за 1970 г. Приложение – фотоальбом. Петрозаводск // Архив Карельского филиала АН СССР Институт языка, литературы и истории. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. № 243, 244.
- Кочкуркина С. И., 1983. Отчет о разведке по р. Паше // НОА ИА РАН. Р-1. 1983. № 10224, 10224а.
- Кочкуркина С. И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.
- Кулькова М. А., Козин Н. А., Мурашкин А. И., Герасимов Д. В., Юшкова М. А., 2009. Геоэкологические особенности неолитической стоянки Усть-Рыбежна I // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб. Т. 9.
- Лалазаров С. В., 2003. Перспектива натуральных исследований Ладужской крепости // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. VII чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога.
- Лалазаров С. В., 2017. Крепость посадника Павла. Новые открытия // Староладужский сборник. Старая Ладога. Вып. 11.

- Лалазаров С. В., 2021. О реставрации и реставраторах Ладужской крепости // Староладужский сборник. Старая Ладога. Вып. 12.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2. Восточные и северные районы.
- Лебедев Г. С., 1969. Отчет Волховского отряда об археологической разведке в нижнем течении р. Паши // НОА ИА РАН. 1969 г. № 4021.
- Лебедев Г. С., 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.
- Лебедев Г. С., Седых В. Н., 1985. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. Л. № 9. Вып. 2.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М.
- Материалы, 1975. Материалы к паспортизации археологических памятников Ленинградской области 1960–1980-х гг. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- Материалы, 1977. Материалы к паспортизации археологических памятников Ленинградской области 1960–1980-х гг. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- Мильчик М. И., 2021. Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Издание 2-е, дополненное. СПб.
- Миляев П. А., 2018. Городище Любша: планиграфия и стратиграфия // Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования. СПб.
- Мясоедов В., 1915. Два погибших памятника новгородской старины // ЗРАО. Т. 10.
- Назаренко В. А., 1970. Отчет о работе Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 82.
- Назаренко В. А., 1987. Отчет Приладужского курганного отряда о работах в 1987 г. // НОА ИА РАН.
- Назаренко В. А., Носов Е. Н., 1971. Отчет о полевых исследованиях Староладужского отряда ЛОИА АН СССР // НОА ИА РАН. Р-1. № 4466, 4466а.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI в., с приложением карты // Записки Императорского русского географического общества. СПб. Кн. VIII.
- Новое в археологии Старой Ладоги, 2018. Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования // Труды ИИМК РАН. СПб. Т. LIII.
- О перестройке, 1907. О перестройке ветхого дерев. Троицкого храма при Гостинопольской Николаевской церкви в Новоладужском уезде // РОИА ИИМК РАН. Ф. 1 (ИАК). Д. 60.
- Об осмотре, 1880. Об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического института памятников древности и их работах в архивах // Сборник археологического института. СПб. Вып. 5.
- Орлов С. Н., 1941. Могильник в Старой Ладоге (из материалов Староладужской экспедиции Истфака ЛГУ) // Ученые записки ЛГУ. Л. № 80. Серия исторических наук. Вып. 10.
- Орлов С. Н., 1948. Дневник полевых работ экспедиции в 1948 г. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 132.
- Орлов С. Н., 1949. Старая Ладога. Л.
- Орлов С. Н., 1955. Сопки волховского типа около Старой Ладоги (из материалов Староладужской археологической экспедиции 1940 и 1948 г.) // СА. Т. XXII.
- Орлов С. Н., 1956. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // КСИИМК. Вып. 65.
- Орлов С. Н., 1958. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги // СА. Вып. 1.
- Орлов С. Н., 1960. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосождениями в Старой Ладоге // СА. № 2.
- Орлов С. Н., 1968а. Отчет Волховского отряда Ленинградской области Института Археологии АН СССР об археологическом обследовании долины реки Волхова по заданию Ленинградского областного управления культуры за 1968 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 79-25. Инв. 4679, оп. 4794.
- Орлов С. Н., 1968б. Материалы для паспортизации // РОИА ИИМК. Ф. 35. Д. 114.

- Орлов С.Н., 1973. Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге (из материалов старолadoжской экспедиции 1949 г.) // СА. № 4.
- Орлов С.Н., 1982. Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.
- Отписка Василия Неплюева, 2021. Отписка Василия Неплюева царю Михаилу Федоровичу в Пушкинский приказ с приложением росписи каменного и деревянного строения Лadoжской крепости и указанием необходимого ремонта, количества пороха, свинца, пушечных запасов и пищалей (черновик) // Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. (сост. М.И. Мильчик). СПб.
- Отчет, 1983а. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. Т. III. Изобразительный материал. Л. // Архив Старолadoжского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Вх. № 469.
- Отчет, 1983б. Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1982 г. Ленинград. 1983. // Архив Государственного архитектурно-археологического музея-заповедника «Старая Ладога». Вх. № 150.
- Отчет, 1987. Памятник архитектуры XII в. Церковь Успения в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области. Научно-проектная документация. Раздел II. Научные изыскания и исследования. Том 3. Книга I. Часть 3. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в 1986 г. ЛФИ «Спецпроектреставрация», Л. // Архив Старолadoжского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. № 244.
- Отчет, 1989. Памятник архитектуры XII в. Церковь Успения в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области. Научно-проектная документация. Раздел: Эскизный проект реставрации и приспособления. Том 4-2. Книги 1, 2. Пояснительная записка, чертежи. Проект инженерного укрепления. Л. // Архив Старолadoжского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. № 239.
- Отчет, 2017а. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 г. Т. XXVI. Старая Ладога 7. Культурный слой Никольского конца города Старая Ладога. (26) Культурный слой Никольского конца города Старая Ладога IX–XII вв. СПб. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Отчет, 2017б. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 г. Т. XXIII. Старая Ладога 7. Культурный слой Богородицкого конца города Старая Ладога. (23) Культурный слой Богородицкого конца города Старая Ладога XI–XIII вв. СПб. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Отчет, 2017в. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 г. Т. XXII. Старая Ладога 19. Культурный слой монастыря Рождества Иоанна Предтечи. (22) Культурный слой монастыря «Рождество Иоанна Предтечи». XVII–XVIII вв. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Отчет, 2021. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ в виде историко-культурного научного археологического обследования (разведки) и подготовке акта государственной историко-культурной экспертизы земельного участка на территории, предполагаемой под проектирование по объекту: «Проектно-изыскательских работ по организации водоснабжения и водоотведения объектов туристического кластера, расположенных в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Охранное, 79-206. Черновик Охранного обязательства за № 79–206 подготовленное инспектором Инспекции по охране памятников Ленobl-исполкома С.М. Черновым на могильник под названием «Курганный группа Калитино» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Панченко В.Б., 2009. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // <http://www.ladogamuseum.ru/litera/panchenko/pub257/>
- Паспорт «Велеша, стоянка», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Велеша, сто-

- янка», 25.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949а. Паспорт памятника под названием «Группа сопок “волховского типа”». Составлен Э.Е. Фрадкиным 06.09.1949 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949б. Паспорт памятника археологии «Группа сопок “волховского типа”», составленный для Инспекции по охране памятников Леноблсполкома Э.Е. Фрадкиным. Подписан инспектором по охране памятников Пановым // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”». 1949в. Паспорт памятника «Группа сопок “волховского типа”». Составлен Э.Е. Фрадкиным 06.09.1949 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949г. Паспорт памятника «Группа сопок “волховского типа”» в составе семи сопок VIII–IX вв. Подготовлен Э.Е. Фрадкиным 14.09.1949 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949д. Паспорт памятника «Группа сопок “волховского типа”» № 104. Составлен Э.Е. Фрадкиным 16.09.1949 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949е. Паспорт памятника археологии «Группа сопок “волховского типа”», составленный для Инспекции по охране памятников Леноблсполкома Э.Е. Фрадкиным. Подписан инспектором по охране памятников Пановым // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949ж. Паспорт памятника археологии «Группа сопок “волховского типа”», составленный для Инспекции по охране памятников Леноблсполкома Э.Е. Фрадкиным. Подписан инспектором по охране памятников Пановым // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Группа сопок “волховского типа”», 1949з. Паспорт памятника «Группа сопок “волховского типа”», расположенный по адресу: «Пашский р-н, Часовенский с/с, в 400 м к югу от д. Подъелье, близ урочища Царевщины». Составлен 18.09.1949 Э.Е. Фрадкиным // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Земляное городище», 1949. Паспорт памятника «Земляное городище». Составитель Э.Е. Фрадкин // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа в д. Подъелье», 1978. Паспорт ОАН «Курганная группа в д. Подъелье». Составлен Г.С. Лебедевым 17.01.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа выше д. Рыбежна», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа выше д. Рыбежна». Составлен ст.н.с. НИСа ЛГУ Г.С. Лебедевым 28 февраля 1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Новая-I», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа Новая-III» от 15 января 1978 г. Составитель Г.С. Лебедев // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Новая III», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа Новая III» от 2 февраля 1978 г. Составитель В.А. Булкин // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Новая-IV (против деревни Новая)», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа Новая-IV (против деревни Новая)» от 21 января 1978 г. Составитель В.А. Булкин // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа у д. Балдино», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа у д. Балдино». Составлен м.н.с. НИСа ЛГУ В.А. Булкиным 20 февраля 1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа у д. Большая Нововесь (Новесь)», 1978. Паспорт памятника «Курганная группа у д. Большая Нововесь (Новесь)».

- Составлен м.н.с. НИСа ЛГУ В.А. Булкиным 17 февраля 1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Шахново I», 1988. Паспорт памятника «Курганная группа Шахново I» от 7 апреля 1988 г. Составитель м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков, заверен инспектором Д.Л. Яблоником // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Щепняг I», 1988. Паспорт памятника «Курганная группа Щепняг I» от 07.04.1988. Подготовлен м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаковым. Заверена инспектором по охране памятников Д.Л. Яблоник // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Щепняг II», 1988. Паспорт памятника «Курганная группа Щепняг II» от 6 мая 1988 г. Составитель м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков. Инспектор Д.Л. Яблоник // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Курганная группа Щепняг III», 1988. Паспорт памятника «Курганная группа Щепняг II» от 6 мая 1988 г. Составитель м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков. Инспектор Д.Л. Яблоник // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Малое Чернавино, группа сопки над урочищем «Плакун»», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Малое Чернавино, группа сопки над урочищем «Плакун»», 14.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Неолитическая стоянка», 1949. Паспорт памятника археологии «Неолитическая стоянка». Составлена Э.Е. Фрадким 16.08.49 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Остатки каменного храма, основанного в 1153 г. Новгородским архиепископом Нифонтом. Церковь Климента», 1949. Паспорт памятника «Остатки каменного храма, основанного в 1153 г. Новгородским архиепископом Нифонтом. Церковь Климента». Составитель Э.Е. Фрадкин // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Поселение Иссады I», 1978. Паспорт памятника на поселение эпохи раннего металла «Поселение Иссады I» от 12 сентября 1978 г. Составитель ст.н.с. НИСа ЛГУ Ю.Н. Урбан // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Поселение у д. Усть-Рыбежна», 1988. Паспорт памятника «Поселение у д. Усть-Рыбежна». Составитель м.н.с. ЛГУ Е.М. Колпаков. Инспектор Д.Л. Яблоник. Дата составления 7 апреля 1988 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Селище в д. Новая», 1978. Паспорт памятника «Селище в деревне Новая» от 5 февраля 1978 г. Составитель м.н.с. НИСа ЛГУ В.А. Булкин // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Селище Сязнига I», 1978. Паспорт памятника «Селище Сязнига I» от 15 февраля 1978 г. Составитель м.н.с. НИСа ЛГУ Булкин В.А. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Селище Сязнига 2», 1978. Паспорт памятника «Селище Сязнига 2» от 06.01.1978. Составитель Г.С. Лебедев. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Селище у ручья Вихмес», 1978. Паспорт памятника «Селище у ручья Вихмес». Составлен Г.С. Лебедевым 18.02.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Славянский могильник», 1949. Паспорт памятника археологии «Славянский могильник». 1949 г. Составитель Фрадкин Э.Е. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Славянское поселение IX–XI вв.», 1949. Паспорт памятника археологии «Славянское поселение IX–XI вв.» Составитель Фрадкин Э.Е. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, грунтовый могильник (?), перекрытый слоем поселения к югу от Земляного городища», 1983. Паспорт памятника археологии «Старая Ладога, грунтовый могильник (?), перекрытый слоем поселения к югу от Земляного городища». Составители Г.С. Лебедев, В.Н. Седых // Архив Комитета

- по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, группа сопок в урочище “Победище”», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, группа сопок в урочище “Победище”». 15.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, группа сопок I в урочище “Сопки”», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, группа сопок I в урочище “Сопки”». 17.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, группа сопок II в урочище “Сопки”», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, группа сопок II в урочище “Сопки”». 16.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, культурный слой и основание каменных стен ладожской крепости», 1983. Паспорт памятника «Старая Ладога, культурный слой и основание каменных стен ладожской крепости». Дата составления 5 ноября 1983 г. Составители Г.С. Лебедев, В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, культурный слой ладожского посада», 1983. Паспорта памятника «Старая Ладога, культурный слой ладожского посада». Составители Г.С. Лебедев, В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, курганы на р. Заклюка», 1983. Паспорт памятника «Старая Ладога, курганы на р. Заклюка». Дата составления 23 ноября 1983 г. Составитель Г.С. Лебедев // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, могильник на Варяжской улице», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, могильник на Варяжской улице». 21.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, основание каменного притвора церкви Успения Богородицы», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, основание каменного притвора церкви Успения Богородицы». Дата составления 9.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, основание каменной церкви (Воскресения Христова?) в Музейном переулке», 1983. Паспорт памятника «Старая Ладога, основание каменной церкви (Воскресения Христова?) в Музейном переулке». 18.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, основание каменной церкви Спаса Всемилостивого на Варяжской улице», 1983. Паспорт памятника «Старая Ладога, основание каменной церкви Спаса Всемилостивого на Варяжской улице». 10.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, селище у слияния р. Заклюка и р. Ладожка», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, селище у слияния р. Заклюка и р. Ладожка». 14.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, селище II в урочище “Победище”», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, селище II в урочище “Победище”». 12.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Старая Ладога, сопка в парке б. усадьбы Томилова», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Старая Ладога, сопка в парке б. усадьбы Томилова». 19.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Церковь XIII в.», 1949. Паспорт памятника «Церковь XIII в., остатки стен и фундамент» за № 16 от 09.09.1949. Составлен Э.Е. Фрадковым // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

- Паспорт «Чернавино, городище в устье р. Любша», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Чернавино, городище в устье р. Любша». 09.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Паспорт «Чернавино, селище II в устье р. Любша», 1983. Паспорт памятника истории и культуры СССР «Чернавино, селище II в устье р. Любша». 05.11.1983. Составители Г.С. Лебедев и В.Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Перепись Новгорода с пригородами, 1617. Перепись Новгорода с пригородами, учиненная после бывшего шведского владения и разорения при отдаче оных городов в прежнее российское владение // РГАДА Ф. 96. Оп. 1. Д. 7 (по Мильчик, 2021. С. 273).
- Пескова А.А., Кононович А.Ю., Зозуля С.С., 2022. Комплекс находок из раскопок Спасской церкви в Старой Ладоге (исследования Н.Е. Бранденбурга, 1886–1887 г.) // Староладожский сборник. Старая Ладога. Вып. 12. В печати.
- Петренко В.П., 1970. Отчет о работе археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 г. // РОИА ИИМК РАН, Ф. 35. Оп. 1. Д. 127.
- Петренко В.П., 1974. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1973 г. Ч. I // РОИА ИИМК РАН.Ф.35. Д. 108.
- Петренко В.П., 1976. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Ч. I. Л. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1975. Д. 163.
- Петренко В.П., 1980а. Восстановление сопки близ с. Старая Ладога // АО 1979 г.
- Петренко В.П., 1980б. Полевой дневник. Староладожская экспедиция. Княщинский отряд. 1980.// РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 174.
- Петренко В.П. 1980в. Отчет о работах Староладожской и Ивангородской экспедиций в 1980 г. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 173.
- Петренко В.П., 1981а. Отчет о раскопках в с. Старая Ладога и на территории Ивангородской крепости. Ч. I. Текст. Ленинград, 1981 // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 173.
- Петренко В.П., 1981б. Работы Староладожской и Ивангородской экспедиции в 1980 г. // АО 1981.
- Петренко В.П., 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л.
- Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X в. Сопки Северного Поволховья. СПб.
- Петренко В.П., Шитова Т.Б., 1985. Любшанское городище и средневековое поселение Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л.
- Платонова Н.И., 1985. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда ЛОЭ в 1985 г. // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 65.
- Приказ, 2013. Приказ Комитета по Культуре Ленинградской области № 16 от 16 апреля 2013 г. об установлении границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Крепость «Старая Ладога», основана в XII в., перестроена в XV–XVI» в с. Старая Ладога Волховского района // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Прудников О.А., 1995. Относительная хронология ладожских храмов XII в. // Программа «Храм». СПб. Вып. 8.
- Прусакова З.В., Лесман Ю.М., 1973. Отчет Волосовского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ о разведке 1973 г. на Ижорском плато // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 79–41.
- Равдоникас В.И., 1949. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 1 // СА. XI.
- Равдоникас В.И., 1957. Отчет о работе Староладожской экспедиции 1957 г. (под руководством В.И. Равдоникаса). Данные археологических разведок по течению р. Ладожки, произведенных А.С. Каманцевой. Заключение об определении хронологии Староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. Альбом к отчету // РОИА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 10.
- Раппопорт П.А., 1952. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси // МИА. № 31.

- Раппопорт П. А., 1979. Отчет о работе архитектурно-археологической экспедиции в 1979 г. // РОНА ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. Д. 1.
- Раппопорт П. А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. // САИ (Е1-47).
- Репников Н. И., 1904. Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладугу // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 2.
- Репников Н. И., 1911. О желательности археологических исследований в Старой Ладогe (в связи с разведками, произведенными летом 1909 г.) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород. Вып. IV.
- Репников Н. И., 1921. Памятники иконографии упраздненного Гостинопольского монастыря // Известия комитета изучения древнерусской живописи. Пг. Вып. 1.
- Рерих Н. К., 1894. О раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества // РОНА ИИМК РАН. Ф. 1 (ИАК). Д. 74.
- Решение, 1950. Решение исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 08 августа 1950 г. № 59-18 «Об учете и охране исторических и археологических памятников» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Решение, 1960. Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Решение, 1978. Решение Исполнительного Комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» № 271 от 10.07.1978 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Решение, 1985. Решение Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «О создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника» № 392 от 16.08.1985 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Рыдзевская Е. А., 1945. Сведения о Старой Ладогe в древне-северной литературе // КСИИМК. Вып. XI.
- Рябинин Е. А., 1971а. Северо-западная экспедиция ЛГУ. Ижорский отряд. Дневник полевых работ с описью находок // РОНА ИИМК РАН. Ф. 35. 1971. Д. 135.
- Рябинин Е. А., 1971б. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда Северо-Западной экспедиции // НОА ИА РАН. Д. 4532, 4532а.
- Рябинин Е. А., Рябинина Т. В., Терехин Н. М., 1972. Археологические исследования в Водской пятине // АО 1971.
- Рябинин Е. А., 1974. Отчет о полевых исследованиях Ижорского отряда в 1973 г. Л. // НОА ИА РАН. Р-1, 5228, 5228а.
- Рябинин Е. А., Рябинина Т. В., 1974. Работы Ижорского отряда. // АО 1973.
- Рябинин Е. А., 1983. Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1982 г. Л. // НОА ИА РАН.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Рябинин Е. А., 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб.
- Рябинин Е. А., Дубашинский А. В., 2002. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб.
- Сабанеев Д. А., 1886. Заметка о древней Климентовской церкви близ Старой Ладоги // ЗРАО. Т. I.
- Самоквасов Д. Я., 1873. Древние города России. СПб.
- Сарабьянов В. Д., 2021. Церковь Святого Георгия в Старой Ладогe. СПб.
- Седов В. В., 1970. Новгородские сопки. М. (САИ. Вып. Е1 8/1).
- Седов Вл. В., 1990. Церковь Николы в Гостинополье XV в. // Архитектурное наследие и реставрация. Реставрация памятников истории и культуры России. М.
- Седов Вл. В., 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М.

- Селин А. А., 2003. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб.
- Селин А. А., 2010. О времени строительства Земляного города в Ладоге // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М. Т. II.
- Семенов С. А., Васильев Ст. А., 2020. Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2019 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. № 10. СПб.
- Соболев В. Ю., 2015. Комплекс находок из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1886–1887 гг. // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5.
- Список, 1983. Список памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану. Министерство Культуры РСФСР. Управление культуры Ленинградского областного Совета народных депутатов. Инспекция охраны памятников. Л. // Личный архив Е. М. Колпакова.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.
- Старая Ладога, 1948. Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций. Л.
- Стеценко Н. К., 1983. Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1982 г. Л. // Архив СЛМЗ. Вход. № 150.
- Стеценко Н. К., 1995. Новые материалы по археологии Ладоги // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб.
- Тарасов И. И., 2004а. Отчет О работе Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета в 2001 г. СПб. // НОА ИА РАН.
- Тарасов И. И., 2004б. Список археологических памятников, выявленных в ходе работ Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета в 2001 г. СПб. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1834.
- Учетная карточка, 1983. Учетная карточка памятника археологии «Старая Ладога, грунтовый могильник (?), перекрытый слоем поселения к югу от Земляного городища». Составители Г. С. Лебедев, В. Н. Седых // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Учетная карточка, 1987. Учетная карточка памятника «Поселение в д. Усть-Рыбежна». Составитель Е. М. Колпаков, Инспектор Д. Л. Яблоник. Дата составления 14 декабря 1987 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Фальков, Материалы. Фальков Е. Материалы по истории Гостинопольского монастыря // Группа Вконтакте «Возрождение Гостинопольского монастыря». https://vk.com/gostinopole_monas.
- Фотографии, 1950. Раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге. Фрагменты костяка. Бытовые изделия // Отдел хранения и изучения письменных источников Новгородского музея-заповедника. НГМ КП 38136/809-826. Ф. Р-10. Оп. 2. Ед. хр. 67, 68, 69.
- Ходаковский З. Д., 1838. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // РИС. Т. 3. Кн. 2.
- Ходаковский З. Д., 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского // РИС. Т. 7.
- Черных Н. Б., 1985а. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Л.
- Черных Н. Б., 1985б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Л.
- Чернягин Н. Н., 1929. Отчет по маршрутной рекогносцировке по Волхову, произведенной Н. Н. Чернягиным в 1929 г. с приложением карты и чертежей // РОИА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122, 1929.
- Чернягин Н. Н., 1931. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д. Симонково, Ст. Ладога, Чернавинский выселок, Шкурина Гора Волховского р-на.

Обследование Н. Н. Черныгина в 1929 г. // РОИА
ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 65.

Черныгин Н. Н., 1941. Длинные курганы и сопки //
МИА. № 6.

Чукова Т. А., 1995. Храмы Старой Ладogi в исследованиях
Н. Е. Бранденбурга (к вопросу об убранстве
алтаря) // Программа «Храм». СПб. Вып. 8.

Чукова Т. А., 2004. Алтарь древнерусского храма
конца X – первой трети XIII в. Основные
архитектурные элементы по археологическим
данным. СПб.

Юшкова М. А., 2004. Отчет об археологической разведке
на территории Волховского и Лодейнопольского
районов Ленинградской области в 2004 г. СПб.

Юшкова М. А., 2009. Отчет о раскопках поселения
Усть-Рыбежна 1 и 2 в Волховском районе
Ленинградской области в 2008 г. СПб.

Ailio, J., 1915. Die geographische Entwicklung des
Ladogasees in postglazialer Zeit und ihre Beziehung
zur steinzeitlichen Besiedelung. Bulletin de la
commission géologique de Finlande 45, Helsingfors.

[https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/
ramyatniki-istorii-i-kultury-sankt-peterburgskoj-
gubernii-v-fotograficheskom-sobranii-muzeya-k-
80-letiyu-so-dnya-smerti-nirepnik/](https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/ramyatniki-istorii-i-kultury-sankt-peterburgskoj-gubernii-v-fotograficheskom-sobranii-muzeya-k-80-letiyu-so-dnya-smerti-nirepnik/) // Сайт РЭМ.
«Памятники истории и культуры Санкт-
Петербургской губернии в фотографическом
собрании музея». К 80-летию со дня смерти
Н. И. Репникова. Автор Л. В. Королькова. Дата
обращения 08.07.2021.

Полевые работы Национального музея РК в Карелии в 2017 и 2019 гг.¹

М. М. Шахнович²

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-129-134

В 2017 и 2019 гг. археологическая экспедиция Национального музея Республики Карелия продолжила работы по теме «Памятники позднего Средневековья и Нового времени Карелии и Кольского полуострова: динамика межкультурного взаимодействия».

Работы в Беломорской Карелии Работы около п. Рабочеостровск

Поповостров – это длинный полуостров к северу от п. Рабочеостровск (Кемский р-н РК), вытянутый на 3,7 км с юго-запада на северо-восток. Ландшафт его внутренней части – это чередование скальных выходов, поросших сосняком и заболоченных низин между ними, на которых растет смешанный лес. Еще в I тыс. н.э. Поповостров представлял собой цепочку из трех невысоких каменистых островов, разделенных неширокими проливами, которые после поднятия суши за этот период (на 1,0–1,5 м) в настоящее время заболотились. В 1,24 км к юго-западу от северного окончания полуострова, на восточном берегу одного из таких заболоченных, опресненных заливов, в 2017 г. обнаружен мегалитический комплекс Поповостров I. Он находится в 0,15 км к югу от берега моря, на покрытой мхом, безлесной ровной скальной площадке. В плане это хорошо различимый на местности большой «круг», намеченный на открытом пространстве крупными камнями и валунами (площадь 350 кв. м, размеры 26 × 13 м). Западный край «круга» примыкает к болоту. Высота нахождения камней над уровнем моря по склону площадки 1,5–3,0 м. Камни высотой

0,4–0,5 м, без следов обработки, приблизительно одинаковой величины, расставлены по периметру площадки, стоят «парами». Также отметим три явных искусственных выкладки – камни, уложенные на плоский камень-основание. Подобного рода объекты встречаются на островах и побережье Белого моря.

Работы на озере Муй

Небольшое озеро Муй (8 × 5 км) располагается в 60 км к западу от г. Беломорск. Через приток Кеми, порожистую р. Охта, оно соединяется с Белым морем. Его берега низкие, каменистые, местами заболоченные. В центральной части водоема находится остров Троицкий (1,8 × 0,5 км). Это единственное место в Беломорской Карелии, где до наших дней сохранился памятник церковного зодчества XVII в. – храм Святого Николая Чудотворца. В 2019 г. Муезерский монастырь на Троицком острове обследован археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия (Шахнович, 2020).

Местонахождение пустыни локализуется на восточной оконечности острова. Монастырские сооружения располагались на ровной площадке, на высоте 9–11 м над озером. К началу наших исследований остатки монастыря, за исключением церкви Св. Николая Чудотворца и двух часовен (Образа Спаса Нерукотворного и могила прп. Кассиана), находились в археологизированном состоянии. Культурный слой памятника не потревожен «поздним» антропогенным воздействием и по данным визуального осмотра площадь его распространения предварительно определена в 8600 кв. м (125 × 65 м). Удалось зафиксировать ряд интересных объектов: место колокольни храма Св. Николая Чудотворца, остатки Троицкой церкви и двух келий с печами, валунный ледник, каменная ограда, монастырское кладбище, каменный крест, каменные кладки и впадины, которые можно рассматривать как следы монастырских жилых и хозяйственных сооружений XVI–XIX вв. (рис. 1).

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FWWZ-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурс».

² Россия, 184200, Мурманская обл., Апатиты, Академгородок 40А. Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ Кольский научный центр РАН. E-mail: marksuk62@mail.ru.

Рис. 1. Муезерский монастырь. Каменный крест. 2019 г.

Археологическое изучение окрестностей Костомукши

Первые небольшие по площади стоянки каменного века, находящиеся непосредственно в черте Костомукши, на северном и восточном берегу озера Контокки, зафиксированы М.М. Шахновичем в 1993 и 2002 гг. (Контокки I–VIII). В 2003 г. четыре из них (Контокки V–VIII), раскопаны экспедицией Карельского государственного краеведческого музея: получены значительные коллекции кварцевого инвентаря, позволившие датировать исследованные памятники каменным веком (мезолит–неолит). Тогда же полностью были вскрыты и остатки «позднего» жилища (вежа?), предположительно соотносимого с «лопарским» населением (Шахнович, 2015).

В 2019 г. проведено обследование могильника д. Кондокки³. Он находится в северо-западной части г. Костомукша, на полуострове в северо-восточной части озера Контокки. Для кладбища выбрана ровная вершина возвышенного участка в центральной части песчаного полуострова. Верхняя площадка полуострова ровная, поросшая крупным сосняком и ельником, полностью задернована. Высота над уровнем водоема 4,0–6,5 м.

³ Памятник обнаружен зав. отделом антропологии МАЭ РАН В.И. Хартановичем в 1998 г. в ходе экскурсионного осмотра окрестностей города.

Удаленность от воды на юге 37 м, на севере и западе 25–30 м. Площадь кладбища по наземным внешним признакам и топографии определена в 2800 кв. м. На поверхности хорошо наблюдаются характерные ряды могильных холмиков, высотой до 0,5 м, ориентированных запад–восток. Они занимают всю верхнюю площадку холма и склоны по его периметру. Намогильные сооружения (кресты, оградки, памятники) и современные повреждения почвы отсутствуют.

Территорию кладбища отмечают характерные могильные священные деревья карел – карсикко. Это семь разновозрастных, одиночных елей с традиционными прямоугольными выемками-зарубками на стволе (на высоте 0,8–1,0 м от земли) для установки медных и деревянных иконок, в двух случаях в затесах вырезан православный крест. Памятник датируется во временных пределах существования д. Кондокки – конец XVII – первая половина XX в. (рис. 2).

Работы на озере Куйто

В 2019 г. проведены работы в окрестностях с. Вокнаволоок. По письменным документам поселение в этом месте известно с 1620 г. как волостка на Куйто-озере в Вокнаволоке в составе Ребольского погоста. На доступных исторических картах поселение начинает отмечаться с 1816 г. В 1993 и 2008 гг. в этой части озера Верхнее Куйто открыты десять разновременных поселений (Вокнаволоок I–VIII, Лиетесуари I, II) (Шахнович, 2022).

На юго-восточном берегу оз. Ламмасьярви в черте д. Вокнаволоок в 2019 г. найдена стоянка Вокнаволоок IX. Она располагается на площадке древнего мыса

Рис. 2. Могильник д. Кондокки. Карсикко. 2019 г.

оз. Ламмасъярви. Вдоль древнего берега (северо-восток–юго-запад) стоянка вытянута на 90 м, ширина (северо-запад–юго-восток) 60–66 м, площадь 4700 кв. м. Высота над современным уровнем воды в озере 6,0–7,5 м. Границы памятника определены по результатам шурфовки, осмотра обнажений грунта (три отщеп кварца найдены при сборах, в шурфе один отщеп кремня и три кварца) и по анализу топографии местности. По высотным данным и наличию кремня среди находок памятник можно датировать эпохой неолита (IV–III тыс. до н. э.).

Работы в заливе Каклолакши

На озере Среднее Куйто на оконечности восточного мыса при входе в залив Каклолакши зафиксирована группа из восьми валунных сложенных Каклолакши I. Они располагаются компактно на площади в 400 кв. м, «за водой» от деревни, на высоте 8–10 м над уровнем озера, на западном склоне озера. Выемки в верхней части кладок для установки чего-либо и следы от воздействия огня на камнях отсутствуют. Сложения в плане вытянутых очертаний, ориентированы по длинной оси преимущественно запад–восток, верхняя часть конструкции оформлена двумя боковыми скатами, В целом создается впечатление, что они своим видом имитируют надмогильные холмики (рис. 3).

В 0,1 км к юго-востоку от данной группы валунных куч, на южной террасе мыса находится деревенское кладбище с несохранившимися деревянными конструкциями. На основании опыта работы с погребальными православными объектами можно предположить, что каменные сложения – это кенотафы – «памятники» утонувшим. Предварительная датировка памятника – XVII–XIX вв. Ранее подобные сооружения фиксировались нами около г. Ковдор в 2011 г. и на острове Кильдин в 2017 г.

Рис. 3. Каклолакши I. Валунное сложение 6. 2019 г.

Работы на озере Нижнее Каллиоярви

В последнее десятилетие нами планомерно проводится поиск в Карелии писаниц: посещаются «перспективные» отвесные скалы по берегам небольших континентальных водоемов в Западной и Южной Карелии. В 2019 г. был осмотрен скальный участок берега оз. Нижнее Каллиоярви в Калевальском районе Республики Карелия. Озеро находится в 21 км к северу от п. Калевала, в 6 км к западу от дороги Калевала–Софпорог. Водоем занимает узкую, вытянутую котловину ледникового происхождения, ориентированную по линии север–юг (размерами 5,0 × 0,3–0,5 км). В северной части озера, на восточном берегу, вплотную к воде примыкает отвесная скала (высотой 15–20 м), с каменной осыпью у ее подножия. Массив скалы не представляет собой единого монолита, слоистый, сильно «крошится». С воды был осмотрен участок длиной в 180 м, где гипотетично могли быть нанесены писаницы. Предварительное знакомство со скалой не дало положительных результатов, но необходимо ее дополнительное, более тщательное обследование (рис. 4).

Работы в Южной Карелии

На территории Кольского п-ва и Карелии встречаются оригинальные конструкции из камней – сейды – крупные валуны, установленные на камни-«ножки». В Республике Карелия группы сейдов известны на архипелаге Кузова в Белом море, на горе Воттоваара в Муезерском р-не РК, на горе Кивакка в Лоухском р-не РК (Шахнович, 1994; 2006).

«Сейд» около п. Эльмус

Житель п. Эльмус В.Л. Морозов (1969 г.р.) сообщил об известном ему «сейде», находящемся в лесу, в 0,8 км к юго-востоку от южной окраины поселка. Это огромный валун (размерами 3,7 × 2,2 ×

Рис. 4. Оз. Каллиоярви. 2019 г.

2,5 м), в плане подтреугольной формы, с чаше-видной верхней плоскостью. Он располагается среди болот на единственном «каменном острове» – невысокий, плоский скальный выход (высота 0,5 м, размерами 17,0 × 5,5 м). Через него, под валуном, проходит трещина в направлении запад–восток. Валун стоит на трех небольших камнях-«ножках» (размерами 0,35 × 0,15 м, 0,25 × 0,15 м, 0,15 × 0,15 м), из которых самый крупный от давления валуна развалился на две части. В 1 м к югу от «сейда» лежит отвалившийся от его западной части (морозобой?) массивный кусок (размерами 2,2 × 0,9 × 1,23 м). Окружающий лес – угнетенный средний сосняк и ельник. Следы воздействия человека на боковых поверхностях валуна не отмечены. Местные жители наделяли «сейд» магической силой: существовала давняя традиция принесения ему жертв при поиске пропавшей скотины. Датировать и точно определить его функцию как сакрального объекта на данном этапе работы не представляется возможным, но фиксация его необходима.

«Сейд» около оз. Сургубское

В 2017 г. от Ф. А. Тихомирова поступила информация о «сейде» в окрестностях п. Бесовец в Прионежском р-не РК (рис. 5). Он находится на высоком скальном выходе в 0,13 км к юго-востоку от южной оконечности оз. Сургубское, в 1,6 км к западу от д. Верховье. Скала возвышается на 25 м над уровнем озера, ориентирована по условной линии север–юг, имеет крутой западный склон, частично поросла средним сосняком. Каменное сложение – это крупный валун (размерами 2,2 × 2,1 м), установленный на три камня-«ножки» (тах 0,35 м). Валун порос лишайниками, но на «ножках» и под ним они отсутствуют. Верхняя отметка валуна от земли 1,55 м, высота основного камня 1 м. «Сейд» «ориентирован» на запад, на склон скалы. Других камней на скале нет. Если рассматривать данные объекты как мегалиты, то

Рис. 5. Оз. Сургубское. «Сейд». 2017 г.

эти два камня – самые южные находки «сейдов» на территории Карелии (Шахнович, 1995). О культуре отдельных камней в XIX – первой половине XX в. в Кондопожском р-не существует этнографическая информация (Логинов, 2019).

Работы в п. Марциальные Воды

Первый российский курорт был основан по указу Петра I в 51 км к северу от Петровской Слободы (ныне г. Петрозаводск), в 6,5 км к северо-западу от Кончезерского медеплавильного завода. Поселение «Дворцы» находилось в понижении рельефа, в болотистой местности, непосредственно около железистых минеральных источников. До этого никаких поселений в этом болотистом месте не существовало. Целью работ 2019 г. стал поиск остатков основного здания курорта – Дворца императора, построенного «при минеральном колодезе» в 1718 г. В плане это было вытянутое, П-образное одноэтажное здание с «22 окнами», перед главным фасадом которого находился источник, соединенный с «залом» короткой крытой галереей. При масштабировании и совмещении чертежа 1788 г. и современного плана поселения, становится понятно, что западное крыло дворца, где находились апартаменты царя и царицы, было разрушено дорогой, а восточная часть здания уничтожена карьером второй половины XVIII в. Но предполагалось, что центральная часть постройки все же сохранилась на небольшом задернованном участке, площадью около 200 кв. м, примыкающем с востока к шоссе Петрозаводск–Спаская Губа.

В условном центре площадки был заложен шурф 4 кв. м (размерами 2 × 2 м) (рис. 6). Культурный слой разбирался вручную с помощью «мелкого» шанцевого инструмента горизонтальными зачист-

Рис. 6. Марциальные Воды. Шурф. Уровень 0,85 м от современной дневной поверхности. 2019 г.

ками по 0,01–0,02 м толщиной, по горизонтальным слоям 0,1 м. Нижний уровень вскрытых отложений в шурфе – 0,75 м от современной дневной поверхности при общей мощности антропогенных грунтовых напластований 0,65 м. Суммарная стратиграфическая колонка: дерн мощностью 0,05 м; желтый песок (отсыпка) 0,15–0,18 м; темно-желтый с красноватым оттенком ожеженный песок (отсыпка) 0,10–0,12 м; темно-серый с углистостью слой 0,05–0,12 м, прослойка с неровным верхним уровнем, отделяющая балластную отсыпку второй половины XX в. от слоя XVIII в.; истлевшая, спрессованная разновидовая древесина: доски или плахи / ветки / береста 0,05–0,10 м; черный слой истлевшей органики (с включениями бересты) 0,16–0,20 м; темно-бурый болотный торф. Всю пачку культурных отложений (0,65 м) в границах шурфа можно разделить на два условных разновременных горизонта. Верхний (0–0,25–0,35 м) – балластная отсыпка второй половины XX в., поверх неровного слоя более ранних земляных работ (темно-серый с углистостью песок). Нижний (1718 г.?) – «гать» поверх слоя болотного торфа. На основании результатов шурфовки можно утверждать, что на сегодня в п. Марциальные Воды сохранился, перекрытый балластом, небольшой участок непо потревоженного культурного слоя XVIII–XIX вв., примерной площадью в 400 кв. м. В данном месте располагался Дворец Петра I и часть дворовой территории перед его фасадом.

Работы на оз. Лоймоляярви

В 2017 г. впервые проведены археологические работы на оз. Лоймоляярви (Суоярвский р-н РК): обследовано крестьянское гидротехническое сооружение – канал. Он располагается в северо-восточной части озера, в 6,3 км к северу от п. Лоймола. Канал пересекает с северо-запада на юго-восток узкий перешеек п-ова Коконниemi, в 0,2 км к югу от залива Онкамонлахти. Ширина канала 6,5 м, длина 28 м, глубина 1,5 м. Небольшой валик выброшенного грунта (высотой 0,3 м) наблюдается на северной стороне канала, в 1,5 м от воды. Дно каменистое, ровное. В современном состоянии края желоба канала оплыли, задернованы. Он заполнен водой и используется местными жителями для сокращения пути по озеру. Время постройки канала оз. Лоймоляярви пока неизвестно, но он обозначен на государственной топографической карте Финляндии 1935 г. Предварительно его можно датировать второй половиной XIX – началом XX в.

Работы в северо-западном Приладожье

В 2019 г. около п. Ниэмелянхови (Сортавальский р-н РК) на северном берегу залива Ниэмелянлахти обнаружены группа валунных сложений Ниэме-

лянхови I и межевой знак XVIII–XIX вв. – Ниэмелянхови II.

Комплекс каменных сложений Ниэмелянхови I располагается в 0,5 км к северо-востоку от одноименного поселка. Всего на ровной площадке между двумя скалами зафиксировано 14 аккуратных каменных куч. Площадь памятника 800 кв. м, высота над уровнем водоема 13–15 м, расстояние до воды 75 м (Шахнович и др., 2019). В плане валунные сложения расположены условной дугой, охватывающей «поляну» с севера, запада и юга, оставляя «открытой» восточную сторону. Каменные кучи размещены приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга 2–4 м. Они единообразны по морфологии: форма в плане вытянутая, подовальная или подокруглая (размерами 1,5–2,5 × 1,5–2,0 м), профиль уплощенный, камни укладывались в 2–3 ряда, высота max 0,4 м. В условном центре «комплекса» находится только одно, самое большое сложение № 11, которое целиком разобрано «кладоискателями».

В рамках небольшого шурфа 3,75 кв. м (размерами 1,5 × 2,5 м), разобрана отдельно стоящая кладка в юго-восточной части «дуги» каменных сложений. В плане она овальной формы, размерами 2,3 × 1,25 м, сложена из двух рядов приблизительно одинаковых камней размерами 0,2–0,3 м, максимально 0,25 × 0,4 м. Ориентирована длинной осью по линии северо-запад–юго-восток, т.е. параллельно берегу озера. Верхний слой камней возвышается над современной поверхностью максимально на 0,2 м (рис. 7). Анализируя стратиграфическую и планиграфическую ситуации в шурфе, отметим, что каменное сложение было незначительно «заглублено» в слой серой материковой супеси. Верхний «аграрный» темно-серый слой возник позже создания кучи. В центре под камнями по слабо заметному изменению цветности грунта можно говорить о наличии небольшого углубления.

На всем участке «поляны» и на вскрытом каменном сложении проведены геохимические ис-

Рис. 7. Ниэмелянхови I. Шурф. 2019 г.

следования, которые позволили проследить распространение в почвенном слое показателей содержания основных геохимических индикаторов, связанных с антропогенной активностью и особенностями процессов осадконакопления: меди, цинка, кальция, калия, магния, фосфора, хрома, кадмия, натрия и свинца. В слое супеси под разобранным каменным сложением фиксируется небольшая яма, в которой локально вычленяется ряд геохимических элементов, соответствующий или погребению или набору вещей «культового» характера (янтарь, зубы?). Для радиоуглеродного датирования взят уголь из верхнего слоя кладки 12: абсолютный возраст образца 279 ± 25 л.н. (SPb-2445). Калиброванное значение в двух пиках в календарном выражении соответствует периоду конец XVI – середина XVII в. (1516–1595 и 1617–1665 лет).

Подводя итог, можно утверждать о существовании в данном месте двух разновременных, разнофункциональных объектов. Первый, более поздний, – это сельскохозяйственный участок, где выращивали неприхотливые корнеплоды (репа?). Второй, более ранний объект, – это комплекс каменных сложений, который, по нашему мнению, имел не утилитарное, а пока непонятное сакральное назначение.

Межевой знак Низмелянхови II

В западной части залива Низмелянсалми, на северном берегу п-ва Хююрниemi, в 0,5 км к северо-западу от пристани п. Низмелянхови находится заброшенное кладбище с последними могилами 1970-х гг. В 70 м к северо-востоку от северной границы кладбища, на краю ровной с небольшим наклоном к югу площадки, в 0,1 км к югу от озера зафиксировано каменное сложение – межевой знак (рис. 8). Высота над водой 18 м. Конструкция в плане подтрапециевидной формы (размерами $2,4 \times 3,0$ м). Она сложена из пяти необработанных валунов разной величины, подпрямоугольных очертаний, с уплощенными широкими сторонами и приблизительно одной высоты (0,40–0,55 м).

Рис. 8. Межевой знак Низмелянхови II. 2019 г.

Камень в центре (размерами $1,0 \times 1,1 \times 0,2$ м) первоначально был установлен вертикально, сейчас «опирается» на юго-западный валун. Выбивки на камнях отсутствуют. Сложение ориентировано широкими сторонами точно по сторонам света. Оно располагается на линии межевой границы, указанной на карте 1935 г., но создание его, вероятно, произошло ранее. По аналогии с подобными объектами в этом же районе (в 6,2 км к западу), найденными М.М. Шахновичем в 2016 г., межевой знак можно датировать периодом XIX – первой треть XX в.

Источники и литература

- Логинов К.К. 2019. Еще раз о «каменных культовых комплексах» и «культовых камнях» Обонежья // Рябининские чтения–2019. Петрозаводск.
- Шахнович М.М., 1994. Культовый комплекс на горе Воттоваара (итоги работ в 1993 г.) // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 2.
- Шахнович М.М., 1995. Проблемы изучения культовых объектов на территории Карелии // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1.
- Шахнович М.М., 2006. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло. Хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
- Шахнович М.М., 2015. Археологические работы на территории Костомукшского района Республики Карелия // 30-летние научные исследования в заповеднике «Костомукшский». Петрозаводск.
- Шахнович М.М., 2020. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск. Т. 42. № 4.
- Шахнович М.М., 2022. Позднесредневековое смолокурное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье // Труды Кольского научного центра. Петрозаводск. № 2 (13). Вып. 22.
- Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сониная А.В., 2019. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладжье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, Вып. 12.

Археологические исследования в регионах России

Археологические исследования античного города Акра в 2022 г.¹

П. А. Горбунов², В. В. Вахонеев³, С. Л. Соловьев⁴, А. В. Кузнецов⁵

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-135-139

В июле 2022 г. Античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа совместно с ИИМК РАН продолжила подводные и наземные археологические исследования античного города Акра в Восточном Крыму (рис. 1) (Соловьев и др., 2021). Основными целями и задачами археологических разведок стало уточнение границ памятника, стратиграфии культурных напластований и хронологии выявленных строительных остатков. Работы осуществлялись путем археологических разведок с проведением локальных земляных работ, в связи с этим было заложено восемь разведочных археологических шурфов, из них шесть – в затопленной подводной части города и два – на сохранившемся наземном участке памятника (рис. 2; 3).

Подводные шурфы в затопленной части города

Шурф 1/2022 (морской)

Размеры шурфа 2 × 2 м, площадь 4 кв. м. Шурф расположен в 28 м от уреза воды, на глубине 1,20 м, возле северной границы памятника, к югу от кладки № 24, условно названной «северной обо-

ронительной стеной» (данная конструкция могла быть предназначена для защиты города от подтопления при сильных северо-восточных ветрах). Шурф прокопан на глубину 1,50 м от современной донной поверхности.

Донная поверхность представлена слоем водорослей и единичными камнями средних размеров, лежащими на морской гальке. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен слой камней, гальки и крупнозернистого серого песка мощностью до 1 м; ниже залегает слой плотной желтой глины с небольшими камнями, мощностью 0,25 м; под ним следует плотный темно-серый песок с мелкими ракушками, прокопанный на глубину до 0,30 м.

Археологические находки зафиксированы в верхней части шурфа, представлены большим количеством фрагментов окатанной керамики эллинистического периода. Согласно стратиграфическим наблюдениям и анализу археологических находок, выявленные напластования являются переотложенными в результате природных, волновых процессов.

Шурф 2/2022 (морской)

Размеры шурфа 2 × 2 м, площадь 4 кв. м. Шурф расположен в 60 м от уреза воды, на глубине 1,60 м, заложен в юго-западной части памятника, возле внешнего (западного) фаса оборонительной стены (рис. 4). Шурф прокопан на глубину 0,70 м от современной донной поверхности. Донная поверхность представлена морским песком с камнями. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен слой наносного серого морского песка с камнями мелких размеров, мощностью до 0,10 м; под слоем песка залегает слой серой глины с прослойками золы, мощностью до 0,15 м, насыщенный керамическим материалом IV в. до н. э.; ниже следует слой плотно уложенных плохо обработанных камней средних

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: rauels@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

⁵ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. E-mail: kuzial23@yandex.ru.

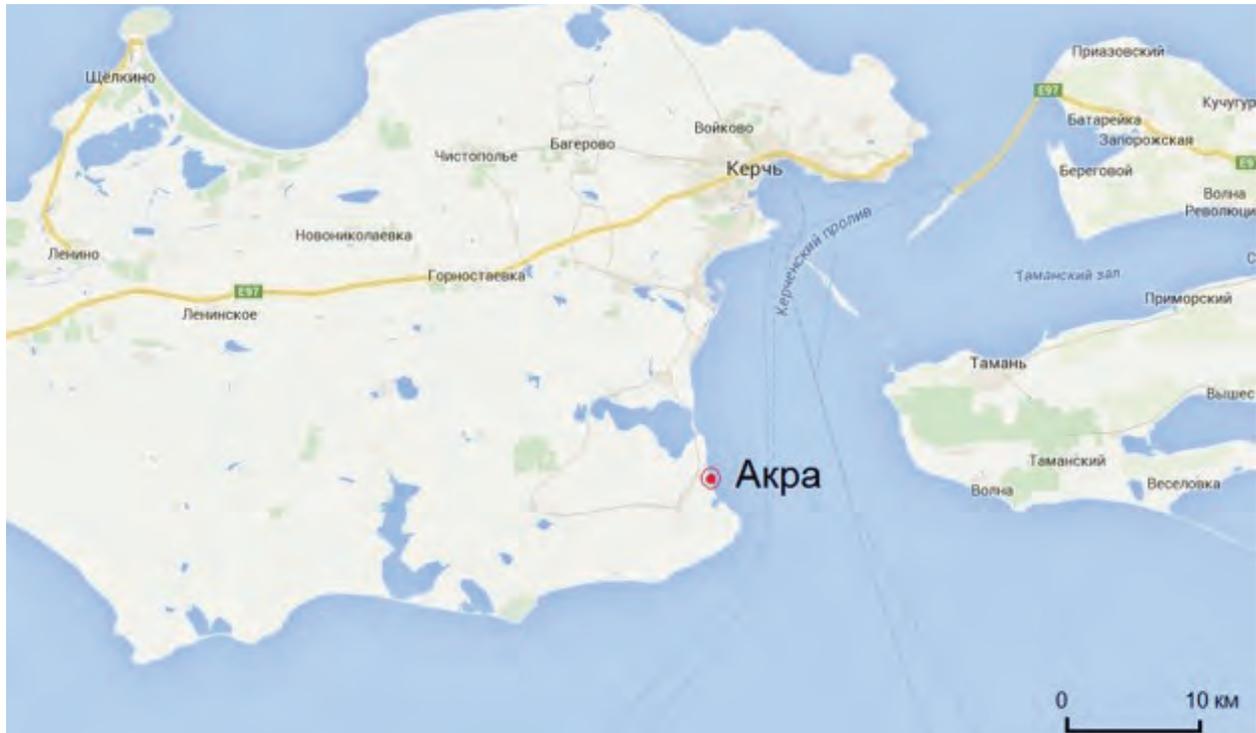

Рис. 1. Карта Восточного Крыма с античным городом Акра

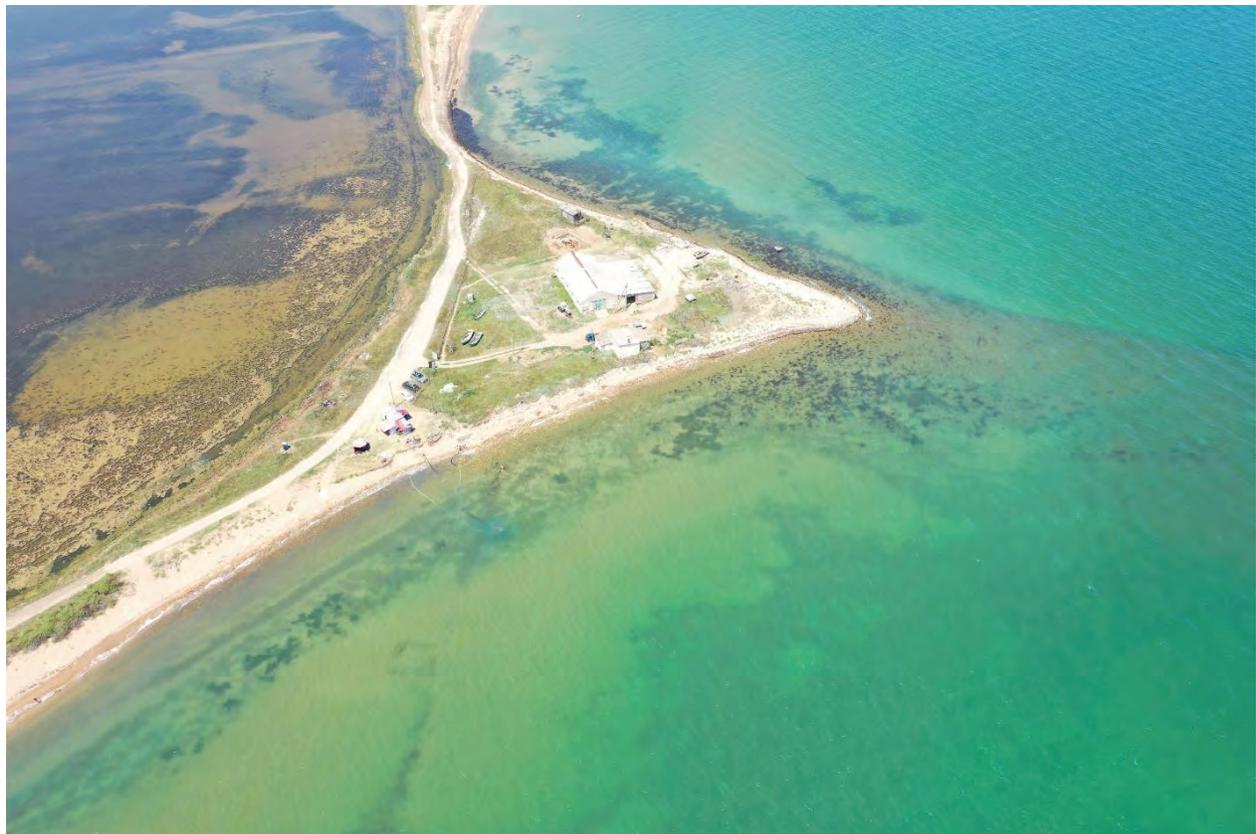

Рис. 2. Акра-2022. Подводная и наземная части древнего города. Вид с юго-востока

Рис. 3. Акра-2022. План города с указанием археологических шурфов

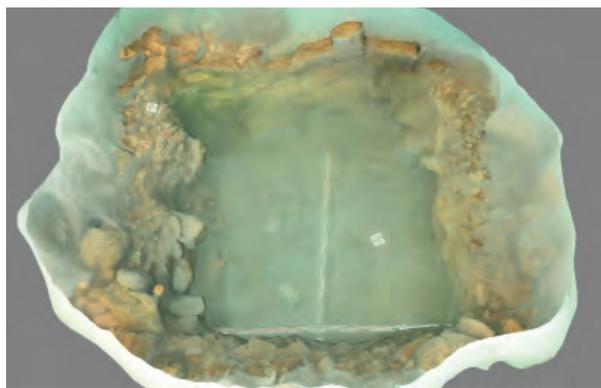

Рис. 4. Акра-2022. Шурф 2 (морской).
Фотограмметрия

размеров, вероятно являющихся частью развала оборонительной стены, мощностью до 0,25 м; под слоем камней залегает слой плотно утрамбованной серой глины, мощностью до 0,20 м.

Внешний фас оборонительной стены являлся северо-восточным бортом шурфа. Стена возвышалась над донной поверхностью на один ряд камней

и была открыта на высоту четырех-пяти рядов камней. Археологические находки представлены большим количеством фрагментов керамики эллинистического периода, преимущественно в верхнем слое серой глины с прослойками золы. Согласно стратиграфическим наблюдениям и анализу археологических находок, в шурфе обнаружен непотревоженный культурный слой.

Шурф 3/2022 (морской)

Размеры шурфа 1 × 1 м, площадь 1 кв. м. Шурф расположен в 70 м от уреза воды, на глубине 3,50 м, возле северной границы памятника. Шурф прокопан на глубину 0,30 м от современной донной поверхности. Донная поверхность представлена скоплением камней средних и крупных размеров. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен слой камней средних и крупных размеров вперемежку с фрагментами окатанной керамики, мощностью до 0,15 м; ниже следует слой крупнозернистого серого песка с мелкими камнями, мощностью до 0,15 м; под ним залегает материковая плотная серая глина. Культурный слой не сохранился. Археологические находки представлены небольшим количеством

фрагментов окатанной, перемещенной штормами керамики.

Шурф 4/2022 (морской)

Размеры шурфа 1 × 1 м, площадь 1 кв. м. Шурф расположен в 230 м от уреза воды, на глубине 4,50 м, возле восточной границы памятника. Шурф прокопан на глубину 0,10 м от современной донной поверхности. Донная поверхность представлена песком и камнями. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен наносной слой серого песка, мелких камней и ракушек мощностью до 0,10 м; под ним залегает материковая плотная серая глина слоистой структуры. Культурный слой не обнаружен.

Шурф 5/2022 (морской)

Размеры шурфа 1 × 1 м, площадь 1 кв. м. Шурф расположен в 150 м от уреза воды, на глубине 4 м, возле юго-восточной границы памятника. Шурф прокопан на глубину 0,01 м от современной донной поверхности. Донная поверхность представлена морским песком. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен наносной слой серого песка и ракушек мощностью до 0,10 м, под ним залегает материковая плотная серая глина слоистой структуры. Культурный слой не обнаружен.

Шурф 6/2022 (морской)

Размеры шурфа 1 × 1 м, площадь 1 кв. м. Шурф расположен в 130 м от уреза воды, на глубине 4 м, возле северной границы памятника. Шурф прокопан на глубину 0,20 м от современной донной поверхности. Донная поверхность представлена песком и камнями. Стратиграфия отложений выглядит следующим образом: в верхней части прослежен наносной слой серого песка, мелких камней и ракушек мощностью до 0,20 м, под ним залегает материковая плотная серая глина слоистой структуры. Культурный слой не обнаружен.

Наземные шурфы в береговой части

Шурф 1/2022 (береговой)

Размеры шурфа 2 × 2 м, площадь 4 кв. м, ориентирован по сторонам света. Шурф расположен на берегу в 18 м от уреза воды, возле северо-западной границы памятника, на пересыпи между оз. Яныш и Керченским проливом, в районе треугольного мыса. Шурф прокопан на глубину 1,5 м от современной дневной поверхности (рис. 5).

Стратиграфия культурных напластований выглядит следующим образом: под дерновым слоем, мощностью до 0,10–0,15 м, по всей площади залегал культурный слой позднеримского времени,

Рис. 5. Акра-2022. Шурф 1 (береговой). Вид с юга

представленный темно-коричневым суглинком, мощностью от 0,20 до 0,30 м; ниже залегал слой плотного светло-коричневого суглинка, мощностью от 0,30 до 0,50 м, вперемежку с камнями мелких и средних размеров; его подстилал слой желтого суглинка с камнями мелких и средних размеров мощностью от 0,30 до 0,50 м, связанного с развалом стен строительного комплекса римского времени.

Археологические находки представлены большим количеством обломков керамики римского периода. В шурфе открыты строительные остатки (фрагменты каменных кладок и конструкций) жилого квартала римского времени, в том числе фрагмент иррегулярной каменной кладки из плохо обработанных камней, устроенной на сооружении более раннего строительного периода.

Шурф 2/2022 (береговой)

Размеры шурфа 2 × 2 м, площадь 4 кв. м, ориентирован по сторонам света (рис. 6). Шурф расположен на берегу в 9 м от уреза воды, в 17 м к северо-востоку от шурфа 1 берегового, возле северо-западной границы памятника на пересыпи

Рис. 6. Акра-2022. Шурф 2 (береговой). Вид с востока

между оз. Яныш и Керченским проливом, в районе треугольного мыса. Шурф прокопан на глубину 1,30 м от современной дневной поверхности.

Стратиграфия культурных напластований выглядит следующим образом: под дерновым слоем, мощностью до 0,10–0,15 м, залегал культурный слой позднеримского времени, представленный темно-коричневым суглинком, мощностью от 0,20 до 0,30 м; ниже залегал слой плотного светло-коричневого суглинка, мощностью от 0,30 до 0,50 м, вперемежку с камнями мелких и средних размеров; его подстилал слой желтого суглинка мощностью от 0,30 до 0,50 м.

Археологические находки представлены немногочисленными обломками керамики римского периода. В шурфе открыты строительные остатки из плотно уложенных плохо обработанных камней средних размеров, вероятно являвшихся частью постройки римского времени.

Исследование акватории с помощью подводного дрона

В 2022 г. для обследования отдаленных участков акватории, а также с целью поиска местонахождения гавани древнего города использовался ТНПА (Телеуправляемый необитаемый подводный аппарат) – подводный дрон Chasing M2. Работы по визуальному обследованию с помощью ТНПА проводились на удалении 400–500 м от берега, на глубинах 5–7 м (рис. 7). В процессе обследования обнаружено несколько современных якорей.

Выводы

Проведенные исследования показали перспективность исследований Акры римского времени на «Западном» береговом участке памятника – в районе песчаной пересыпи между оз. Яныш и Керченским проливом. В обоих наземных шурфах, заложенных вдоль западной границы памятника, зафиксирован культурный слой, а также строительные остатки (части каменных кладок и конструкций) римского времени.

Подводная шурфовка подтверждает выводы о продолжающихся процессах постепенного разрушения культурного слоя в результате ветроволновой активности и абразии береговой линии. Три шурфа, заложенные вдоль северных границ памятника, показали, что открытые здесь напластования являются переотложенными, культурный слой не сохранился. Эта часть городища наиболее подвержена разрушительным штормам при сильных северо-восточных ветрах. Археологические находки представлены многочисленными фрагментами силь-

Рис. 7. Акра-2022. Подготовка к работе ТНПА Chasing M2

но окатанной и перемещенной штормами керамики. Два шурфа, заложенные вдоль восточных границ памятника (в его мористой части), показали отсутствие культурного слоя и археологических находок. После тонкой прослойки нанесенного песка сразу следует материковая глина. Лишь в шурфе, заложенном вдоль юго-западной границы, зафиксирован сохранившийся культурный слой, представленный остатками строительных комплексов и археологическим находками эллинистического периода.

Источники и литература

Соловьев С. Л., Вахонеев В. В., Шепко Л. Г., 2021. Акра – античный город на Европейском Боспоре. СПб.

Археологические разведки акватории Генуэзской гавани в Керчи в 2022 г.¹

С.Л. Соловьев², В.В. Вахонеев³, П.А. Горбунов⁴

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-140-153

Научное изучение участка Керченской бухты, где расположена Генуэзская гавань, началось благодаря Р.А. Орбели. Именно по его инициативе в 1937 г. была достигнута договоренность с Главным управлением Краснознаменного ЭПРОНа (Экспедиция подводных работ особого назначения) о совместных подводных работах, ставящих своей задачей поиск и изучение памятников древности, находящихся в воде и грунте близ Керчи, Феодосии, Коктебеля, Херсонеса и Ольвии. А три года спустя Р.А. Орбели провел свои изыскания в районе Керчи. Благодаря сотрудничеству с гидрографической службой Черноморского флота и отрядом ЭПРОНа, в ноябре 1940 г. было проведено подводное обследование старокерченской гавани у пристани, находящейся в ведении Военно-морского флота. Р.А. Орбели опирался на устные сведения о том, что в 1900-х гг. защитная волнорезная постройка под водой была сооружена на более древнем фундаменте. Подводные работы привели к извлечению со дна моря каменных массивов от основания обнаруженной постройки на расстоянии приблизительно 60 м от берега, с глубины 7 м в воде и более 1,5 м в подводном грунте. По мнению исследователя, данные находки свидетельствуют о нахождении в данном месте Пантикапейской пристани, о которой упоминал Страбон (Орбели, 1947. С. 66–67).

Р.А. Орбели – один из первых исследователей, который пытался датировать так называемый «старый генуэзский мол» и связывал его с портовой пристанью античного Пантикапея. При исследовании кладки исследователь также планировал обнаружить кольца, якоря, грузила, рыболовные крючки, в качестве примера приводил находку гераклейской амфоры IV в. до н. э., сделанную в этом районе в непосредственной близости от мола (Орбели, 1947. С. 67).

Наличие на данном участке акватории действующей военно-морской базы исключило возможность проведения археологических работ в этом месте в последующие годы. Лишь в 2020 г. Боспорская подводная археологическая экспедиция Научно-исследовательского Центра истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) и «Центра археологических исследований» Благотворительного фонда «Деметра» (г. Керчь) под руководством А.В. Зинько провела тут подводные археологические разведки дистанционными методами. Была осуществлена гидролокационная съемка дна буксируемым гидролокатором бокового обзора C-MAX CM2 на частоте 1200 kHz. В процессе работ обследована площадь дна 70 га (Зинько, 2020). Однако сам участок внутри Генуэзской гавани остался для исследователей недоступен, несмотря на высокие ожидания открытия тут остатков гавани Пантикапея.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvkerch@mail.ru.

⁴ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: pauels@mail.ru.

На это косвенно указывали результаты исследований объекта археологического наследия «Бухта Ак-Бурун», проводившихся в 2015–2017 гг. экспедицией ИА РАН под руководством С.В. Ольховского на месте строительства Крымского моста. В 2017 г. из воды было извлечено и обработано более 53 тыс. археологических предметов. Хотя они происходят из поврежденного культурного слоя и частично утратили стратиграфический контекст, они продолжают представлять научный интерес, демонстрируя широкий спектр археологически целых форм и редких клейм пантикапейского импорта V в. до н. э. – XIII в. Состав керамического комплекса свое-

образен. По наблюдению исследователей, проводивших раскопки, в коллекции почти полностью отсутствовали находки, характерные для местных сухопутных объектов: лепная керамика, керамические грузила, терракота, курильницы, металлические и костяные изделия. Фрагменты столовой посуды с граффити с изображением якорей косвенно подтверждали принадлежность некоторых находок к судовому камбузу. Значительная часть керамики была представлена крупными и особо крупными фрагментами, что свидетельствовало о практике утилизации в море разбитых при перевозке сосудов.

Анализ находок позволил авторам исследований сделать предположение, что археологический материал первоначально отложился на дне в акватории Генуэзской гавани Керчи, а перемещение произошло в середине 1970-х гг. при дноуглублении акватории базы-стоянки ВМФ СССР. Неравномерная плотность археологических предметов в границах ОАН «Бухта Ак-Бурун» (от 0 до 150 вещей на кубометр ила) объяснялась тем, что землевозные шаланды сбрасывали донные отложения вокруг заданной

точки акватории случайным образом. Авторы работ указывали, что, поскольку на тот момент подводные исследования в Генуэзской гавани были невозможны, находки с ОАН «Бухта Ак-Бурун» являются важным источником информации о морской торговле Пантикапея на протяжении всей его истории (Ольховский, Степанов, 2017. С. 287; Ольховский, 2021. С. 36). Таким образом, участок акватории объекта «Пункт базирования корабельного состава» в Генуэзской гавани, согласно выводам исследований, проведенных Р.А Орбели, С.В. Ольховским и А.В. Зинько, являлся зоной высокой вероятности обнаружения объектов археологического наследия.

В апреле 2022 г. группой подводной археологии Института истории материальной культуры РАН были произведены археологические исследования (разведки) в акватории Генуэзской гавани, в Керченской бухте на объекте: «Пункт базирования корабельного состава, г. Керчь (Республика Крым), расположенный по адресу: Республика Крым, г. Керчь, ул. Набережная», площадью 5,3 га (рис. 1).

Рис. 1. Граница участка исследований в акватории Генуэзской гавани в 2022 г.

Методы разведок включали в себя комплексное дистанционное обследование акватории посредством проведения гидроакустической съемки дна гидролокатором бокового обзора, профилирования донных отложений параметрическим профилографом и проведения магнитной съемки морским магнитометром. Приборный поиск осуществляла группа Центра морских исследований и технологий Севастопольского государственного университета под руководством В.И. Двухшорстнова. При выявлении аномалий, которые могли быть представлены объектами культурного наследия (памятниками археологии), проводилось визуальное обследование дна для их идентификации водолазными группами, а также шурфовка при необходимости. Навигационное сопровождение исследовательских работ выполнялось с использованием высокоточной навигационной системы на базе комплекта навигации NovAtel PwrPak7D (рис. 2). Комплект навигации NovAtel PwrPak7D предназначен для формирования навигационных данных при выполнении исследовательских работ. Перед выполнением работ во время мобилизации судна на причале были проведены стояночные испытания и верификация навигационной системы. Для сбора, записи навигационной информации, для определения положения навесного и буксируемого оборудования с учетом курса, крена/дифферента и качки судна, отображения навигационной обстановки применялась гидрографическая система на базе ПО «OpenCPN» (рис. 3).

На участке акватории был проведен визуальный осмотр поверхности дна аквалангистами с использованием полосового метода поиска (рис. 4). При визуальном осмотре поверхности дна для повышения информативности и достоверности результатов обследования применялся ручной металлодетектор

MINELAB Excalibur II. Полосовой метод поиска предусматривал растяжку двух длинных базовых линий, расположенных параллельно на расстоянии 5 м друг от друга и имеющих маркировку через каждые 2 м. На концах хорошо натянутых линий устанавливались буйки, с которых снимались GPS-координаты. Между базовыми линиями был растянут лить соответствующей длины, который являлся ориентиром для движения поисковой группы из трех водолазов. Таким образом, каждый аквалангист просматривал дно на расстояние около 1,5 м в каждую сторону (большее расстояние в условиях плохой видимости в воде было нецелесообразно).

Кроме того, аномалии, выявленные в ходе приборного обследования, также изучались водолазной командой с опытом археологических исследований путем визуальных подводных исследований круговым методом. Данный метод наиболее эффективен в условиях низкой видимости и при необ-

Рис. 3. Применение ПО OpenCPN

Рис. 2. Проведение работ на объекте с лодки с комплектом навигации NovAtel PwrPak7D

Рис. 4. Водолазные работы. Рабочий момент

ходимости быстрого обнаружения уже известного благодаря приборному поиску объекта. В ходе работ использовался якорь-букс, одновременно визуальную маркирующий центр района поиска (рис. 5). К якорю крепился лить поисковой катушки. Обычно длина линия при поиске составляла не более 10 м поисковой катушки. Водолазная группа двигалась вокруг центра по кругу, в конце каждого полного оборота выдавая из катушки следующую порцию линия и тем самым увеличивая радиус поиска.

Для проведения шурфовки применялся комплект гидроэжектора (мотопомпа, гидроэжектор, рукава, шланги) (рис. 6).

Следует отметить, что в результате постоянного курсирования кораблей береговой охраны к месту своего базирования, а также высокой летучести иловых частиц, составляющих основной объем верхней части донных отложений в Генуэзской

Рис. 5. Погружение водолаза с шлюпки

Рис. 6. Комплект гидроэжектора

гавани, прозрачность воды в шурфах, как правило, не превышала 10 см, что помешало выполнять качественную и информативную подводную фотофиксацию. Подобная ситуация характерна для условий Керченской бухты (см. пример: Ольховский, 2021. С. 15–16).

Участок исследований в плане представлял собой трапецию. С южной стороны участок был ограничен Генуэзским молотом, возведенным в начале XX в., с западной стороны – Таманским причалом (железобетонная причальная стенка), с восточной – Защитным молотом, также возведенным в начале XX в. Северная граница участка исследований проходила по открытому участку воды.

Перед началом работ заказчиком был предоставлен планшет батиметрической съемки дна, выполненный в ноябре 2021 г. Глубина воды на всем участке исследований меняется от минимальных значений в юго-западной части до глубины 6–7 м в центральной. Основные же глубины на участке колеблются в пределах 2–3 м под берегом и 4–5 м на остальной акватории. Дно ровное, илистое.

Анализ картографического материала, а также результаты исследований в акватории Керченской бухты показали, что участок исследований Генуэзской гавани является зоной повышенной вероятности обнаружения объектов археологического наследия, в связи с чем на нем был проведен весь комплекс исследований.

На английском плане Керчи 1855 г. участок исследований 2022 г. располагается в море в нескольких метрах от Биржевой площади, находившейся на небольшом мысу. На плане Керчи 1883 г. на участке работ со стороны берега уже отмечены две небольшие торговые пристани (рис. 7). Такая

Рис. 7. Участок исследований на плане Керчи 1883 г.

же ситуация засвидетельствована и на плане Керчи 1901 г. С конца XIX в. началось проектирование Керченского морского порта. В этот период ряд пристаней уступает место капитальным защитным сооружениям с причальными стенками. Проектами 1893 и 1896 гг. предусматривалось сооружение будущего Генуэзского мола (рис. 8). Однако окончательный проект был принят только в 1905 г., и он уже предусматривал строительство как Генуэзского мола, так и Защитного. Техническим советом Главного управления торгового мореплавания и портов в 1905 г. был утвержден проект сооружения Керченского торгового порта. Среди работ было выполнено устройство Широкого мола, каботажного порта, а также постройка Генуэзского и Защитного молв (Тагеев, 1916. С. 46–61) (рис. 9).

Перед началом строительных работ в 1910 г. было выполнено бурение грунта, которое подтвердило присутствие на месте проектируемого мола слоя ила толщиной до 3,5 сажений. Для реализации проекта были выполнены детальные расчеты по установке конструкций мола. Кроме того, в числе работ второй очереди также было выполнено сооружение особого Защитного мола от око-

нечности Генуэзского мола в направлении север-северо-восток, длиной 100 пог. сажений (рис. 10). Согласно проведенным геологическим работам, было установлено, что грунт под Защитным молем такой же, как и под самим Генуэзским молем: на 1,5 сажени от поверхности дна залегал ил с песком, далее на 2,5–3 сажени – чистый ил, ниже которого на глубине 4,5–5 сажений начинался толстый пласт глины. Фактически проведенные строительные работы в начале XX в. обусловили общий вид участка исследований до современности (рис. 11). Весь последующий картографический материал лишь подтверждает это: план Керчи 1914 г., военно-топографическая карта Восточного Крыма 1926 г., карта РККА 1941 г., немецкие аэрофотоснимки периода Великой Отечественной войны, а также ряд современных карт.

Первоначально участок был визуально осмотрен по всему периметру на предмет обнаружения археологических предметов в прибрежной зоне и следов культурного слоя, обнажений и т.д. Осмотром зафиксировано полное отсутствие археологических предметов и выходов культурного слоя. В ходе приборного обследования участка

Рис. 8. Участок исследований на плане двух проектов Керченского порта 1893 и 1896 гг.

Рис. 10. Строительство Защитного мола

Рис. 9. Строительство Генуэзского мола

Рис. 11. Общий вид на Генуэзский мол в 1916 г.

акватории первоначально была выполнена съемка гидролокатором бокового обзора. Для получения эхограммы изучаемых участков был использован гидролокатор бокового обзора сверхвысокого разрешения H5se7 серии Гидра™ (далее ГБО, рис. 12). Он предназначен для автоматизированного визуального высококачественного наблюдения подводной ситуации на водных акваториях с глубинами от 0,5 до 50 м, ее анализа, архивации и дальнейшей обработки. ГБО содержит дополнительный промерный эхолот, обе системы совмещены в одном корпусе-моноблоке.

По результатам гидроакустического сканирования было составлено мозаичное изображение сонограмм ГБО (рис. 13; 14). Всего в ходе обследования было выявлено 42 акустические цели (аномалии). Из них 19 целей располагаются за пределами участка обследования, к северу от него. Тем не менее данные цели также были осмотрены водолазами. Почти все цели представлены современными предметами и мусором на дне (кранцы, бетонные блоки, современные конструкции, цепи, якоря, якорная борозда) (рис. 15; 16).

В ходе полевых работ 2022 г. также была выполнена морская магнитная съемка с использованием морского магнитометра MagiMag 300 m (рис. 17). MagiMag – прецизионный морской магнитометр, предназначенный для выполнения геофизических, геотехнических и поисковых работ на акватории. Используемый в конструкции датчик на эффекте Оверхаузера не требует ориентации во время работы и позволяет с высокой точностью и скоростью измерять модуль полного вектора геомагнитного поля. Регистрация данных выполняется на компьютер или автономный палубный регистратор, а позиционирование гондолы обеспечивается встроенным датчиком давления, цифровым компасом и подключаемым к регистратору GNSS приемником. В ходе проведения морской магнитной съемки средние значения между галсами составили 5 м (рис. 18). По результатам анализа сформирован каталог координат геомагнитных целей. Так как проводимые поисковые мероприятия в районе являлись комплексными, то данные магнитной съемки дублировались и проверялись данными гидроакустической съемки. Это позволило минимизировать возможные сбои и ошибки, заполнять лакуны в ходе интерпретации полученных данных.

Интерпретация данных магнитной съемки была осложнена большим количеством помех, вызванных металлическими корпусами кораблей береговой охраны и железобетонными конструкциями портовой

Рис. 12. Гидролокатор бокового обзора H5se7

инфраструктуры. Кроме того, были учтены магнитные цели, выявленные и обследованные в ходе работ по инженерно-техническому обследованию участка акватории на наличие (отсутствие) взрывоопасных предметов. Эти работы были выполнены заказчиком в ноябре–декабре 2021 г. Тогда на участке акватории было выявлено 30 магнитных целей, представленных современными предметами. В ходе работ 2022 г. было дополнительно осмотрено восемь магнитных целей, выявленных по результатам морской магнитной съемки (рис. 19; 20). Также были составлены карты геомагнитного поля в районе выполнения работ и изодинамами через 5, 10 и 25 нТл. Это было сделано с целью дополнительной верификации полученных данных по локализации магнитных целей.

В ходе водолазного обследования обнаруженных магнитных целей было установлено, что они представлены современными предметами на дне (труба, металлический мусор) и железным бумом. Водолазами были осмотрены все обнаруженные гидроакустические и магнитные цели (рис. 21). Археологических объектов или объектов, обладающих признаками культурного наследия, а также археологических предметов выявлено не было.

Еще одним видом дистанционного обследования участка акватории было выполнение съемки параметрическим профилографом. Для проведения профильной съемки изучаемых участков, а также проведения батиметрической съемки был использован комплект донного параметрического профилографа H5p3D (далее – ПФ, рис. 22). Данный профилограф предназначен для автоматизированного визуального высококачественного исследования грунта на водных акваториях с диапазоном обследуемых глубин от 1 до 20 м. ПФ обеспечивает получение данных о геоакустических характеристиках дна

Рис. 13 Лини фактического движения носителя при проведении съемки гидролокатором бокового обзора

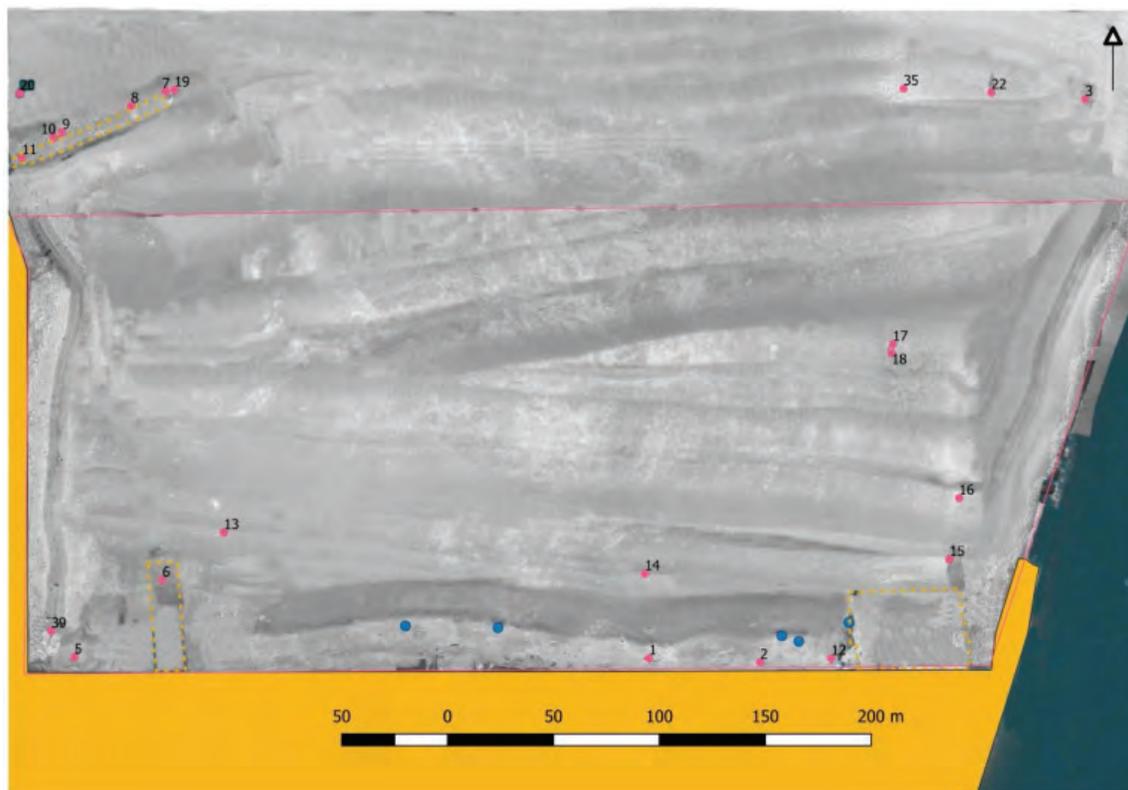

Рис. 14. Генуэзская гавань-2022. Мозаичное изображение сонограмм гидролокатора бокового обзора

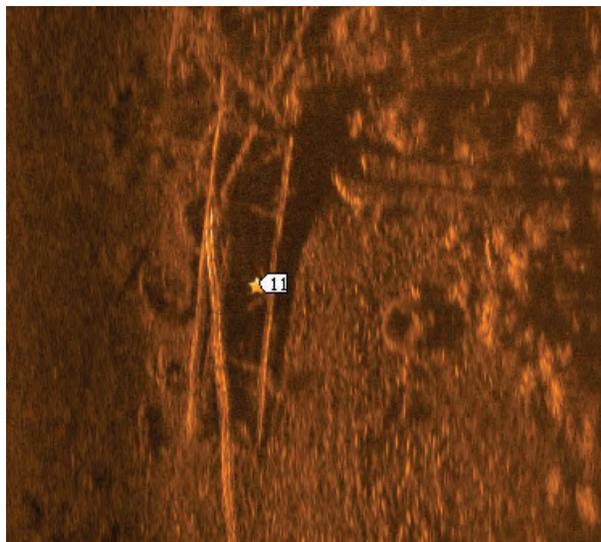

Рис. 15. Сонограмма современного мусора на дне

Рис. 16. Кранец на дне

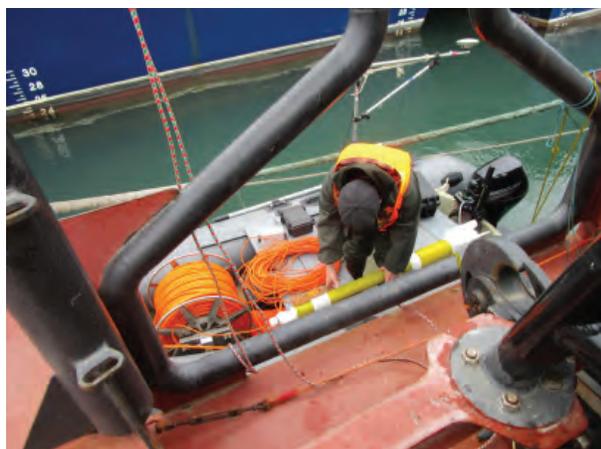

Рис. 17. Комплект морского магнитометра MariMag 300m

и придонной части акватории. В ПФ используется косвенный метод получения геоакустических характеристик – способ дистанционного зондирования, или акустического профилирования за счет получения сонограммы. ПФ в реальном времени формирует сонограмму дна и донных осадков, предназначенную для визуального наблюдения оператором, анализа и архивирования полученной сонограммы с целью дальнейшей обработки и документирования. ПФ содержит дополнительный канал эхолота, обеспечивающий измерение глубины с высокой точностью. При благоприятных геологических условиях ПФ позволяет изучать верхнюю часть донных отложений (разрез) на глубину до 20 м. Разрешающая способность при выделении тонких слоев составляет порядка 0,2 м.

Всего на участке обследования было выполнено 43 галса, а также 1 галс (№ 13) к северу от участка. Таким образом, было получено 44 профилограммы-разреза (рис. 23). В связи с постоянным нахождением на причале вдоль Генуэзского мола кораблей береговой охраны профилирование прилегающей к данному молу акватории было выполнено с учетом обхода данных кораблей.

Полученные эхограммы зафиксировали состояние донных отложений на момент проведенных исследований. В выполненных разрезах не зафиксированы очевидные аномалии, которые могли бы иметь антропогенное происхождение, связанное с археологическими объектами (рис. 24). Полученные данные коррелируются с результатами бурения (всего 22 скважины), выполненного заказчиком в рамках инженерно-геологических изысканий в акватории в январе–марте 2022 г. Донные отложения заполнены в прибрежной части техногенным грунтом (песком и илом), в остальной части – многометровыми иловыми отложениями и текучими глинами.

В ходе археологических работ 2022 г. была проведена также археологическая шурфовка вдоль Таманской пристани (западная граница участка исследований) и частично Генуэзского мола (южная граница участка исследований). Выбор мест расположения шурфов был обусловлен тем, что именно в этих местах мог сохраниться культурный слой (рис. 25). В остальной акватории во второй половине XX в. было выполнено масштабное дноуглубление, грунт из которого был отгружен в акватории мыса Ак-Бурун ОАН «Бухта Ак-Бурун». Согласно сообщениям геологов, в ходе бурения илистых и глинистых отложений в акватории археологических предметов в полученных кернах не было обнаружено. Всего было заложено шесть археологических шурфов.

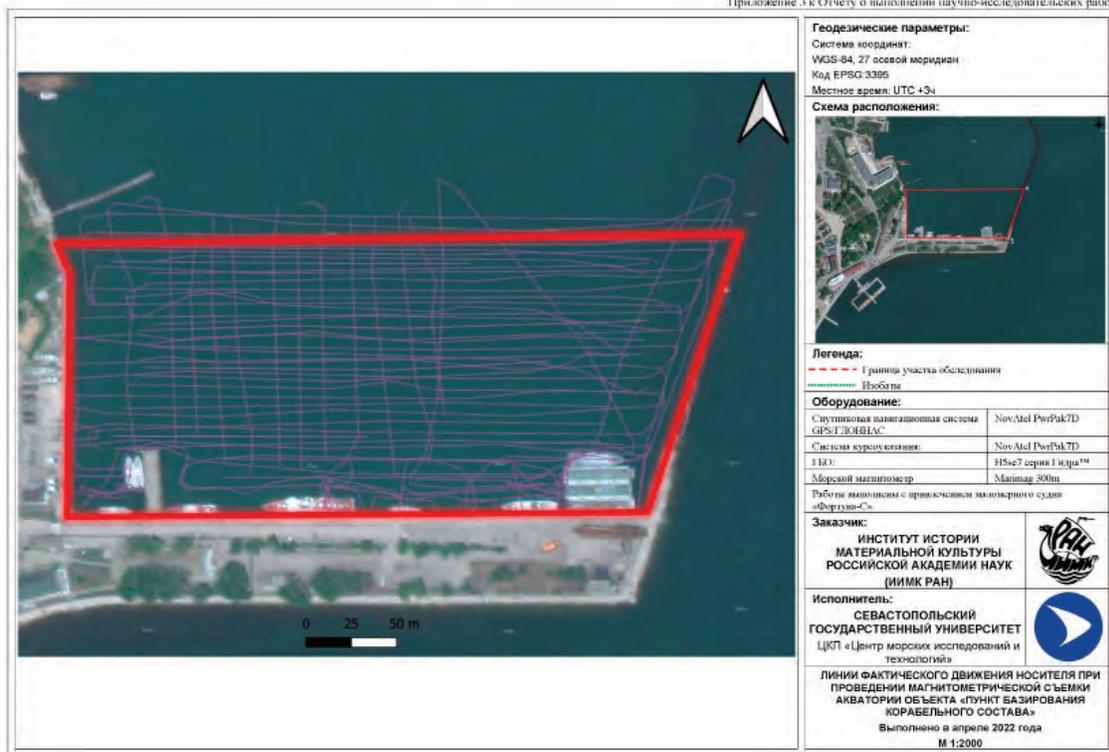

Рис. 18. Линии фактического движения носителя при проведении магнитометрической съемки

Рис. 19. Аналитическое представление магнитного поля участка исследований

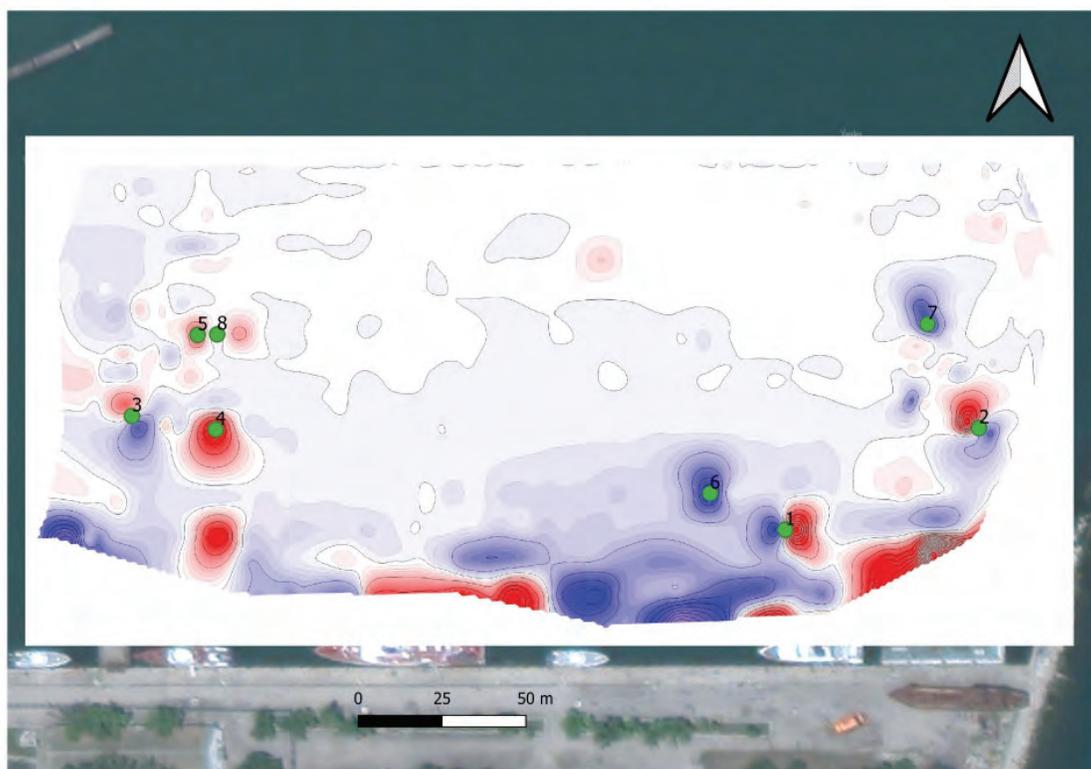

Рис. 20. Схема расположения магнитных аномалий

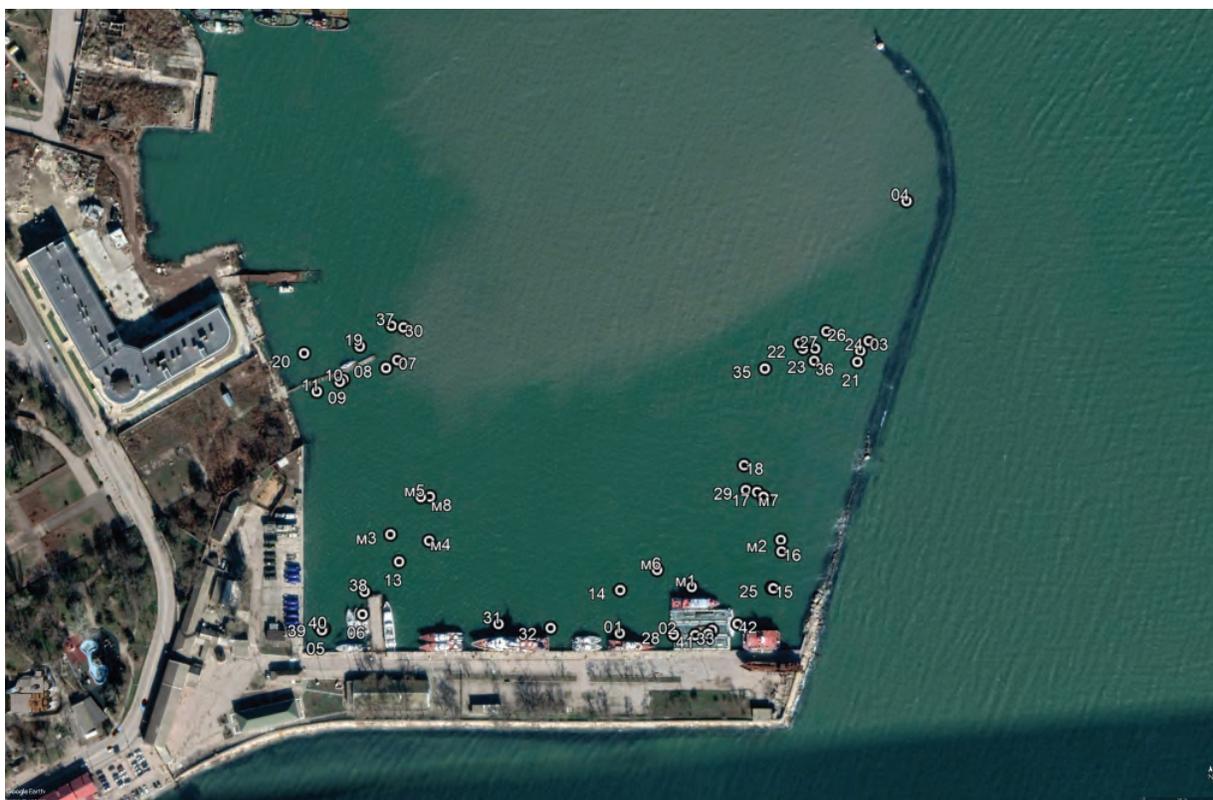

Рис. 21. Точки расположения осмотренных акустических (1–42) и магнитных аномалий (M1–8)

Рис. 22. Профилограф донный H5r3D

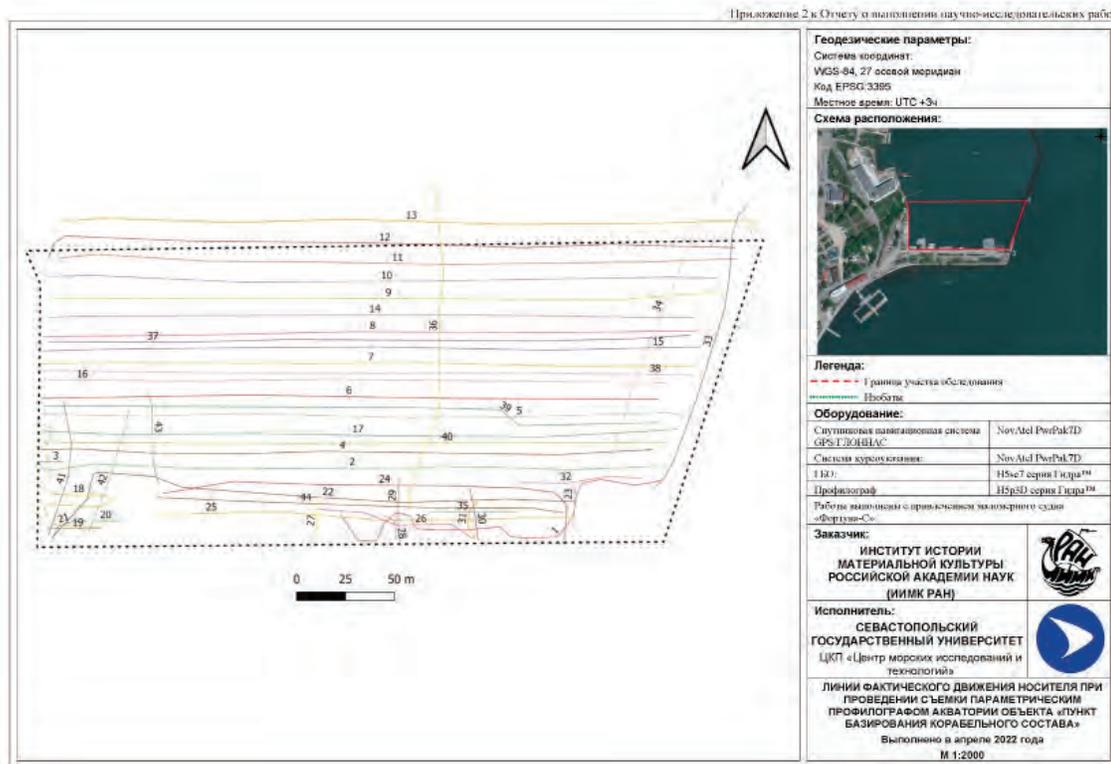

Рис. 23. Линии фактического движения носителя при проведении съемки параметрическим профилографом

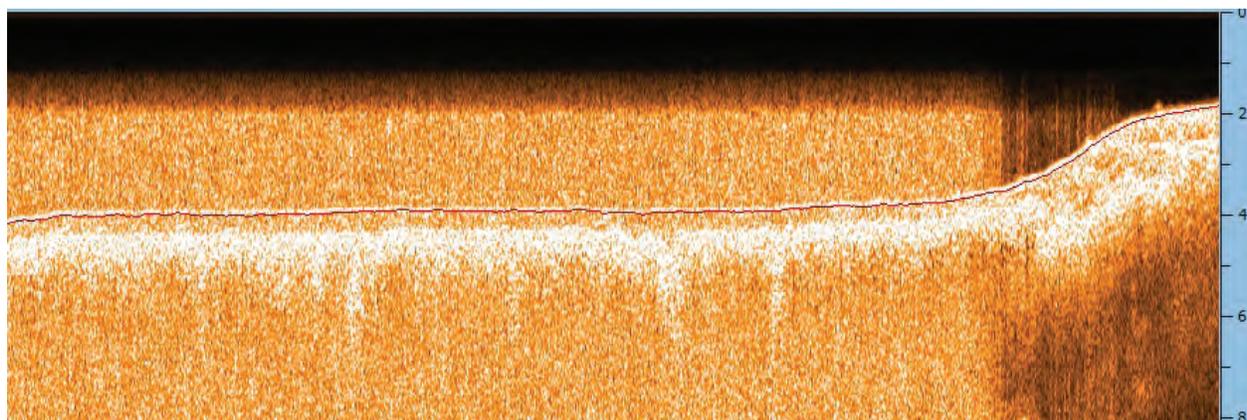

Рис. 24. Профилограмма галса 4.1

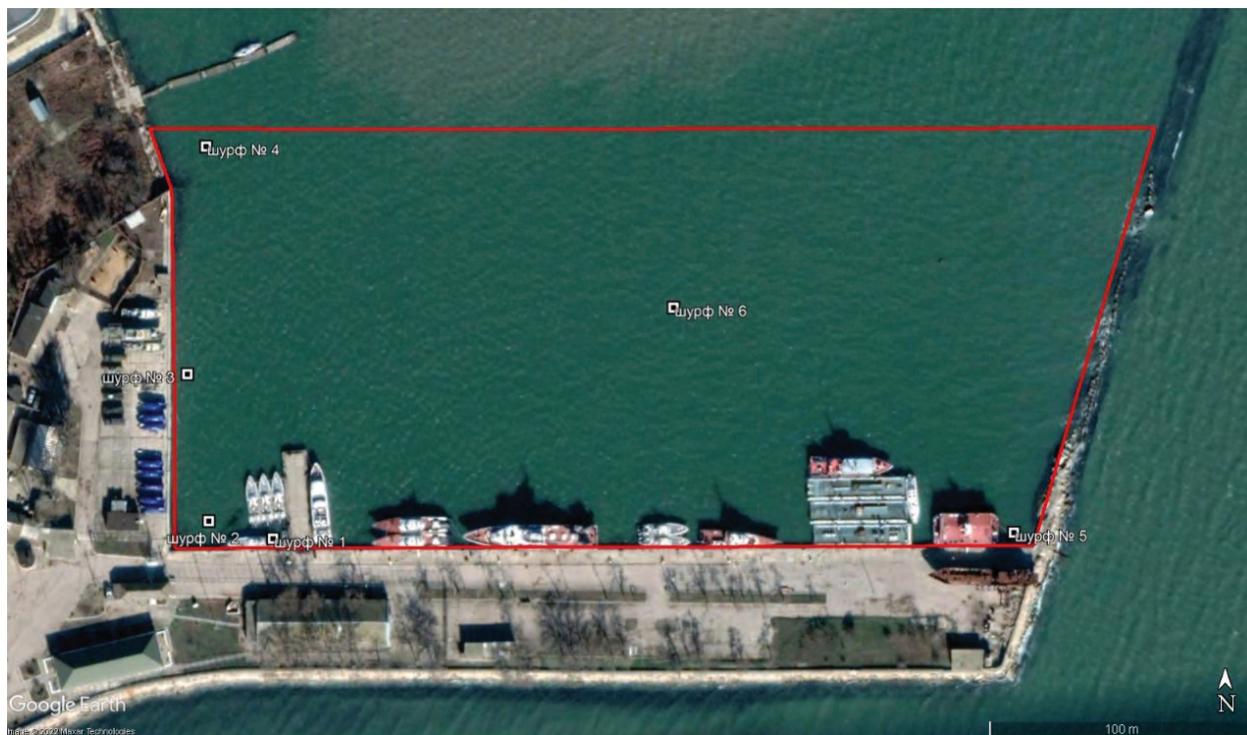

Рис. 25. Место расположения шурфов

Шурф 1 (рис. 26)

Координаты шурфа 1 (WGS-84): 45°21'6.17"С
36°28'43.27"В

Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен в 40 м от основания Генуэзского мола в 5 м к северу от него на глубине 3 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена илистыми отложениями до 0,2 м. Грунт под илом представляет собой органогенно-обломочный, преимущественно мелкозернистый серый песок с включением более крупных (до 0,02 м) обломков раковин моллюсков (мидии *Mutilus galloprovincialis* и устрицы *Ostrea edulis*) и окатанных в разной степени обломков известняка. Такой грунт характерен для прибрежных отложений. Кроме того, в грунте присутствуют осколки современного стекла размером до 0,04 м и свежие раковины *Mutilus lineatus*, который обитает на небольших глубинах, а также фрагменты бетона. Присутствие последних говорит о том, что грунт является переотложенным в современный период. В нем отсутствуют фрагменты археологической керамики. Шурф доведен до глубины 1,3 м. Согласно данным бурения, мощность данного техногенного грунта на данном участке составляет 6 м. До глубины 2 м в заполнении керна фиксировались фрагменты бетона. Археологических находок не выявлено. По окончании работ шурф

был засыпан отработанным грунтом по уровень донной поверхности.

Шурф 2 (рис. 27)

Координаты шурфа 2 (WGS-84): 45°21'6.38"С
36°28'42.18"В

Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен в 16 м к северо-востоку от основания Генуэзского мола на мелководье на глубине 1,5 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность

Рис. 26. Шурф 1. Работа с гидроэжектором

Рис. 27. Шурф 2. Работа с гидроэжектором

в месте, где заложен шурф, представлена слоем ила мощностью до 0,05 м. Ниже его подстилает техногенный грунт, представленный песком с щебнем. Грунт сильно замазучен. С глубины 1,0 м слой представлен гравелистым песком с многочисленными включениями обломков бетона. Шурф доведен до глубины 1,5 м. Археологических находок не выявлено. По окончании работ шурф был засыпан отработанным грунтом по уровень донной поверхности.

Шурф 3

*Координаты шурфа 2 (WGS-84): 45°21'8.14"С
36°28'41.80"В*

Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен в 65 м к северу от основания Генуэзского мола и в 2 м к востоку от Таманской пристани на мелководье на глубине 2,1 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена слоем ила мощностью до 0,1 м. Ниже его подстилает серый песок с включениями гальки, обломков ракушки. С глубины 1,0 м слой представлен гравелистым песком с многочисленными включениями обломков бетона. На глубине 1,4 м зафиксирована стерильная глина. Шурф доведен до глубины 1,5 м. Археологических находок не выявлено. По окончании работ шурф был засыпан отработанным грунтом по уровень донной поверхности.

Шурф 4

*Координаты шурфа 2 (WGS-84): 45°21'10.87"С
36°28'42.13"В*

Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен у северо-западного угла участка исследований на глубине 1,9 м. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена песком с включениями ракушки

и гальки, а также фрагментов бетона мощностью до 1,1 м. Ниже его подстилает стерильная серая глина. Археологических находок не выявлено. По окончании работ шурф был засыпан отработанным грунтом на уровень донной поверхности.

Шурф 5

*Координаты шурфа 5 (WGS-84): 45°21'6.24"С
36°28'55.93"В*

Размеры шурфа 1 × 1 м. Он расположен у северо-восточного угла участка исследований на глубине 2,5 м в месте примыкания Узкого мола к Генуэзскому. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена слоем ила с песком мощностью до 0,15 м. Ниже его подстилает стерильная серая глина. Верхние напластования сильно замазучены. Археологических находок не выявлено. Глубина шурфа составила 0,7 м. По окончании работ шурф был засыпан отработанным грунтом по уровень донной поверхности.

Шурф 6

*Координаты шурфа 6 (WGS-84): 45°21'8.95"С
36°28'50.11"В*

Размеры шурфа 1 × 2 м. Он расположен в центральной части участка исследований на глубине 5,0 м в 90 м к северу от Генуэзского мола и 185 м к востоку от Таманской пристани. Шурф ориентирован по направлению север–юг. Донная поверхность в месте, где заложен шурф, представлена слоем текучей глины ила. Шурф выбран на глубину 1,8 м. Борта в ходе работ сильно оплыли, в результате чего к завершению шурфовки засыпка шурфа стала невозможной.

Таким образом, проведенные археологические работы в акватории Генуэзской гавани по объекту: «Пункт базирования корабельного состава, г. Керчь (Республика Крым), расположенный по адресу: Республика Крым, г. Керчь, ул. Набережная», площадью 5,3 га, зафиксировали отсутствие объектов археологического наследия либо объектов, обладающих признаками культурного наследия. По-видимому, при дноуглубительных работах середины 1970-х гг. культурный слой из данной бухты был полностью выбран и перемещен к мысу Ак-Бурун.

Источники и литература

Зинько А. В., 2020. Отчет Боспорской подводной археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского о подводных археологических разведках в Керченском проливе в 2020 г. Симферополь.

Ольховский С.В., Степанов А.В., 2017. Спасательные подводные раскопки на памятнике Бухта Ак-Бурун // Археологические открытия 2015. М.

Ольховский С.В., 2021. Отчет о подводных археологических раскопках в Керченской бухте в 2017 г. Т. 1. М.

Орбели Р.А., 1947. Исследования и изыскания. М.–Л.

Тагеев В.Л., 1916. Керченский порт // Труды отдела торговых портов. Петроград. Вып. LXII. Описание строительных работ в 1913 г. Ч. II.

Разведки в Севастополе в зоне организации движения пригородного поезда в 2022 г.¹

С.Л. Соловьев², П.А. Украинский³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-154-160

В июне 2022 г. Севастопольской археологической экспедицией ИИМК РАН были проведены археологические разведки на территории линейного земельного участка протяженностью 31 000 м, расположенного в городе Севастополь (рис. 1) в зоне организации движения пригородного поезда, где планируется использовать рельсовые автобусы и организовать новые остановочные пункты на маршрутах Севастополь-пассажирский–Камышовая Бухта, Севастополь-пассажирский–Золотая Балка. По данным Управления охраны объектов культурного наследия г. Севастополя, на земельном участке, отводимом под строительство, на разном удалении расположен ряд объектов культурного наследия. Цель работы заключалась в определении наличия объектов культурного наследия, а также в уточнении охранных зон и границ уже известных ОКН.

Территория исследования была ограничена площадью всего Гераклейского полуострова. В ходе визуального исследования участка было установлено, что объект условно состоит из двух отрезков. Первый ориентирован вдоль восточной границы Гераклейского полуострова от устья р. Черная в Инкерманском районе, от низовьев Воловьев балки вдоль восточного склона Сапунгоры до остановочной платформы «Золотая Балка» в Балаклавском районе. Второй в свою очередь вытянут с востока от разъезда «Сапунгорский», где примыкает к первому отрезку, на запад через Золотую балку, верховья Сарандинакиной балки,

балку Бермана и Юхарину балку до Камышовой бухты и улицы Правды в Гагаринском районе. Таким образом, территория исследования ограничена площадью всего Гераклейского полуострова (рис. 2). Участок разведок примыкает к исследованным в разное время объектам культурного наследия и участкам древней хозяйственной застройки и размежевки территории ближней хоры Херсонесского городища (Николаенко, 2018; Николаенко и др., 2020; Николаенко и др., 2022).

На участке исследований был заложен 31 археологический шурф. Количество и местонахождение шурфов были обусловлены особенностями рельефа, вероятностью расположения археологических объектов, а также учетом архивных данных об уже выявленных ОКН. Ширина землеотвода на всем протяжении участка не превышала 10–20 м и являлась естественной границей для закладки шурфов. Культурный слой и археологические находки античного времени в количестве 57 ед. были обнаружены лишь в трех шурфах с номерами 13, 21 и 31.

Шурф 13 расположен в границах ОКН «Античные усадьбы участков № 378 и № 301», на территории двух усадеб разного времени постройки (рис. 3) (Николаенко, 2001). Шурф размерами 2 × 2 м был выкопан до материковой скалы на глубине 0,65 м. Стратиграфия была представлена, помимо дернового слоя, серым суглинком, который включал единичные фрагменты керамики, и слом суглинка характерного яркого коричневого цвета, сильно насыщенным известняковыми камнями, мощностью 0,30 м, лежащим на материке (рис. 4). В культурном слое, мощность которого составила 0,20 м, обнаружены пять стенок амфор эллинистического времени, фрагмент марсельской черепицы XIX в., фрагмент боспорского калиптера и край коринфского солена, две кости домашних животных (рис. 5).

Шурф 21 расположен в границах ОКН «Укрепленная усадьба античного надела № 284» (рис. 6),

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ukrajinsky@gmail.com.

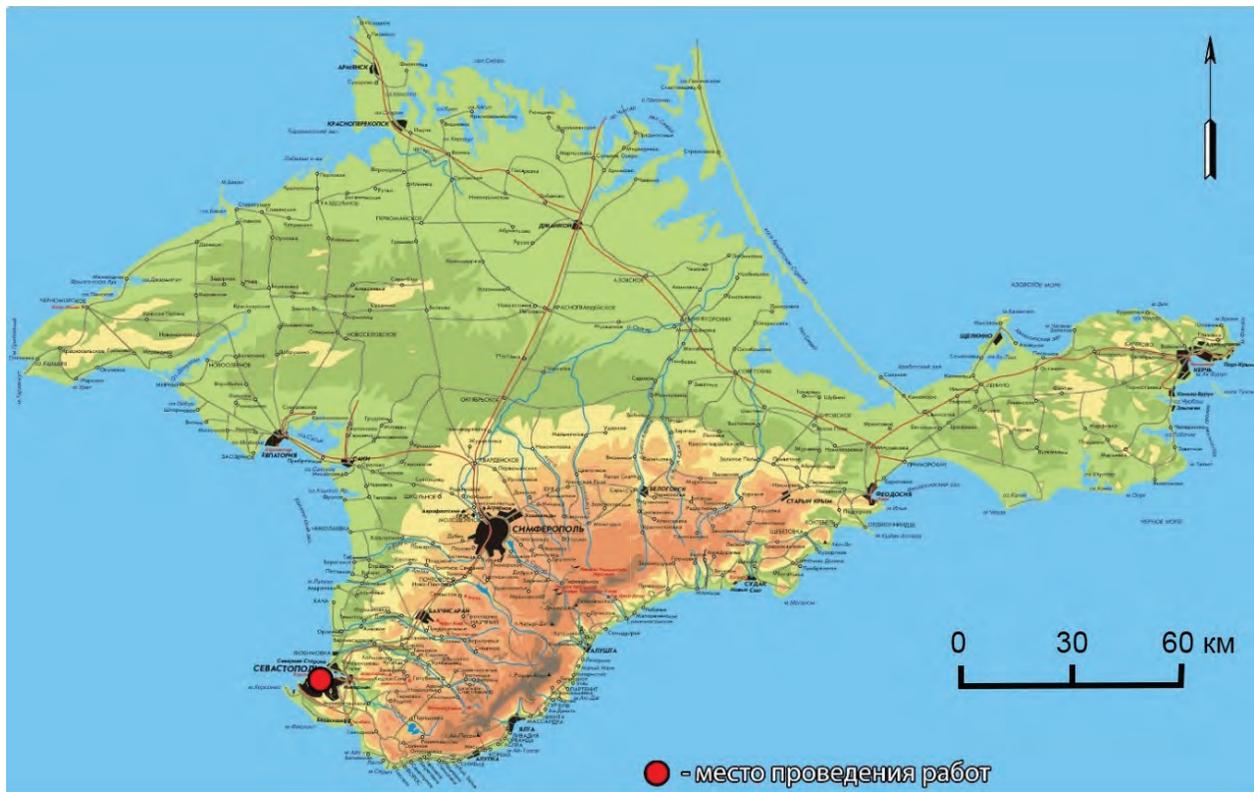

Рис. 1. Карта Крыма с Севастополем

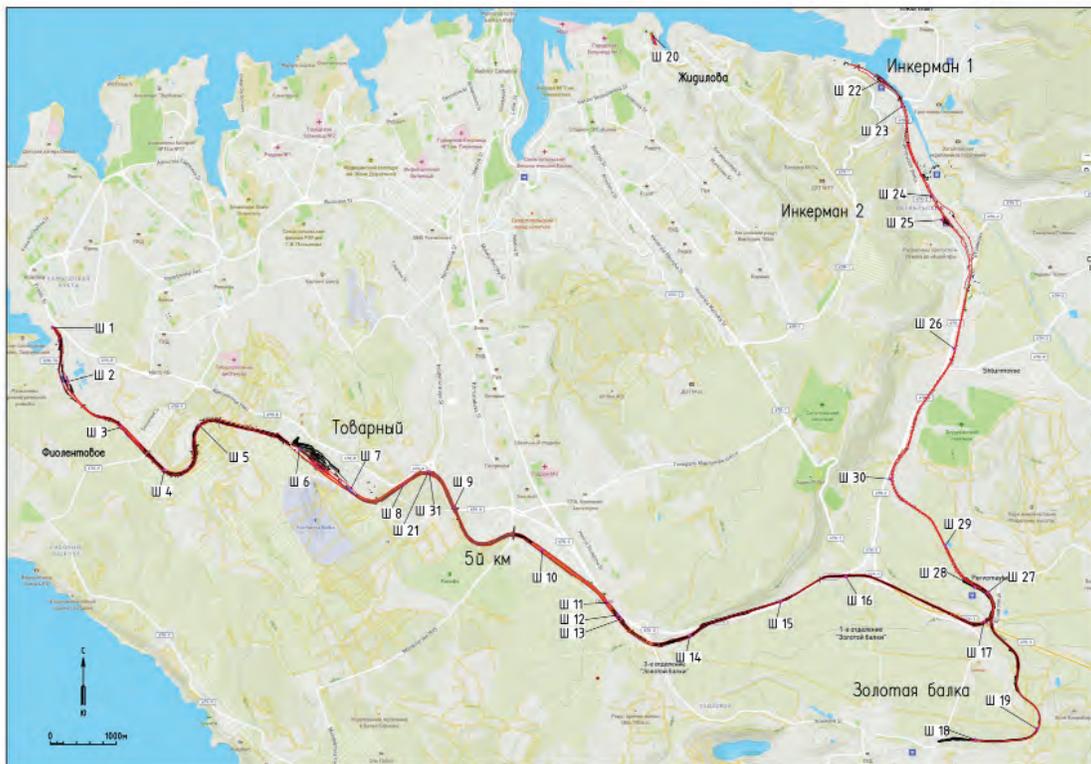

Рис. 2. Карта Севастополя с указанием линейного земельного участка протяженностью 31 000 м для организации движения «городской электрички» в Севастополе и ОКН в его зоне

Рис. 3. Античные усадьбы участков № 378 и № 301.
Вид с востока

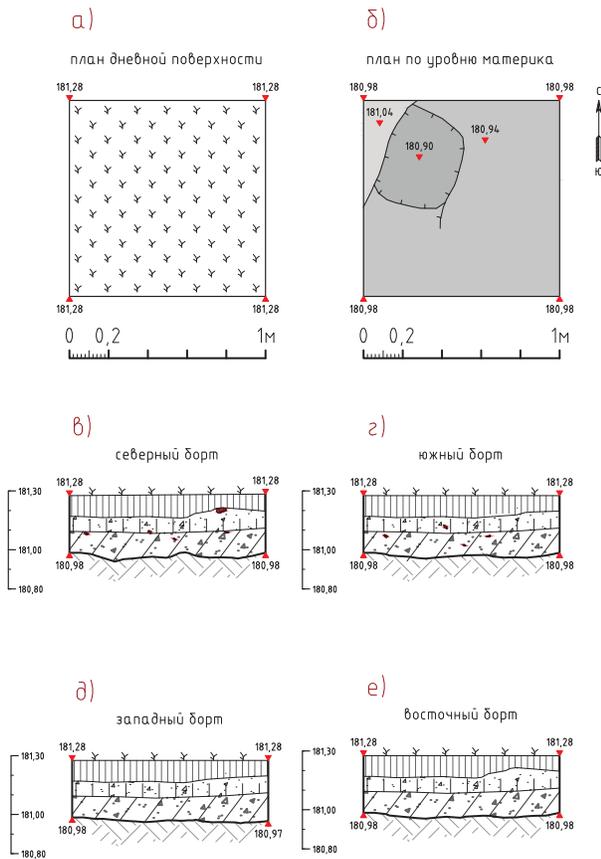

Рис. 4. Шурф 13. Планы и профили бортов

устроенной на возвышенности, поэтому место для шурфовки было выбрано над обрывом у путепровода с целью уточнения границ ОКН. Размеры шурфа составили 2 × 2 м. Исследован до материковой скалы на уровне 169,46 м БС.

Рис. 5. Шурф 13. Край коринфского солена

Рис. 6. Укрепленная усадьба античного надела № 284.
Шурф 21. Вид с запада

Скальный материк перекрывал слой коричневого суглинка с включением известняковой крошки, поверх которого лежал слой серого суглинка толщиной 0,20 м (рис. 7). В нем обнаружены 26 окатанных стенок амфор эллинистического времени и край красноглиняного кувшина херсонесского производства III–II вв. до н. э. (рис. 8).

Шурф 31, как и шурф 21, расположен в границах зоны ОКН «Укрепленная усадьба античного надела № 284» (рис. 9). Шурф размерами 2 × 2 м исследован до уровня 169,46 м БС, на котором работы были остановлены из-за обнаружения каменного цоколя стены античного времени. Под тонким слоем дерна был выявлен культурный слой, представленный на верхних горизонтах серым суглинком, сильно насыщенным мергелем, а на нижних – светлым коричневым суглинком (рис. 10). Наличие мергеля, вероятно, обусловлено хозяйственной деятельностью в Новое и Новейшее время, поскольку в этом месте проводилась высадка зеленых насаждений, а рядом велись работы по выработке грунта и укладке путепровода в XX в. Каменный цоколь стены имел ширину 1,20 м, ориентирован по линии северо-восток–юго-запад.

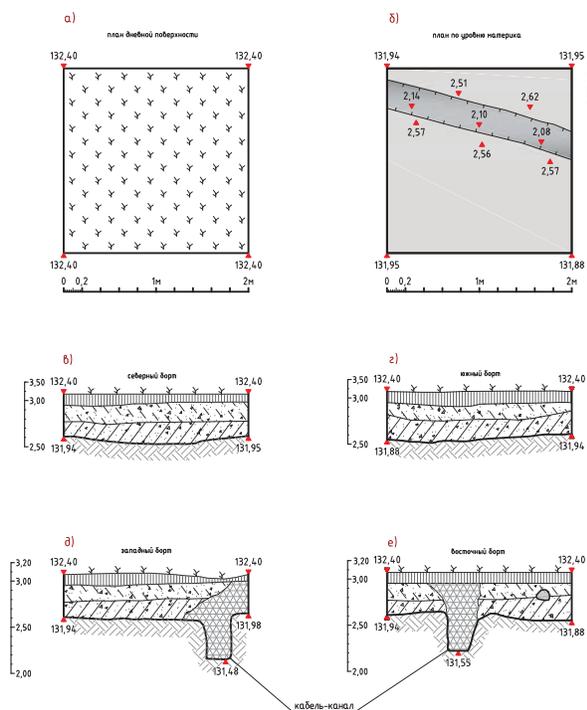

Рис. 7. Шурф 21. Планы и профили бортов

Рис. 8. Шурф 21. Край красноглиняного кувшина. Херсонес. III–II вв. до н. э.

Рис. 9. Укрепленная усадьба античного надела № 284. Шурф 31. Вид с запада

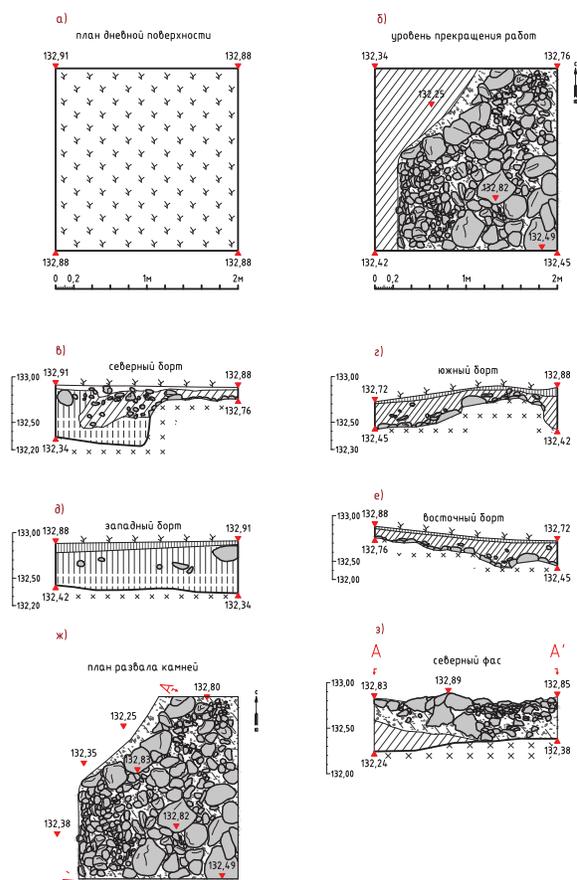

Рис. 10. Шурф 31. Планы, профили бортов, фасы кладки

Кладка сложена по двухлицевой трехслойной системе с фасадами из необработанных рваных камней известняка среднего размера, с забутовкой среднего слоя мелкими камнями. Кладка сохранилась на высоту 0,30 м, на один-два ряда. Подошва кладки лежит на предматериковом коричневом суглинке. Цоколь открыт на длину 1,10 м, уходит в восточный и южный борта шурфа (рис. 11). В культурном слое обнаружены четыре стенки амфор и ручка светлоглиняной узкогорлой амфоры II в., край красноглиняного кувшина III–II в. до н. э. (рис. 12), 10 фрагментов черепицы, из которых два края соленов эллинистического времени (рис. 13), четыре медных гвоздя римского времени и картель Новейшего времени. Все шурфы по окончании работ были рекультивированы.

По итогам проведенной археологической разведки на территории линейного земельного участка, протяженностью 31 000 м, переменной шириной полосы отвода, согласно схеме реконструируемой части ФГУП «Крымская железная дорога» по объекту «Организация движения «городской электрич-

Рис. 11. Шурф 31. Кладка. Вид с северо-востока

Рис. 12. Шурф 31. Край красноглиняного кувшина III–II вв. до н.э.

Рис. 13. Шурф 31. Край солена

ки” в г. Севастополе с использованием рельсовых автобусов РА-3 в тактовом движении и организацией новых остановочных пунктов на маршрутах Севастополь-пассажирский–Камышовая Бухта, Севастополь-пассажирский–Золотая Балка, расположенного в г. Севастополь», было установлено, что часть ОКН попадает в полосу отвода под строительство или находится в непосредственной близости от нее. Согласно Федеральному Закону РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ, в отношении этих ОКН должны быть предприняты меры по обеспечению их сохранности. К таким памятникам относятся следующие ОКН:

1. «Средневековый пещерный монастырь» (у левого берега в устье р. Черной) – выявленный ОКН, частично был разрушен в Новейшее время при прокладке путей сообщения, располагается в границах полосы отвода участка строительства, в целях обеспечения сохранности ОКН рекомендуется провести археологические раскопки в границах памятника на площади 172 кв. м и обеспечить ограждение ОКН на участке строительства (рис. 14);

2. «ДОТ № 9 в системе сухопутных оборонительных рубежей города Севастополя в 1941–1942 гг.» (рис. 11; 12), территория ОКН расположена в границах полосы отвода, требуются мероприятия по обеспечению сохранности – обустройство ограждения на время строительства, работы вести под наблюдением археолога или перенос памятника на безопасное расстояние не менее 100 м (рис. 15);

Рис. 14. Средневековый пещерный монастырь. Вид с востока

Рис. 15. ДОТ № 9 в системе сухопутных оборонительных рубежей Севастополя в 1941–1942 гг. Вид с севера

3. «Памятник гусарам Киевского полка» (ул. Сапунгорская у Ялтинского кольца) (рис. 16) – ОКН регионального значения № 92171127459000 в Едином государственном реестре ОКН народов Российской Федерации (приказ Министерства культуры от 19.10.2017 № 133584-р). Предмет охраны объекта культурного наследия утвержден приказом Управления ООКН от 25.09.2017 № 728, границы территории – приказом Управления ООКН от 25.09.2017 № 729 (с изменениями от 01.08.2010 № 683); расположен в 60 м от линейного объекта строительства, рекомендуется обеспечить ограждение ОКН на участке строительства, работы вести под наблюдением археолога;

4. «Мемориальное обозначение 1-го сектора обороны Севастополя 1941–1942 гг., арх. А.Л. Шеффер, 1961 г.» (Балаклавский район, к северу от ж/дороги, напротив дома № 4 по ул. Сапунгорская) (рис. 17),

Рис. 16. «Памятник гусарам Киевского полка». Вид с юго-востока

Рис. 17. «Мемориальное обозначение 1-го сектора обороны Севастополя 1941–1942 гг. Вид с юго-востока

приказ Управления ООКН о включении в перечень ОКН регионального значения от 29.07.2019 № 677. Предмет охраны ОКН утвержден приказом Управления ООКН от 01.10.2019 № 1083, границы территории – приказом Управления ООКН от 01.10.2020 № 1084; в 80 м от линейного объекта строительства рекомендуется обеспечить ограждение ОКН на участке строительства, работы вести под наблюдением археолога;

5. «Античная усадьба участка 378 и 301» (Балаклавский район, в 2192 м к юго-западу от пересечения ул. Городское шоссе и Камышовое шоссе, в 2746 м к северу от пересечения Фиолентовского шоссе и Монастырского шоссе на территории Соснового бора) – выявленные ОКН, утверждены приказом Управления ООКН от 22.09.2021 № 291; расположены непосредственно в полосе отвода строительства, в целях обеспечения сохранности ОКН рекомендуется провести археологические раскопки в границах памятника на площади 799 кв. м (рис. 3);

6. «Античная усадьба участка 262» (рис. 18) (Балаклавский район, в 511 м к югу от пересечения ул. Индустриальная и Камышового шоссе, в 3500 м к северо-востоку от пересечения Фиолентовского шоссе и Камышового шоссе на территории Миндального сада) – выявленный ОКН, утвержден приказом Управления ООКН от 28.10.2021 № 307; расположен в пределах 50 м от участка строительства, рекомендуется обеспечить ограждение ОКН на участке строительства, работы вести под наблюдением археолога;

7. «Укрепленная усадьба надела № 284» – ОКН федерального значения, № 921610447740006 в Едином государственном реестре ОКН народов

Рис. 18. Усадьба № 262. Вид с востока

Российской Федерации (приказ МК РФ от 05.08.2016 № 37595-р). Предмет охраны ОКН утвержден приказом Управления ООКН от 18.09.2018 № 831, границы территории – приказом Управления ООКН от 25.06.2018 № 494 (с изменениями от 03.08.2018 № 714); расположена в 10 м к югу от ж/д полотна, в целях обеспечения сохранности ОКН до начала строительства рекомендуется провести археологические раскопки в границах памятника на площади 46 кв. м (рис. 6);

8. «Усадьба 46» – выявленный ОКН (рис. 19), который подвержен воздействию в ходе строительства, хотя и находится в основании высокой ж/д насыпи. В целях обеспечения сохранности ОКН рекомендуется не допускать проход тяжелой техники по его территории, а в случае строительства рекомендуется провести археологические раскопки в границах памятника на площади 468 кв. м;

9. «Земельные наделы Херсонеса Таврического и сельскохозяйственные усадьбы № 131 и 146» (рис. 20)–

Рис. 19. Усадьба № 46. Вид с востока

Рис. 20. Территория земельных наделов Херсонеса Таврического и сельскохозяйственных усадеб № 131 и 146. Вид с запада

ОКН федерального значения, № 921620447780006 в Едином государственном реестре ОКН народов Российской Федерации (приказ МК РФ от 05.08.2016 № 36449-р). Предмет охраны ОКН утвержден приказом Управления ООКН от 18.09.2018 № 859, границы территории – приказом Управления ООКН от 25.06.2018 № 493. Расположены в 200 м к северу от участка исследования, не подвержены воздействию в ходе строительства. Согласно распоряжению Правительства Севастополя от 27.08.2015 № 706-ПП, земельные участки с кадастровыми номерами: 91:02:005003:395, расположенные по адресу: г. Севастополь, Гагаринский район, Камышовое шоссе, в районе очистных сооружений, с разрешенным видом использования «историческая деятельность» для размещения объектов археологического наследия, передан в бессрочное пользование ФГБУК «Херсонес Таврический». Проведение работ необходимо согласовать с руководством музея;

10. «Памятник воинам 79-й морской курсантской стрелковой бригады (1941–1942)», расположенный по адресу: Российская Федерация, г. Севастополь, бухта Камышовая, на территории морского порта между причалом № 230 и Казачинским шоссе к югу от здания по адресу Набережная Рыбпорта, 19А. Приказ Управления охраны объектов культурного наследия города Севастополя от 29.10.2019 № 1197 «Об утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения». Расположен в 62 м от полосы отвода. Необходимо проводить работы под наблюдением археолога.

Источники и литература

- Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Севастополь. Ч. 2.
- Николаенко Г.М., 2018. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь.
- Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е., 2020. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. СПб. Т. 1 (Серия: Археологические атласы Северного Причерноморья. 3).
- Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Воскресенская Е.Н., Лебединский В.В., Пасуманский А.Е., 2022. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. СПб. Т. 2 (Серия: Археологические атласы Северного Причерноморья. 4).

Краткие результаты археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса Таврического в 2022 г.¹

Н. Ф. Соловьева², С. Л. Соловьев³, В. Л. Мыц⁴

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-161-169

На протяжении 2022 г. комплексная археологическая экспедиция, организованная Институтом истории материальной культуры РАН, при поддержке Фонда «Моя история» продолжила масштабные археологические исследования в границах выявленного объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический», на месте проектируемого историко-археологического парка, на территориях, высвобождаемых Министерством обороны Российской Федерации (Соловьева и др., 2021). В состав участников совместного грандиозного археологического проекта вошли Государственный Эрмитаж, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Институт археологии Крыма РАН, Севастопольский государственный университет и НАО «Наследие Кубани».

Общая площадь археологических исследований составила 80 215 кв. м, из которых 79 795 кв. м раскопаны полностью (рис. 1). Силами комплексной археологической экспедиции на исследуемой территории открыты культурные слои и более тысячи археологических объектов разных эпох – от классической до Нового времени, которые включают: гидротехнические сооружения для запасов воды (цистерны и колодцы); хозяйственные и производственные постройки, могильник римского времени с захоронениями, совершенными по обрядам

ингумации и кремации, склепами с разнообразным и богатым погребальным инвентарем; некрополь раннехристианского времени, включающий вырубленные в скале склепы со сложной архитектурой и сопутствующими украшениями; французский шанец времен Крымской войны 1854–1855 гг.; юртообразные постройки XIX в.; хозяйственные строения начала XX в.; следы времен обороны Севастополя в Великую Отечественную войну.

Масштабные археологические раскопки в Южном пригороде Херсонеса в 2021–2022 гг. не только существенно дополнили, но и сформировали новую картину представлений о погребальной практике жителей древнего города. Динамика освоения этой территории ныне представляется следующим образом.

Интенсивное освоение этой загородной территории началось в классическую эпоху и было связано в большей мере с сельскохозяйственной и ремесленной деятельностью первых жителей Херсонеса. Свидетельством этому служат открытые остатки сельских построек с колодцами и печи для обжига керамики. Уже в первой половине IV в. до н.э. местность перед городскими воротами наделяется особым статусом. Здесь обустраивается священный участок с мавзолеем (герооном) (рис. 2; 3), храмом в антах (рис. 4; 5), алтарем, помещениями для даров, паломников и жрецов, мощным камнем двором для процессий (рис. 6), священным источником (нимфеем). В течение эллинистического периода в окрестностях теменоса появляются первые погребения. Открыто 31 погребение, в составе которых преобладали захоронения в простых ямах, обложенных камнями или вырубленных в скале, одна из них была перекрыта черепицей. Пять погребений были совершены по обряду кремации. Четыре детских захоронения помещены в амфоры (рис. 7). Найдено одно погребение в скорченной позе. При этом территория не утратила своего особого значения для жителей Херсонеса, а во времена Диофантовых войн даже потребовала дополнительной фортификации в виде

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: nfs56@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

⁴ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж. E-mail: vic.mytz@yandex.ru.

Рис. 1. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» в процессе раскопок. Вид с юга

Рис. 2. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Героон. Вид с северо-запада

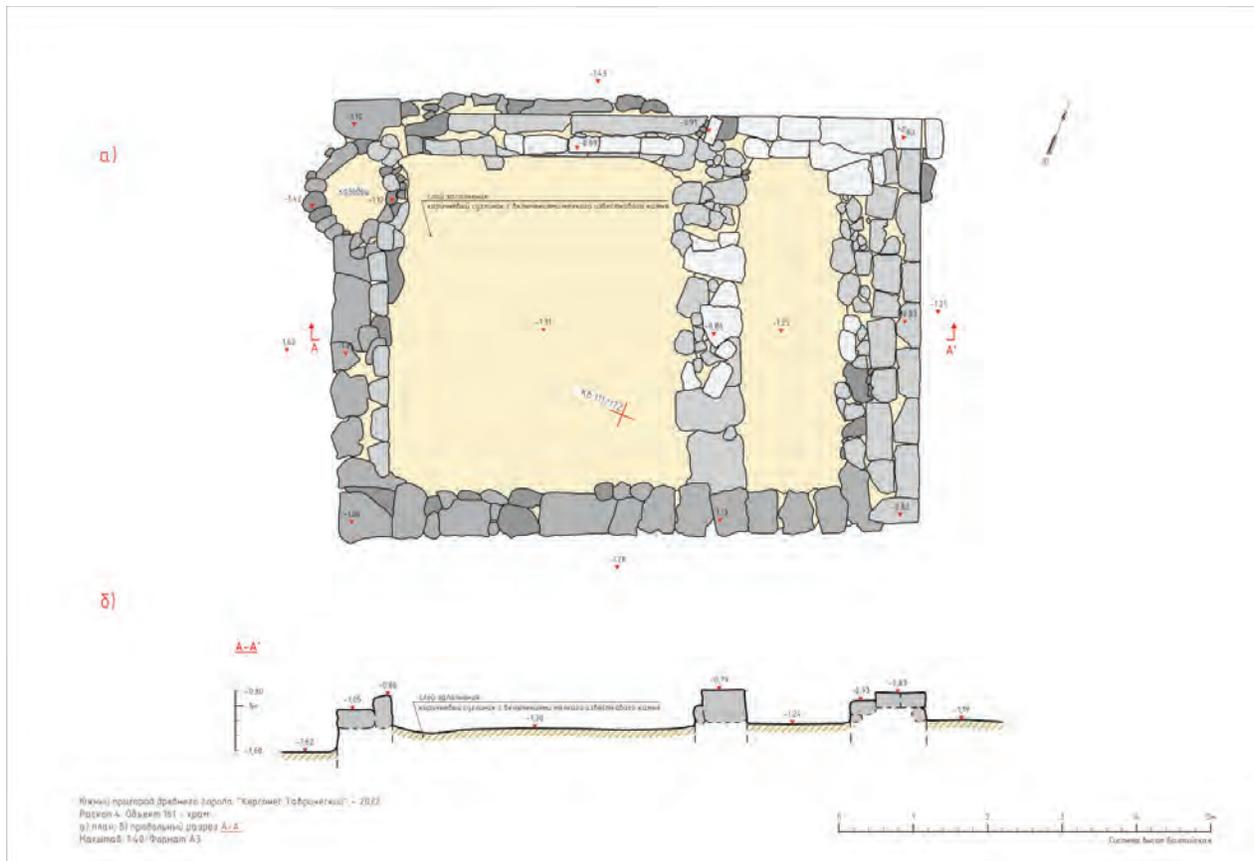

Рис. 5. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Храм в антах. План, разрез

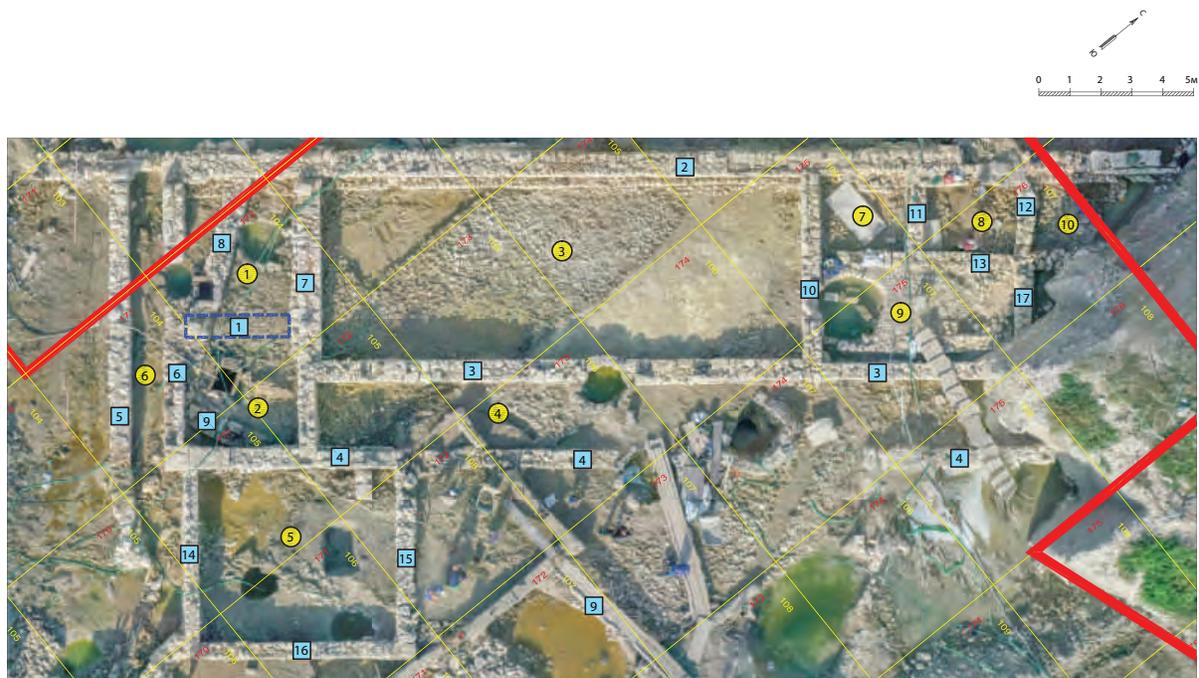

Рис. 6. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Комплекс построек теменоса с указанием номеров кладок и помещений. Вид с юго-востока

Рис. 7. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Детское погребение в хиосской амфоре IV в. до н.э. Вид с востока

мощной оборонительной стены с контрфорсами (рис. 8), отделившей формирующийся некрополь от сельскохозяйственной территории.

В первые века н.э. Южный пригород Херсонеса – уже сформировавшийся некрополь со своей внутренней пространственной организацией, захоронения которого демонстрируют большое разнообразие погребальной обрядности жителей Херсонеса этого времени. Территория некрополя была поделена на участки. Наиболее привилегированный участок по-прежнему находился в непосредственной близости от городских ворот. К нему относились уникальные и монументальные погребальные сооружения: толос (рис. 9), плитовые гробницы Аристона и Аннион с колумбарием, с многочисленными надгробными стелами, надписями, антропоморфами (рис. 10–14). С востока к нему примыкал участок, отделенный монументальным пропилоном с каменными ступенями, за ним располагались захоронения в ямах и склепах, значительная часть которых принадлежала знатым гражданам города.

Рис. 8. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Оборонительная стена II в. до н.э. Вид с северо-востока

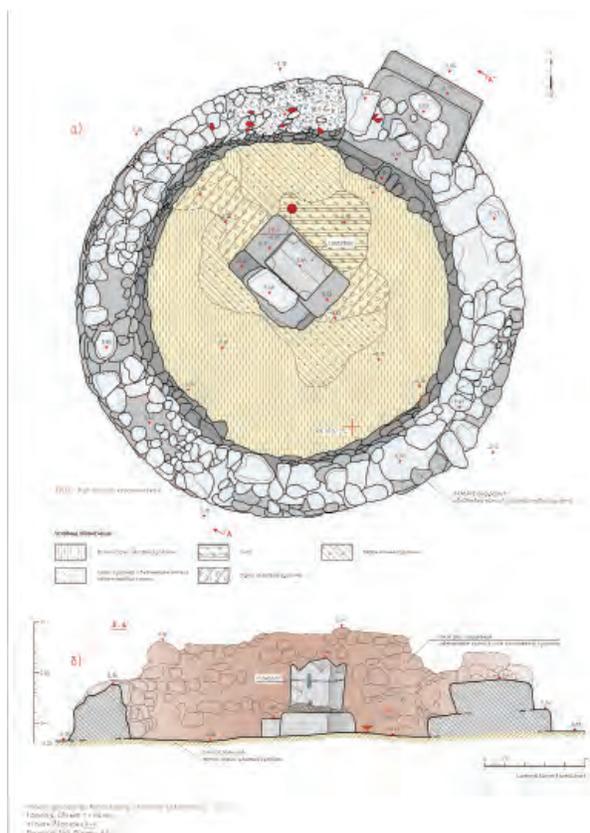

Рис. 9. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Толос. План, разрез

Рис. 10. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Гробницы Аристона и Аннион. Вид с северо-запада

Рис. 11. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Плитовая могила 19. Вид с юга

Рис. 13. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Колумбарий в процессе разборки. Вид с северо-востока

Рис. 12. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Колумбарий перед началом разборки. Вид с северо-востока

Рядовые граждане города этого времени были захоронены южнее этих двух участков, в простых ямах или каменных ящиках.

Важной особенностью погребальной практики жителей Херсонеса на протяжении античной эпохи стало устойчивое сочетание обрядов ингумации и кремации, причем последняя традиция заметно доминировала. Открытые на всех участках некрополя кремационные площадки (рис. 15), погребальные урны, оссуарии, колумбарии поражают своим числом (около 300 объектов).

В эпоху Средневековья, с началом христианства традиция захоронения в семейных склепах становится наиболее устойчивой на территории Южного пригорода, постепенно вытесняя другие погребальные обряды. Как правило, склепы состояли из входного коридора – дромоса – и сводчатой камеры с одно- или двухъярусными лежанками (рис. 16). Эти погребальные сооружения служили семейными усыпальницами на протяжении длительного времени.

С X по XIII в. предназначение Южного пригорода было иным. Как и в самую раннюю эпоху, эта территория стала использоваться в основном

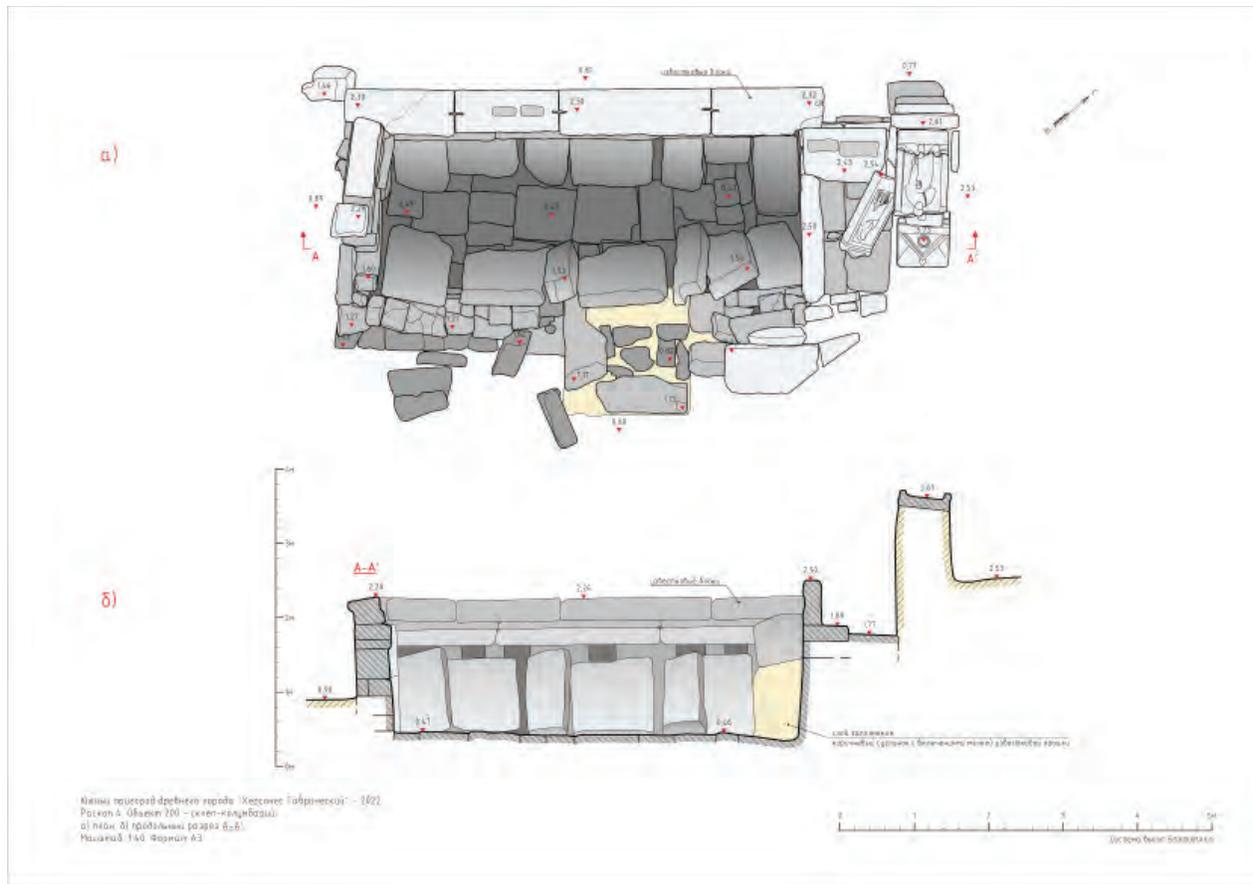

Рис. 14. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Колумбарий. План, разрез

Рис. 15. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Кремационная площадка II в. Вид с северо-запада

Рис. 16. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Объект 64. Склеп 1. Вид с востока

в хозяйственных целях. Здесь строится сеть дорог, обустраиваются колодцы и цистерны для питьевой воды, размещается печь для выжигания извести, возводятся жилые и хозяйственные постройки, участки земли размежевываются каменными стенками.

В X в. параллельно городской стене была построена еще одна оборонительная стена, вероятно связанная со временем осады Херсонеса войсками князя Владимира. Однако более вероятной может оказаться версия, что стена была возведена в первой четверти XI в., когда Херсонес сильно пострадал от землетрясения: оказались руинированными стены и башни города, а жители Херсонеса вынуждены были спешно возвести с внешней стороны старых стен новые временные куртины. Они были сложены из разномерного бутового камня на глине или насухо. После завершения восстановительных работ стена была разобрана, и до наших дней сохранились лишь отдельные фрагменты основания кладки.

Территория Южного пригорода на протяжении всей античной эпохи и в последующее время служила неиссякаемым источником пресной воды для жителей Херсонеса. Начиная с классического времени здесь были построены цистерны и колодцы, которые, по всей вероятности, использовались как источники воды, святилища водных божеств, а позднее как купели для первых христиан (обнаружено более 150 объектов). Местность за пределами оборонительной стены служила сельскохозяйственными угодьями Херсонеса, среди которых были виноградники и винодельни с прессами – тарапанами.

С божествами источников было связано святилище с бассейном, который использовался и в последующее, раннехристианское время, возможно в качестве купели для крещения, а также, вероятно, сложное гидротехническое сооружение – цистерна с аккуратно вымощенной площадкой.

За время археологических раскопок в Южном пригороде Херсонеса было найдено более трех миллионов артефактов, в полной мере отражающих многовековую историю этого участка древнего города. В их составе представлены разные категории археологических находок: от простой бытовой посуды до высокохудожественных образцов греческой вазовой живописи, от предметов повседневного быта, сделанных из стекла, камня, кости и бронзы (рис. 17–19), до изысканных ювелирных украшений, многочисленные нумизматические и эпиграфические памятники (рис. 20), большое число надгробий: от весьма условных антропоморфных изваяний до мастерски выполненных скульптурных погребальных

Рис. 17. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Фрагменты накладки ножки столика. Слоновая кость. Месопотамия. II–I вв. до н. э.

Рис. 18. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Складень солдатский. Медь. Середина XIX в.

Рис. 19. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Серьга с зеленым камнем. Золото. II в.

Рис. 20. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Статер. Золото. Выпуск времени правления Митридата VI Евпатора (74 г. до н.э.)

стел (Арсентьева и др., 2022). Около 300 тысяч археологических находок в скором времени пополнят фонды Херсонесского музея-заповедника. По итогам работы экспедиции проведены три фотовыставки, два круглых стола и конференция, подготовлена и открыта временная экспозиция археологических находок «Сокровища Южного пригорода Херсонеса» в Херсонесском музее-заповеднике.

Источники и литература

Арсентьева Е. И., Дорошко В. В., Костромичев Д. А., Лесная Е. С., Мыц В. Л., Нессель В. А., Павличенко Н. А., Рыжова Л. А., Соловьев С. Л., Терещенко А. Е., Трофимова А. А., Тюрин М. И., Ушаков С. В., 2022. Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического. Севастополь.

Соловьева Н. Ф., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., 2021. Южный пригород древнего Херсонеса Таврического (предварительные итоги археологических раскопок в 2021 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 11.

Памятник раннего неолита Зехново II¹

В. Я. Шумкин², Т. Б. Крылова³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-170-178

Начало изучения каменного века Волговерховья было положено работами П. Ф. Симсона, Н. К. Рериха, Э. Кандыбы, А. Х. Репмана, П. П. Ефименко, П. Н. Третьякова, определенный итог которым был подведен Л. Я. Крижевской (1950), выявившей на некоторых памятниках Валдайского Поозерья богатую неолитического облика макролитическую индустрию. Далее исследования были продолжены Н. Н. Гуриной, которая, начав в 1955 г. с кратковременной разведки в рамках Прибалтийской экспедиции, продолжила работы в 1957, 1961, 1968 гг. и пришла к осознанию особой актуальности региона для изучения не только соседних, но и более отдаленных территорий, а на базе этого к созданию в ЛОИА АН СССР Верхневолжской неолитической экспедиции, постоянно проводившей полевые исследования здесь с 1969 по 1987 г. В настоящее время работы на этой территории продолжены сотрудником Отдела палеолита ИИМК РАН Г. В. Сеницыной. В результате работ 1970–1980-х гг. было открыто и обследовано около 350 археологических объектов каменного века, включающих поселения, стоянки, мастерские, места добычи кремневого сырья (Верещагина и др., 1995). Таким образом, была создана огромная фактологическая база в виде вещественных коллекций, состоящих из десятков и сотен тысяч артефактов каменного века, а также наблюдений и результатов, зафиксированных в полевых отчетах с графической и фотофиксацией.

¹ Работа выполнена в рамках темы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0012 «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» и № FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: shumkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3141-7218>.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: krilova.tatjana@yandex.ru.

Исследователи не всегда успевали полностью обработать полученные материалы раскопок, и некоторые памятники только упоминались в их научных работах или в лучшем случае были представлены изображениями отдельных артефактов. Это в полной мере относится и к археологическим объектам, раскопанным в то время на территории Валдайской возвышенности. Изучению материалов одного такого памятника, на десятилетия незаслуженно «застрявшего» без основательной обработки в камеральном хранилище ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), посвящена эта статья.

Зехново II – один из группы из пяти памятников, расположенных по обоим берегам р. Селижаровка, левого притока Волги, в 2 км к северо-востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области (рис. 1). Здесь река, в настоящее время являющаяся единственной водной артерией, вытекающей из озера Селигер, сильно петляя, образует широкую пойму. На ее левом берегу расположена стоянка Зехново IV. На правом берегу к расширенной части поймы примыкают прерывистые песчаные гряды высотой 3–7 м, вытянутые с СЗ на ЮВ параллельно реке, с которыми связаны все четыре правобережные стоянки. Все памятники были обнаружены сотрудниками Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной в 1974–1975 гг. и раскапывались в 1975 (Зехново), 1976 (Зехново I, Зехново II, Зехново III) и 1977 (Зехново III и Зехново IV) гг.

Раскоп II, давший название памятнику (Зехново II), находился (рис. 2) восточнее раскопа 1975 г. (стоянка Зехново), вниз по течению реки, на соседнем возвышении, отделенном от первой гряды лишь небольшим понижением (видимо, в прошлом – руслом мелкого потока, впадающего в Селижаровку). Раскопы I и III были разбиты на этой же гряде, восточнее раскопа II (раскоп I на удалении 240 м, в самом дальнем конце гряды, раскоп III между ними). Исследованная раскопом II площадь 40 кв. м (два ряда по пять квадратов размерами 2 × 2 м) была

Рис. 1. Расположение археологических памятников в верховье р. Селижаровка в Осташковском районе Тверской области: 1 – Зехново, 2 – Зехново II, 3 – Зехново III, 4 – Зехново I, 5 – Зехново IV, 6–11 – Нижние Котицы, Нижние Котицы I–V

ориентирована по направлению СЗ–ЮВ, вдоль берега реки.

Раскопки памятника велись в соответствии с принятой Верхневолжской неолитической экспедицией в 1970–1980-х гг. методикой, заключавшейся в снятии культурного слоя условными горизонтами по 0,15–0,17 м с помощью ножей, с последующими зачистками низа каждого горизонта и глубокой прокопкой материка. Стратиграфия, прослеженная в раскопе, очень однородна. Под тонким дерновым слоем не более 0,05–0,08 м залегал темный подпочвенный слабо гумусированный слой, не превышающий мощности 0,25 м. В тех местах, где прослеживались западины, он часто содержал мелкие угольки. Подстилающим слоем являлся буроватый песок, более светлый в нижней части (Гурина, 1976. С. 8). Глубина одной из западин равнялась 0,80 м (рис. 3).

Четких следов конструкций прослежено не было. Темное углистое пятно без включения в него

камней, размерами 1,3 × 1,0 м, занимало границу квадратов 1 и 2 (рис. 4). В меньшем размере (0,6 × 1,0 м) оно продолжалось на уровне второго горизонта (рис. 5), а нижней своей частью (до 0,1 м) врезалось в материковый слой. На первом горизонте квадрата 7 было прослежено большое (наибольшая длина 2 м) гумусированное пятно, окруженное (?) более мелкими пятнами диаметром 0,4–0,5 м (рис. 4). Уходящая в стенку раскопа яма диаметром 0,95 м и глубиной 0,8 м, на 0,40 м углубленная в материковый слой, была зафиксирована в кв. 4 (Гурина, 1976. С. 9, рис. 3).

Общее количество находок на памятнике не велико – 1875 экз., включая восемь фрагментов неопределимых кальцинированных костей. Большая часть находок приходится на первый горизонт. Керамика представлена только 13 очень мелкими фрагментами, из которых к раннему неолиту относятся 12 экземпляров (венчик и 11 стенок). Из них восемь фрагментов, включая венчик (рис. 6: 1–3), керамика «типа котчища» без орнамента.

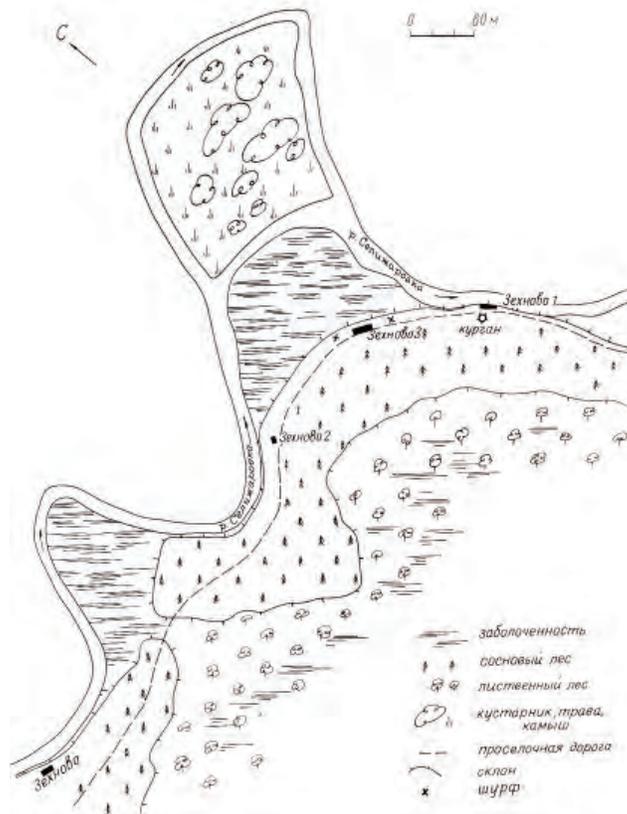

Рис. 2. Расположение Зехновских стоянок на правом берегу р. Селижаровка. Глазомерный план 1976 г.

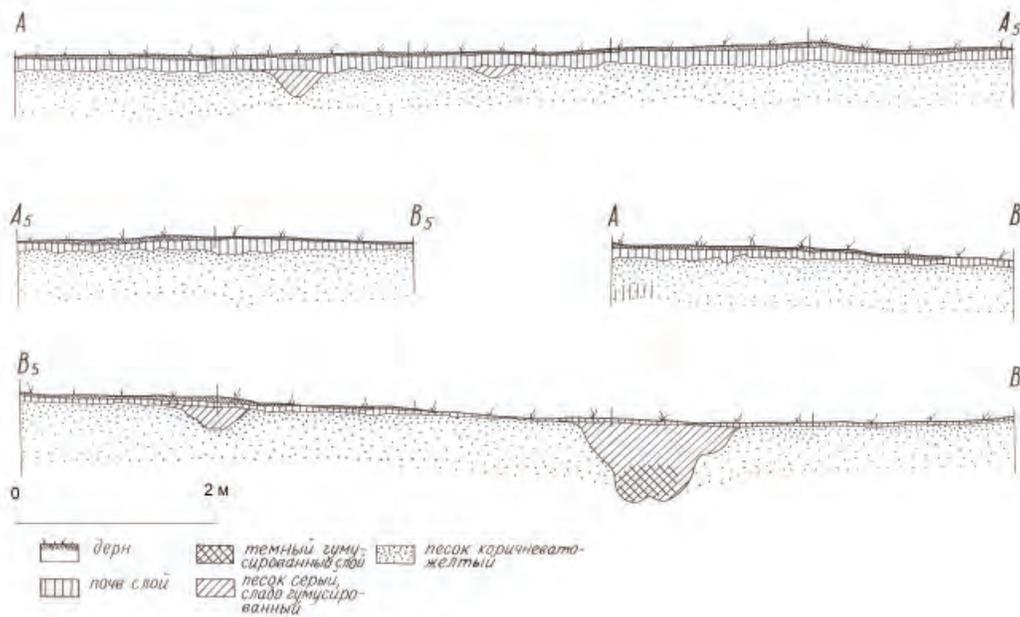

Рис. 3. Зехново II. Разрезы

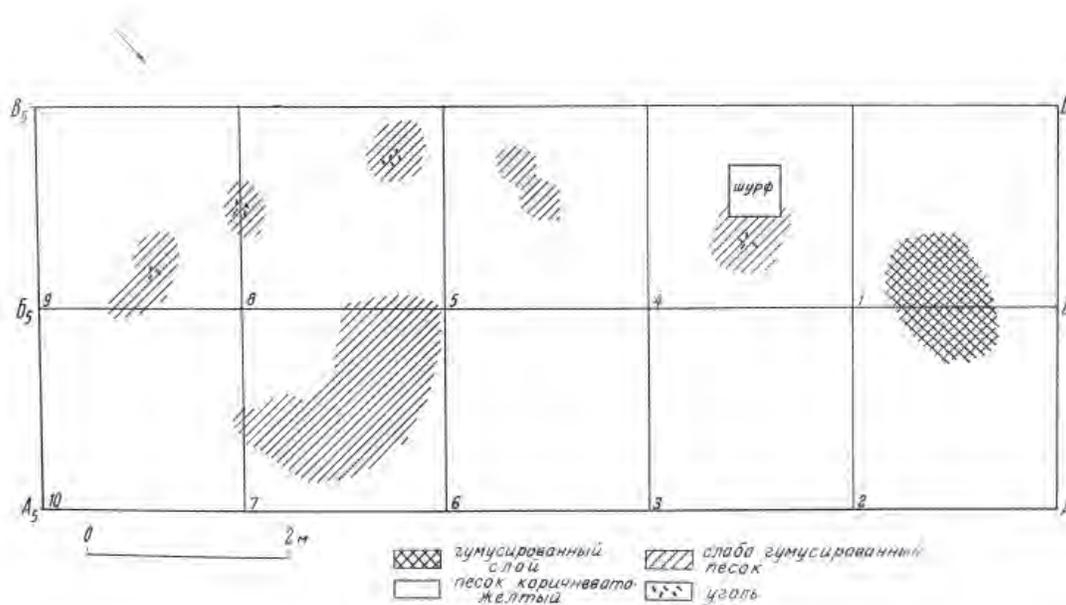

Рис. 4. Зехново II. План раскопа. Горизонт 1

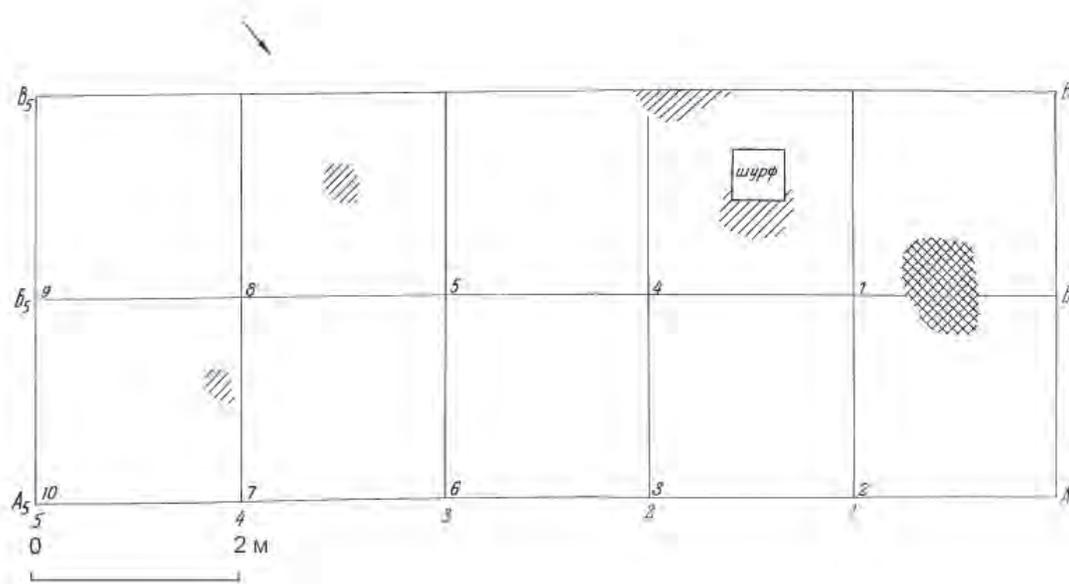

Рис. 5. Зехново II. План раскопа. Горизонт 2

Размеры и форма сосудов не определяются. Способ лепки – ленточный внахлест. Наружная поверхность хорошо заглажена или подлощена, внутренняя – заглажена или покрыта расчесами. Искусственная примесь в тесте – шамот. Венчик слегка утончен, срез уплощен подрезкой по подсохшей формовочной массе. На остальных четырех стенках сосудов нанесен разреженный поверхностный орнамент, выполненный гребенчатым штампом (рис. 6: 4–6), образующим

елочку или вертикальный зигзаг. По способам обработки поверхности и визуально фиксируемой примеси эта керамика не отличается от керамики «типа котчища» без орнамента. Наружная поверхность также подлощена, внутренняя – заглажена или покрыта расчесами, примесь – шамот или шамот с песком. Последний фрагмент от неорнаментированного лепного сосуда с большим количеством дровы в тесте относится к раннему железному веку (рис. 6: 7).

Каменный инвентарь, представленный в основном кремнем, насчитывает 1853 экз. Присутствуют единичные артефакты из опоки (2 экз.), окремненного известняка (?), кварцита и сланца (по 1 экз.). Петрографическое и геохимическое исследование кремня памятника не проводилось. Кремьен визуально в основном серый, различных оттенков, в меньшей степени коричневый. Желтый и высококачественный сиреневый валдайский кремьен встречаются редко. Изделий из сиреневого валдайского кремьена насчитываются около 50 экз., в основном это мелкие отщепы, реже ножевидные пластинки и лишь иногда орудия. Есть случаи использования «пятнистого», кофейного цвета кремьена, вероятно происходящего из свеклинского месторождения. Патинированного кремьена всего пять мелких отщепов.

Нуклеусы очень немногочисленны (9 экз., 0,5 % всего каменного инвентаря). Целых только два, преобладают обломки (6 экз.); еще 1 экз. – скол поджигления площадки. Семь нуклеусов предназначались для скалывания пластинчатых заготовок (в том числе три – для микропластинок), 1 экз. для пластинчатых отщепов, еще один, возможно, для снятия отщепов. Среди представленных в коллекции ядрищ в начальной стадии расщепления 1 экз., один истощенный, один обожженный с поврежденной поверхностью. Принцип раскалывания как торцевой, так и призматический. Тип большинства нуклеусов можно

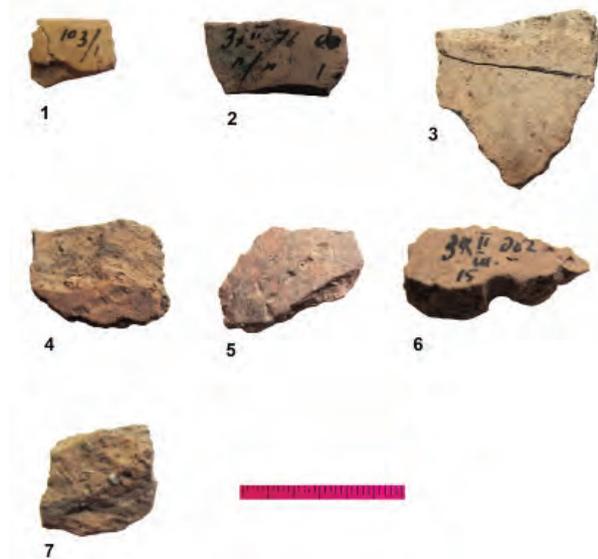

Рис. 6. Зехново II. Керамика:
1–3 – раннеолитическая керамика без орнамента;
4–6 – раннеолитическая керамика с гребенчатым орнаментом; 7 – керамика раннего железного века

Рис. 7. Зехново II. Нуклеусы

определить лишь предположительно. Один нуклеус клиновидный, вытянутых пропорций, для микропластинок с двухсторонней обработкой (рис. 7: 1). Возможно, клиновидными были еще два фрагментированных ядрища для пластинок – одно с двухсторонней обработкой (рис. 7: 3) и второе почти без обработки, но с оформленным в нижней части ребром (рис. 7: 2). Один из нуклеусов – просто массивный отщеп, с торца которого снято несколько микропластинок (рис. 7: 4). Двухплощадочных нуклеусов во фрагментированном состоянии с противоположащими площадками 2 экз., оба для пластинчатых отщепов (рис. 7: 5). Один фрагмент является поперечным сколом поджигления площадки конического или призматического нуклеуса для пластинок. Тип еще двух нуклеусов неопределим. Высота целых и расколотых вдоль нуклеусов от 31 до 66 мм. Судя по размерам пластинок, существовали и более крупные ядрища высотой более 70 мм. Следы подготовки зоны расщепления к скалыванию – подработка края мелкими сколами (перебор карниза), иногда совмещенная со скруглением кромки.

Абсолютное большинство каменного инвентаря (1593 экз., 86 %) составляют отщепы (1500 экз.) и осколки (93 экз.) кремьена. Среди них преобладают отходы: чешуйки (до 15 × 15 мм), а также мелкие (до 30 × 30 мм) отщепы и осколки (1470 экз.), что составляет более 90 % общего числа отщепов. Отщепов средних размеров (30 × 30 мм), из которых изготовлена большая часть орудий – 113 экз., крупных отщепов (от 60 × 60 мм) – 10 экз. Фрагментированных отщепов значительно больше, чем целых (1284 экз., 80,6 %). Кремьенные отщепы

с коркой и участками поверхности естественных трещин сравнительно немногочисленны (190 экз., 11,9 %). Это значительно меньше, чем в мастерской Свеклино I, где такие отщепы составляют почти 40 %. Можно предполагать, что первичное расщепление кремня на Зехново II не производилось. Кремня со следами воздействия огня несколько больше (340 экз., 21,3 %), в основном это пережженные отщепы.

Необработанных пластин и пластинок в коллекции 175 экз. (9,4 % всего кремневого инвентаря), в том числе ножевидных 167 экз. (95,4 %) (рис. 8: 1, 2, 4–19, 21–22), ребристых 8 экз. (4,6 %) (рис. 8: 3, 20). Доля пластинчатых заготовок соответствует их доле на поселениях Нижние Котицы V (9,5 %) (Верещагина, 1997. С. 68) и Зехново III (9 %) и несколько больше, чем на поселении Нижние Котицы (4,8 %) (Верещагина, 1997. С. 68). Большая часть пластинок фрагментирована, целых экземпляров всего 15 (9 %). В основном это проксимальные части (79 экз., 45,1 %), дистальных частей 32 экз. (18,3 %). Медиальных частей 49 экз. (28 %), из них сечений 30 экз. (17,1 %) (рис. 8: 5–7), остальные – обломки. Более четверти всех пластин и пластинок имеют на краях более или менее выраженные (не свежие) выщербины – возможно, следы использования. Ширина пластинчатых сколов на памятнике варьирует в широком диапазоне от 6–7 до 33 мм. Преобладают пластинки шириной

от 9 до 16 мм, их 92 экз. (52 %) (рис. 8: 5, 7–14, 16, 19). Микропластинок (шириной от 5 до 9 мм) 26 экз. (14,9 %) (рис. 8: 1–4), пластин (от 16 до 20 мм) 32 экз. (18,3 %) (рис. 8: 6, 15, 17, 18, 20), крупных пластин (от 20 до 25 мм) 22 экз. (13 %) (рис. 8: 21, 22). Очень крупные (свыше 25 мм) пластины единичны (всего 3 экз.).

Длина целых пластинчатых заготовок (всего 15 экз.) колеблется от 18 до 70 мм, чаще 30–40 мм, один экземпляр имеет длину 75 мм. Пропорции целых пластин и пластинок скорее укороченные, длина превосходит ширину не более чем в три раза. Целых заготовок с пропорциями 1:4–1:5 только 3 экз. Большинство пластинчатых сколов Зехново II имеет толщину от 1 до 5 мм (129 экз., 73,7 %). У целых пластин она в основном составляет больше 1/10 их длины (10 экз.), у четырех экземпляров она меньше (до 1/13), и только у одной микропластинки длина превосходит ширину более чем в 20 раз. Подобное соотношение толщины и длины заготовок характерно для сколов, полученных в технике удара, хотя встречается и у отжимных пластин (Гиря, 1997. С. 69; Гиря, Прут, 2015. С. 53; Лозовский, 2012. С. 77). 11 из 15 целых пластинок имеют изгиб до 3 мм, лишь у одной он достигает 6 мм. Скрученных пластинчатых заготовок сравнительно немного: чуть более 10 % (18 экз.). Различия между пластинчатыми заготовками разных горизонтов не улавливается, так как в нижних слоях памятника они очень немногочисленны (23 экз. во втором горизонте).

В целом пластинчатые заготовки стоянки Зехново II несколько более миниатюрны, чем пластинки соседнего неолитического памятника Зехново III. На Зехново II доля пластинок, пластин и крупных пластин практически такая же, но процент микропластинок несколько выше (почти 15 % против 8 %), а очень крупных пластин, наоборот, меньше (1,7 % против 7 %). Они также несколько короче, чем на Зехново III, тоньше и чуть менее изогнутые. На Зехново III длина целых пластин могла превышать 110 мм, а в основном составляла 30–60 мм, 76 % пластинок Зехново III имеют толщину от 2 до 7 мм, а 75 % целых пластин – изгиб от 1 до 5 мм. Большее сходство по ширине пластинки и пластины с Зехново II имеют с пластинчатыми заготовками расположенных на левом, противоположном берегу Селижаровки поселений Нижние Котицы и Нижние Котицы V (Верещагина, 1997. С. 69).

Пластин и пластинок правильной огранки меньше (75 экз., 42,9 %), чем неправильных (100 экз., 57,1 %). Преобладают пластинки треугольного сечения (92 экз., 52,6 %), трапециевидных 74 экз. (42,3 %), четырехгранные многочисленны (9 экз.,

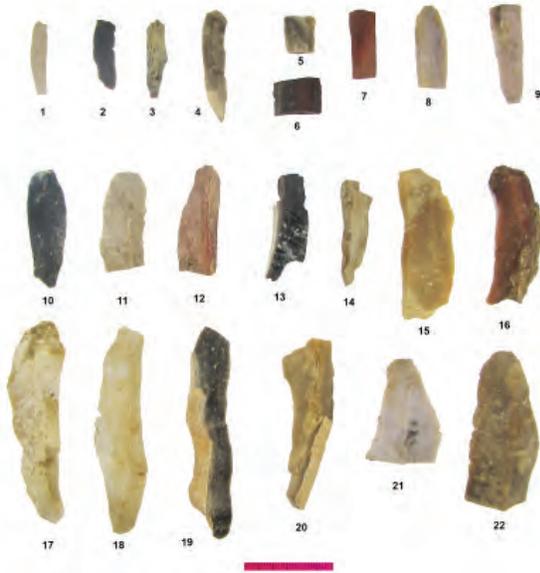

Рис. 8. Зехново II. Пластинчатые сколы:
1–4 – микропластинки; 5, 7–14, 16, 19 – пластинки;
6, 15, 17, 18, 20 – пластины;
21, 22 – крупные пластины

5,1 %), многогранные отсутствуют. Пластинок с коркой и с участками поверхности естественных трещин 27 экз. (15,4 %), 16 экз. (9,1 %) имеют заломы на дорсальном фазе, 19 экз. (10,9 %) – пережженные. Различия с Зехново III незначительны. Так, на Зехново III процент правильных пластинок чуть больше (46 %), трапециевидных в сечении пластин почти половина (49 %), одно- и многогранные единичны, пластинок с коркой и поверхностью трещин 17 %.

Огранка дорсальных поверхностей пластинчатых сколов на Зехново II чаще параллельная (однонаправленная) (90 экз., 51,4 %), на еще 19 экз. (10,9 %) негативы параллельных снятий сочетаются с участками корки и поверхностных трещин, а также снятиями подготовки нуклеусов, что вместе составляет 109 экз. (62,3 %). Встречное предшествующее скалывание (в различных сочетаниях) отмечено значительно реже (32 экз., 18,6 %). Прочие варианты огранки дорсальной поверхности пластин немногочисленны. Ребристых пластин 8 экз. (4,6 %), а двусторонние реберчатые практически отсутствуют. 42 экземпляра (24 %) имеют огранку, свидетельствующую, что они были сняты с оформленных ретушью нуклеусов/пренуклеусов. Снятия с пренуклеусов очень немногочисленны (9 экз., 5,1 %), резко преобладают пластинки, снятые с нуклеусов (166 экз., 94,9 %), в том числе «чистые» пластины и пластинки (116 экз., 66,3 %); угловые сколы 47 экз. (26,9 %); сколы переоформления и/или исправления призматического рельефа поверхности скалывания – 3 экз. (1,7 %). Соотношение сколов соответствует в общих чертах тому, что наблюдается на памятниках, которые специализировались на производстве пластин, когда с пренуклеуса снималось несколько первичных сколов, далее шли сколы оформления плоскости скалывания, а основную массу составляли «чистые» пластины (Лозовский, 2012. С. 77). Целых пластинчатых сколов и дистальных концов 42 экз. (24 %). Из них 37 пластинок (почти 90 %) с перовидным окончанием, 4 экз. (9,5 %) с петлеобразным (заломом), ныряющее окончание – 1 экз. Проксимальных концов и целых пластин 94 экз., из них неконическое начало предположительно определено только у двух сколов. Ударные бугорки чаще плоские (50 экз., 54,2 %). Радиальные трещины на бугорке есть примерно у четверти пластин и пластинок (21 экз., 22,3 %). Вентральная линия площадок отмечена выступающим карнизом у трети пластинчатых сколов.

Больше всего пластинок с гладкими ударными площадками (40 экз., 42,6 %), еще 16 экз. (17 %) с выщербинками. Ретушированных площадок более 20 % (21 экз.). Пластинки с естественными и дву-

гранными площадками очень немногочисленны. Ширина площадок от 2 до 23 мм, глубина от 0,5 до 9,5 мм, преобладают узкие неглубокие (шириной до 7 и глубиной до 2,5 мм). Глубину свыше 2,5 мм имеют только ударные площадки шириной более 7 мм. Точечные площадки единичны (2 экз.). Пластинок с тонкими (линейными) площадками глубиной 0,5–1,5 мм 34 экз. (36,2 %). Такая доля сколов с тонкими площадками может свидетельствовать о применении мягкого каменного отбойника (Киосак, 2012. С. 113, 116).

Пластинчатые сколы без каких-либо следов обработки зоны расщепления отсутствуют, практически на всех отмечаются следы выравнивания карниза (84 экз., 89,4 %), часто встречаются скругления (затупливания) кромки (44 экз. 46,8 %), что позволяет предполагать использование для подобной подготовки абразива. Следы пришлифовки на площадке отмечены только у двух пластинок. Не исключено, что в отдельных случаях встречаются приемы освобождения и изолирования площадки.

Артефактов с вторичной обработкой 77 экз. (4,1 %) (рис. 9). Из них 53 экз. – типологически выраженные орудия и их фрагменты, пластинка с частичной ретушью по краю и 23 отщеп с нерегулярной ретушью. 18 орудий изготовлены на ножевидных пластинках и пластинах, одно – на ребристой пластинке, 31 – на отщепах, три – из плиток или кусков кремня. Следы воздействия огня отмечены на 12 артефактах, чаще это пережженные изделия, в единичных случаях можно предполагать преднамеренную термообработку.

Наиболее многочисленные скребки (13 экз.): 10 на отщепах размерами от 25 × 25 мм, три на пластинах шириной от 16,6 мм. Все они оформлены на дорсальном фазе заготовки, с одним выпуклым лезвием, скошенным или нескошенным. Преобладают концевые скребки на отщепах (6 экз.) (рис. 9: 15, 17, 20). Концевых скребков на пластинах 3 экз. (рис. 9: 13, 14). Один скребок нуклеидный массивный с выпуклым лезвием (рис. 9: 18). Тип одного фрагмента неопределим, другой фрагмент, возможно, обломок крупного округлого скребка валдайского типа (рис. 9: 19). Один скребок со стрельчатым лезвием на отщепе – видимо, комбинированное орудие: на его боковой стороне крупной зубчатой ретушью оформлено лезвие (рис. 9: 16). Возможно, что скребком являлось еще одно фрагментированное орудие на отщепе с сохранившимся небольшим участком скребковой ретуши.

Скобелей (отщепов с выемками) 8 экз., все на отщепах средних размеров, обычно с одной

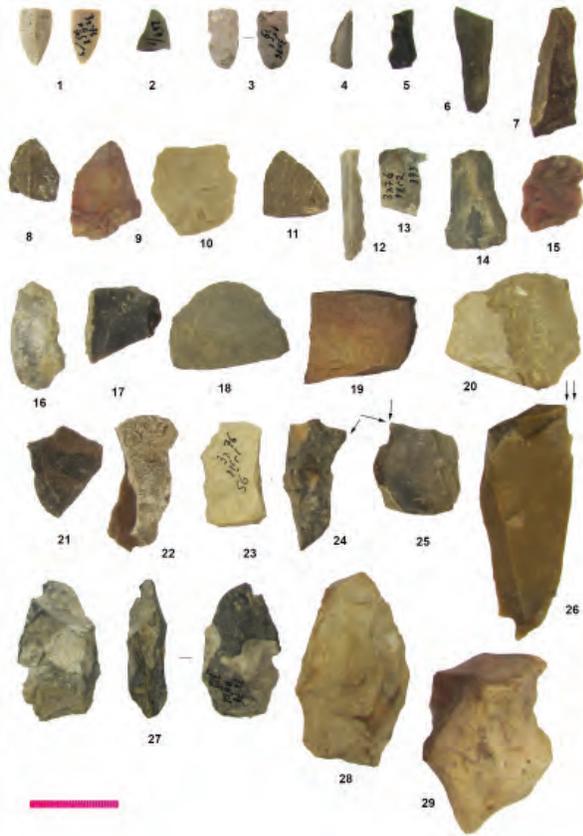

Рис. 9. Зехново II. Орудия: 1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент орудия; 3, 4 – ножевидные пластинки с ретушью по сторонам; 5–7 – ножевидные пластинки со срезанным концом; 8, 9 – острия; 10 – отщеп с прямо срезанным концом; 11 – нож; 12 – изделие с зубчатым краем; 13–20 – скребки; 21–23 – скобели; 24–26 – резцы; 28 – заготовка наконечника

(6 экз.), реже с двумя (2 экз.) выемками (рис. 9: 21–23). Выемки обычно пологие, диаметром чаще 8–15 мм, оформлены дорсальной или вентральной крутой краевой ретушью.

Резцов 6 экз., из них пять угловых на сломе заготовки: один на медиальной части массивной крупной пластины (рис. 9: 24) и четыре на отщепе, чаще средних размеров (рис. 9: 26). Один резец двугранный угловой на отщепе (рис. 9: 25). Преобладают резцы с одной режущей кромкой, чаще со следами подправки.

Наконечник стрелы один, фрагментированный, изготовлен на ножевидной пластинке шириной 11 мм краевой полукрутой вентральной ретушью по широкому треугольному насаду и, вероятно, острию (рис. 9: 1). Не исключено, что массивное

листовидное изделие (65 × 40 × 25 мм), изготовленное двусторонней оббивкой, является заготовкой наконечника стрелы (рис. 9: 28).

Острия представлены двумя слегка асимметричными экземплярами. Одно фрагментированное на пластинке неправильной огранки (рис. 9: 8), другое целое на отщепе подтреугольных очертаний (рис. 9: 9), оба оформлены полукрутой дорсальной ретушью.

Рубящее орудие – единственная заготовка небольшого (47,2 × 26,7 × 13,7 мм) желобчатого тесла. Изделие треугольной формы с выпуклыми сторонами, обожженное, с двусторонней оббивкой (рис. 9: 27).

К «типологически выраженным» орудиям можно также отнести ножевидные пластинки и их сечения с регулярной протяженной краевой ретушью по одной (5 экз.) или двум (3 экз.) сторонам (рис. 9: 3, 4), ножевидные пластинки (2 экз.), со срезанным концом, прямым или слегка выпуклым (рис. 9: 7), ножевидную и ребристую пластинки с косо срезанным концом (рис. 9: 5, 6). Ретушь чаще мелкая, дорсальная. Также орудиями можно считать два отщепе с прямо (рис. 9: 10) и косо срезанным крутой краевой дорсальной ретушью концом и отщеп с регулярной мелкой краевой сплошной ретушью по одной стороне (рис. 9: 11) – возможно, нож или пила. В коллекции также представлены два изделия с зубчатым краем на отщепе (рис. 9: 12); отдельность кремня с частичной двусторонней оббивкой (рис. 9: 29) – видимо, брошенная заготовка; два неопределимых фрагмента орудий с одно-сторонней (?) сплошной (?) ретушью на отщепе и на пластинке со скругленным (?) концом (рис. 9: 2).

В заключение можем констатировать, что Зехново является, скорее всего, сезонной стоянкой, возможно неоднократного посещения. В пользу такого ее использования свидетельствуют как малое количество первичных отщепов (т.е. первоначальное расщепление происходило за пределами стоянки, а здесь производилась только вторичная обработка орудий), так и состав инвентаря (единичные наконечники стрел и рубящих орудий). Соглашаясь с Н.Н. Гуриной о принадлежности данного памятника к валдайской культуре, считаем, что стоянка Зехново II, исходя из анализа ее материалов, была обитаема в период раннего неолита, а не в мезолите, как предполагалось ранее (Гурина 1997. С. 223).

Масштабность проводимых работ Верхневолжской экспедиции в 70–80-е гг. прошлого века не всегда сопровождалась должной публикационной

деятельностью. Этому не способствовали огромная административная работа начальника экспедиции Н.Н. Гуриной, одновременные полевые исследования (наряду с верхневолжскими) в Белоруссии, Прибалтике, Карелии, на Кольском полуострове и в Сибири, несомненно расширявшие кругозор исследователя, дававшие дополнительный, а нередко и качественно новый материал, но вместе с тем и требовавшие колоссальных временных затрат. Эта тенденция со временем все более превалировала в сторону экспедиционной деятельности. Видимо, данные обстоятельства привели к тому, что материалы многочисленных памятников привлекались нередко лишь в качестве аналогий, в вырванном контексте, для иллюстрации выдвинутых положений, не устаиваясь подробной публикации комплексов. Положение усугубилось позднее, когда в результате неоднократных перемещений коллекций, неудовлетворительного хранения как материалов, так и документации, полного отказа от передачи их в местные музеи происходили многочисленные утраты результатов раскопочной деятельности. Поэтому сейчас, пусть и с опозданием, решено основное внимание уделить не полемике, не усилению аргументации выдвинутых ранее предположений, а публикации материалов отдельных раскопанных археологических объектов, чтобы собрать вместе и сохранить пока еще имеющуюся информацию, с тем чтобы ею в дальнейшем могло воспользоваться как можно большее число исследователей при постановке и решении частных и более общих проблем. В том, что будущие поколения археологов будут обладать более совершенными методами анализа археологических коллекций, не приходится сомневаться, поэтому необходимо дать им знать, что эти коллекции существуют, показать, где они находятся и что из себя представляют.

Источники и литература

- Верещагина И.В., 1997. Поселения южного побережья Селижановского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 2.
- Верещагина И.В., Сеницына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л.Г., Шумкин В.Я., 1995. Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. I: Материалы к археологической карте.
- Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий // Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 2.

- Гиря Е.Ю., Прут А.А., 2015. Вторичные боковые сопутствующие сколы как критерий определения отжимной техники // Методы изучения каменных артефактов: Материалы международной конференции (Санкт Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб.
- Гурина Н.Н., 1976. Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции в 1976 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15.
- Гурина Н.Н. 1997. Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волговерховья // Каменный век Верхневолжского региона. СПб. Вып. 2.
- Киосак Д.В., 2012. Первичное расщепление кремня на стоянке Белолесье (Юго-Западная Украина) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.
- Крижевская Л.Я., 1950. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. № 13.
- Лозовский В.М., 2012. Культурные традиции в мезолите Волго-Окского междуречья: технологический подход // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.

Междисциплинарные исследования

Кожаные материалы из шурфов 2020 г. у Дома Советов в г. Калининграде¹

Н. А. Боковенко², А. В. Курбатов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-179-189

Введение. В июне–августе 2020 г. археологическая экспедиция Отдела охранной археологии ИИМК РАН произвела археологическое обследование (разведку) с целью выявления объектов культурного наследия в границах земельного участка по адресу: г. Калининград, пл. Центральная. Территория обследования составляет 4,9 га. Исследованный участок примыкает с востока к территории Замка, его южная часть находится над северными кварталами бывшего района Альтштадт, а восточная – примыкает к бывшим кварталам Лебенихта.

Значительные разрушения Замок и его округа получили в период Великой Отечественной войны. Руины районов Альтштадта и Лебенихта были снивелированы тяжелой техникой и частично вывезены на строительство в другие районы. Расположенные в историческом центре прусской столицы остатки Замка являлись до своего полного разрушения в 1967–1969 гг. архитектурной доминантой Кенигсберга/Калининграда. Ныне на его месте находится южная часть Центральной площади. В 1975 г. руины Замка были окончательно скрыты под поверхностью Центральной площади города.

¹ Работа выполнена в рамках темы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0014 «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» и № FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа. E-mail: nibo25@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Земляные работы с целью поиска культурных ценностей велись различными организациями на территории Замка практически сразу после его штурма весной 1945 г., но системные исследования остатков Замка начались лишь в 90-е гг. XX в. В процессе раскопок 1999 г. в северо-западной части Лебенихта силами Балтийской и Деснинской экспедиций ИА РАН была обнаружена часть средневековой городской застройки, хронологически разбитая на восемь строительных периодов.

С 1993 по 2007 г. Балтийская экспедиция ИА РАН (рук. В.И. Кулаков) на территории объекта культурного наследия «Королевский замок» проводила археологические раскопки в западной части Замка. Затем работы продолжили сотрудники музея «Пруссия» (директор А. А. Валувев) под научным руководством В.И. Кулакова. В раскопах были раскрыты остатки западной части Замка и кирпичной стены южного фасада «здания Унфрида». К 2005 г. были вскрыты фундаменты главной башни и подвальные помещения Западного флигеля (площадью около 750 кв. м). В 2005 г. Министерство культуры РФ поддержало работы по консервации этого уникального памятника. Остатки раскрытых фундаментов были закрыты от осадков (Кулаков, 2008. С. 115).

В 1999 г. В.И. Кулаков заложил раскоп площадью 228 кв. м, расположенный в 260 м к юго-востоку от Замка, по адресу Московский проспект, д. 83 (на месте будущей бензоколонки). Были исследованы каменные конструкции и слои со щепой, из которых извлечен представительный объем отходов косторезного производства XIII в. Также в раскопе обнаружены многочисленные находки, относящиеся ко всем периодам существования Кенигсберга (XIII–XIX вв., начала и середины XX в.) (Кулаков, 1999).

Первые масштабные археологические исследования на восточном берегу р. Преголя, на острове

Октябрьский провели в 2006 г. археологи Л.А. Карелова и Е.А. Калашников, на территории строительства культурно-этнографического центра «Рыбная деревня». В четырех раскопах общей площадью 1177 кв. м были раскрыты культурные слои XVIII–XIX вв. и зафиксированы в переотложенном виде отдельные находки XIV–XVII вв.

В 2008 г. О.А. Радюш заложил шурф № 25 (4 × 4 м) в 86 м к юго-западу от юго-восточного угла Дома Советов, в котором были изучены слои с археологическими материалами XIII–XX вв. В 2016 г. силами сотрудников ГБУК «Калининградский областной историко-художественный музей» (руководитель К.Н. Скворцов) и привлеченных специалистов были изучены остатки фундамента Дома Конвента – древнейшей части Королевского замка Кенигсберг. В 2017–2018 гг. под руководством Е.А. Калашникова проводились спасательные археологические раскопки в зоне строительства объекта «Многokвартирный жилой дом с встроенными нежилыми помещениями и подземной автостоянкой по ул. Клинической в г. Калининграде». Участок находится в 0,57 км к северу от русла р. Преголя, на вершине и склоне восточного коренного берега Нижнего пруда, на территории исторической части города Кенигсберга, носившей название Фордерросгартен (Vorder Rossgarten). Здесь была обнаружена уникальная гончарная мастерская конца XVI – первой половины XVII в. с массовым разнообразным керамическим материалом.

Кроме этого, в разное время вблизи участка раскопок 2020 г. были зафиксированы археологические памятники: 1) неолитическое поселение Конунгаберг на месте форбурга разрушенного Королевского замка; 2) стоянка эпохи неолита–бронзы на мысу при слиянии Самбийской Преголи и рукава Натангийской Преголи (ул. Октябрьская); 3) грунтовой могильник IV–V вв. на локальной возвышенности (?) в районе селения Юдиттен (ныне пос. Менделеево в Октябрьском районе Калининграда); 4) грунтовой могильник II–IV вв. на пересечении Московского проспекта и ул. Ялтинской (Kupferberg) (Свод, 2005).

Таким образом, анализ археологических данных, а также картографического материала, архивных и литературных источников позволил увидеть следующую картину: 1) район обследуемой территории находился в зоне активного хозяйственного освоения человека с периода не позднее раннего Средневековья и связан с памятниками римского времени, а также «прусской культуры» VI–XIII вв.; 2) сложение городской застройки исследуемой территории началось в XIII в.; 3) значительные остатки архитектурных сооружений и культурного слоя исторических районов – северной

части Альштадта и западной части Лебенихта – скорее всего, находятся под строительным мусором XX в. Это центр исторической части Кенигсберга, освоение которой началось не позднее XIII в., а согласно письменным источникам, и ранее. Большую часть территории обследования занимают исторический район Старого города (Альштадт) и граница с расположенным восточнее Лебенихтом. Восточный фасад Королевского замка проходит вдоль западной границы территории.

Объекты раскопок 2020 г. Для изучения культурного слоя на территории обследования было заложено 10 шурфов общей площадью 63 кв. м, расположенных в южной, восточной, центральной и северной частях территории.

Шурф 1-2 (размеры 6 × 2 м, глубина 5,5 м) расположен в 58 м к юго-востоку от южного угла недостроенного здания «Дома Советов», в 145 м к западо-юго-западу от павильона АЗС по адресу Московский проспект, 81 и в 20 м севернее проезжей части Московского проспекта. Верхние слои являются техногенными на глубину 1,5–2 м. После разборки слоя серой супеси на отметках 1,4–1,45 м БС открылся сильно гумусированный оторфованный слой с большим количеством щепы мощностью до 1,5 м. Структура слоя во всей его толще оставалась неизменной, сильно увлажненной и с большим количеством органических остатков: навоза, щепы и пр. В слое были зафиксированы два яруса остатков деревянных конструкций, по которым и велась фиксация. Верхний деревянный настил был зафиксирован на отметках 1,12–1,20 м БС, т.е. на глубине около 0,25 м от кровли оторфованного слоя. Из лежащего над настилом слоя происходят 124 артефакта, представленных преимущественно кожаными обрезками и фрагментами кожаных изделий. Кроме них найдены фрагменты сероглиняных сосудов, кремневые сколы, железные гвозди, свинцовая пластина. Ниже, на отметках 1,01–1,05 м БС был зачищен второй деревянный настил, состоящий из доски шириной 0,50 м и толщиной 0,05 м, положенной перпендикулярно верхнему настилу по оси север–юг вдоль улицы Polnische Straße. Длину настила установить не удалось, поскольку он уходит в северный и южный борта шурфа. Около западного края настила была найдена костяная ручка от ножа. Подобные изделия встречены в слоях г. Кенигсберга XIII–XIV вв. Из слоя ниже настила происходят 469 археологических находок, представленных фрагментами сероглиняных сосудов, предметами быта, фрагментами кожаных изделий и обрезками кожи. Интересной находкой является деревянная лоханка, вытесанная из цельной древесины.

Шурф 3 имел размеры 3×3 м и глубину 4,6 м. Он расположен в 65 м к юго-востоку от южного угла недостроенного здания «Дома Советов», в 111 м к западо-юго-западу от павильона автозаправочной станции по адресу Московский проспект, 81 и в 35 м к северу от проезжей части Московского проспекта. После разбора фиксируемых в шурфе коммуникаций был разобран нижележащий слой темно-коричневой гумусированной мешаной супеси мощностью до 0,60 м. Верх этого слоя зафиксирован непосредственно под кирпичной платформой на отметках 1,78–1,81 м БС, а низ – на отметках 1,20–1,25 м БС. Мешаная структура слоя (присутствие в его составе камней, фрагментов кирпичей и комков голубой глины) говорит о его единовременной отсыпке, вероятно, с целью подъема уровня дневной поверхности. Фиксируемые ниже прослойки серой стерильной супеси отражают подтопления территории, для борьбы с которыми, вероятно, и была произведена насыпка слоя. Сходная картина фиксировалась и в шурфе 1-2. При разборке слоя найдено 11 артефактов, в основном фрагментов сероглиняных сосудов, находящихся в переотложенном состоянии.

После разборки данного слоя открылся слой коричневого торфа мощностью 0,10–0,20 м. Его верх зафиксирован на отметках 1,15–1,20 м БС. Лежащая над ним прослойка серой стерильной супеси мощностью до 0,05 м свидетельствует о незначительном подтоплении территории. Стратиграфически она идентична слою серой супеси с примесью гравия и фрагментов красного кирпича, фиксируемому в шурфе 1-2 также под слоем мешаной супеси, но на отметках от 1,40–1,70 м БС. Сам слой коричневого торфа имеет гомогенную структуру, при его разборе археологических находок не найдено, что, вероятно, свидетельствует о слабой антропогенной нагрузке на территорию в период его формирования, а также о ее заболоченности в то время.

После разборки слоя коричневого торфа открылся нижележащий темно-коричневый гумусированный оторфованный слой со щепой и навозом, верх его фиксировался на отметках 0,99–1,03 БС. Слой мощностью около 0,20 м, почти без минеральных фракций, имел органическое наполнение. При разборке слоя найдено 133 коровьих рога. Здесь же был обнаружен березовый веник. Столь значительная концентрация рогов на площади до 5 кв. м (площадь шурфа сократилась из-за стен кирпичной постройки) говорит, вероятно, о нахождении поблизости косторезной мастерской, возможно производившей сосуды из коровьих рогов. Кроме рогов, в слое зафиксированы 137

находок: фрагменты сероглиняных сосудов, деревянные изделия, в том числе фрагменты деревянной посуды, а также латунная (?) пряжка, бусина синего стекла и фрагмент железного ножа. Кроме того, найдено много фрагментов кожаной обуви и кожаных обрезков.

После разборки темно-коричневого гумусированного оторфованного слоя со щепой и навозом открылся нижележащий темно-серый слой со сходным наполнением. Его верх зафиксирован на отметках 0,80–0,85 м БС. Мощность его точно определить невозможно из-за отсутствия литологически выраженной подошвы слоя, поскольку в нижней своей части он переходит в слой коричневого торфа. Отсутствие деревянных конструкций (настилов, мостовых и пр.), показывающих начало формирования слоя, приводило к тому, что верхняя часть слоя коричневого торфа, на который легла изначальная антропогенная нагрузка, перемешивался. Находки в слое торфа фиксировались до отметок 0,25–0,30 м БС, т.е. суммарная мощность нижнего культурного слоя составляет около 0,60 м. В верхней части слоя было зафиксировано 20 коровьих рогов и 240 находок. К массовому материалу относились фрагменты сероглиняных сосудов, а к индивидуальным находкам – железные нож, крючок рыболовный, два фрагмента изделий и гвоздь, пломба свинцовая, бусина желтого полупрозрачного стекла, латунная (?) накладка. Кроме них, было найдено большое количество фрагментов кожаной обуви и кожаных обрезков. В данной работе анализируется только комплекс кожаных предметов.

Состав коллекции. Настоящая коллекция собрана из шурфов 1-2 и 3, расположенных на расстоянии 12–15 м друг от друга и занимающих топографически сходные участки. Стратиграфические слои, из которых происходят кожаные предметы и обрезки, а также их состав и численность позволяют предполагать одновременность бытования и археологизации всех находок. Поэтому при подсчетах предметы не разделялись по шурфам (табл. 1).

Из общего количества кожаных предметов (366 ед.) большинство составляют разные варианты обрезков в количестве 239 ед., среди которых обрезки с края шкуры – 36 ед., обрезки от раскроя – 113 ед., тонкие обрезки со швами (деталей?) – 77 ед. и более крупные обрезки деталей – 13 ед. Большинство определяемых деталей принадлежит обуви, в том числе: подошвы в количестве 30 ед., подкладки к подошве – 3 ед., головки сапог – 3 ед., поднаряды – 5 ед., вкладыши в задник –

Таблица 1. Состав и количество кожаных предметов

№ оп.	Наименование предметов	Кол-во	№ шурфа
73	Обрезки: с края шкуры – 1, от раскроя – 2	3 ед.	1-2
95	Чехол для ножа (?)	1 ед.	1-2
107	Подошва – 3, подпяточная подкладка – 1	4 ед.	1-2
108	Головка сапога – 1, подкладка – 1	2 ед.*	1-2
109	Подошва (пятка)	1 ед.	1-2
110	Фрагменты ранта – 4, прокладки в подошве – 2	6 ед.	1-2
111	Обрезок со швом	1 ед.	1-2
112	Фрагменты ранта	3 ед.	1-2
113	Обрезки от раскроя	4 ед.	1-2
125	Подошва	1 ед.	1-2
126	Подошва – 1, рант – 3	4 ед.*	1-2
127	Подошва	1 ед.	1-2
128	Кожа мошонки животного	1 ед.	1-2
129	Обрезок с края шкуры	1 ед.	1-2
130	Обрезок головки со швом – 1, фрагмент ранта – 1	2 ед.	1-2
131	Фрагменты ранта – 3, тонкие обрезки верха обуви со швами – 4	7 ед.	1-2
132	Обрезки: с края шкуры – 3, узкие от верха обуви – 4, обрезок детали без шва – 1. Фрагменты поднаряда – 2, часть завязки – 1, обрезок голенища – 1	12 ед.*	1-2
133	Обрезки от раскроя – 9, обрезки с края шкуры – 4	13 ед.	1-2
135	Обрезки: тонкие от раскроя – 21, тонкие со швами – 2	23 ед.	1-2
163	Обрезок с края шкуры	1 ед.	3
165	Обрезок с края шкуры (нарост от личинки овода)	1 ед.	3
166	Подошва	1 ед.	3
167	Подошва	1 ед.	3
168	Подошва	1 ед.	3
169	Фрагменты ранта	2 ед.	3

№ оп.	Наименование предметов	Кол-во	№ шурфа
170	Тонкие обрезки со швами – 7, фрагменты ранта – 5	12 ед.	3
171	Тонкие обрезки от раскроя – 6	6 ед.	3
172	Обрезок детали (?)	1 ед.	3
173	Обрезок с края шкуры	1 ед.	3
174	Обрезок с края шкуры	1 ед.	3
175	Фрагменты деталей верха обуви – 3.	3 ед.	3
215	Тонкие обрезки от раскроя – 26, завязка – 1	27 ед.	3
216	Верх туфли – 1	1 ед.	3
217	Заплата нашивная	1 ед.	3
218	Поднаряд	1 ед.	3
219	Мелкие фрагменты подошвы – 7, фрагменты ранта – 4	11 ед.	3
220	Фрагмент ранта	1 ед.	3
221	Подошва	1 ед.	3
222	Деталь неопред. изделия	1 ед.	3
223	Обрезки: с края шкуры – 2, деталей верха обуви – 2. Завязка – 1	5 ед.	3
246	Тонкие обрезки от раскроя – 40, обшивка верха обуви – 3	43 ед.	1-2
247	Узкие обрезки со швами: обрезки подошв – 4, обрезки верха обуви – 31	35 ед.	1-2
248	Подошва	2 ед.	1-2
249	Подошва	10 ед.*	1-2
250	Детали верха обуви	4 ед.	1-2
251	Детали верха башмака – 4, завязки – 2	6 ед.*	1-2
252	Детали верха обуви	3 ед.	1-2
253	Чехол для ножа	1 ед.	1-2
254	Верх туфли – 4, головка сапога – 1, голенище – 1	6 ед.	1-2
255	Обрезки: верха обуви со швами – 25, деталей без швов – 11, с края шкуры – 19. Фрагменты деталей обуви – 10, заплата – 2, завязка – 2, вкладыш задника – 2	71 ед.	1-2
260	Усилительная накладка	1 ед.	3

№ оп.	Наименование предметов	Кол-во	№ шурфа
261	Фрагмент детали верха обуви	1 ед.	3
262	Заплата нашивная	1 ед.	3
290	Обрезки: тонкие от раскроя – 5, тонкие со швами – 2	7 ед.	1-2
291	Обрезки головок со швами	4 ед.	1-2
292	Обрезки с края шкуры – 2, вкладыш задника – 1	3 ед.	1-2

* Количество предметов не соответствует полевой описи

3 ед., части ранта – 26 ед., детали верха обуви – 40 ед., фрагменты голенищ – 2 ед., обшивка верха обуви – 1 ед. Незначительна группа иных кожаных предметов: чехлы для ножа в количестве 2 ед., нашивные заплата – 4 ед., завязки – 7 ед., а также предмет, являющийся мошонкой животного (вместитище семенников животного).

Особенности коллекции. Концентрация на небольшой площади значительного числа кожаных предметов определенно указывает на их характер – отходы ремесленной деятельности. При этом высокий процент разных вариантов обрезков, к тому же их однотипность и высокая степень серийности предполагают единую ремесленную традицию выделки кож и пошива изделий, а также относительно узкий хронологический диапазон бытования всей коллекции.

Для городских слоев с высокой плотностью застройки на территории двора мастера-кожевника захоронение отходов производственной деятельности представляется маловероятным. Тем более что отходы производства, вероятно, были рассыпаны на широкой площади непосредственно на дневной поверхности. Такой способ утилизации отходов был возможен только на пустырях или в местах, неудобных для застройки, например на заболоченных низких берегах рек и ручьев. Освоение неудобных внутригородских участков сопровождалось мерами по засыпке низин и выравниванию дневной поверхности. Поэтому местоположение шурфов 1-2 и 3 следует относить к категории низинных участков городской территории, куда в определенное время целенаправленно свозился бытовой мусор, в том числе и отходы из кожаной мастерской. Варианты утилизации кожаных отходов в русских средневековых городах, известные по археологическим данным, изложены в ряде работ. Например, один такой случай описан для Пскова (Курбатов, 2008. С. 211–212; Курбатов, Харлашов, 2004. С. 150–152).

Состав обрезков подсказывает основную специализацию мастера-кожевника – ремонт и пошив кожаной обуви. При ремонте определенно использовали вторично детали изношенной обуви. Об этом говорит большое число тонких обрезков со швами, оставшихся от раскроя деталей уже отслуживших изделий. Судя по имеющимся для сравнения деталям обуви, эти тонкие обрезки со швами также первоначально были частями деталей верха обуви.

Высокий процент выделенной группы обрезков от раскроя предполагает раскрой деталей из новых, еще не использованных кож. Большую часть этих обрезков можно назвать очень тонкими или нитевидными обрезками. Такие обрезки остаются при обработке шивных соединений отдельных деталей изделия, при соединении краев деталей выворотным швом, вынесенным на лицевую или внутреннюю сторону изделия. При сшивании возникает разница в натяжении руками краев двух сшиваемых деталей, вследствие чего шов делают несколько отступающим от торцов сшиваемых деталей. После сшивания выступающие за линию шва участки кожи выравнивают, обрезая лишние выступы в 2–3 мм. Так образуются «нитевидные обрезки».

В коллекции можно отметить высокий процент обрезков с края шкуры. Возможность их выделения в средневековом кожаном материале, а также их значение в составе всех кожаных предметов на каждом из объектов раскопок обоснованы в ряде работ автора (см., например: Курбатов, 2004. С. 60–62). В данной коллекции обрезки с краев шкуры имеют относительно частые (через 0,02–0,04 м) мелкие отверстия вдоль всего края. Эти отверстия – свидетельства особенностей технологического процесса выделки кож, при котором они растягиваются на ровной наклонной поверхности (особый «стол») и закрепляются в натянутом положении мелкими деревянными шпеньками. Это делали, вероятно,

после дубления, при строгании или после него, для более равномерной усадки кож в период их сушки. В коллекции имеется экземпляр обрезка с края шкуры, содержащий прижизненный порок шкуры – нарост в месте нахождения личинки овода. Такие наросты имеют вид разного размера «бородавок» на шкуре. Как правило, в больших коллекциях производственных отходов такие обрезки присутствуют десятками.

Кожевенное сырье. Сырьем служили шкуры крупного и мелкого рогатого скота. Фактура поверхности и другие особенности шкуры разных пород животных отражены в ряде работ (Курбатов, 2004. С. 35–37; 2010. С. 170–172; 2012. С. 115–123). При наличии большого количества мелких обрезков статистическая оценка определимости пород невысока, в данном случае не более 20 %.

Изделия. Преобладающие изделия – обувь. Выделяется по крайней мере два вида обуви – низкие туфли (или башмаки) и сапоги. Но в отсутствие

полных наборов деталей конкретизировать особенности их конструкций затруднительно.

В коллекции присутствует 30 подошв, как целых, так и фрагментированных. Все подошвы имеют выраженный асимметричный раскрой, т. е. скроены для использования в пошиве обуви определенно для правой и левой стопы (рис. 1). Размеры целых подошв составляют 0,22–0,26 м. Среди подошв только одна имела пришивную пятку (рис. 1: 2), остальные кроились целиком. На двух подошвах возле пятки, со стороны бахтармы (изнутри) имеется поперечный потайной шов, показывающий пришивание пяточных подкладок (рис. 1: 1).

На всех подошвах имеется по три или четыре мелких сквозных прокола, расположенных по продольной оси детали – под пальцами, под сводом стопы и под пяткой. Они свидетельствуют об использовании в обуви двух или более слоев кожи, скрепляемых вместе при помощи деревянных шпенок. В нескольких случаях с этой же целью

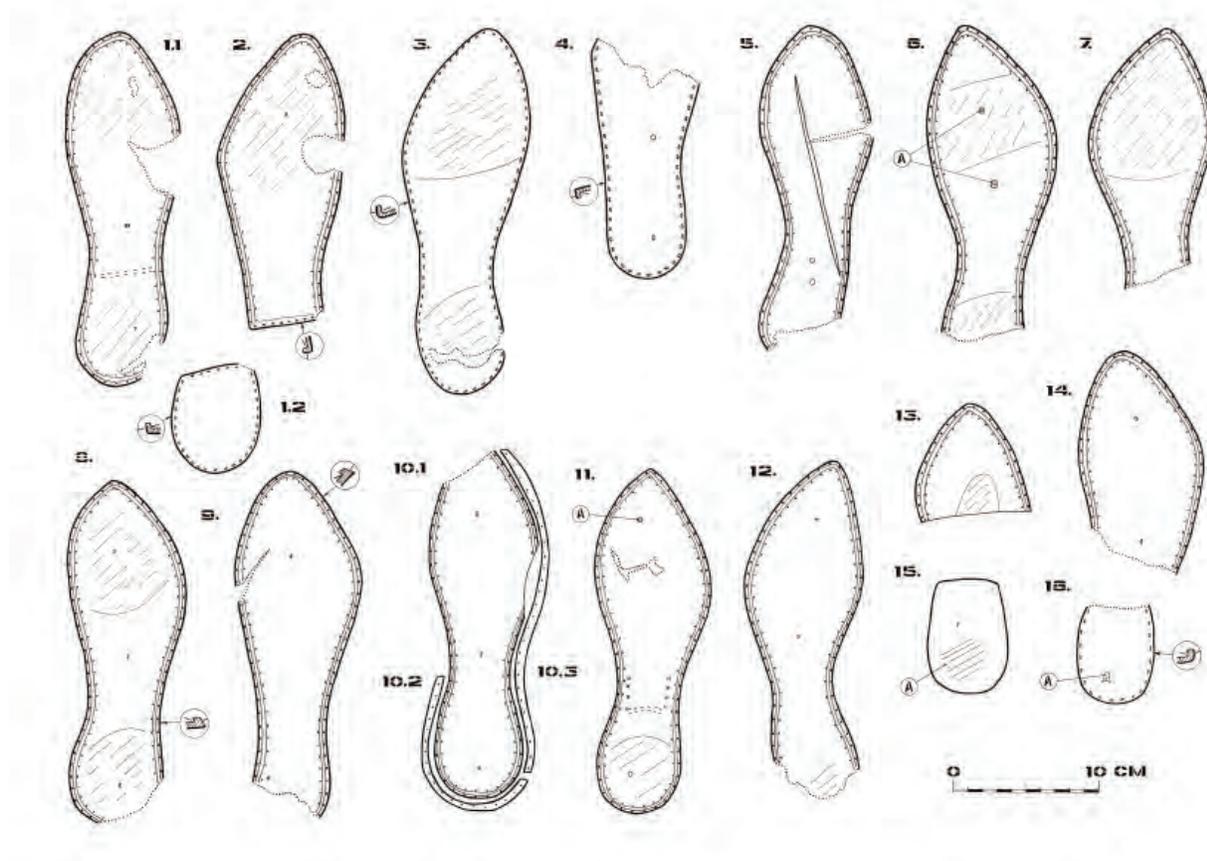

Рис. 1. Подошвы: 1–3 – № 107; 4 – № 168; 5–6 – № 166; 6А – кожаные пробки; 7 – № 249; 8 – № 125; 9 – № 167; 10 – № 126; 11–12 – № 248; 13–16 – № 249; 15А – с мереи зачистка напильником; 16А – кожаный ремешок сквозь подошву

отмечаются более крупные отверстия, в которые были вставлены, а в трех случаях и сохранились, свернутые кусочки кожи, своего рода «кожаные пробки» (рис. 1: 6, 11, 16). Подобный прием ранее не встречался в коллекциях кожи.

Выразительной особенностью подошв служит их различие по толщине. Самые тонкие имеют толщину 1,1–1,8 мм, тогда как самые толстые достигают 3,5–4 мм. Принадлежность подошв различной толщины определенным видам обуви в данной коллекции не устанавливается. Однако такое разделение подошв интересно в отношении выделки кожи. Следует предположить, что кожу для толстых подошв выделывали с использованием специального технического приема – «нажора», при котором кожу выдерживали в разведенной водой извести. При этом кожа существенно разбухала, а после сушки приобретала большую жесткость, по сравнению с другими кожами. Этот прием применялся для выделки только подошвенных кож.

В коллекции присутствует 26 деталей ранта, что почти соответствует количеству подошв. Можно

осторожно предполагать, что рант использовался в обуви разных видов (рис. 1: 10). В настоящей коллекции рант представляет узкую полоску толстой кожи, имевшую в поперечном сечении форму вытянутого треугольника, вшиваемую в место соединения верха и подошвы обуви. Рант закрывает этот шов и предотвращает его стирание, а также уплотняет место стыковки деталей, делая его влагонепроницаемым.

Верх обуви. Имеется два относительно полных набора деталей верха мягкой туфли или башмака и несколько отдельных деталей, в том числе с оборванными краями (рис. 2). По ним видно, что верх туфли кроился из трех или большего числа деталей, сшиваемых друг с другом тачными швами. Толщина кожи составляла 1,1–1,3 мм. Верхний край туфель обшивался тонкой полоской кожи, сложенной вдвое. Вдоль верхнего края делались пары вертикальных прорезей, сквозь которые пропускался кожаный ремешок, стягивавший обувь на стопе. Верх сапог представлен отдельными деталями передка – головками и поднарядами, а также обрезками голенищ и уплотнительными треугольными вставками в задник (рис. 3).

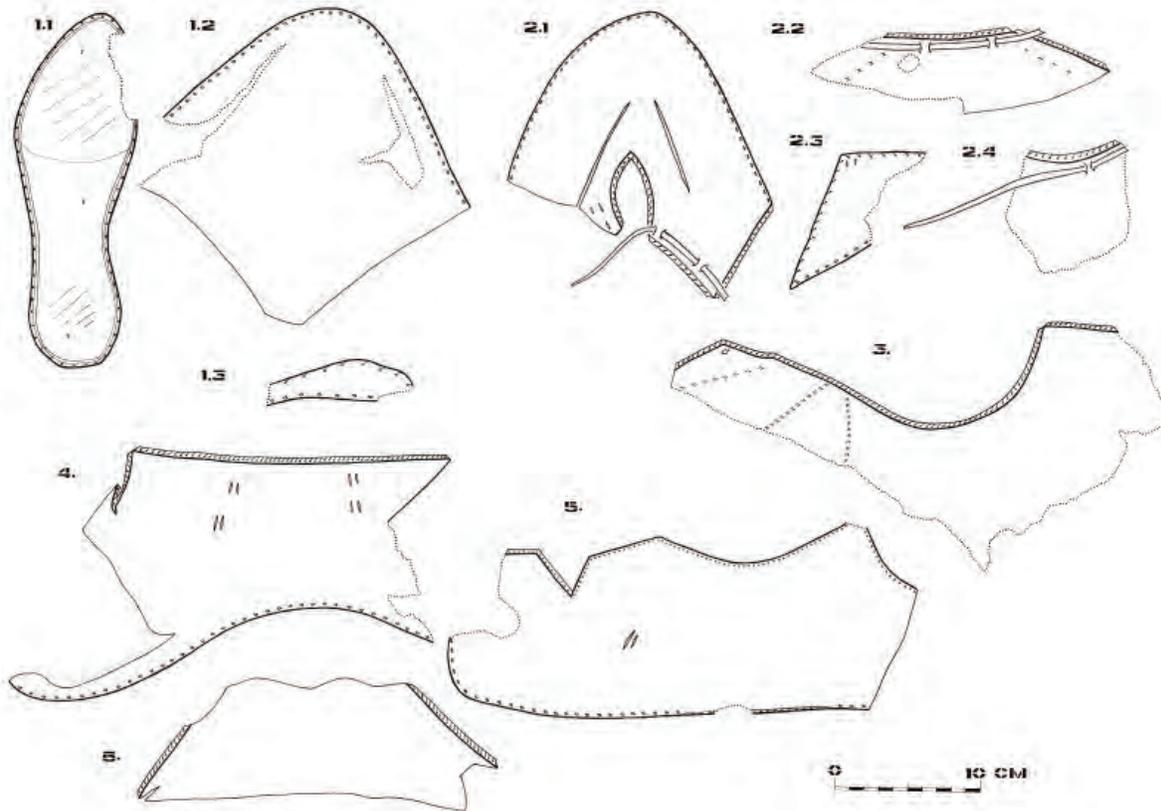

Рис. 2. Детали низкой обуви: 1.1 – № 127; 1.2–1.3 – № 108; 2.1–2.4 – № 251; 3 – № 216; 4–6 – № 254

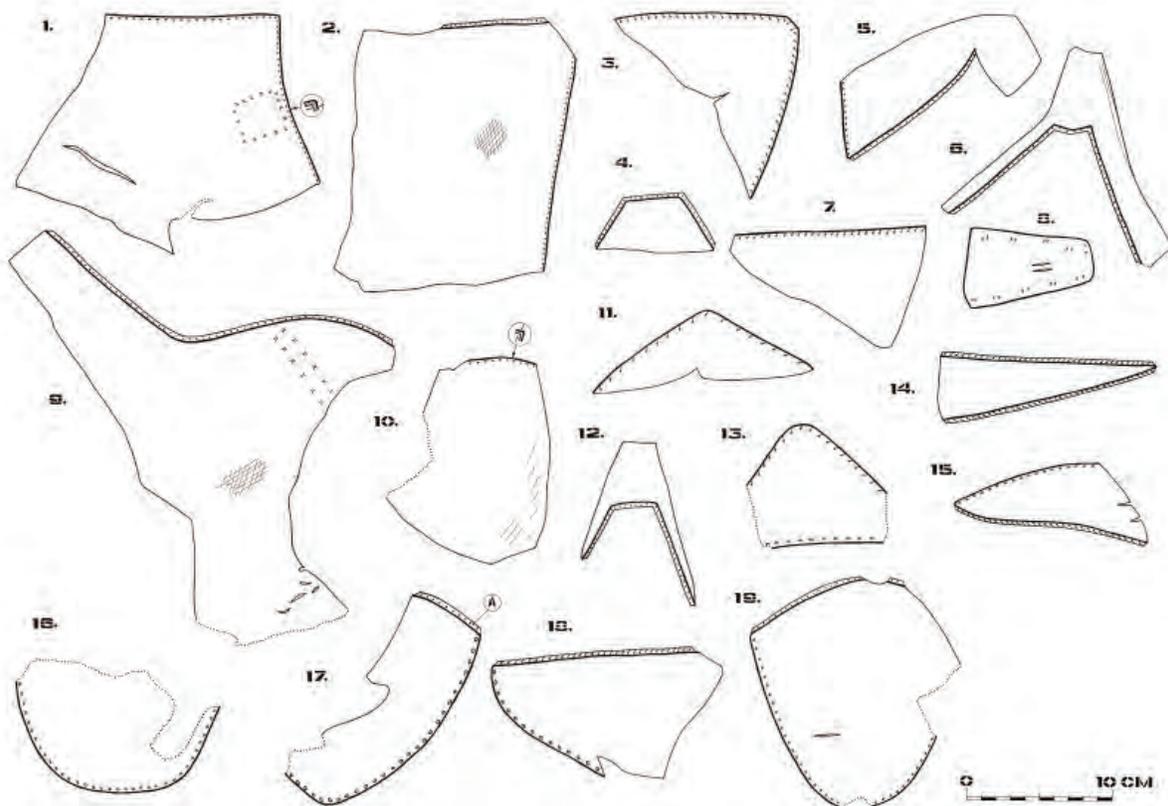

Рис. 3. Детали сапог и нашивная заплата: 1, 2, 9 – № 254; 3–8, 10–15 – № 255; 16–19 – № 250; 17А – аккуратный срез по шву

Бытовые предметы и изделия. Таких предметов немного: два чехла для ножа, четыре нашивные заплаты, семь завязок неопределенного назначения и кожа мошонки животного (вместилище семенников животного). Наиболее примечательным можно назвать полный чехол для ножа. Правильнее считать его кожаным покрытием деревянных ножен (рис. 4: 5). Вырезан из кожи черного цвета толщиной 1 мм, выделанной из шкуры крупного рогатого скота (вероятно, телячья). Он имеет трапециевидную форму, длиной 29,5 см, шириной в устье 11 см, а внизу более 4,5 см. Один из длинных краев вторично обрезан. Устье оформлено тремя плавно скругленными выступами. У краев на разной высоте расположено по одному округлому вырезу. Им соответствуют парные прорезы в середине детали. Ниже идут ряды вытянутых и округлых прорезей вдоль краев до самого низа.

Датировка находок. В коллекции представлены предметы одного исторического периода – позднего Средневековья, если смотреть в рамках исторической периодизации, принятой в странах Западной

Европы. В рамках абсолютной хронологии этот период охватывает весь XIV в. и большую часть XV в. Ближайшими аналогиями комплексу кожаных предметов из Калининграда являются материалы археологических раскопок в городах Ганзейского Союза на побережье Северного и Балтийского морей, например в Гданьске (Ceunowa, 2009) и Колобжеге (Wywrot-Wyszowska, 2008).

Выводы. Кожаные находки в шурфах приоткрывают некоторые сюжеты истории Кенигсберга в XIV–XV вв. Они показывают наличие заболоченных участков в черте города, куда централизованно горожане свозили бытовые отходы, постепенно поднимая и выравнивая древнюю поверхность. Среди этих отходов были остатки от деятельности профессионального кожевника-обувщика. Об очистке средневековых городов, когда отходы человеческой деятельности целенаправленно свозились в определенные места для поднятия уровня поверхности и заполнения береговых участков, мы знаем по раскопкам ряда городов. Для материалов кожевенного ремесла такой случай показывает,

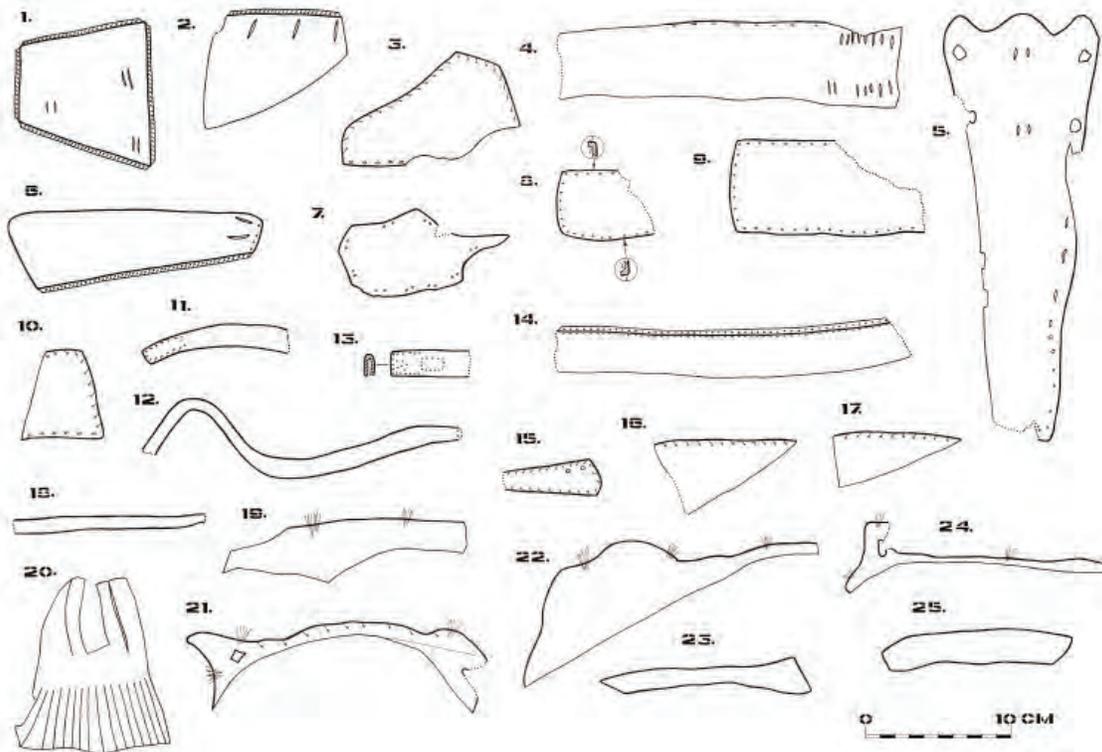

Рис. 4. Чехлы для ножей, завязки, неопределенные детали и обрезки от раскроя: 1, 2, 6 – № 252; 3 – № 218; 4 – № 95; 5 – № 253; 7, 10, 11 – № 255; 8 – № 261; 9 – № 222; 12 – № 223; 13 – № 132; 14, 16, 17 – № 132; 15 – № 260; 18 – № 215; 19, 21 – № 132; 20 – № 163; 22 – № 174; 23–25 – № 133

например, средневековый Лондон, где на протяжении длительного времени (1100–1450 гг.) для устройства набережных Темзы использовался мусор, свозимый со всего города (Grew, de Neergaard, 1988. P. 1). Среди кожаных отходов большую часть составляют обрезки от раскроя новых кож, раскроя деталей обуви, а также ремонта изношенной обуви. С большой долей вероятности можно предполагать, что место, где были заложены шурфы, использовалось в какой-то узкий период времени в рамках XIV–XV вв. для складирования производственных отходов кожаной мастерской.

Специальностью мастера-кожевника являлся пошив и ремонт кожаной обуви. Технические элементы раскроя и пошива позволяют предполагать деятельность квалифицированного обувщика, работавшего в традициях мастеров городов Ганзейского Союза позднего Средневековья.

На сегодняшний день степень археологической изученности производственных участков мастеров-кожевников в западноевропейских городах очень невелика. Это несколько отдельных мастерских

(не более 10–15) в разных городах и странах, бытовавших в широком хронологический диапазоне – с X по XVIII в. Степень изученности мастерских сильно различается в методическом плане для каждого памятника. На этом фоне высоко значение открытых следов деятельности кожевников в средневековом Кенигсберге. Тем более что это один из двух городов на территории Российской Федерации, где можно изучать организацию и материальную культуру ганзейского города. Вторым образцом типично западного города является Выборг, находящийся в самой северо-западной части Ленинградской области (Сакса, 2020. С. 221).

Источники и литература

Кулаков В.И., 1999. Научный отчет о работах: «Проведение охранных археологических раскопок на территории реконструкции АЗС по Московскому проспекту в г. Калининграде на площади, предназначенной для наливных систем» // Архив ИА РАН. № 24141, 24142.

Кулаков В.И., 2008. История Замка Кенигсберг. Калининград.

Курбатов А.В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.

Курбатов А.В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб. № 3.

Курбатов А.В., 2010. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. № 51.

Курбатов А.В., 2012. Сырьевая база древнерусского кожевенного ремесла (по материалам городов северо-запада и центра России) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 3.

Курбатов А.В., Харлашов Б.Н., 2004. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АИППЗ. Материалы 50-го научного семинара. Псков.

Сакса А.И., 2020. Из истории одного выборгского средневекового дома. Археологические исследования в Выборге у «Дома купеческой гильдии» в 2004–2012 гг. СПб.

Свод, 2005. Свод памятников археологии Калининградской области. Калининград. Т. IV.

Ceynowa B., 2009. Obuwie ochronne znalezione w Gdansku – problematyka i metody badawcze // IN GREMIO – IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin.

Grew F., de Neergaard M., 1988. Shoes and patens // Medieval finds from excavation in London. London. Vol. 2.

Wywrot-Wyszkowska B., 2008. Skórnictwo w lokacyjnym Kołobrzegu. XIII–XV wiek. Szczecin.

Кожаные предметы из раскопок 2020 г. в Ивангородской крепости¹

Н. А. Боковенко², А. В. Курбатов³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-190-210

Введение. Охранные раскопки 2020 г. на территории Большого Боярского города в Ивангородской крепости были связаны с реконструкцией и приспособлением каменного здания Большого амбара. Все кожаные предметы происходят с одного из четырех раскопок – 2, примыкающего к продольной южной и восточной торцевой стенам Большого амбара. Общая площадь раскопа составила 1163,34 кв. м, при максимальной глубине 1,75–2,20 м. При этом собственно культурный слой (без современной засыпки) мощностью 1,0–1,5 м выявлен на трех участках этого раскопа (участки 1–3) на площади 667,34 кв. м.

На раскопе зафиксированы четыре хронологических этапа застройки, включающих остатки каменных и деревянных строений, а также деревянных мостовых. Всего раскрыто 27 жилых и хозяйственных построек. Наиболее плотная застройка отмечена в северной части раскопа на площади 250 кв. м. Под фундаментами каменных строений конца XVI – XVII в. и рядом с ними выявлены остатки семи деревянных срубных построек, сохранившихся на высоту 1–2 венца (до 0,40 м). Рубленные «в обло» венцы показывают средние размеры построек 3,5 × 3,5 м. В трех из них зафиксированы остатки печей. Культурный слой нижних горизонтов, где встречены деревянные постройки, насыщен изделиями из дерева и кожи

хорошей сохранности. Всего на раскопе 2 зафиксированы более 6000 фрагментов керамики и более 600 индивидуальных находок.

Коллекция. Состав. Количество кожаных предметов (всего 1276 ед.) сильно различается по участкам раскопа 2: на участке 1 найдено 735 ед., на участке 2 – 512 ед., на участке 3 – 29 ед. Среди них абсолютно преобладают детали обуви. Выделяется основная форма обуви – сапоги. Они содержат ряд особых конструктивных элементов, характерных для пошива в русских городах XVI в. Среди деталей определяются: подошвы составили 162 ед., головки – 173 ед., поднаряды – 186 ед., задники – 94 ед., подпяточные подкладки – 190 ед., голенища – 53 ед., карманы задника – 54 ед., кожаные прокладки в задник – 41 ед., деревянный вкладыш в задник – 7 ед. Кроме того, выделены четыре обрезка деталей верха обуви, для которых невозможна конкретная атрибуция. Второй формой обуви являются поршни (26 ед.), встреченные целыми и в разной степени фрагментации. Уникальной для данной коллекции является единственная находка внутренней подошвы башмака западноевропейского пошива. Кроме названных предметов, к деталям обуви относятся подметки (27 ед.), оборы (6 ед.) и кожаная прокладка в шов, а также, вероятно, к деталям обуви принадлежат заплаты (9 ед.) и завязки (6 ед.).

Среди кожаных деталей одежды определены рукавицы (18 ед.) и обрезок фартука. Другие предметы из кожи представлены игровыми мячами (5 ед.), фрагментами обшивки изделий (4 ед.), наперстком, сумками (3 ед.), ножнами (3 ед.) и тремя кусками войлока. Кроме того, остаются неопределенными деталями 27 находок. Это мелкие обрезки и обрывки деталей со швами или же без швов, но со следами эксплуатационного износа.

Обрезки от раскроя составляют 169 ед., среди них много обрезков из толстой кожи (53 ед.), определено служившей для раскроя подошв. Также среди обрезков от раскроя выделены обрезки с края кожевенного листа.

¹ Работа выполнена в рамках темы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0014 «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» и № FMZF-2022-0015 «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа. E-mail: nibo25@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии. E-mail: alkurba@rambler.ru.

Конструкция обуви. Особенностью настоящей коллекции кожаных предметов можно считать сильное преобладание деталей кожаной обуви над другими изделиями. Более того, можно уточнить, что почти вся обувь принадлежит группе взрослого населения. К подростковой обуви относятся только два набора. В коллекции преобладают наборы деталей конкретных сапог, а не разрозненные детали. Сохранность каждой детали в таких наборах сильно различается, и чаще всего в них плохо сохранились сильно изношенные подошва и головка.

Сапоги. В коллекции представлена развитая форма сапог «жесткой» конструкции, сложившаяся в русских городах в конце XV – первой половине XVI в. По формам раскроя деталей, характеру швов и практическому удобству работы реконструирована последовательность операций раскроя и сшивания сапог. Подбор деталей по микропризнакам, сохранившимся на коже, позволил восстановить ряд моделей сапог с полным набором основных и дополнительных деталей (рис. 1–7). Все узлы сапог, видимо, собирались из нескольких деталей самостоятельно, а затем производилась полная сборка модели.

В головках изнутри обязательно подшивались поднаряды (полные, т. е. во всю площадь головки,

и неполные, а также цельные и двучастные). В данной коллекции сапог абсолютно преобладают полные двучастные поднаряды. Анахронизмом в этой коллекции следует считать головку со следами пришивания неполного поднаряда (рис. 1: 2.1). Сапоги с такими головками перестали шить на рубеже XV–XVI вв. (Курбатов, 2008. С. 219).

Учтены десятки целых головок различной формы: с круглым или раздвоенным носком и с прямым обрезом боковин (рис. 8; 9: 1; 10; 11). Заостренный обрез боковины встречен только один раз (рис. 3: 3.1). Отметим, что среди головок преобладают детали с раздвоенным носком, т. е. с вырезом в носке. Из 62 головок, выделяемых по этому признаку, 47 деталей имеют раздвоенный носок, а 10 предметов определенно имеют округлый носок, и еще пять деталей неопределимы. При этом вырезы в носке разделяются на глубокие (рис. 1: 1.2) и неглубокие (рис. 1: 4.2). Первые соответствуют моделям с подошвами, имеющими выраженный удлиненный носок, а вторые – моделям с подошвами, у которых носок только приострен. В первом случае носок подошвы при сшивании загибался вверх и назад и шивался в вырез носка головки, а во втором – носок подошвы лишь слегка загибался вверх.

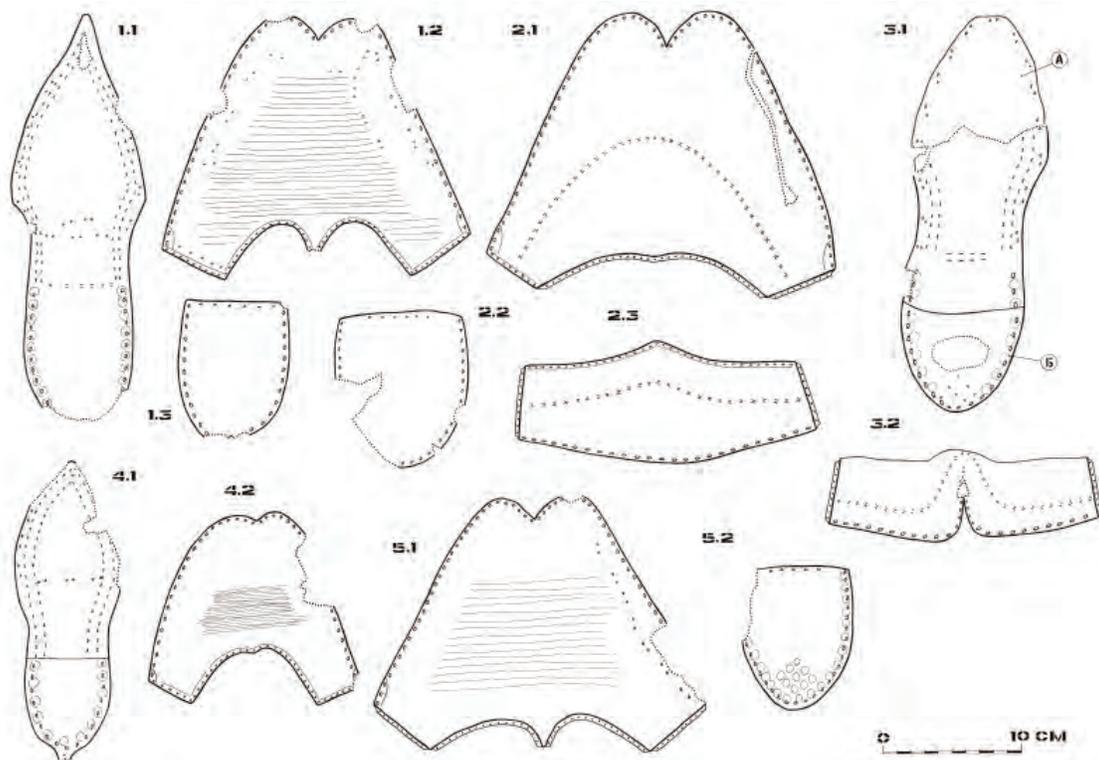

Рис. 1. Наборы деталей сапог: 1.1–1.3 – № 361; 2.1–2.3 – № 502; 3.1–3.2 – № 14; 3.1А – подметка, Б – подпяточная подкладка; 4.1–4.2 – № 17; 5.1–5.2 – № 362

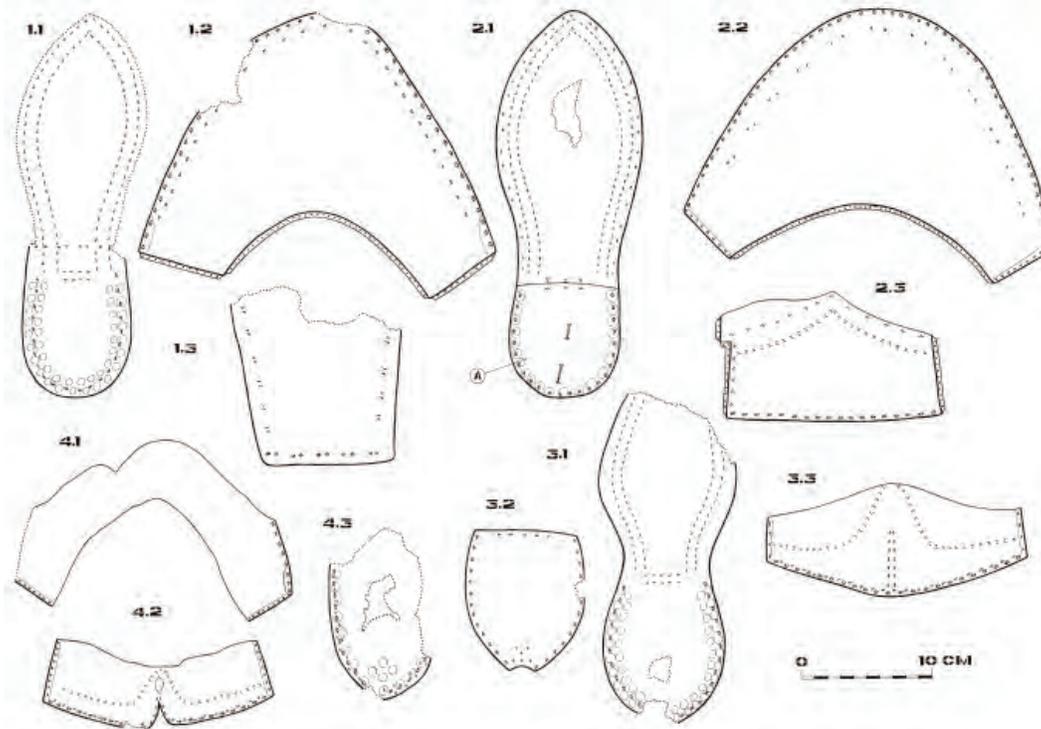

Рис. 2. Наборы деталей сапог: 1.1–1.3 – № 75; 2.1–2.3 – № 94/1; 2.1А – подпяточная подкладка прошита тонким кожаным ремешком; 3.1–3.3 – № 90; 4.1–4.3 – № 78

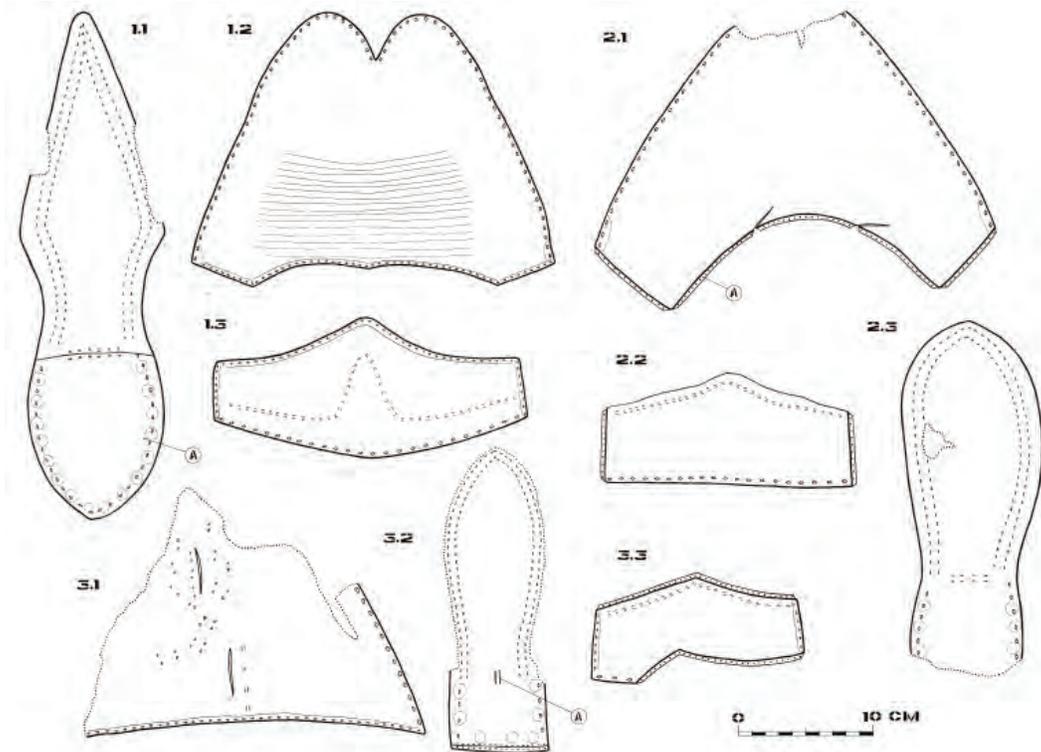

Рис. 3. Наборы деталей сапог: 1.1–1.3 – № 90; 1.1А – три подпяточные подкладки; 2.1–2.3 – № 94/1; 2.1А – аккуратный срез по шву; 3.1–3.3 – № 94/2; 3.2А – две тисненые линии

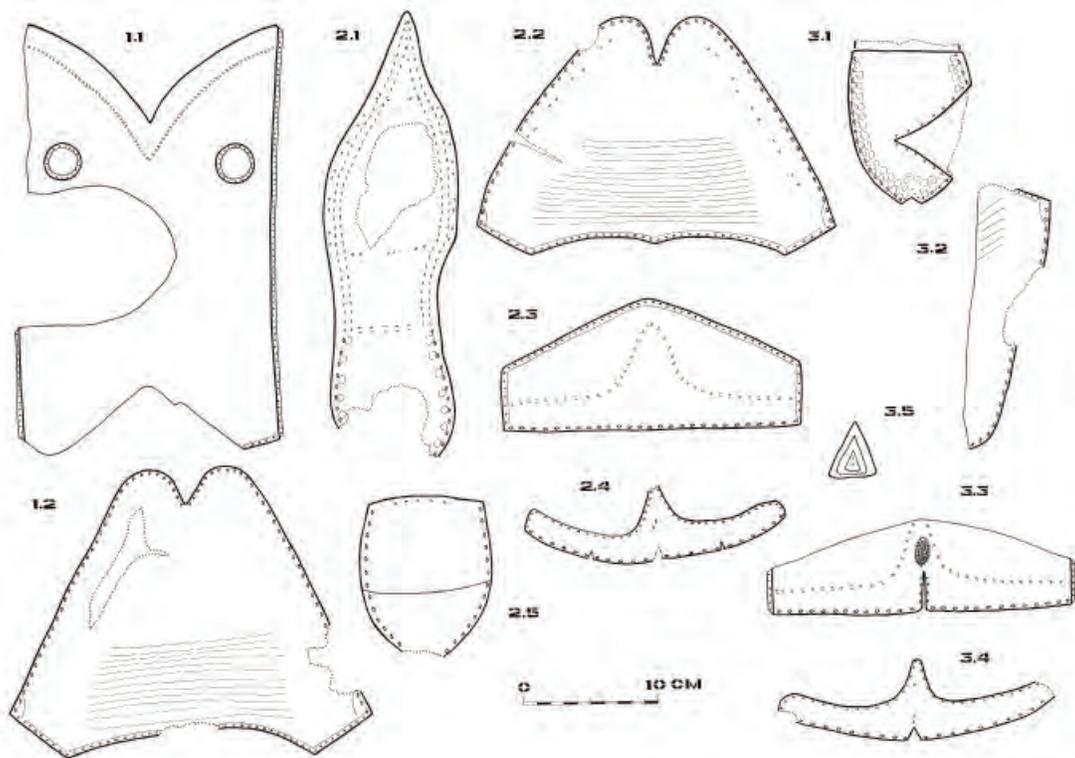

Рис. 4. Наборы деталей сапог: 1.1–1.2 – № 127; 2.1–2.5 – № 430; 2.5 – одна полная и две неполные подпяточные подкладки; 3.1–3.5 – № 430/2

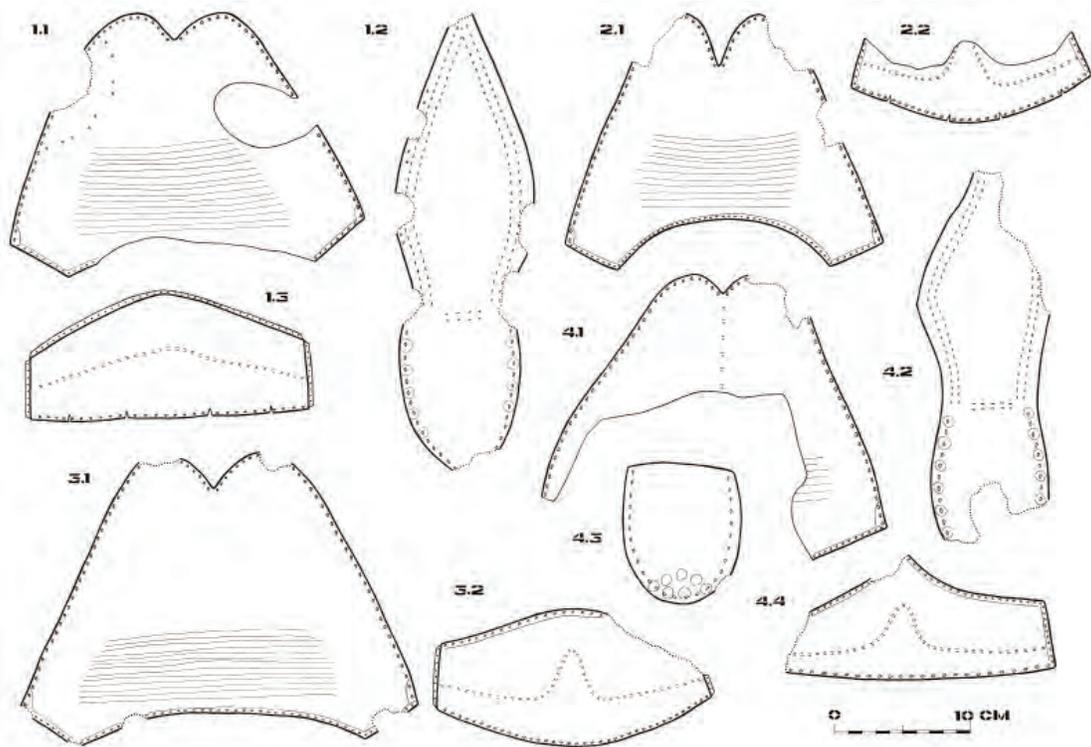

Рис. 5. Наборы деталей сапог: 1.1–1.3 – № 133; 2.1–2.2 – № 140; 3.1–3.2 – № 141; 4.1–4.4 – № 126

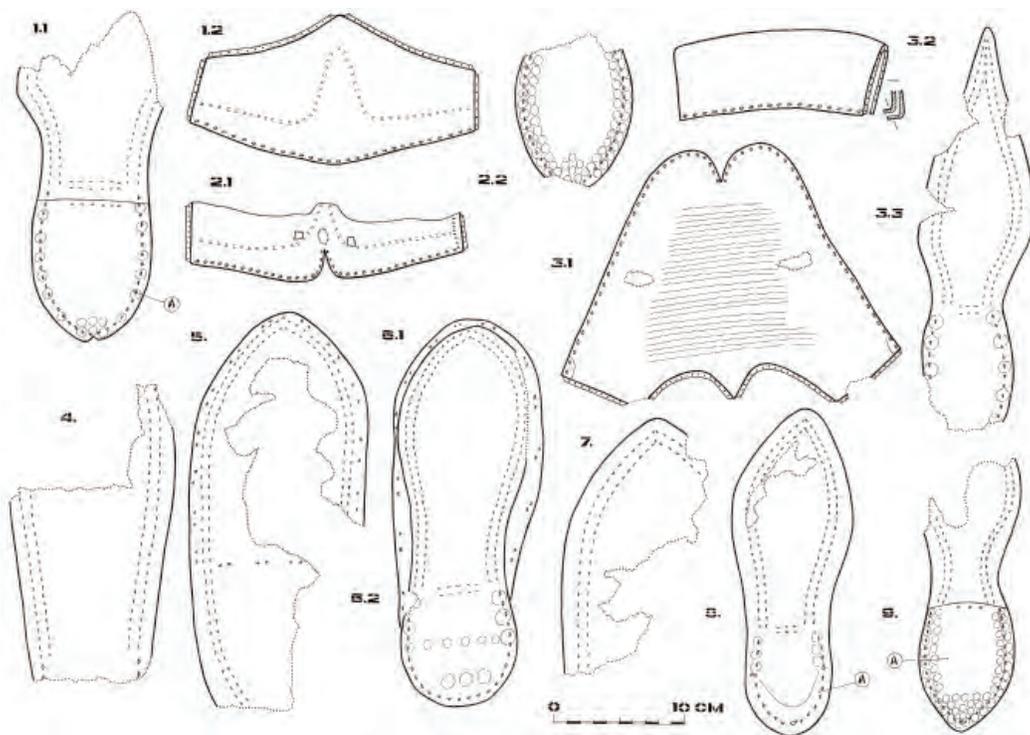

Рис. 6. Наборы деталей сапог: 1.1–1.2 – № 94/1; 1.1А – одна подпяточная подкладка; 2.1–2.2 – № 68; 3.1–3.3 – № 70; 4 – № 12; 5 – № 36; 6.1–6.2 – № 50; 7 – № 21; 8 – № 16, А – след подковки; 9 – № 72, А – три подпяточные подкладки

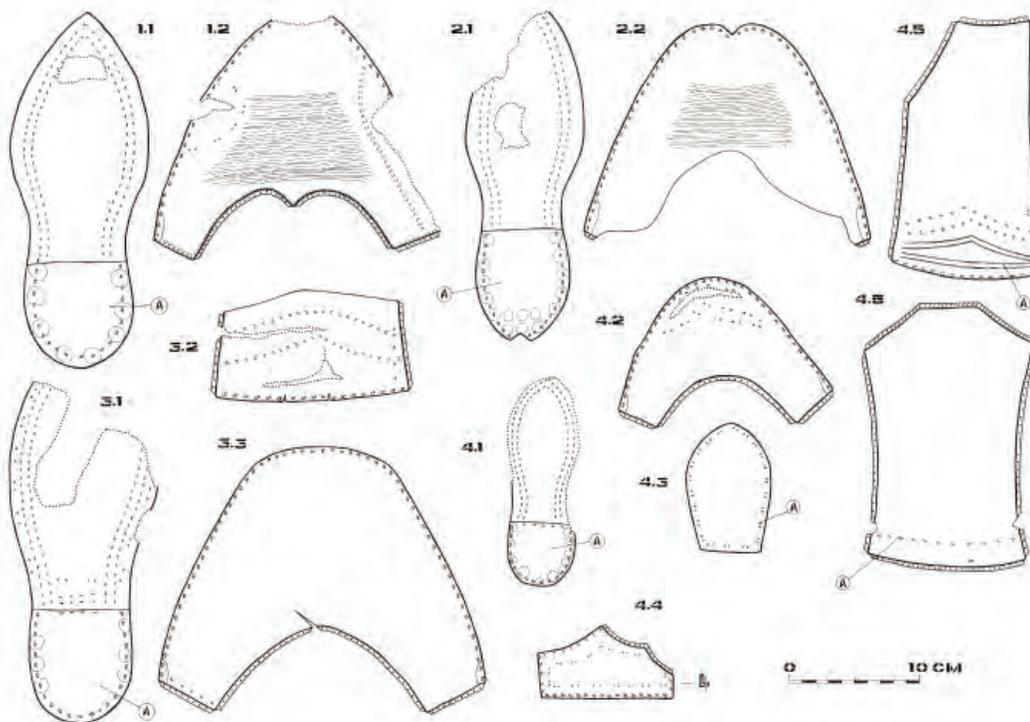

Рис. 7. Наборы деталей сапог: 1.1–1.2 – № 17, 1.1А – подпяточная подкладка; 2.1–2.2 – № 17, 2.1А – две подпяточные подкладки; 3.1–3.3 – № 33, 3.1А – одна подпяточная подкладка; 4.1–4.6 – № 71, 4.1А – две подпяточные подкладки, 4.3А – потайной шов с бахтармы, 4.5А – линии тиснения на мерее, 4.6А – потайной шов с бахтармы

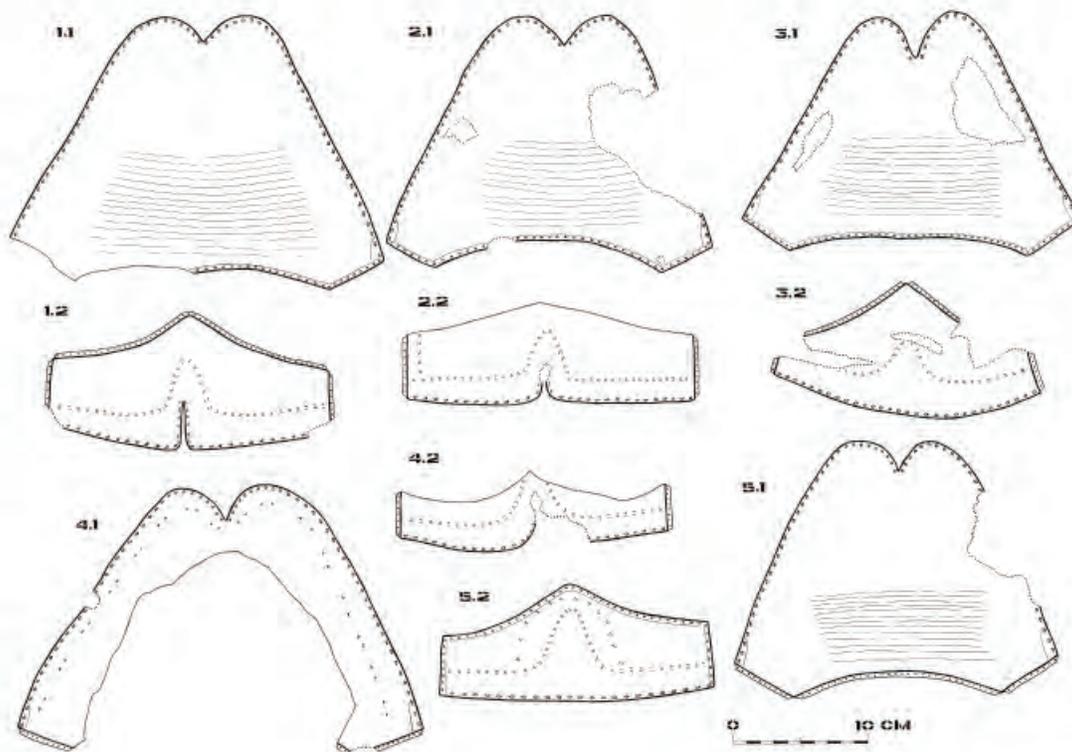

Рис. 8. Головки и задники сапог: 1.1–1.2 – № 144; 2.1–2.2 – № 144; 3.1–3.2 – № 144; 4.1–4.2 – № 144; 5.1–5.2 – № 130

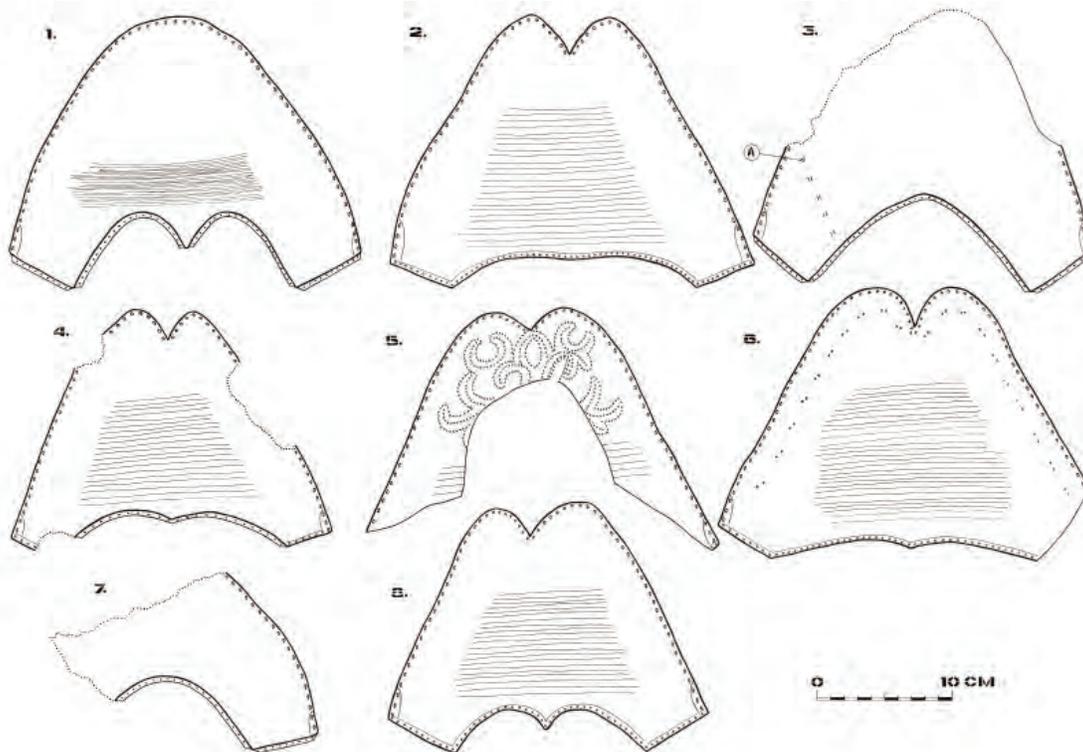

Рис. 9. Головки сапог: 1 – № 94/2; 2 – № 94/1; 3 – № 94/2, А – потайной шов с бахтармы; 4 – № 52; 5 – № 146; 6 – № 120; 7 – № 28; 8 – № 46

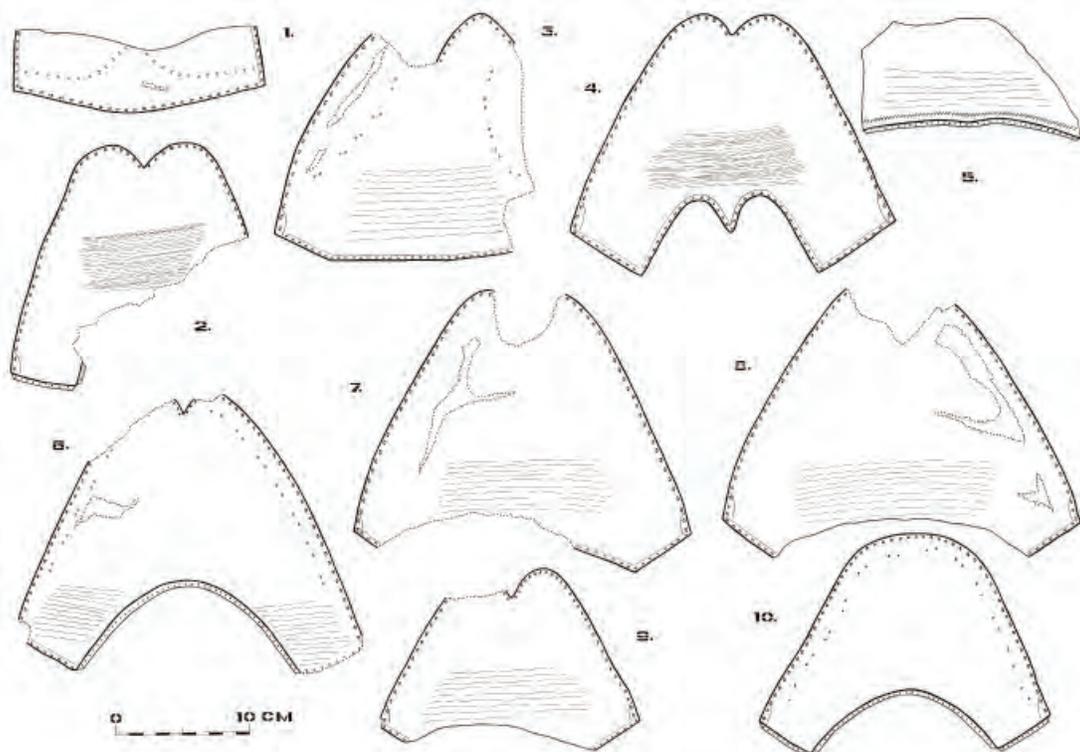

Рис. 10. Головки и задники сапог: 1 – № 45; 2 – № 39; 3 – № 94/2; 4 – № 58; 5 – № 140; 6 – № 94/2; 7 – № 94/2; 8 – № 132; 9 – № 132; 10 – № 47

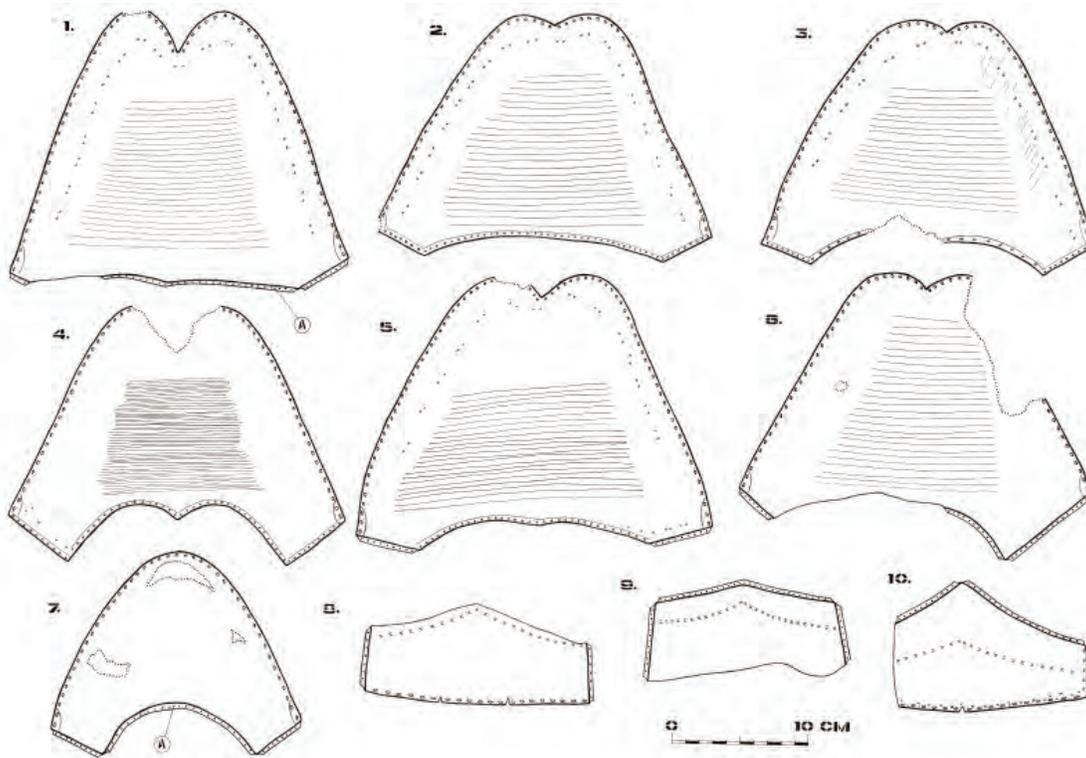

Рис. 11. Головки и задники сапог: 1 – № 45, А – аккуратный срез по шву; 2 – № 80; 3 – № 54; 4 – № 34; 5 – № 501; 6 – № 40; 7 – № 78, А – аккуратный срез по шву; 8 – № 33; 9 – № 72; 10 – № 77

Обрез головки на подъеме мог быть прямым (рис. 2: 1.2, 2.2), с небольшим мыском (рис. 4: 2.2) или с выразительным язычком (рис. 1: 1.2, 5.1). Первые два варианта соотносятся с голенищем, у которого передняя половина имеет прямой, ровный обрез по нижнему краю (рис. 7: 4.6). Третий вариант определенно соотносится с голенищем, имеющим вырез по нижнему краю передней детали. В силу частого вторичного использования голенищ сапог для пошива разных изделий, в коллекции имеются только мелкие обрезки деталей с таким признаком.

Различается отделка поверхности головок – гладкая, с тиснением, линованием или расшивкой. Головки имели поперечное тиснение почти по всей длине детали – от носка до подъема, не захватывая боковые края. Последнее показывает, что тиснение наносилось на уже раскроенные детали, непосредственно перед сборкой узлов, т.е. их сшиванием с подошвой (рис. 1: 1.2, 5.1). Тиснение – это функциональный элемент конструкции. С внутренней стороны головки, по продольной оси прокалывались отверстия, проходящие по выпуклой части тиснения, и сквозь них протягивалась растительная нить. Стянутая до нужного предела, она создавала гофрирование и изгиб головки, что предотвращало появление глубокой складки на подъеме, ведущей к разрыву соединений (Курбатов, 1991а. С. 72).

Другой формой украшения головки было ее поперечное линование. Если полосы тиснения проводились через 5–6 мм и были глубокими, то полосы линования были плотнее, через 2–2,5 мм и поверхностные (рис. 1: 4.2). Линование было чисто декоративным приемом. Также декоративную роль имела одна тисненная полоса по краю головки на подъеме, встреченная только на одной детали (№ 70). Другой вариант декора, также встреченный на одном экземпляре головки, – это тонкие поперечные прорезы вдоль линии подъема, мелкие и частые, сквозь которые, вероятно, протягивалась вальцованная проволока или растительная нить (рис. 10: 5).

Еще одна головка декорирована нитяной расшивкой в растительных мотивах с трилистниками (рис. 9: 5; 12). Аналоги такого декора встречались на головке сапог из слоев XVI в. в ранней коллекции из Ивангородской крепости (Курбатов, 1991а. Рис. 1: 1а), в московском Зарядье (Дубынин, 1959. Рис. 41: 8; Рабинович, 1964. Рис. 45: 8, 9), Московском Кремле (Осипов, 2014. Ил. 48: 1), в Новгороде (Древний Новгород, 1985. Ил. 291) и Вологде (Андрианова, Фёдоров, 2012). Близкая по

Рис. 12. Обрезок головки с расшивкой, № 1033

стилю расшивка найдена на голенище XV–XVI вв. в Казани (Халиков, 1989. С. 116). Возможным местом пошива сапог с таким декором в первой половине XVI в. можно считать Москву или Псков (Курбатов, 2013. С. 497).

Подошвы сапог включали, помимо толстой и жесткой подошвы, две-три подпяточные подкладки, часто кроеные из вторично использованных деталей (рис. 13). Встречена 51 целая или условно целая (уверенно реконструируемая) подошва трех типов кроя. Самой массовой была подошва (рис. 3: 1.1) с удлиненным носком и округлой пяткой (III тип по Е.И. Оятевой). Отмечено два варианта таких подошв: первый имел широкий, приостренный вытянутый носок и сужение «переймы» менее 1,5 см (рис. 1: 1.1); второй вариант отличает вогнутая линия боковых обрезов сильно вытянутого заостренного носка и сужение «переймы» более 1,5 см (рис. 4: 2.1). Ко II типу кроя подошв с округлыми носком и пяткой, по Е.И. Оятевой, отнесены 18 подошв двух вариантов кроя: 1) симметричной или асимметричной в плане формы, с «переймой» (рис. 2: 1.1, 2.1); 2) 4 экз. в форме неправильного овала, с максимальным расширением в носке и без «переймы» (рис. 6: 4, 5, 7). Имеются и единичные образцы, имевшие заостренные носок и пятку (рис. 1: 4.1), которые Е.И. Оятева относил к IV гипотетическому типу (Оятева, 1973). В некоторых случаях существование таких подошв определяется по вырезу в заднике и подпяточных подкладках (рис. 4: 3.1, 3.3; 14). Следует отметить, что очень широкие подошвы без «переймы» имели скругленный или слегка приостренный носок. В данной коллекции встречены четыре такие подошвы, выделяющиеся на общем фоне. Все они найдены в верхних слоях с органикой: три – на раскопе 2/2 в кв. Ф-26–28, т.е. практически в одном месте, а один – на раскопе 2/1 в кв. ХЦ-39.

Все найденные подошвы по пятке усиливались железными гвоздями с широкой шляпкой. Диаметр шляпки колебался от 5–6 до 15–16 мм. Гвозди со шляпками небольшого диаметра иногда набивались в два ряда и усиливались дополнительно на заднике (рис. 1: 5.2; 2: 1.1, 3.1). Только на двух подошвах вместе с гвоздями отмечены следы прибивания железных подковок (рис. 6: 8; 13: 9).

Часть подошв была декорирована по удлинённому носку и язычку на пятке мелкими бронзовыми гвоздиками со шляпками диаметром 1,5–2 мм. В моделях такой декор подошвы сочетался с набиванием таких же мелких бронзовых гвоздиков и на задник (рис. 4: 3.3). Сохранность кожаных деталей на раскопе 2020 г. не позволяет зафиксировать полную модель с подобным декором. В нашем распоряжении оказались сильно изношенные и порванные детали, на которых место набивания гвоздиков часто бывает вырвано (рис. 1: 3.2). Но сама форма и место разрыва очень характерны, что позволяет видеть здесь набивку из гвоздиков. Кроме того, сохраняются детали с мелкими проколами от некогда набитых декоративных гвоздей. Всего выделено три фрагмента подошв с орнаментом из гвоздиков и 14 таких задников, встреченных в нижних слоях (рис. 2: 4.2; 6: 2.1; 8: 2.2, 4.2; 14:

2, 3, 5, 8, 10, 17). Подобный декоративный прием лучше сохранился в материалах ранних раскопок в Ивангородской крепости (Курбатов, 1991а. Рис. 1). Его хорошо иллюстрирует и реставрированный сапог из Новгорода (Древний Новгород, 1985. Ил. на с. 146).

На двух подошвах в области свода стопы отмечены продольные тисненные линии, которые надо считать знаками мастеров. На первой подошве это две короткие линии (рис. 3: 3.2), а на второй (рис. 13: 4.2; 15) три продольные линии дополнены серией тонких диагональных тисненных полос. На сегодня это, скорее всего, самые ранние знаки мастеров на обуви, встреченные в археологических коллекциях.

В настоящее время широко известны личные знаки мастеров или владельцев производства на керамике и металлических изделиях, прежде всего на ножах (см. например: Асташова, 2014), и значительно менее известны такие знаки на обуви. До последнего времени в отечественной научной литературе сведения об этом мало публиковались. Однако клейменная обувь имеется в собраниях российских музеев и датируется XVIII–XIX вв. Она рассматривалась в диссертации

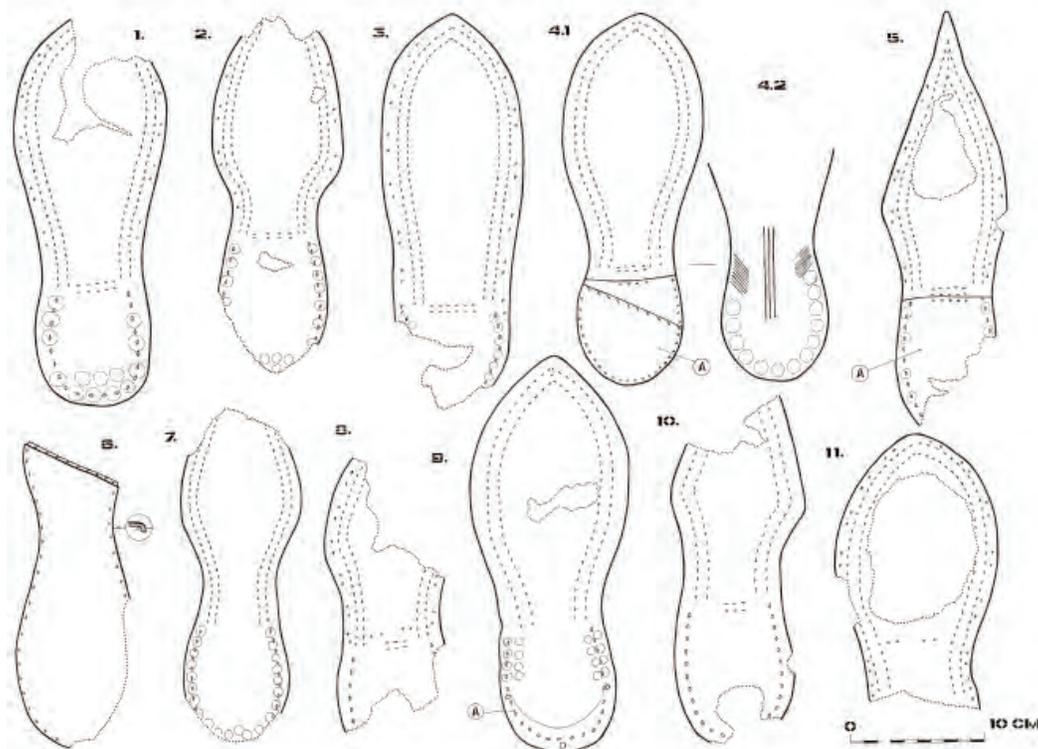

Рис. 13. Подошвы сапог: 1 – № 72; 2 – № 48; 3 – № 94/1; 4.1–4.2 – № 70, 4.1А – две подпяточные подкладки; 5 – № 115, А – две подпяточные подкладки; 6 – № 70; 7 – № 108; 8 – № 15; 9 – № 58, А – след подковки; 10 – № 15; 11 – № 94/1

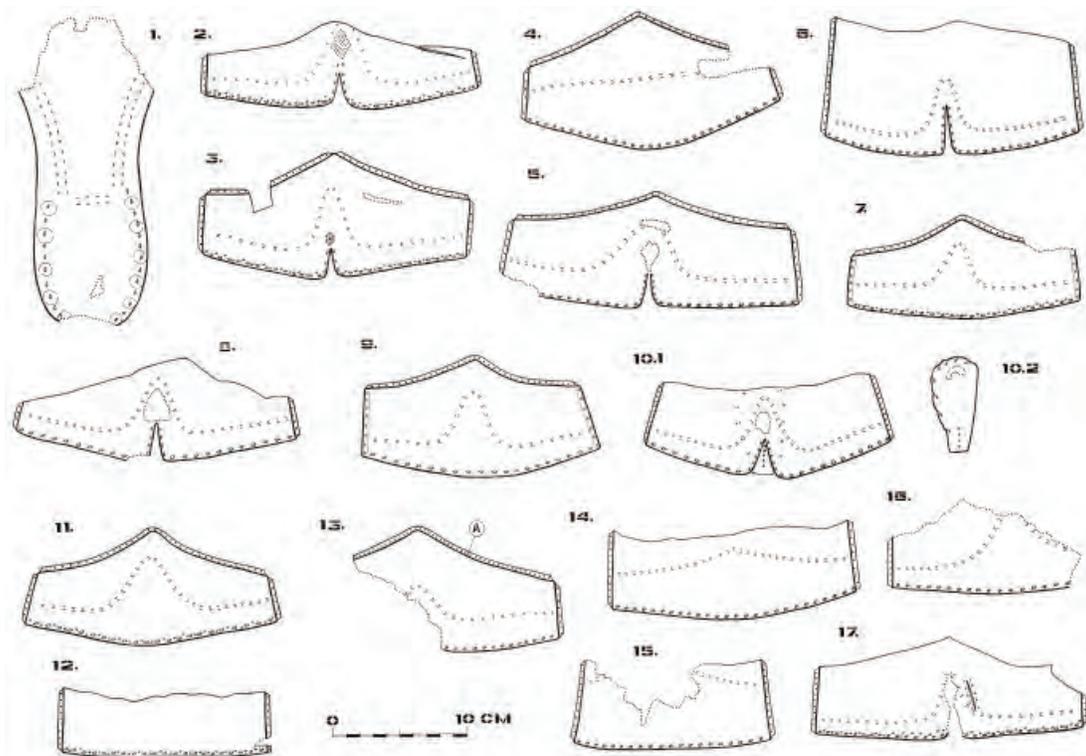

Рис. 14. Задники сапог: 1 – № 15; 2 – № 15; 3 – № 94/1; 4 – № 94/1; 5 – № 15; 6 – № 15; 7 – № 52; 8 – № 37; 9 – № 41; 10.1–10.2 – № 87; 11 – № 91; 12 – № 61; 13 – № 69, А – аккуратный срез по шву; 14 – № 139; 15 – № 61; 16 – № 69; 17 – № 69

Т.С. Алешиной, а археологические материалы анализировал Д.О. Осипов (Алешина, 1997; Осипов, 2003. С. 25–28; 2014. С. 47–48).

Задники сапог состоят из наружной (собственно задника) и внутренних деталей – кармана, трех-четырех подтреугольных кожаных прокладок и берестяного вкладыша в карман. В редких случаях берестяной вкладыш заменяла тонкая деревянная пластина. Набор внутренних прокладок или вкладышей в карман задника может быть ограничен только кожаными деталями (рис. 4: 3.3–3.5). Кроме придания жесткости этому набору, в берестяной вкладыш забивались железные гвозди, предохранявшие подошву от износа.

Всего учтено 68 относительно целых задников четырех видов кроя. Понятие «относительно целый» объединяет детали, вторично обрезанные или оборванные по одной или двум сторонам, но их полная форма может быть восстановлена с большой долей вероятности благодаря симметричности деталей в конструкции и закономерности пропорций ширины и высоты в сочетании с формой кармана (рис. 16: 1–3). Первый вид соотносится с подошвами, имевшими округлую пятку, второй вид – с разрезом

ИвгорКр-2020-Р2-957-2

Рис. 15. Подошва с тисненым клеймом, № 957

по оси от нижнего края – с подошвами, у которых имелся язычок на пятке или же пятка имела вытянутые пропорции. Третий вид представляет элемент конструкции «вытяжного» сапога с нераздельным задником и голенищем (рис. 7: 4.5). Три экземпляра таких деталей встречены в моделях сапог под стопу длиной 27–29 см. Четвертый вид задника (2 экз.) представляет оригинальную раскройку прямоугольной формы, при сшивании сложенную вдвое от верхнего края (рис. 6: 3.2). Внутри его вкладывалась кожаная или берестяная уплотняющая деталь. Такой задник ставили при ремонте сапога и переделке его в низкую рабочую обувь типа скрешней.

Форма раскроя задников варьирует внутри выделенных видов. Немногие задники первого и второго видов имеют скошенные боковые обрезы и сильно вытянутый углом верхний обрез. Они соответствуют головкам с вытянутыми, кососрезанными боковинами. Варьирует и форма кармана, преобладают карманы с вертикальным язычком, дающие некоторое удобство при надевании сапога, поскольку нейтрализуют выступающий изнутри берестяной вкладыш и уменьшают натирание ноги. Также есть и карманы без язычка. Высота боковых частей кармана задника также варьирует. В це-

лом низкий карман характерен для раннего этапа развития «жесткой конструкции сапога».

Выделено 52 экземпляра голенищ, большинство которых были сильно порезаны при вторичном употреблении, из них кроили поршни и верх сапог (рис. 16: 4, 5, 6, 9; 17: 1, 13). Можно считать, что все голенища были двухдетальными. Они сшивались тачным швом по бокам сапога. Для голенищ использована плотная и эластичная кожа хорошей выделки, толщиной 1,5–2,5 мм. Голенища обшивались по верху тканью или кожей (рис. 4: 1.1). По обрезкам и немногим целым деталям реконструированы два варианта голенищ. Первый имеет прямоугольную заднюю половину и трапециевидную переднюю, со скосом устья назад, задняя половина выкроена в одну деталь с задником (рис. 7: 4.5–6). Голенища второго варианта кроя имеют высоту 27–33 см при верхнем диаметре 12–13 см. У них на задней половине вверху сделаны симметричные парные вырезы диаметром 1,8–3,5 см, со швом по краю (рис. 16: 4, 5, 9). Описанные формы голенищ встречались на обуви и в других городах в комплексах XV–XVII вв., в частности в Москве (Осипов, 2014. Илл. 49: 5).

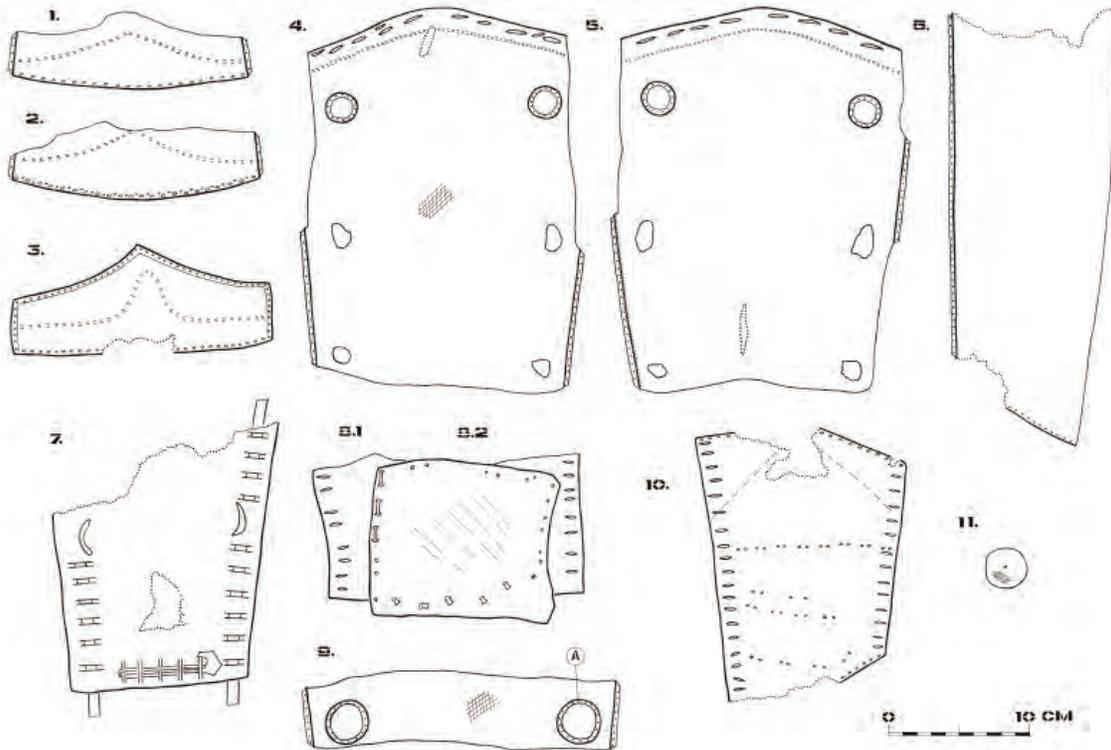

Рис. 16. Разные детали обуви: 1 – № 77; 2 – № 32; 3 – № 99; 4 – № 474; 5 – № 464; 6 – № 147; 7 – № 59; 8.1–8.2 – № 78; 9 – № 94/1, А – уплотнительная вставка-лента; 10 – № 70; 11 – № 432

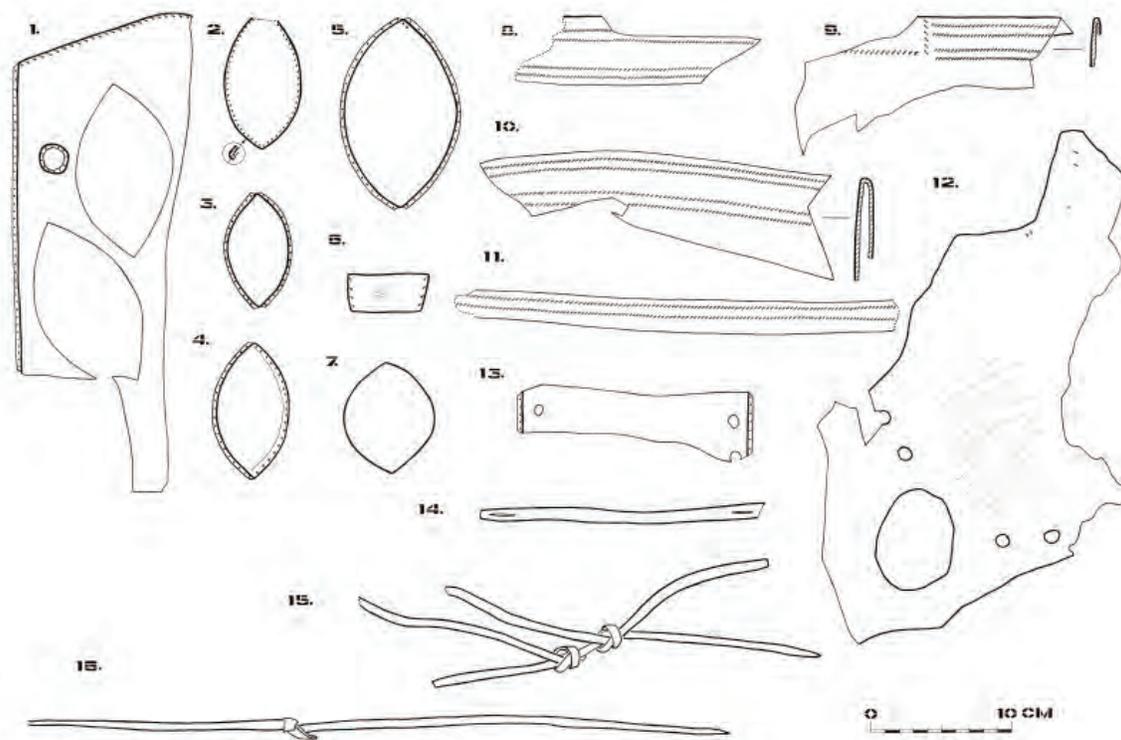

Рис. 17. Разные предметы и изделия: 1–2 – № 94/1; 3 – № 78; 4 – № 29; 5 – № 47; 6 – № 79; 7 – № 33; 8 – № 62; 9 – № 83; 10 – № 22; 11 – № 106; 12 – № 52; 13 – № 100; 14 – № 15; 15 – № 491; 16 – № 109

Многочисленные обрезки голенищ свидетельствуют об их активном вторичном использовании для раскроя деталей обуви, игровых мячей и других изделий (рис. 4: 1.1). Но также имеется одна находка, говорящая о раскрое новых голенищ на этом раскопе в Большом Бояршем городе. Это негатив круглого выреза на голенищах (рис. 16: 11).

В целом конструкция ивангородских сапог характерна для первой половины XVI в. и встречалась в ряде русских городов: в Москве, Пскове, Вологде, Новгороде, а в последние годы также в Свияжске (Шакиров и др., 2012. С. 200–203. Рис. 10) и на сельском поселении Вёжи в Костромском Поволжье (Кабатов, 2011). В изобразительных материалах такие сапоги детально проработаны на известной бронзовой скульптуре мастера Авраама с Корсунских врат Новгородского Софийского собора (Курбатов, 2004а. С. 170–173).

Поршни. В коллекции выделено 26 деталей целых и фрагментированных поршней. Они делятся на три группы по манере сшивания носочной и пяточной частей, а также по наличию или отсутствию декора. Изделия первой группы имели в передней части по длинным сторонам прорезы длиной 2,5–3 см через каждые 0,5–0,6 см (рис.

18: 1, 2; 19). В каждой надрезанной полосе в свою очередь был сделан прорез, в который продевалась обор. При стягивании обора полуотрезанные полосы разворачивались на 90 градусов, создавая декоративный кант на подъеме стопы. Пятка стягивалась через парные прорезы кожаным ремешком или растительной нитью (рис. 16: 7). Ремешковые оборы, состоящие из нескольких частей, соединялись петлями (рис. 17: 14, 16). В носке раскроек поршней второй группы нет частых надрезов для декоративного канта (рис. 16: 10; 18: 3). Края носки сшивались «через край» растительной нитью или тонким кожаным ремешком. Изделия этой группы отличаются простотой и некоторой небрежностью раскроя, что проявляется в различной длине прорезов для обора и разным расстоянием между ними, в связывании узлов концов обора. Третья группа – это поршни, перешитые из голенищ сапог или других подручных кусков кожи. Их надо считать рабочей обувью, срочно сделанной при необходимости (рис. 16: 4, 5).

Западноевропейские модели обуви. К ним относится только одна деталь – внутренняя подошва башмака рантовой конструкции, характерной для XVI–XVII вв. (рис. 13: 6). Они были найдены, в частности, в городах Литвы (Puškorius, 2012).

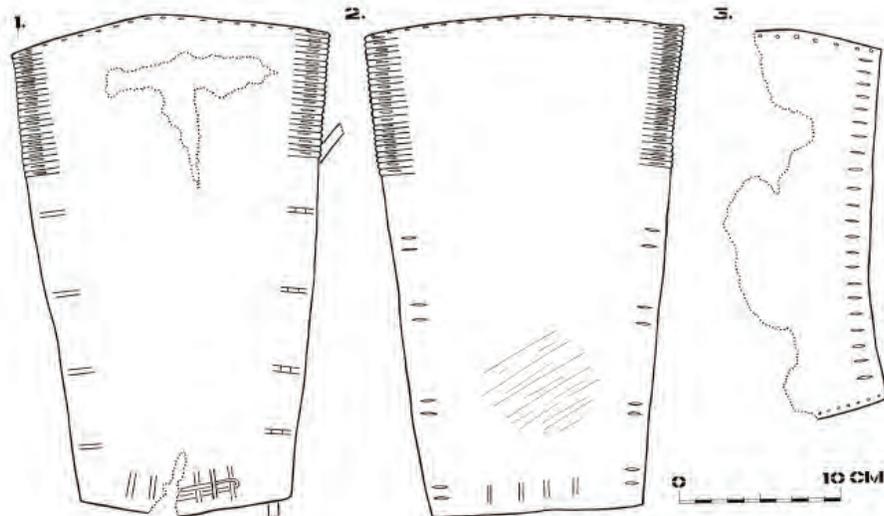

Рис. 18. Порини: 1 – № 475; 2 – № 52; 3 – № 27

Рис. 19. Поршень первой группы, № 475

Детали одежды представлены небольшим числом деталей рукавиц (18 ед.) и обрезком фартука. Детали рукавиц представляют основные детали – раскройку двух половин, ладонной и тыльной, целые или их мелкие обрезки, а также пришивные детали большого пальца (рис. 20: 1–8). Возможно, с рукавицами связаны и отдельные накладные заплатки, которые могли нашивать на ладонную сторону.

Все рукавицы в настоящей коллекции относятся к одному из трех вариантов раскроя, который имеет вырез для большого пальца в середине передней (лицевой ладонной) детали. На двух деталях для большого пальца отмечены тисненные полосы – своеобразный декор (рис. 20: 4, 8). Рукавицы аналогичного кроя, манеры шивания и формы декора повсеместно бытовали в городах Восточной Европы на протяжении всего Средневековья, они встречены и в материалах XV–XVII вв. в Новгороде, Пскове, Полоцке, Минске, Мангазее (Оятева, 1962. С. 91–92. Рис. 10: 1; Штыхов, 1975. С. 80. Рис. 38: 11; Загорюльский, 1982. С. 267. Рис. 171: 2; Курбатов, Овсянников, 1999. С. 268. Рис. 16; 17).

Единственный обрезок фартука относится к группе редких кожаных изделий, малоизвестных в силу сложности их выделения. На сегодня они отмечены в Твери, Пскове и Новгороде (Курбатов, 2009. С. 325 и сл.). По описаниям и изображениям фартуков в источниках XVI–XVIII вв. предположительно описаны четыре конструкции фартуков. Признаками для отнесения к фартукам археологических находок являются большой размер изделия, наличие завязок или следов от них и качество кожевенного материала. Для них использовали относительно толстую и жесткую кожу крупного рогатого скота. Ивангородская находка (рис. 17: 12) представляет неправильных вытянутых очертаний фрагмент размерами 40 × 22 см, с неровно обрезанными и оборванными краями, со следами подшивания заплат. На одном конце имеются овальный вырез размером 7 × 5,5 см и две пары неровных округлых вырезов диаметром около 1 см. Кожа толщиной 2–2,5 мм, стерта по всей поверхности.

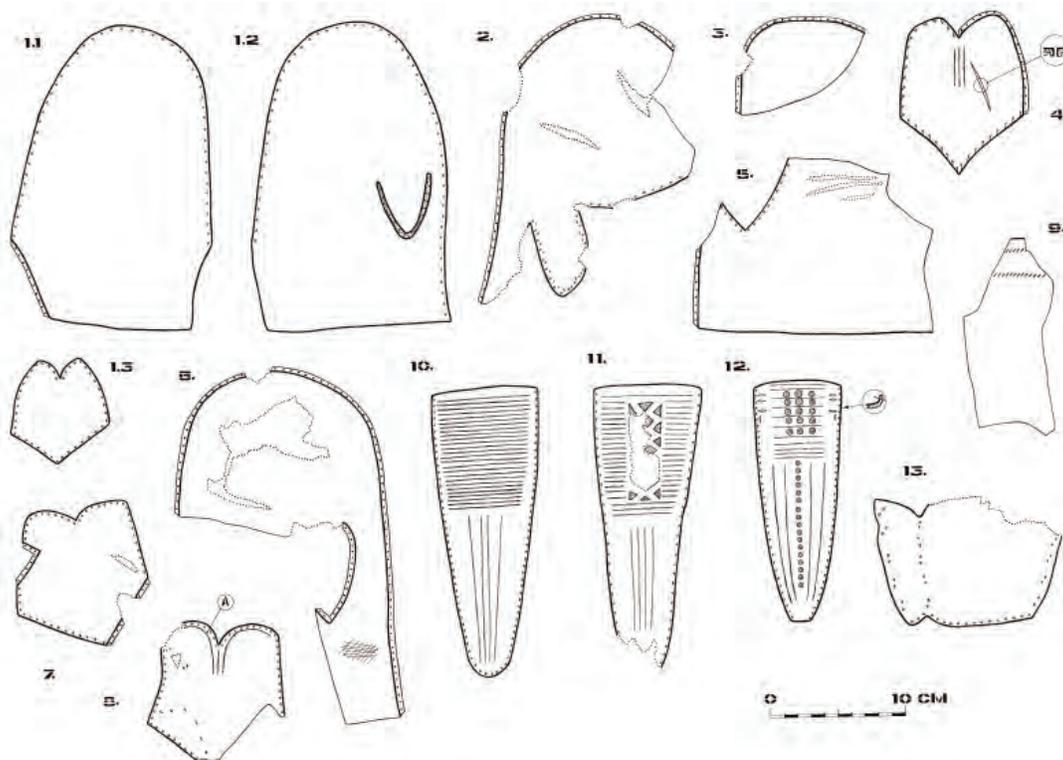

Рис. 20. Разные изделия: 1.1–1.3 – № 152; 2–5 – № 62; 6 – № 82; 7 – № 134; 8 – № 69, А – тисненая линия; 9 – № 76; 10 – № 553; 11 – № 552; 12 – № 551; 13 – № 62

Сумки. Выделены три детали сумок: два фрагмента клапана с прорезным орнаментом (рис. 21: 5.1–2) и лицевая деталь сумки-омоньера (рис. 21: 4; 22). Омоньеры были элементом парадного костюма в Западной Европе в XV–XVI вв. Единичные детали таких сумок найдены в археологическом материале городов России XVI в. (Курбатов, 2015а).

Чехлы для ножей (ножны). В нижних слоях встречены три целых чехла. Все они кроены из одного куска кожи и сшивались продольно на тыльной стороне. Длина чехлов 21, 21,5 и 17,5 см, а ширина устья в развернутом виде составляла 8,0, 8,0 и 6,5 см соответственно (рис. 20: 10–12). Поверхность чехлов декорирована продольными и поперечными тиснеными линиями, которые дополнялись на двух изделиях вырезными или просечными кружками (1 экз.) или треугольниками и ромбами (1 экз.). Сходные по декору находки встречены ранее на раскопе 1 (1980–1986 гг.) в Большом Бояршем городе (Курбатов, 1991а. Рис. 2: 5). Они также отмечены при раскопках в Новгороде (Исюмова, 1959. Рис. 10: 8), Москве (Векслер, Осипов, 1999; Осипов, 2014. Илл. 50: 7) и Пскове (Салмина и др., 2016).

Кожаный наперсток. Единственный экземпляр найден в заполнении конструкции № 1. Раскройка трапециевидной формы размерами 5,6 × 2,5 см имела обметочные швы по коротким сторонам (рис. 17: 6). Наперсток вырезан из плотной кожи КРС толщиной 2,2 мм. На мерее сохранились многочисленные вдавления – наколы от надавливания на тыльную сторону иглы при сшивании (рис. 23). Такие кожаные наперстки сопутствуют скоплениям кожи в мастерских кожевников. Впервые они выделены в материалах Тверского кремля (Курбатов, 2004б. С. 54).

Игровые мячи. В русских средневековых городах известны три конструкции мячей, но в данной коллекции встречена только одна – это мячи, сшитые из четырех сегментов шара (рис. 17: 2–5). Как показывает обрезок голенища с характерными вырезами, они могли выкраиваться из него (рис. 17: 1). Такие мячи были особенно популярны в позднее Средневековье и Новое время. Они встречены в слоях и комплексах XVI в. Ивангородской крепости, в Москве, в комплексах XVII в. в Мангазее, а вне пределов России в археологическом материале Любека и даже в здании Колледжа Святого Сальвадора в Шотландии, где

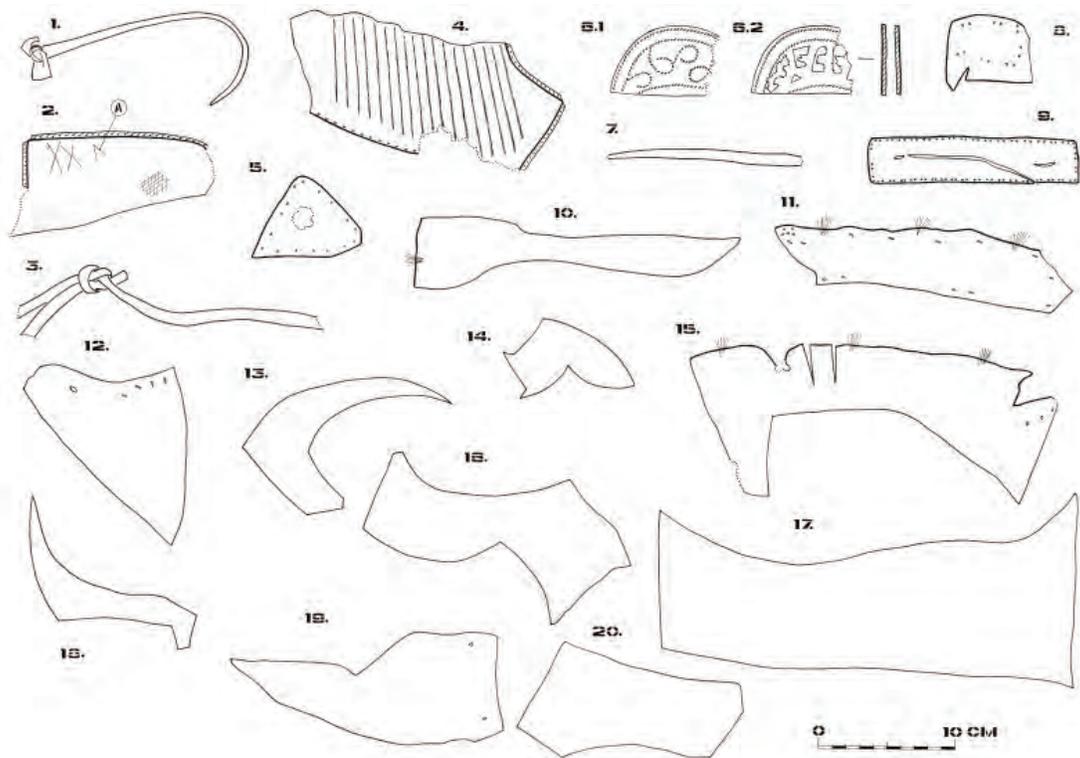

Рис. 21. Разные предметы и изделия: 1 – № 102; 2 – № 16, А – знаки прочерчены острой иглой; 3 – № 17; 4 – № 103; 5 – № 74; 6.1–6.2 – № 108; 7 – № 73; 8 – № 361; 9 – № 39; 10 – № 108; 11 – № 74; 12 – № 112; 13 – № 84; 14 – № 16; 15 – № 147; 16 – № 93; 17 – № 140; 18 – № 31; 19 – № 62; 20 – № 76

Рис. 22. Фрагмент сумки-омоньера, № 990

Рис. 23. Кожаный наперсток, № 966

датируются XVIII–XIX вв. Мячи неоднократно изображались на средневековых миниатюрах, где показаны и способы игры (Визгалов и др., 2011. С. 74; Carradice, 2002. P. 521; Muhrenberg, 1997. P. 40–45).

Обшивка. Встречены фрагменты обшивки неопределенных изделий в количестве 4 ед. (рис. 17: 8–11). Возможно, они остались от одного или двух крупных изделий. Как один из возможных вариантов можно назвать обшивку войлочной попоны.

Обрезок детали с буквенными знаками. Один из обрезков детали (?) имеет на мерейной стороне буквенные знаки, процарапанные острой иглой: «Х», «X» и «Л» (рис. 21: 2). Данная находка увеличивает известные на сегодня археологические образцы кожи с буквенными знаками и надписями (Курбатов, 2015б).

Предохранительная обувь. Необычным для русских городов XVI–XVII вв., в том числе Ивангорода, выглядит находка одного экземпляра предохранительной обуви – деревянной колодки с небольшим каблуком (рис. 24). Обувь на деревянных колодках не прижилась в позднесредневековой России, хотя особые формы предохранительной обуви в археологическом материале выделены (Курбатов, 2011. С. 18–24).

В настоящей работе технические рисунки кожаных деталей и изделий дополнены фотографиями, что дает более наглядное представление о реальном виде предметов, извлеченных из культурного слоя, очищенных от грязи и подготовленных для фотографии. Хорошо видно состояние вещей после их износа, ремонта, повторного использования и утилизации – выброса в культурный слой, т.е. на ту дневную поверхность, которая сложилась ко времени использования вещей.

Сырье. Преобладающим видом кожевенного сырья в данной коллекции были шкуры крупного рогатого скота – быков, коров и телят. Только незначительное число шкур представляют кожу мелкого рогатого скота – коз и овец. Большое число обрезков толстой кожи крупного рогатого скота определенно остались от раскроя подошв (рис. 21: 10–20; 25). Наиболее интересным является наличие единственного экземпляра шкуры свиньи, из которого выкроена одна из головок сапога. Кожа очень плохо продублена и расслоилась при размыве головки.

В работах отечественных исследователей указывается, что сырьем для кожевенных изделий, как правило, служили шкуры домашних животных –

ИвгорКр-2020-P2-588

Рис. 24. Предохранительная обувь, деревянная колодка, № 588

ИвгорКр-2020-P2-1027-1

Рис. 25. Обрезок толстой кожи от раскроя подошвы, № 1027

крупного и мелкого рогатого скота (Тарасов, 1989. С. 164; Штыхов, 1975. С. 72). При этом проводится связь и зависимость кожевенного сырья и костного материала в городских слоях (Лысенко, 1985. С. 302). Неправомерность такого подхода можно увидеть на примере Северо-Запада Руси, где, по заключению специалистов, значительное место в костном материале принадлежит свиные (Цалкин, 1956. С. 147–153. Прил. 14–16), в то время как шкура свиные очень слабо представлена в археологическом материале. Шкура свиные встречается в единственном экземпляре на Кировском раскопе в Новгороде, в Тверском кремле и в Ивангороде (Курбатов, 1991б. С. 131, 134). Минимальное число деталей из шкуры свиные, по сравнению с другими породами домашних животных, позволяет предполагать эпизодическое использование их для выделки кож, в том числе и дублением.

В средневековых письменных источниках свиные кожи упоминаются крайне редко. На сегодня в систематизированных текстах XI–XVII вв. найдено всего два упоминания: 1) в таможенных книгах Тихвинского монастыря за 1664 г.: «Явил костромитин Микита Иванов Суботин шестьдесят юхтей боранов красных ... двести рогож, сорок кошелее свиных, тритцат(ь) четыре пуда гривы коневы» (Словарь русского языка, 1980. С. 394) и 2) в «Сказании Авраамия Палицына» начала XVII в.: «Посылает же розстрига х крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных и в писаниих являя себе приготвольшася со всею полунощною странною и грядуща к расхищению крымских жилищ» (Словарь обиходного русского языка, 2014. С. 250). Полные тексты редакций «Сказания» относятся к 1619 г. и к 1620–1623 гг. (Словарь книжников, 1992. С. 38–39). Дважды кожа дикой свиные – кабана упомянута в источнике XVIII в. как «вепревая кожа» (Словарь русского языка XVIII в., 1987. С. 34). «Вместо башмаков употребляют они <буканцы> поршни из бычачьей и вепревой кожи» (Словарь русского языка XVIII в., 2019. С. 129). А прямое упоминание свиных сапог встречается только в XX в.: «[1970] Из свиной кожи сапог шили» (Словарь русских народных говоров, 2002. С. 282).

Ограниченное использование свиных шкур в средневековом кожевенном деле можно связывать с высоким содержанием в них жиров, выведение которых при обработке требует нерационально больших затрат времени и физических усилий (на разминание), если учитывать большую толщину материала. Кроме того, свиная шкура имеет более рыхлую структуру, т.е. связь коллагенов разных слоев кожи неравномерна, что вызывает расслоение

кожи. Кроме всего прочего, дубленые свиные кожи пропускают воду через каналы волосяных стволков, проходящих сквозь всю толщину кожи: «[1959] Резина да свиная, а скотной кожи не увидишь топерь. Свиная та непрочно, вода сквозь идет» (Словарь русских народных говоров, 2004. С. 117). Эти естественные недостатки не компенсируют преимуществ сыромятной свиной кожи – большую прочность на разрыв.

Трудности обезжиривания свиной шкуры и, следовательно, невозможность ее качественного дубления, а также проницаемость для воды определяют ограниченное использование сырья в средневековом производстве для сыромяти. Только в Новое время свиные шкуры стали дубить квасцами, а затем и разрезать по толщине на спилки (Курбатов, 2010. С. 178–179). Первые двойные машины для такой резки отмечены в Технической энциклопедии начала XX в. (Энциклопедия, 1912. С. 703. Ил. 618). Широкое применение свиных шкур в упряжи и шорных изделиях, а также при изготовлении обуви отмечается только в XX в. (Страхов и др., 1964. С. 88–90).

В монографии по кожевному ремеслу средневековой Москвы, написанной по материалам раскопок в Московском Кремле, Д.О. Осипов предложил сомнительный тезис о том, что шкуры свиные «шли на производство конской упряжи и шорных изделий» (Осипов, 2014. С. 110). Остается неясным, на основании чего возникло такое предположение применительно к истории средневековой России (Курбатов, 2016. С. 218). Археологические источники прямо показывают единичность и даже уникальность свиных кож даже в крупных коллекциях, тогда как в небольших собраниях свиные кожи не выделяются (Курбатов, 2004б. С. 35–36).

Определенные данные о широком и повсеместном использовании шкур свиных в средневековом кожевенном производстве можно найти в средневековых документах отдельных городов Западной Европы. Например, они представлены в Регистрах ремесел и торговли Парижа второй половины XIII в. (Регистры, 1957. С. 306–362; 1958. С. 171–221). Оформление в письменном виде цеховых порядков Парижа сделаны Этьеном Буало (ок. 1200–1270(?) гг.), занимавшим с 1258 г. должность парижского прево. Обстоятельства такого оформления изложены по вступлению к «Книге ремесел». Произведенная между 1261 и 1270 гг. запись статута была только первой частью составленного в то время большого сборника. Во второй его части имелась запись поборов,

поступавших в казну с парижской торговли; в третьей – перечень привилегий сеньориальных юстиций на некоторых землях в Париже и в округе. Это дает основание полагать, что появление «Книги ремесел» было связано с упорядочением королевской администрации и вообще с реформами Людовика IX.

В статуте LXXVII «О кошелечниках и изготовителях кожаных штанов» записано: «Следует знать, что изделие, в котором оленья кожа и сверху, и снизу – хорошее, и изделие из лошадиной кожи – хорошее, и изделия из свиной кожи – хорошие, если только свиная стоит 8 день» (Регистры, 1958. С. 193). В статуте LXXVIII «О парижских живописцах и седельщиках» также отмечены свиные кожи: «Никто из седельщиков не должен ни на своем, ни на другом седле делать часть луки (*lège*), т.е. то, что помещается на край луки вьючного седла, на котором носят сундуки, кроме как из лошадиной, свиной, коровьей или другой столь же доброкачественной кожи и целиком из одного куска...» (Регистры, 1958. С. 195). И далее в том же статуте: «Никто не может и не должен приделывать подпругу ни другую сбрую к вьюку, если она нехорошая и нечестная, а именно, надо, чтобы там была одна полоса из соапе, т.е. из свиной кожи, или по крайней мере одна полоса из новой кожи, стоящей столько же; а если сделает иначе, изделие будет уничтожено» (Регистры, 1958. С. 197). О том, что в средневековых городах Германии, Франции и Бельгии широко использовались свиные шкуры, упоминает и русская техническая энциклопедия в разделе по технике выделки кож (Энциклопедия, 1912).

Выводы. В целом конструкция ивангородских сапог характерна для первой половины XVI в. и археологически изучена в ряде русских городов, а также на сельском поселении Вёжи в Костромском Поволжье. Ряд особенностей других кожаных изделий, известных сегодня по археологическим раскопкам, не противоречит названной датировке. В составе коллекции видна определенная специфика функционирования поселения, в результате чего в слой выпал ограниченный набор кожаных предметов. Прежде всего, отсутствуют формы определенно женской и детской обуви, а имеющиеся сапоги несут следы неоднократной починки. Состав обрывков подтверждает, что здесь в основном ремонтировали изношенные сапоги или перешивали их в низкую рабочую обувь. Такой состав находок на территории крепости может отражать непосредственно годы перестройки Большого Бояршего города, проходившей, по мнению М.И. Мильчика, в 1507–1509 гг. (Мильчик, 1997. С. 45). В то же время часть коллекции можно

относить ко второй четверти XVI в., учитывая находки в нижних слоях двух монет Ивана III / Василия III и Ивана IV (по одной монете каждого периода). Единичность этих монет не исключает случайности их попадания в слой, где отложилась основная часть кожаных предметов в первом десятилетии XVI в. В пользу этого свидетельствует стратиграфия – слои темного гумуса со щепой лежат непосредственно на слое погребенной почвы, т.е. на задернованной дневной поверхности, бывшей здесь до начала строительства.

Настоящая коллекция позволяет рассмотреть один интересный вопрос в истории трансформации русского кожаного ремесла в первой половине XVI в., когда на широких пространствах России в городах кожаная продукция быстро унифицируется. В определенной степени унификацию кожаного ремесла Московского государства можно связывать с влиянием технологии выделки кож и техники пошива кожаных изделий, которые сложились в начале XVI в. в Пскове. Передовой характер псковского ремесла был связан с длительными и многосторонними контактами псковичей с городами Западной Европы. Последними надо считать и города Прибалтики, в которых и городское устройство, и ремесленная деятельность повторяли таковые в городах Германии.

На этом фоне нужно рассматривать переселения псковичей после присоединения города к Москве. Переселение псковичей в Москву после 1510 г. отмечал С.В. Бахрушин. После переселения псковичи образовали особый квартал «Псковичи» в районе Сретенки. Василий III «подавал им дворы по Устретенской улице, всю улицу дал за Устретение, а не помешал с ними ни одного москвитина». В 1518 г. псковичи-переселенцы поставили здесь церковь Введения, которая стала религиозным центром их поселения. В 1569 г. Иван IV свел в Москву еще 500 псковичей, в том числе очень состоятельных людей. Видимо, новгородские и псковские переселенцы 1569–1571 гг. были поселены и в Замоскворечье «за Болотом» (Бахрушин, 1952. С. 162).

С переселениями псковичей можно связать и особенности обуви Переяславля. Летописная запись о переселении в Москву части псковитян объясняет сходство манеры пошива сапог первой половины XVI в., найденных в раскопках последнего времени (Фатюнина, 2011) и сходных с более ранней коллекцией кожаных предметов с этого памятника (Оятева, 1974). Манера раскроя, пошива и декора кожаных сапог из Переяславля обнаруживает большое сходство с обувью из Ивангородской

крепости. В этом отношении показательна нитяная расшивка на головках шести переяславских сапог, идентичная находке в Ивангороде (Фатюнина, 2012. С. 289. Рис. 4). При этом надо отметить, что сама манера декора головок и голенищ сапог расшивкой для этого времени достаточно редко встречаемая (Курбатов, 2008. С. 251; Осипов, 2006. С. 65). На сегодня можно считать, что толчок к появлению сапог «русского» стиля в этом городе дан в Пскове. Следует отметить и еще одну возможную причину переселения псковичей в Переяславль – там находился один из великокняжеских дворов-хозяйств (Бахрушин, 1952. С. 26). Известно, что в начале XVI в. в Переяславле Рязанском уже существовал значительный ремесленный посад. Это видно из жалованной грамоты великого князя Василия Ивановича от 25 января 1507 г.: «Се яз, князь велики Василей Иванович всея Руссии пожаловал своих сокольников переславских, саколничя пути, что живут в городе Переславле на посаде: ...помочника Полуту Головина... Ивашка сапожного мастера... Першу с(е)делника..., Федка сапожника» (Акты социально-экономической истории, 1964. С. 46–47).

Источники и литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М. 1964. Т. 3.
- Алешина Т. С., 1997. Историко-культурный потенциал обуви городского типа в России XVIII – начала XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Андрианова Л. С., Федоров А. С., 2012. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Череповец. Вып. 4.
- Асташова Н. И., 2014. Предметы из черного металла с клеймами из раскопок Смоленска // ННЗИА. Вып. 28.
- Бахрушин С. В., 1952. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М. 1952. Т. I.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // РА. № 1.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В., 2011. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург.
- Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Альбом. 1985. М.
- Дубынин А. Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
- Загорюльский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.
- Кабатов С. А., 2011. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М. Вып. 7.
- Курбатов А. В., 1991а. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. Вып. 205.
- Курбатов А. В., 1991б. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. Л. Вып. 3.
- Курбатов А. В., 2004а. Древнерусская обувная мода и время появления фигуры «мастера Авраама» // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. СПб. 2004.
- Курбатов А. В., 2004б. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А. В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // ЗИИМК. № 3.
- Курбатов А. В., 2009. Кожаные фартуки в археологических коллекциях // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М.
- Курбатов А. В., 2010. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. № 5.
- Курбатов А. В., 2011. «Предохранительная обувь» в эпоху Средневековья и Нового времени // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы 14-й международной научной конференции. СПб.
- Курбатов А. В., 2013. Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси // РАЕ. № 3.

- Курбатов А. В., 2015а. Сумки-омоньеры в русских средневековых городах // АВ. № 21.
- Курбатов А. В., 2015б. Исторические традиции в использовании кожи для письма // ЗИИМК. № 11.
- Курбатов А. В., 2016. Кожевенное ремесло в средневековой Москве. Рецензия на кн.: Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М. 2014 // АВ. № 22.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Мильчик М. И., 1997. История Ивангорода в конце XV–XVI в. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.
- Осипов Д. О., 2003. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 2.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 7.
- Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.
- Оятева Е. И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Оятева Е. И., 1973. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15.
- Оятева Е. И., 1974. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Археология Рязанской земли. М.
- Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.
- Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние Века. М. 1957. Вып. X.
- Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние Века. М. 1958. Вып. XI.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В., 2016. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопок 2005–2013 гг.) // АИППЗ. М.-Псков-СПб. Заседание 61. (Вып. 31).
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб. 1992. Ч 1 (А–З).
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб. 2014. Вып. 6.
- Словарь русских народных говоров. СПб. 2002. Вып. 36.
- Словарь русских народных говоров. СПб. 2004. Вып. 38.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1980. Вып. 7.
- Словарь русского языка XVIII в. Л. 1987. Вып. 3.
- Словарь русского языка XVIII в. Л. 2019. Вып. 22.
- Страхов И. П., Аронова Ю. Н., Гайдаров Л. П., Головтеева А. А., Чернов Н. В., Шестакова И. С., 1964. Химия и технология кожи и меха. М.
- Тарасов С. В., 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) // Памятники науки и техники. 1987–1988 гг. М.
- Фатюнина О. А., 2011. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV – XVI в. // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М. Вып. 7.
- Фатюнина О. А., 2012. Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV – начала XVII в. // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М. Вып. 8.
- Халиков А. Х., 1989. Археологические работы на предбулачной части посада Казани XV–XVI вв. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства в Древней Руси // МИА. Вып. 51.
- Шакиров З. Г., Валиев Р. Р., Ситдииков А. Г., 2012. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. Казань. № 2.
- Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск.
- Энциклопедия промышленных знаний. Обработка волокнистых веществ. СПб. 1912. Т. 8.

Carradice I., 2002. A group of cache balls from St. Andrews // PSAS. Vol. 132. Edinburgh.

Mührenberg D., 2009. Erkenntnisse zum Alltag im mittelalterlichen Lübeck aufgrund archäologischer Forschungen der letzten 60 Jahre // The Hansa town Riga as mediator between East and West. Riga.

Puškorius A., 2012. Renaissance footwear as a mark of social differentiation // Archaeologia Baltica. Klaipeda. № 17.

Обзор коллекции монет из раскопок в Санкт-Петербурге на ул. Яблочкова в 2021 г.¹

К. В. Горлов², К. С. Роплекар³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-211-227

В 2021 г. Санкт-Петербургской городской археологической экспедицией ИИМК РАН⁴ проводились охранные археологические раскопки в южной части Петроградской стороны по адресу: ул. Яблочкова, д. № 2/10. Площадь обследованного участка составила 113,27 кв. м (участки площадью 51,9 кв. м и 61,3 кв. м). Данная территория, прилегая с запада к главному Кронверку Петропавловской крепости и тяготея к Малой Неве, являлась одним из наиболее населенных районов раннего Петербурга (рис. 1). Согласно данным письменных и картографических источников, а также результатам археологических исследований прошлых лет, изученная в 2021 г. площадь располагается в пределах существовавшего здесь с начала XVIII в. исторического Мытного двора⁵ и его окрестностей (Субботин, 2021. С. 12, 15, 36, 37).

Границы выявленного объекта археологического наследия «Провиантская улица (Мытный переулок) I.

¹ Работа выполнена в рамках темы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» и № FMZF-2022-0020 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии. E-mail: xenia83@bk.ru.

⁴ Работы проведены на основании Открытого листа, выданного А. В. Субботину. Полевое исследование участка проводилось К. С. Роплекар.

⁵ Мытный двор представлял из себя «большое четырехугольное, покрытое дранкой здание, внутри которого шла бойкая торговля всем, что употребляется для домашнего хозяйства (крупы, сало, посуда и т. д.), а также размещались склады муки» (Луппов, 1957. С. 31).

Участок культурного слоя окрестностей Мытного двора города Санкт-Петербурга XVIII–XX вв.» были установлены в соответствии с Распоряжением КГИОП № 449-р от 02.11.2018 – в результате археологической разведки, проведенной в 2018 г. специалистами Лаборатории археологии СПбГУ под руководством К. В. Шмелева (Шмелев, 2018. С. 20).

В 2021 г. в связи с планируемыми строительными работами на территории выявленного объекта культурного наследия, были разработаны археологические мероприятия и план проведения спасательных археологических полевых работ, обеспечивающих сохранность памятника (Проектная документация, 2020).

Изначально работы, проводимые ИИМК РАН в границах исследуемого участка, осуществлялись в виде археологического наблюдения, в ходе которого разборка балластных напластований производилась землеройной техникой тонкими слоями по 0,10–0,20 м. Синхронно осуществлялась ручная переборка грунта, сбор массового материала и индивидуальных находок (Субботин, 2021. С. 33, 34). По результатам этих работ был составлен Акт с обоснованием необходимости проведения спасательных археологических раскопок (Субботин, 2021. С. 33, 34).

На стадии археологического наблюдения после снятия наслоений балласта в пределах сектора А был открыт непотревоженный культурный слой XVIII в. (рис. 2). В кв. Б–В2–3 прослеживались элементы деревянной конструкции «клетки» в виде досок, лежащих перпендикулярно друг другу (Субботин, 2021. С. 39, 40). С этим объектом связана находка медных полушки и двух денег Российской империи, выпущенных в 1731 г. Еще одна денга 1746 г., зарегистрированная в разведывательном шурфе, заложенном у южной стенки раскопа *in situ*, находилась на поверхности настила из четырех досок (табл. 1: 1–5).

При исследовании слоя на уровне горизонта I в секторе А была зафиксирована верхняя часть

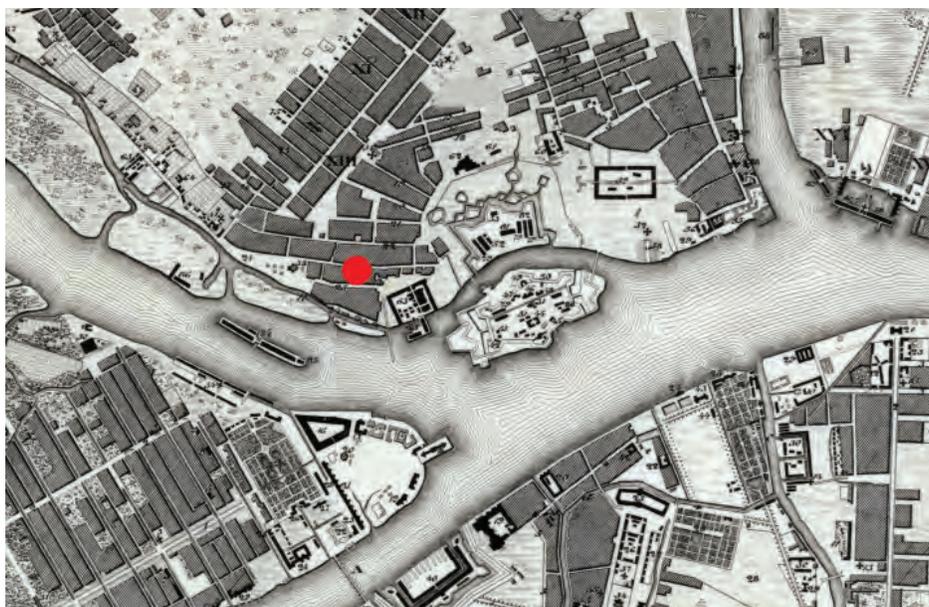

Рис. 1. План Санкт-Петербурга 1738 г. с обозначением (красный кружок) места проведения археологического исследования культурного слоя на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г.

Таблица 1. Нумизматические находки, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
Археологическое наблюдение										
1	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка ⁷	1731?	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	147			3
2	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	148			4
3	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	149			5
4	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1746	Москва. Красный двор	Медь	У-2526	146			2

⁶ ГКХ – типология монет приведена по систематизации И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова (Гришин и др, 2015). У – типология монет приведена по систематизации В. В. Узденикова (Уздеников, 2011).

⁷ Следы перчеканки из копейки Петра II.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
5	Российская империя. Николай II	1/2 копейки	1900	СПб.	Медь	У-3892	145			1
Горизонт 1										
6	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	641	Черная гумусированная супесь со щепой	В2	46
7	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1736	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2498	639	Черная гумусированная супесь со щепой	В3	41
8	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга ⁸	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	636	Черная гумусированная супесь со щепой	Б2	40
9	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	638	Черная гумусированная супесь со щепой	В3	45
10	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2494	643	Черная гумусированная супесь со щепой	В3	43
11	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2493	634	Черная гумусированная супесь со щепой	В3	61
12	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1737	Екатеринбург	Медь	У-2499	619	Черная гумусированная супесь со щепой	В 4	10
13	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	642	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	64

⁸ Следы перечеканки из копейки Петра I.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
14	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	644	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	52
15	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга ⁹	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	637	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	39
16	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1734	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2489	633	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	59
17	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2493	635	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	58
18	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1738	Екатеринбург	Медь	У-2502	640	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	53
19	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1748	Москва. Красный двор	Медь	У-2526	646	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	52
20	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1753	Москва. Красный двор	Медь	У-2542	645	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	52
21	Российская империя. Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург	Медь	У-2718	623	Черная гумусированная супесь со щепой	В1	14
22	Российская империя. Павел I	1 деньга	1797	Екатеринбург	Медь	У-2950	652	Черная гумусированная супесь со щепой	Г5	33

⁹ Производственный брак «выкус».

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
23	Российская империя. Павел I	1 копейка	1798	Екатеринбург	Медь	У-2963	632	Черная гумусированная супесь со щепой	В5	28
24	Российская империя. Александр I	2 копейки	1811	Екатеринбург	Медь	У-3131	631	Коричневая мешаная супесь со строительным мусором	А6	21
25	Российская империя. Александр I	2 копейки	1811?	Екатеринбург	Медь	У-3131	616	Коричневая мешаная супесь со строительным мусором	В4	6
Горизонт 2										
26	Русское царство. Петр I	Полушка	1700–1718	Москва. Набережный двор	Медь	?	827	Черная гумусированная супесь со щепой	Б5	74
27	Русское царство. Петр I	Копейка	1713	Москва. Кадашевский двор	Медь	У-2333	813	Черная гумусированная супесь со щепой	Г5	82
28	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	821	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	70
29	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1750	Москва. Красный двор	Медь	У-2536	815	Черная гумусированная супесь со щепой	А7	87
30	Российская империя. Екатерина II	Деньга	1795 ?	Екатеринбург	Медь	У-2901	819	Черная гумусированная супесь со щепой	Б5	72
Горизонт 3										
31	Русское царство. Петр I	Полушка	1707	Москва. Набережный двор	Медь	У-2289	817	Щепа	Г5	142

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
32	Русское царство. Петр I	Полушка	1719	Москва. Набережный двор	Медь	У-2413	829	Черная гумусированная супесь со щепой / Заполнение. дерев. констр.	В3	97
33	Русское царство. Петр I	Полушка	1720	Москва. Набережный двор		У-2424	828	Щепа	В5	143
34	Российская империя. Петр I	Полушка	1718–1722	Москва. Набережный двор	Медь	?	830	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	107
35	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	816	Черная гумусированная супесь со щепой	Б2	103
36	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731 ?	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	825	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	101
37	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731 ?	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	818	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	91
38	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2493	823	Щепа	В7	138
39	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1736	Москва. Плащ. мельница	Медь	У-2498	820	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	90
40	Российская империя. Павел I	1 деньга	1797–1801	?	Медь	?	814	Черная гумусированная супесь со щепой	А2	125
Горизонт 4										
41	Русское царство. Петр I	Полушка	1707	Москва. Набережный двор	Медь	У-2289	889	Щепа	Г6	199

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
42	Русское царство. Петр I	Копейка	1707	Москва. Набережный двор	Медь	У-2283	783	Щепа	В3	177
43	Российская империя. Екатерина I	5 копеек	1726	Москва. Набережный двор	Медь	У-2554	784	Щепа	В6	151
44	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	788	Щепа	А3	194
45	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1749	Москва. Красный двор	Медь	У-2533	791	Щепа	Г6	149
46	Российская империя. Екатерина II	5 копеек	1763	Екатеринбург	Медь	У-2635	792	Щепа	А4	168
47	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга ¹⁰	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	786	Щепа		–
48	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва. Плац. мельница	Медь	У-2493	795	Щепа		–
49	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1736	Москва. Плац. мельница	Медь	У-2498	787	Щепа	В7	–
50	Русское царство. Петр I	Денга	1706	Москва. Набережный двор	Медь	У-2281	794	Щепа / Подчистка стен	В7	–
Горизонт 5										
51	Русское царство. Петр I	Копейка ¹¹	1702 (ЯФВ)	Москва. Кадашевский двор	Серебро	ГКХ-1398	780	Щепа	В3	231
52	Русское царство. Петр I	Денга	1703	Москва. Набережный двор	Медь	У-2263	785	Щепа	Б6	214

¹⁰ Следы перечеканки из монеты Петра I.

¹¹ Вес 0,245 г.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
53	Русское царство. Петр I	Копейка ¹²	1709 (ЯФӨ)	Москва. Кадшевский двор	Серебро	ГКХ-1708	781	Щепа / Заполнение ямы 1	А5-6	781 ¹³
54	Русское царство. Петр I	Копейка ¹⁴	1702	Москва. Старый двор	Серебро	ГКХ-1249 ?	793	Щепа / Подчистка стен	В7	–
Разбор уступа у западной стенки раскопа										
55	Русское царство. Петр I	Копейка ¹⁵	1701– 1709	Москва. Кадшевский двор	Серебро	ГКХ- ?	779	Щепа	Г1	247
56	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва. Красный двор	Медь	У-2487	1458	Щепа	В1	Ф 252
57	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1731 ?	Москва. Красный двор	Медь	У-2485	782	Щепа	Г1	245
58	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва. Плац. мельница	Медь	У-2494	789	Щепа	А1	244
59	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва. Плац. мельница	Медь	У-2493	790	Щепа	В1	233
Монеты без точной планиграфической и стратиграфической привязки										
60	Российская империя. Александр I или Николай I	2 копейки	1810– 1830	?	Медь	?	824	Черная гумусированная супесь со щепой	Г2	–
61	Российская империя. Анна Иоанновна	Полушка	1730-е	?	Медь	?	822	Черная гумусированная супесь со щепой		–
62	Русское царство. Петр I	5 копеек	1724	Москва. Набережный двор	Медь	У-2444	647	Черная гумусированная супесь со щепой. Отвал	А– Г2–3	–

¹² Вес 0,225 г.

¹³ Ввиду отсутствия в данном случае номера пикета, приводим порядковый номер монеты в полевой описи.

¹⁴ Вес 0,265 г.

¹⁵ Половина монеты. Вес 0,080 г.

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Метал	Тип ⁶	№ п.о.	Слой / Объект	Кв.	Пик.
63	Российская империя. Анна Иоанновна	Денга	1739	Екатеринбург	Медь	У-2503	649	Черная гумусированная супесь со щепой / Отвал	А-Д3-5	–
64	Российская империя. Екатерина II	Полушка	1767?	Екатеринбург	Медь	У-2702	648	Черная гумусированная супесь со щепой / Отвал	А-Г2-3	–
65	Российская империя. Александр I или Николай I	2 копейки	1810–1830	?	Медь	?	630	Коричневая мешаная супесь со строительным мусором	Б-В6-7	–
66	Российская империя. Петр I	Полушка	1722	Москва. Набережный двор	Медь	У-2437	888		В-Г5-6	
67	Российская империя. Елизавета Петровна	Денга	1746	Москва. Красный двор	Медь	У-2526	834			
68	Российская империя. Александр II	1 копейка	1878	СПб.	Медь	У-3782	380			

кладки ленточного каменного фундамента в виде буквы Г¹⁶. Во внутреннем объеме этого сооружения продолжилось изучение элементов деревянной конструкции «клетки», выявленной на этапе наблюдения (Субботин, 2021. С. 41–43). Здесь в слое черной гумусированной супеси со щепой, углем и локально кирпичным боем удалось зарегистрировать три полушки 1731, 1735, 1736 гг. и четыре денги 1731, 1735, 1737 гг. При исследовании идентичных по структуре напластований, примыкающих к конструкции «клетки» с запада и юга, найдены три полушки 1731, 1738 гг. и пять денег 1731, 1734, 1735, 1748, 1753 гг. (табл. 1: 6–20; рис. 3: 1–3). Поодаль от этой компактной серии монет обнаружены полушка Екатерины II, копейка Павла I и двухкопеечник Александра I (табл. 1: 21, 23, 24).

¹⁶ Конструкция имела направление с запада на восток до кв. Б4, где совершала поворот под углом 90 градусов на север.

В пределах сектора Б на уровне горизонта I исследовался слой коричневой мешаной супеси со строительным мусором, содержащий предметы городского быта XIX – начала XX в. (Субботин, 2021. С. 42). С данными напластованиями связана находка медных денги 1797 г. и грошевика 1811 г. (табл. 1: 22, 25). При изучении слоя на уровне горизонта II в границах сектора А продолжилось раскрытие новых элементов «клетки», лежащих на отметках 1,11–1,40 м БС. Доски, принадлежащие данной конструкции, удалось проследить к югу и востоку от внешних стенок каменного фундамента, при сооружении которого и была разрушена более ранняя деревянная постройка. Культурный слой внутри «клетки» отличается от основного большей плотностью и насыщенностью углем и гравием (Субботин, 2021. С. 43–46). В отличие от вышележащего горизонта, на этом уровне нумизматические находки, связанные с деревянной конструкцией, обнаружены не были. Только западнее от нее была найдена полушка 1731 г. (табл. 1: 28).

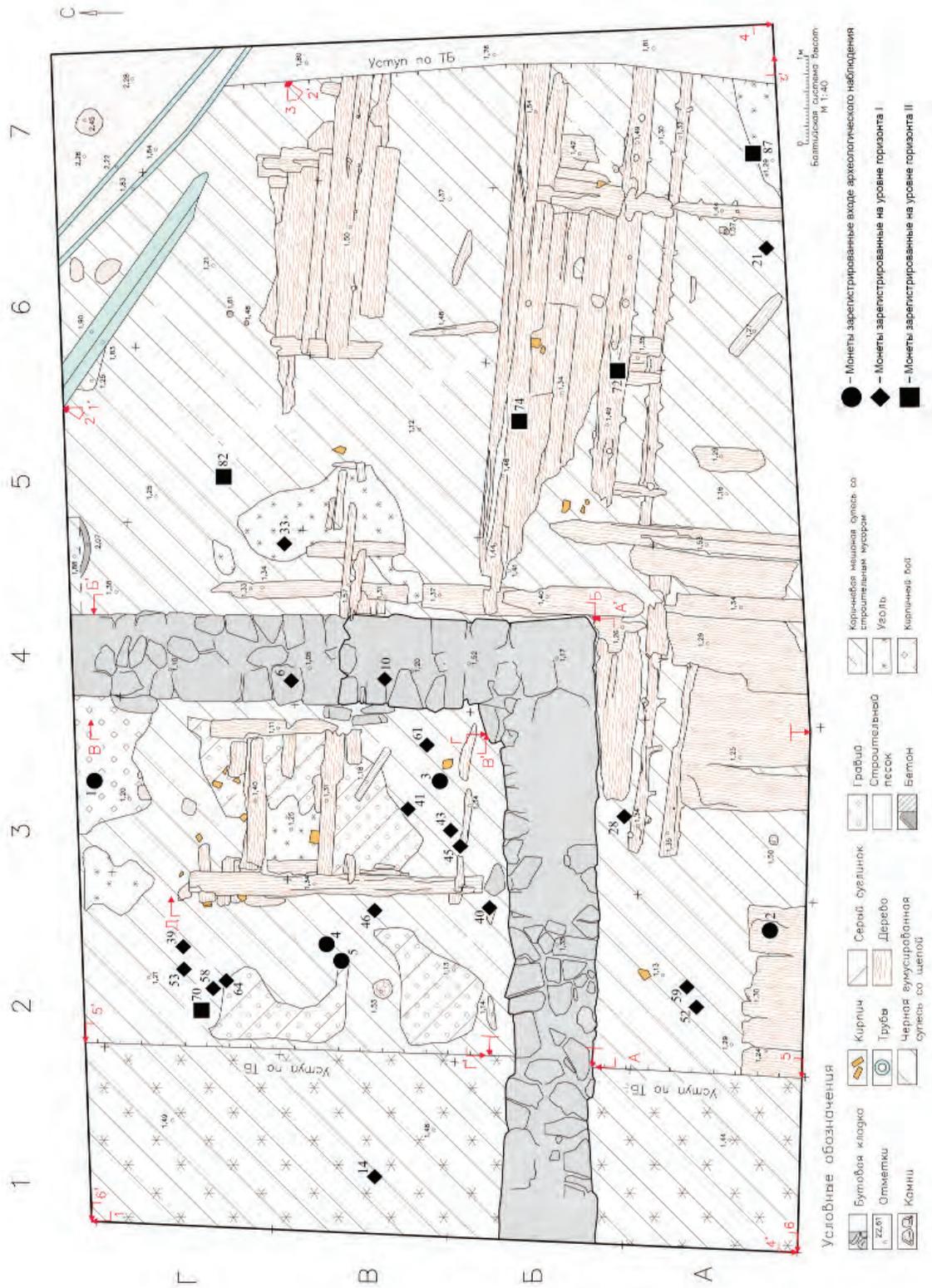

Рис. 2. План раскопа на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г. по уровню фиксации поверхности слоя черной гумусированной супеси со щелей при отметках 1,2–1,4 м БС (горизонт II) с обозначением мест регистрации нумизматических находок (число рядом с условным обозначением места находки монеты соответствует номеру пикета в табл. 1)

Рис. 3. Нумизматические находки эмиссии Петра Алексеича, Екатерины I, Анны Иоанновны, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г.
Медный сплав

У южной стенки раскопа раскрыты детали деревянного настила или мостовой, продолжающегося на восток и северо-восток, покрывая значительную часть площади сектора Б. Выше поверхности настила в кв. Б5 в слое черной гумусированной супеси найдена медная полушка Набережного монетного двора 1700–1718 гг. Неподалеку от нее обнаружена денга 1795 г. (табл. 1: 26, 30).

Петровская копейка 1713 г. зарегистрирована в кв. Г5 на отметке 1,26 м БС, т.е. ниже уровня расположенной восточнее мостовой, верхние доски которой связаны с отметкой 1,50 м БС. В юго-восточном углу раскопа в пограничье между слоем угля и черной гумусированной супеси найдена денга 1750 г. (табл. 1: 27, 29; рис. 3: 5).

В ходе исследования культурного слоя на уровне горизонта III проводилась расчистка внутреннего заполнения деревянных конструкций и пространства вокруг них (черная гумусированная супесь со щепой) (рис. 4). В результате этих работ на поверхности раскопа появились возвышенные участки (Субботин, 2021. С. 46, 47).

В пределах сектора А в кв. Б–Г2–4 образовался останец с деталями «клети», у которой удалось проследить нижние элементы. Здесь в слое мешаной черной гумусированной супеси со щепой, с включениями угля и гравия зарегистрирована медная полушка 1719 г. (на уровне 1,17 м БС). К северо-западу от «клети» при разборке черной гумусированной супеси со щепой найдены две полушки 1731 и 1736 гг. и две денги 1731 г. У южного борта раскопа ниже уровня расположенного рядом деревянного настила обнаружены медные полушка 1718–1722 гг. Петра I и денга 1797–1801 гг. Павла I (табл. 1: 32, 34–37, 39, 40; рис. 3: 9).

В границах сектора Б в кв. Г5 на отметке 1,04 м БС зарегистрирована медная полушка 1707 г. Еще одна полушка 1720 г. происходит из кв. В5. Данные монеты связаны с горизонтом щепы, лежащей под настилом. С этим же слоем связана находка денги 1735 г. в пространстве между деревянными конструкциями (табл. 1: 31, 33, 38; рис. 3: 10).

При исследовании горизонта IV, представленного на большей части раскопа черной гумусированной супесью со щепой, производился полный разбор деревянных сооружений (Субботин, 2021. С. 47, 48). На месте «клети» в кв. В3 удалось обнаружить медную копейку 1707 г. Из слоя щепы кв. Г6 ниже уровня разобранного южнее настила происходит медная полушка 1707 г. В соседнем кв. В6 под горизонтом мостовой найдены пять копеек 1726 г.,

выпущенные в правление Екатерины I (табл. 1: 41–43; рис. 3: 6, 8, 11). Фиксация данной монеты под деревянными досками имеет важное значение, так как может указывать на сооружения конструкции не ранее 1726 г. Однако при этом необходимо учитывать возможность случайного проваливания «крестового пятака» в зазоры между досками настила уже после его постройки. На высокую вероятность такой ситуации указывает обнаружение неподалеку от пятикопеечника в кв. Г6, также под мостовой, денги 1749 г., попадание которой в слой со щепой мы склонны связать именно со случайным проваливанием в зазоры (табл. 1: 45). У южной стенки раскопа под уровнем деревянного настила были найдены полушка 1731 г. и пять копеек 1763 г. (табл. 1: 44, 46). Можно предположить, что данные монеты в период своего обращения также случайно провалились в зазоры между досками сооружения и таким образом оказались под ним.

Также при исследовании горизонта IV были найдены две денги 1731 и 1735 гг. и полушка 1736 г., не имеющие точной планиграфической привязки. Вероятно, именно ко времени формирования этих же напластований следует отнести выпадение в слой и медной денги машинного производства 1706 г., обнаруженной в ходе подчистки стенки раскопа в пределах кв. В7 (табл. 1: 47–50).

На уровне горизонта V на всей площади раскопа была выявлена погребенная почва в виде черной гумусированной супеси. Зафиксированные здесь немногочисленные артефакты, вероятно, изначально залегали в слое черной гумусированной супеси со щепой, но в связи с движением почвы могли опуститься в нижележащие напластования (Субботин, 2021. С. 49–51).

В кв. В3 на месте существовавшей здесь «клети» найдена серебряная проволочная копейка Петра I, выпущенная в 1702 г. на Кадашевском дворе¹⁷. Из кв. Б6 происходит медная денга 1703 г. Набережного монетного двора. Немного восточнее от места регистрации этой монеты в ходе исследования заполнения ямы № 1¹⁸ удалось обнаружить серебряную проволочную копейку Кадашевского двора 1709 г. (табл. 1: 51–53; рис. 3: 4; рис. 5: 1, 3).

К горизонту с ранними нумизматическими находками, вероятно, принадлежат проволочная ко-

¹⁷ В этом же квадрате на уровне горизонтов IV и III также были зафиксированы петровские монеты 1707 и 1719 гг.

¹⁸ В период бытования данный объект, вероятно, имел хозяйственное назначение.

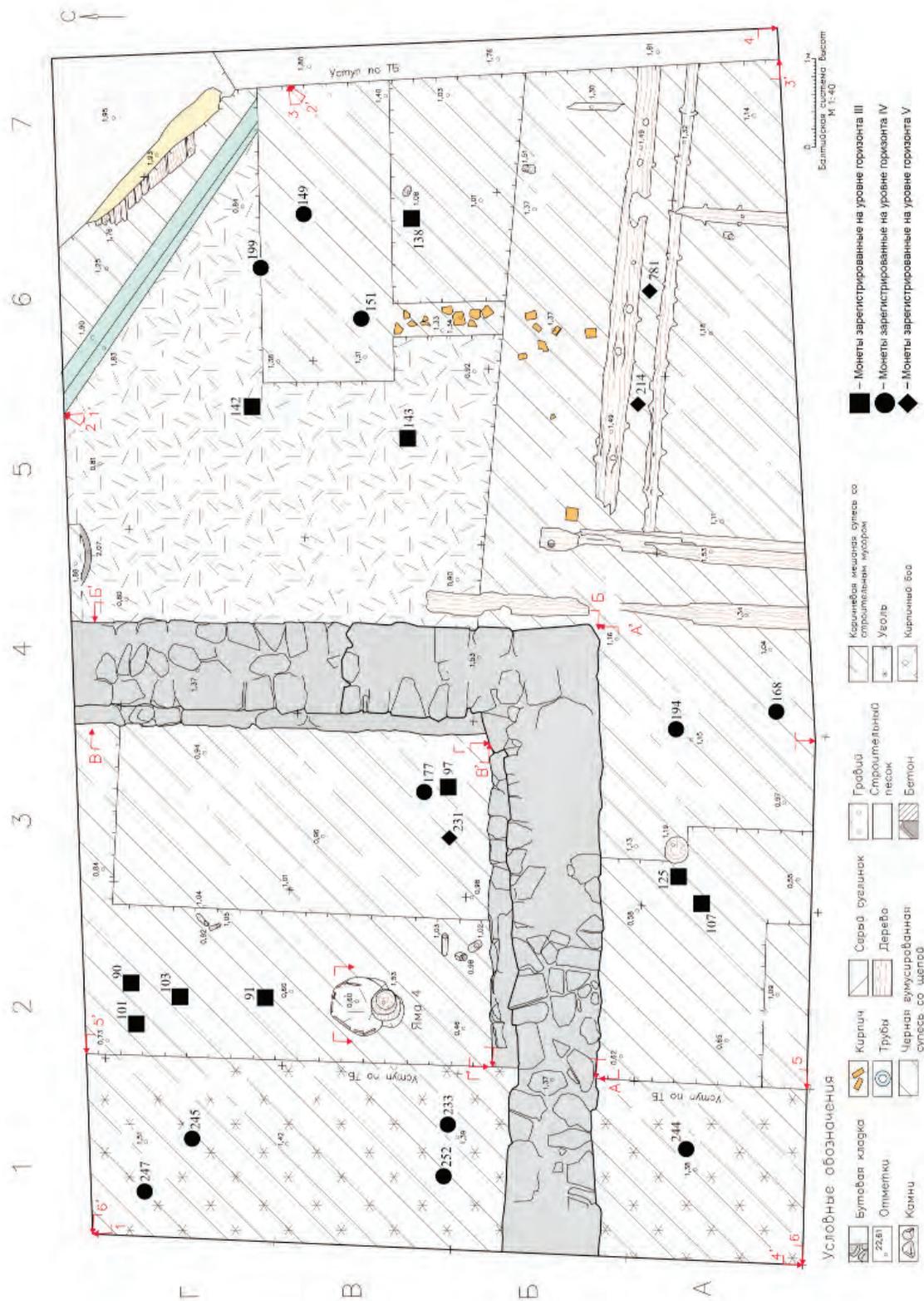

Рис. 4. План раскопа на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г. по уровню фиксации поверхности слоя черной гумсированной сульсы со шпелю после разбора деревянных конструкций (горизонт IV) с обозначением мест регистрации нумизматических находок (число рядом с условным обозначением места находки монеты соответствует номеру пикета в табл. 1)

Рис. 5. Нумизматические находки (копейки) эмиссии Петра Алексеевича, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя на ул. Яблочкова, д. 2/10 в 2021 г. Серебро

пейка 1702 г., найденная при зачистке восточной стенки раскопа, и половина проволочной серебряной копейки 1701–1709¹⁹ гг. Кадашевского двора, зарегистрированная в квадрате Г 1 при разборке уступа (табл. 1: 54, 55; рис. 5: 2, 4).

После фиксации поверхности раскопа по материк в связи с производственной необходимостью было принято решение разобрать уступ, сохранявшийся вдоль западной стенки раскопа на кв. А–Д1. В связи с опасностью обрушения каменного забора данные мероприятия проводились силами заказчика под наблюдением археологов (Субботин, 2021. С. 54). В ходе этих работ удалось зарегистрировать половину проволочной серебряной копейки 1701–1709 гг., речь о которой шла выше, а также по две медные полушки и денги 1731, 1735 гг. (табл. 1: 56–59).

При исследовании культурного слоя на ул. Яблочкова было обнаружено девять разновременных монет, не имеющих точной планиграфической и стратиграфической привязки к сетке квадратов раскопа (табл. 1: 60–68). Время выпуска этих находок коррелирует с рассмотренными выше образцами и дополняет общую картину.

Представленный порядок дифференциации монет по горизонтам и объектам позволяет проследить некоторые хронологические закономерности их локализации в культурном слое. Серия наиболее ранних денежных знаков в виде проволочных серебряных копеек Петра Алексеевича и медной денги машинного производства связана с нижними напластованиями погребенной почвы, а также с за-

¹⁹ Плохое состояние сохранности фрагмента монеты в настоящее время не позволяет провести ее точную атрибуцию.

полнением хозяйственной ямы № 1. При рассмотрении этих монет с позиций хронологического индикатора, указывающего на время формирования культурного слоя, следует помнить, что, несмотря на неудобство использования в качестве расчетных средств денежных знаков ручной чеканки²⁰, они продолжали оставаться в обращении до середины XVIII в., хотя правительство предпринимало неоднократные попытки их изъятия. Только в 1744 г. издается указ, запрещающий оборот «старой» монеты, однако выполнение этого постановления растянулось почти на 10 лет (Сборник указов, 1887. С. 157, 158, 314–334, 442–444, № 5965, 8948, 10339; Юхт, 1986. С. 39, 40). Главным образом проволочные копейки были востребованы в консервативной крестьянской среде (наиболее в районах Заволжья), где серебряные средства расчета предпочитались медным. Даже после 1750-х гг. проволочная копейка кое-где еще сохраняла значение местного платежного средства (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 21, 22).

В 2011 г. в Азове было исследовано коллективное захоронение русских солдат и, возможно, офицеров, совершенное в 1739 г. во время эпидемии чумы. При одном из костяков был раскрыт тканевый кошелек, содержащий 131 проволочную петровскую копейку включая два поддельных экземпляра (Горлов и др., 2023). Данная находка помимо продолжительности бытования проволочных монет указывает на русскую армию как на еще одну социальную среду, где денежные знаки такого рода оставались востребованы длительное время после прекращения их выпуска.

Однако несмотря на приведенные обстоятельства, обнаруженная на уровне горизонта V серия петровских копеек и денги может маркировать формирование культурного слоя в первое десятилетие XVIII в., на что косвенно указывает отсутствие среди полученных здесь артефактов нумизматических находок, выпущенных позже 1710 г. Примечательно присутствие в коллекции сломанной пополам серебряной копейки. Есть основание полагать, что монета была разделена на две части намеренно в результате нехватки у населения разменных средств расчета, так как на протяжении

²⁰ Голландский купец Иоганн Филипп Кильбургер писал, что русские деньги «маленькие, скользкие и легко падают через пальцы. Между ними много фальшивых...» (Курц, 1915. С. 154). Немецкий путешественник Адам Олеарий отмечал, что русские монеты очень мелки, что ими трудно вести торг (Олеарий, 1906. С. 127, 128). Петр I с ненавистью называл проволочные монеты «старыми вшами».

XVII в. основное внимание уделялось чеканке копеек (Юхт, 1994. С. 10; Зайцев, 2018. С. 179–184). Царский указ 1700 г. сообщает: «...во многих Низовых и в иных городах, за скудостью денежек, на размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки на двое, и на трое, и торгуют ими вместо денежек на размен; а в Калуге и в иных городах вместо серебряных денежек, торгуют же кожаными и иными жеребьями» (Юхт, 1994. С. 12). Отметим, что сломанная пополам проволочная петровская копейка была зарегистрирована в ходе археологического исследования Меншикова бастиона Петропавловской крепости (Горлов, Кильдюшевский, 2020. С. 160).

Следующие нумизматические находки, полученные при исследовании горизонта IV, представлены медными полушкой и копеейкой Петра I, выпущенными в 1707 г., а также пятью копейками 1726 г. Екатерины I, обнаруженными в слое щепы ниже уровня деревянных конструкций. Вероятно, с данной серией монет следует рассматривать и денгу 1706 г. Набережного монетного двора, полученную при зачистке восточной стенки раскопа. На примере этой серии прослеживается приход на смену в обращении проволочным серебряным копейкам Петра Алексеевича начала XVIII в. денежных знаков из меди, тиражи которых со временем увеличивались. Возможно, выпадение в слой этих монет происходило с конца первого десятилетия XVIII в. Из обращения в принудительном порядке значительная доля таких денежных знаков изымалась и переплавлялась в ходе денежных переделов 1723 и 1727 гг. (Юхт, 1994. С. 29, 32, 45, 49, 52; Зверев, 2019. С. 55, 56). Окончательно петровские копейки и их фракции вышли из обращения в период перечеканки начала 1730-х гг., послужив заготовками для денег Анны Иоанновны.

Обнаруженные при исследовании горизонта IV под уровнем настила монеты 1731, 1749 и 1763 гг. мы склонны считать случайно провалившимися в зазоры между досками на этапе функционального использования сооружения.

С уровнем горизонта III связана находка четырех петровских монет 1707, 1719, 1720 и 1718–1722 гг. При этом три экземпляра представлены здесь медными полушками 40-рублевой стопы, не встреченные в нижележащих горизонтах. Можно полагать, что в период формирования слоя горизонта III в обращении доминировали именно эти легковесные денежные знаки, выпускаемые в оборот огромными тиражами на рубеже первого и второго десятилетий XVIII в. Появление та-

ких средств расчета связано со значительными военными расходами государства, компенсировать которые правительство решило за счет выпуска легковесных монет, стоимость металла в которых была в 6–8 раз меньше их номинала (Юхт, 1994. С. 30; Зверев, 2019. С. 57). В 1724 г.²¹ было принято решение о прекращении выпуска малоформатных полушек (Юхт, 1994. С. 30–32; Уздеников, 2004. С. 150, 221, 222; Храменков, 2001. С. 150, 151). Из состава денежного обращения они массово исчезают в начале 1730-х гг. В Москве обмен полушек закончился 1 февраля 1731 г., в других городах на несколько месяцев позже. Несмотря на запрет обращения и изъятие, полушки продолжали участвовать в торговых сделках, поскольку население не хотело сдавать их по грабительскому курсу (Юхт, 1994. С. 67, 68, 70, 71; Храменков, 2007. С. 201, 202).

Соотношение этих монет с уровнем нижних элементов конструкции «клетки» и настилов позволяет заключить, что их сооружение, вероятнее всего, также осуществлялось на рубеже первого и второго десятилетий XVIII в. или в 1720-е гг. Находку двух денег 1735 и 1797–1801 гг. в кв. В7 и А2 на уровне горизонта III мы связываем со случайным перемещением в культурном слое.

Отдельного комментария требует компактная серия из четырех монет 1731 и 1736 гг., зарегистрированная в западной части раскопа, вместе с которой следует рассматривать также четыре полушки и денги 1731, 1735 гг., найденные во время разбора уступа. Данные монеты обнаружены за пределами деревянных конструкций «клетки» и настила и связаны со слоем, формирование которого началось не ранее 30-х гг. XVIII в.

Нумизматические находки, зарегистрированные в ходе исследования горизонта II, немногочисленны. Выпадение петровской полушки, зафиксированной поверх деревянного настила, связано со временем его утилитарного использования в 1720-е гг. Возможно, в это время была потеряна и копейка 1713 г., хотя не исключен и более ранний ее выход из оборота.

Крупная серия монет, зарегистрированная при исследовании культурного слоя на уровне горизонта I, а также на стадии археологического на-

²¹ С 1723 г. полушки должны были обращаться только в качестве разменной монеты для покупки съестных продуктов. В 1729 г. сфера обращения полушек была расширена вплоть до приема в различные казенные сборы (Храменков, 2007. С. 196).

блюдения, происходит из западной части раскопа. Серия полушек и денег эмиссии Анны Иоанновны связана с конструкцией «клетки», маркирует ее существование в 30-е гг. XVIII в. С юга и запада от этого сооружения также были зафиксированы многочисленные находки монет 10-рублевой стопы, что указывает на активное формирование здесь культурного слоя в 30-е – 40-е гг. XVIII в.

На этом фоне показательным выглядит отсутствие полушек и денег образца 1730 г. в слое, исследованном поверх деревянных настилов, занимающих значительные по объему площади раскопа. С большой долей уверенности можно говорить, что культурный слой, сформированный здесь с 30-х гг. XVIII в., был уничтожен в результате поздней хозяйственной деятельности. В качестве слабых следов бытования этой части исследуемого участка в 1730-е – 1740-е гг. следует рассматривать немногочисленные медные монеты этого времени, вероятно провалившиеся между досками настила.

Полушки и денги Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, чеканенные с 1730 по 1754 г. на основании стопы 10 рублей из пуда меди, изготавливались чрезвычайно массовыми тиражами²² и быстро заменили в составе денежного обращения медные монеты Петра I и Петра II²³, значительная часть которых была перечеканена²⁴ в денежные знаки образца 1730 г. на Красном монетном дворе с 1730 по 1735 г. (Юхт, 1994. С. 110–126, 143; Уздеников, 2004. С. 56, 231). В пределах Российской империи полушки и денги 10-рублевой стопы сохранялись в обращении до первой четверти XIX в. О факте длительного бытования таких монет говорит их присутствие в составе кладов начала XIX в. (Ремецас, Синчук, 2011. С. 94; Горбань, Малезик, 2019. С. 202). До настоящего времени не выявлены документы второй половины XVIII в., регламентирующие порядок изъятия тяжелых полушек и денег из оборота. Только в 1825 г. издается сенатский указ, ограничивающий хождение старой медной монеты до конца этого года. Именной указ 1826 г. продлевал прием старых денег в подати в течение 1826 г. (Синчук, 2013. С. 158–159).

²² За время правления Анны Иоанновны полушек и денег было отчеканено на сумму 2,9 млн рублей, при Елизавете Петровне до 1757 г. на 3 млн рублей (Юхт, 1994. С. 143).

²³ За исключением 5 копеек образца 1723 г.

²⁴ Перечеканка монет позволяла сократить производственные расходы, исключая часть высокотратных операций: переплавку старых монет, прокатку полос, врубку круглых заготовок (Уздеников, 2004. С. 54).

Можно отметить, что для всей площади раскопа характерно отсутствие монет Елизаветы Петровны и Екатерины II и 16-рублевой монетной стопы, массово выпускаемых и участвующих в обращении на протяжении второй половины XVIII в. Данное обстоятельство может указывать либо на слабое хозяйственное освоение исследованной территории в это время, либо на уничтожение культурного слоя этого периода в более позднее время. При этом следует учитывать находку трех монет Павла I в пределах раскопа.

Источники и литература

- Горлов К. В., Кильдюшевский В. И., 2020. Нумизматический материал из раскопок в Петропавловской крепости в 2017 и 2019 гг. (возможности датировки культурного слоя) // ЗИИМК. СПб. Вып. 23.
- Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н., 2023. Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова // ЗИИМК. В печати.
- Горбань П. И., Малезик В. А., 2019. Русская денга 1730–1754 гг. выпуска в денежном хозяйстве Речи Посполитой на землях Беларуси // Монеты России XVIII – начала XX в. Сборник воспоминаний и статей: К 100-летию В. В. Узденикова. М.
- Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.
- Зайцев В. В., 2018. Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.). М.
- Зверев С. В., 2019. Изменение весовых норм чеканки медных монет Петра I // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. материалов Первой международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18–19 октября 2018 г.). СПб.
- Курц Б. Г., 1915. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев.
- Луппов С. П., 1957. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.–Л.

- Мельникова А. С., Дядченко О. С., 1994. Монетные клады сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в Государственный исторический музей после 1966 г. М.
- Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.
- Проектная документация, 2020. Проектная документация № 271/10/2019-ОСОКН «Раздел «Иная документация в случаях, предусмотренных федеральными законами». Часть 1. Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного наследия». ООО «Город». СПб.
- Ремецас Э., Синчук И. И., 2011. Мелкая российская монета XVIII в. в денежном обращении Великого княжества Литовского // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Санкт-Петербург, 18–23 апреля 2011 г.). СПб. Вып. 16.
- Сборник указов, 1887. Сборник указов по монетному и медальному делу в России с 1649 по 1881 г. СПб.
- Синчук И. И., 2013. «1826» // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Москва, 22–26 апреля, 2013 г.). М. Вып. 17.
- Субботин А. В., 2021. Полный научно-технический отчет: научно-исследовательские археологические работы по сохранению объекта культурного наследия в виде спасательных археологических работ (раскопки) участка объекта археологического наследия: «Провиантская улица (Мытный переулок) 1. Участок культурного слоя окрестностей Мытного двора города Санкт-Петербурга XVIII–XX вв.» площадью 51,9 кв. м и 61,3 кв. м при проведении земляных, строительных и иных работ в рамках реализации проектного решения по титулу «Строительство КТПМ-35 кВ в районе РП 1961 с КЛ 35 кВ» (в части строительства КТПМ 35 кВ и КЛ-35 кВ) на дворовой территории дома № 2/10 по ул. Яблочкова. Санкт-Петербург // Архив Отдела охранной археологии ИИМК РАН.
- Уздеников В. В., 2004. Монеты России XVIII – начала XX в. Очерки по нумизматике. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.
- Уздеников В. В., 2011. Монеты России 1700–1917 гг. Издание 4-е. М.
- Храменков А. В., 2001. Фальшивые полушки 1718–1722 гг. // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Санкт-Петербург, 16–21 апреля 2001 г.). СПб. Вып. 9.
- Храменков А. В., 2007. Производство и обращение фальшивых полушек образца 1718 г. // Нумизматический сборник М. Вып. XVIII (Труды ГИМ. Вып. 171).
- Шмелев К. В., 2018. Научно-производственный отчет об археологических разведках на территории Петроградского района города Санкт-Петербурга в 2018 г. СПб.
- Юхт А. И., 1986. Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20-х – 50-х гг. XVIII в.) // Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. М. Ч. 9 (Труды ГИМ. Вып. 61).
- Юхт А. И., 1994. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.

Склад древностей в структуре РАИМК/ГАИМК. Перспективы исследований¹

К. В. Конончук², Д. С. Филимонова³

DOI: 10.31600/978-5-907298-38-5-2022-228-231

Важным аспектом истории РАИМК/ГАИМК является изучение процессов создания, развития и ликвидации отдельных подразделений Академии (Носов, 2013. С. 11). К числу подобных структур принадлежал Склад древностей⁴, функционировавший в период с 1919 г. по 1931 г. Современники относили Склад древностей к категории «научно-вспомогательных учреждений» (Устав ГАИМК, 1926. С. 7–8), возможно, этим фактом обусловлен низкий интерес исследователей к истории данного подразделения. В настоящей публикации представлен аналитический обзор научной литературы и архивных материалов, посвященных деятельности Склада древностей.

Характеризуя степень разработанности темы, стоит отметить, что целенаправленным изучением истории Склада древностей специалисты не занимались. В публикациях ученых можно встретить лишь эпизодические упоминания об этом подразделении Академии. Общие положения о работе Склада древностей сформулированы в Уставе РАИМК 1919 г. Склад древностей создавался как

структура, в которой «хранятся предметы древности, искусства и старины и народного быта, принадлежащие Академии и необходимые ей для текущих научных работ, а равно и поступающие для исследования» (Устав РАИМК, 1919. С. 29). Руководство Складом древностей осуществлял «один из членов Академии, избираемый Советом Академии на 1 год», также была предусмотрена должность хранителя, отвечавшего за целостность вещей (Устав РАИМК, 1919. С. 29). В Уставе ГАИМК 1926 г. указанные выше положения дополняются отнесением Склада древностей к категории «научно-вспомогательных учреждений», состоявших под «общим наблюдением» Ученого секретаря Академии. Также в структуру подразделения включалась должность регистратора, который занимался «работами по описи, классификации и регистрации поступающих в Академию предметов материальной культуры» (Устав ГАИМК, 1926. С. 7–8, 13–14).

Сообщения о функционировании Склада древностей можно встретить в опубликованных отчетах о работе Академии в период 1924–1926 гг. Данные, представленные в отчетах, посвящены общему количеству предметов, зарегистрированных в составе Склада древностей и переданных в Государственный Эрмитаж и Ученый Комитет Монголии (Отчет о деятельности, 1926. С. 20; 1929а. С. 23, 26). Также в опубликованных документах собраны сведения о кадровом составе подразделения. Возглавлял Склад древностей Ученый секретарь Академии Борис Владимирович Фармаковский, обязанности хранителя исполняла Надежда Эрастовна Успенская, регистраторами являлись Анастасия Иосифовна Григоль, Мария Петровна Румянцева и Елизавета Петровна Столица (Отчет о деятельности, 1926. С. 31). Стоит отметить, что краткие биографические справки, посвященные отдельным сотрудникам подразделения, можно встретить на страницах исследовательской литературы (Карасев, 1948. С. 6; Кругликова, 1970. С. 8; Тункина, 2011. С. 449; 2016. С. 30; Бобровская, Алекшин, 2013.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

² 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: konstantinkonon@mail.ru.

³ 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: dashafilimonovansk@gmail.com.

⁴ На страницах уставов, документов и научных публикаций встречается три варианта написания названия подразделения: «Склад Древностей», «Склад древностей» и «склад древностей».

С. 365, 391). В настоящее время подготовка биографий персонала Склада древностей остается актуальным направлением исследовательской работы. Использование историко-биографического метода обогатит исследование новыми источниками (письмами, дневниками, воспоминаниями), что в перспективе позволит раскрыть аспекты, не затронутые в официальной документации.

В научных публикациях сообщения о Складе древностей в основном связаны с историей отдельных археологических коллекций, хранившихся в его составе. В частности, имеются упоминания о нахождении на Складе древностей уникальных ноин-улинских материалов из раскопок П. К. Козлова (Сутягина, 2020. С. 337; Медведева, 2021. С. 126), предметов из Зуевского могильника (Смирнов, 2021. С. 93, 94), костяных псалий из Прикубанья (Рябкова, 2014. С. 205), находок из кургана близ г. Сумы (Логина, 2018. С. 21) и археологических коллекций Русского Археологического общества (Матехина, 2019. С. 320). Дальнейшее развитие этого исследовательского направления может включать процедуру сопоставления музейных коллекций в их современном состоянии с комплексом архивных материалов, связанных с учетно-хранительской деятельностью Склада древностей.

В фондах Научного архива ИИМК РАН находится большое количество документов, связанных с работой Склада древностей. Основная часть сохранившейся документации связана с учетно-хранительской деятельностью подразделения. К данной группе материалов принадлежат: акты о передаче предметов из состава Склада древностей в музей; акты о приеме новых материалов на хранение в Склад древностей; акты о выдаче предметов со Склада древностей во временное пользование для организации выставок или исследований; официальные запросы музеев на передачу в их состав коллекций со Склада древностей и т. д. Для систематизации столь значительного объема документации сотрудники Склада древностей периодически создавали сводные списки актов. Один из таких документов содержит перечень актов, составленных в период с 1921 по 1930 г. (Акты, 1930).

Ценным источником, отражающим динамику функционирования Склада древностей, является книга поступлений. В настоящее время данный документ среди архивных материалов обнаружить не удалось, однако в Научном архиве ИИМК РАН сохранился «Указатель к Книге Поступлений» (Указатель, 1930). Этот источник дает перечень археологических коллекций, принятых в Склад

древностей. Записи в указателе содержат краткую информацию о месте обнаружения артефактов, составе коллекции, фамилии исследователей, обнаруживших либо передавших материалы. Также в документе имеются ссылки на страницы в книге поступлений, на которые вносилась запись о регистрации предметов. Напротив некоторых коллекций сделаны приписки о передаче их в фонды других музеев. Таким образом, сохраняется возможность восстановления книги поступлений путем сопоставления записей о коллекциях, внесенных в указатель, со списками предметов из многочисленных актов приема и передачи, сопровождавших работу Склада древностей. Возможно, подобную работу стоит синхронизировать с реальной сверкой предметов, сохранившихся в музейных фондах.

Информативным источником об истории Склада древностей являются ежегодные отчеты, посвященные работе подразделения. Годовые отчеты, как правило, содержат информацию о кадровом составе Склада древностей, функциональных обязанностях его сотрудников, также они дают сжатую статистику, посвященную количеству артефактов, поступивших в Склад древностей и переданных на хранение в музей (Отчет, 1928; 1929). В данной группе материалов выделяется аналитическая записка, посвященная работе Склада древностей за 10 лет (Отчет о деятельности, 1929б). В тексте этого источника излагаются причины создания подразделения, приводятся данные о его кадровом составе, перечисляются функциональные обязанности сотрудников. Также документ содержит информацию (представленную в форме таблицы) о количестве артефактов, поступивших на хранение в Склад древностей и переданных в другие учреждения в период с 1919 по 1928 г.

Информацию из ежегодных отчетов дополняют сметы, которые отражают потребности подразделения в упаковочном материале, витринах, ящиках для хранения находок и т. д. (Смета, 1928; 1929). Сведения, полученные из этих источников, позволяют изучить процесс организации труда и оценить масштабы проводимых работ.

Документы, связанные с кадровым делопроизводством РАИМК/ГАИМК, хранятся в Научном архиве ИИМК РАН и Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Перечень материалов включает в себя личные дела (Успенская), трудовые списки (Григоль; Столица; Успенская), а также дела и анкеты аспирантов Академии (Дело аспиранта). Данные из этой группы источников позволяют проследить изменение кадрового состава Склада

древностей за весь период его существования. Также в трудовых списках имеются сведения о возрасте, стаже и образовании сотрудников. Однако информативность этих материалов нивелируется лаконичностью приведенных в них сведений. Поэтому полноценное изучение биографий сотрудников Склада древностей невозможно без привлечения других видов письменных источников. Работа в этом направлении еще далека от завершения, однако эпизодические сообщения о работе Склада древностей уже выявлены в переписках Н.Э. Успенской (Письма Академии наук; Письма Б.В. и Т.И. Фармаковским).

В отдельное архивное дело собраны документы, связанные с работой Комиссии по ликвидации Склада древностей под председательством В.В. Гольмстена. Перечень материалов этого дела включает: Постановление Комиссии по ликвидации Склада древностей, проект распределения материалов по музеям Ленинграда, акты передачи и описи вещей, распределяемых по музеям Ленинграда и других городов, запросы на передачу коллекций из состава Склада древностей от музеев СССР и др. (Комиссия, 1930). Анализ данной документации позволит не только установить причины упразднения Склада древностей, но и проследить судьбу отдельных коллекций. При этом необходима дополнительная работа с архивами музеев, в которые поступали передаваемые материалы.

Таким образом, в настоящее время исследований, посвященных истории Склада древностей РАИМК/ГАИМК, не существует. Основная часть исторических источников сгруппирована в Научном архиве ИИМК РАН, при этом отдельные документы сохранились в фондах СПФ АРАН, Государственного Эрмитажа, Русского музея, РГИА. Стоит отметить, что разработка тематики, посвященной Складу древностей, актуальна не только в контексте подготовки общей истории РАИМК/ГАИМК. Прежде всего, деятельность Склада древностей характеризует генезис советской системы хранения и учета археологических материалов. Также со Складом древностей связана судьба многочисленных археологических собраний, часть из которых требует дополнительного изучения.

Источники и литература

Акты, 1930. Акты Академии Истории Материальной Культуры // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 62. Л. 27–30.

Бобровская Е.В., Алексин В.А., 2013. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН / Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.

Григоль (Солнцева) Анастасия Осиповна. Трудовой список // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 62.

Дело аспиранта Академии Румянцевой Марии Петровны // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 575.

Карасев А.Н., 1948. Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. Вып. XXII.

Кругликова И.Т., 1970. К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // СА. № 1.

Комиссия, 1930. Комиссия о ликвидации Склада Древностей (передача по актам) // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 65.

Логинова Е.Ю. 2018. Призрачный курган скифского времени у города Сумы // Археологія і давня історія України. Киев. Вип. 2 (27).

Матехина Т.С., 2019. Новое обращение к теме «Н.К. Рерих и археология»: места хранения археологических находок Н. К. Рериха // Рериховское наследие (Санкт-Петербург, 09–12 октября 2018 г.). СПб.

Медведева М.В., 2021. Академия истории материальной культуры и издание ноин-улинской коллекции. 1920-е гг. // Археология евразийских степей. СПб. № 5.

Носов Е.Н., 2013. ИИМК РАН на волнах истории... / Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.

Отчет, 1928. Отчет по Складу Древностей за период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 55. Л. 13–14.

Отчет, 1929. Отчет по Складу Древностей за период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 70. Л. 64–65.

Отчет о деятельности, 1926. Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Составлен ученым секретарем Б.В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1926. № 1.

- Отчет о деятельности, 1929а. Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. Составлен ученым секретарем Б.В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1929. № 2.
- Отчет о деятельности, 1929б. Отчет о деятельности Склада Древностей // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 70. Л. 69–71.
- Письма Академии наук, Академии и истории материальной культуры и Института истории Б.В. Фармаковскому по поводу его работы в этих учреждениях // РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 328.
- Письма Б.В. и Т.И. Фармаковским Успенской Н.Э. // РГИА. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 281.
- Рябкова Т.В., 2014. Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // АВ. № 20.
- Смета, 1928. Смета Склада Древностей на 1928 год // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 55. Л. 12.
- Смета, 1929. Смета Склада Древностей на 1929/1930 гг. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 70. Л. 82.
- Смирнов Н.Ю., 2021. Вещь в культуре: к интерпретации одной старой находки // Археология Евразийских степей. СПб. № 2.
- Столица Елизавета Петровна. Трудовой список // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 303.
- Сутягина Н.А., 2020. Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. № 30.
- Тункина И.В., 2011. Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых. А.Л. Бертье-Делагард // Scripta antiqva. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. М. Т. 1.
- Тункина И.В., 2016. М. И. Максимова: парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.) // ЗИИМК. № 14.
- Указатель, 1930. Указатель к Книге Поступлений Склада Древностей // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930. Д. 64.
- Успенская Надежда Эрастовна. Личное дело // СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 21.
- Успенская Надежда Эрастовна. Трудовой список // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320.
- Устав Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Л. 1926.
- Устав Российской Академии Истории Материальной Культуры. Петроград. 1919.

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.
АО – Археологические открытия. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. М.
ЗРАО – Записки императорского Русского археологического общества. М.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
ЛОО ВООПиК – Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
ЛО СНРПМ – Ленинградская областная специальная научно-реставрационная мастерская
ЛФИ «Спецпроектреставрация» – Ленинградский филиал института «Спецпроектреставрация»
МАР – Материалы по археологии России. М.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ИИМК РАН. РО – Научный архив Института истории материальной культуры. Рукописный отдел
НИС ЛГУ – Научно-исследовательский сектор Ленинградского государственного университета
НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.
РА – Российская археология. М.
РАЕ – Российский археологический ежегодник. М.
РАИМК – Российская Академия Истории Материальной Культуры
РАО – Русское археологическое общество
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИС – Русский исторический сборник. М.
РОНА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СЗАЭ НИИКСИ СПбГУ – Северо-Западная археологическая экспедиция Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета
СЗАЭ СПбГУ – Северо-Западная археологическая экспедиция Лаборатории археологии, социологии и культурного наследия Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
СЗИАЭ ЛГУ – Северо-Западная историко-археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета
СЛМЗ – Староладожский музей-заповедник
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
PAN – Polska Akademia Nauk
PSAS – Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh

Список авторов

- Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. В. Вахонеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. А. Горбунов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. В. Григорьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Конончук – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. Б. Крылова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Кузнецов – Государственный Эрмитаж
- А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Г. Мизин – независимый исследователь, Россия
- В. Л. Мыц – Государственный Эрмитаж
- М. С. Павлова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. С. Роплекар – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. А. Украинский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Д. С. Филимонова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- М. М. Шахнович – Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ «Кольский научный центр РАН»
- В. Я. Шумкин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

